ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Н.И.КРЫЛОВ

СТАЛИНГРАДСКИЙ РУБЕЖ

Н.И.КРЫЛОВ · СТАЛИНГРАДСКИЙ РУБЕЖ

Николай Иванович
КРЫЛОВ

ДВАЖДЫ ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
Н. И. КРЫЛОВ

СТАЛИНГРАДСКИЙ РУБЕЖ

Издание второе

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1984

ББК63.3.(2)722
К85

Scan By Vitautas & Kali

За добрые советы, консультации и предоставление разного рода материалов автор глубоко признателен В. И. Чуйкову, А. И. Казарцеву, И. Г. Падерину, М. С. Батракову, А. М. Самсонову, Ф. Н. Смехотворову, П. С. Ильину и всем боевым товарищам по 62-й армии, оказавшим ту или иную помощь при работе над этой книгой.

Автор благодарен активно участвовавшему в сборе и подготовке материалов Илье Григорьевичу Драгану

Литературная редакция
Н. Н. ЛАНИНА

К $\frac{1304010000\text{-}029}{068(02)\text{-}84}$ 59-84

© Воениздат, 1979
© Воениздат, 1984
оформление

ОБ АВТОРЕ И ЕГО КНИГЕ

Знакомство с Николаем Ивановичем Крыловым, будущим Маршалом Советского Союза, а тогда довольно молодым еще генерал-майором, произошло у меня в августе 1942 года на объединенном командном пункте Сталинградского и Юго-Восточного фронтов, где я находился в качестве представителя Ставки.

Заочно я знал Крылова и раньше. Он зарекомендовал себя как способный штабной работник уже в первые месяцы войны, во время боев за Одессу. А после восьмимесячной героической обороны Севастополя, одним из организаторов которой он был, возглавляя там штаб Приморской армии, в Ставке и Генеральном штабе держали Крылова на примете как генерала, которому можно вверить армейский штаб на трудном, особо ответственном направлении. Именно поэтому его, еще не вполне оправившегося после тяжелого ранения, но настойчиво добивавшегося возвращения в строй, и вызвали за новым назначением в Сталинград. На подступах к этому волжскому городу, имевшему в силу своего географического положения огромное стратегическое значение, уже шли тяжелые бои. Конечно, тогда еще невозможно было представить, во что они выльются и какие беспримерные масштабы примет разгоравшаяся под Сталинградом битва.

Моя первая встреча с Крыловым была непродолжительной, но сложившееся тогда впечатление о нем мне никогда потом не пришлось пересматривать. Как-то сразу почувствовалось, что это человек, сочетающий в себе твердый характер и недюжинный ум, человек самоотверженный, надежный в самом высоком смысле слова, на которого можно положиться при любых обстоятельствах. Потом я узнал, что Николай Иванович обладает также

редкостной работоспособностью — казалось, силам его нет предела. Узнал и исключительную его скромность. Собственное служебное положение никогда не имело для него слишком большого значения. Не раз, получив возможность выбора, он предпочитал быть назначенным на менее высокий пост и в то же время всегда был готов взять на себя самое трудное.

Направленный в 62-ю армию заместителем командующего, Н. И. Крылов вскоре, в силу сложившихся обстоятельств, вступил в исполнение обязанностей командарма (это совпало как раз с теми днями, когда КП армии был перенесен на легендарный теперь Мамаев курган), а через некоторое время стал начальником штаба этой армии. Сомнений в том, что Крылов справится с должностью командарма, ни у кого не возникало. Но армии, оборонявшейся на направлении главного удара, был необходим очень сильный начальник штаба, и кандидата более подходящего, чем Крылов с его одесским и севастопольским опытом, просто не нашлось.

Назначение В. И. Чуйкова командармом, а Н. И. Крылова — начальником штаба тогда полностью себя оправдало. Сработались они отлично, причем возглавляемый Крыловым штаб внес чрезвычайно много нового в практику боевого управления войсками, сражавшимися в сложнейшей, часто совершенно необычной обстановке.

Командармом же Крылов стал годом позже. И притом таким командармом, чьи талант, военное искусство, мужество и воля к победе, проявленные на полях сражений, дают все основания назвать его полководцем. Это звание не присваивается никакими приказами и ни к кому не приходит автоматически, вместе с назначением на определенную должность. Право на него дают только боевые дела.

Как представитель Ставки на различных фронтах, как командующий 3-м Белорусским фронтом в последние месяцы войны с гитлеровской Германией, а затем главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке, я могу засвидетельствовать, что 5-я армия генерала Крылова внесла весомый вклад в дело разгрома врага как на западе, так и на востоке.

В течение многих послевоенных лет Н. И. Крылов находился на одном из самых ответственных постов в наших Вооруженных Силах, являясь заместителем Минист-

ра обороны и главнокомандующим Ракетными войсками стратегического назначения. Николай Иванович известен армии и стране также как видный партийный и государственный деятель, член Центрального Комитета КПСС и депутат Верховного Совета СССР.

Но сейчас, когда передо мною лежит рукопись его воспоминаний о Сталинградской битве, работу над которой он закончил буквально в последние дни своей жизни, перед глазами вновь встает молодой еще генерал-майор, только что прилетевший в Сталинград и представившийся мне на фронтовом КП у Дар-горы...

Сталинградские записки Н. И. Крылова — естественное продолжение его воспоминаний об обороне Одессы и Севастополя, изданных несколько лет назад и получивших заслуженное признание читателей. Думается, и эта книга не оставит равнодушным того, кто захочет ее раскрыть.

Маршал Советского Союза
А. ВАСИЛЕВСКИЙ

27.07.1977 г.

КП В КАРПОВКЕ

Остался позади синий простор Каспия. Скрылась из виду широкая волжская дельта с ее бесчисленными протоками, большими и малыми островами. Под крылом транспортного Ли-2, вылетевшего два часа назад из Махачкалы, раскинулась до самого горизонта, теряющегося в мареве знойного августовского дня, выжженная солнцем степь.

Летим вдоль Волги, к Сталинграду. Со мной в кабине адъютант Николай Белоусов и шофер, он же ординарец, Володя Ковтун — мои старые боевые товарищи. Впервые с начала войны мы оказались на некоторое время в тылу и вот возвращаемся на фронт. Теперь — на Сталинградский, об обстановке на котором мне известно пока немного. Кроме, впрочем, того, что она напряженная и сложная.

Я захватил с собой один из последних поступивших на Кавказ номеров «Красной звезды». Передовая статья «Стойкость, победившая смерть» посвящена сержанту-бронебойщику Петру Болото и трем его товарищам. Это там, под Сталинградом, они вчетвером отбили атаку тридцати фашистских танков, сумев половину вывести из строя. Один боевой эпизод, один подвиг, но он позволяет судить о многом. Если такие группы танков вводятся противником в атаку на узком участке — значит, бои там идут тяжелые, жаркие.

Но на душе легче уже оттого, что для меня кончилась томительная неопределенность последних недель и я опять буду при настоящем деле.

Минуло полтора месяца с того утра, когда подводная лодка, последней ушедшая из Севастополя, доставила на Кавказ командование и штаб Приморской армии. Намаявшиеся под водой от нехватки кислорода, оглушенные разрывами глубинных бомб, мы сошли на новороссийский

причал, еще едва веря, что находимся на Большой земле. После короткого отдыха командиры-приморцы стали получать новые назначения. Нашего командарма генерал-майора И. Е. Петрова вызвали в Москву. А мне было приказано отправиться в Астрахань, где размещались самые дальние тыловые службы Северо-Кавказского фронта, и засесть там с несколькими помощниками за составление подробного отчета о Севастопольской обороне. Кто-то решил, что для генерала, возглавлявшего в Севастополе штаб армии и не так давно тяжело раненного, это самое подходящее занятие...

В Астрахани было знойно и тихо. Заботливый Володя Ковтун приносил с рынка пунцово-красные, удивительно крупные помидоры. Однако тишина и покой не радовали: слишком тревожное наступило время.

Из скупых, сдержанных сообщений Совинформбюро явствовало, что врагу удалось потеснить наши войска под Воронежем. Затем был оставлен Донбасс. В середине июля гитлеровцы овладели Ворошиловградом, а неделю спустя вторично захватили Ростов, откуда были выбиты в ноябре сорок первого. При этом, судя по всему, угроза Кавказу создалась гораздо более серьезная, чем прошлой осенью. Упорные бои в большой излучине Дона означали, что немцы рвутся и к Волге, рассчитывая, должно быть, выйти к ней где-то вблизи Сталинграда и перерезать пути сообщения между югом и центром страны.

Пришел памятный, обращенный ко всем советским воинам приказ Наркома обороны № 227. С суровой прямотой в нем говорилось о нависшей над нашим Отечеством смертельной опасности:

«Враг бросает на фронт все новые силы и, не считаясь с большими для него потерями, лезет вперед, рвется в глубь Советского Союза, захватывает новые районы, опустошает и разоряет наши города и села... Отступать дальше — значит загубить себя и загубить вместе с тем нашу Родину. Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону... Мы должны остановить, а затем отбросить и разгромить врага, чего бы это нам ни стоило».

Время ли, думалось мне, корпеть над описанием прошлых сражений, когда с такой силой разгораются новые и в них решается судьба страны?

И я, хоть и понимал, что мне просто дают передохнуть оправиться, стал принимать какие мог меры, чтобы поскорее возвратиться в строй.

Наконец меня вызвали в штаб Северо-Кавказского фронта. Там встретился с Иваном Ефимовичем Петровым, к началу августа вернувшимся на юг командующим 44-й армией. Он предложил занять в ней должность начальника штаба, чему я, разумеется, очень обрадовался.

Однако представление фронта на утверждение меня в этой должности разошлось с приказом из Москвы, согласно которому я назначался начальником штаба другой армии — 1-й гвардейской, выдвигавшейся на сталинградское направление.

В Хасавюрте, где находился штаб 44-й, не пришлось пробыть и недели. Армия Петрова спешно занимала оборону для прикрытия подступов к Грозненскому нефтяному району. У нас с Иваном Ефимовичем почти не было времени на разговоры о чем-либо выходящем за рамки сегодняшних практических задач. Но даже когда выдавались свободные минуты, мы почти не вспоминали Севастополь. Пережитое там было незабываемо, но нашими мыслями владели уже новые грозные события.

Обстановка лета 1942 года оставалась для нас крайне тяжелой. Враг, хотя и понес уже колоссальные потери, продолжал продвигаться все дальше в глубь России. И даже не зная конкретных планов гитлеровского командования, которые нам стали известны позже, нельзя было не видеть, что оно вновь, как и год назад, стремится добиться до зимы решающей победы.

Иван Ефимович Петров, только что побывавший в Генеральном штабе и Ставке, несомненно, был гораздо лучше меня осведомлен об общем положении на фронтах после наших военных неудач первой половины лета. Но, как всегда, командарм Петров беззаветно верил, что у защитников Родины, у всего нашего народа хватит сил выдержать любые тяжкие испытания. Иван Ефимович не раз повторял одну фразу из приказа № 227, выражавшую, как он говорил, ключевую мысль этого документа: выдержать удар врага сейчас, в ближайшие несколько месяцев, — это значит обеспечить за нами победу.

На прощание мы крепко обнялись с Петровым, не загадывая, где и когда доведется увидеться и доведется ли вообще. Довелось не скоро — только после войны.

Глядя на проплывающие под крылом самолета приволжские степи, на светлые пятна высохших соляных озер, я все еще жил новостями из последних кавказских оперсводок.

Новости были невеселые. Гитлеровцы овладели Невинномысской и продвигались вдоль притоков Кубани вверх, к перевалам. Шли бои под городом Минеральные Воды. Вспомнилась карта разведотдела с синими стрелами, направленными в Закавказье...

Судя по всему, на сталинградском направлении натиск врага был не слабее. Где все-таки противник наносит самый главный удар — на Кавказе или на подступах к Волге? Это было еще не особенно ясно, во всяком случае для меня. Бои на кавказском и сталинградском направлениях воспринимались как тесно взаимосвязанные: положение в каждом из этих огромных смежных районов не могло не сказываться на ходе боевых действий в другом. Как стало известно потом, фашистские стратеги еще в самом начале войны определяли эту взаимосвязь так: предпосылкой наступления через Кавказ является выход к Волге.

Вылетая, мы рассчитывали сесть в самом Сталинграде. В воздухе летчик получил команду садиться в Капустином Яре, на левом берегу Волги. Оказалось, что сталинградский аэродром подвергся утром вражескому налету.

На правый берег, в город, добрались довольно быстро. Нас уже ждала машина, не было задержки и на паромной переправе.

Сталинград, расположенный недалеко от моих родных мест, я знал с юности, еще с тех пор, когда город был втрое меньше и назывался Царицыном.

Помню, был здесь на исходе гражданской войны, когда мы, курсанты Саратовских курсов красных командиров, следовавшие в действующую армию на Кавказ, пересаживались в Царицыне с парохода в железнодорожные теплушки... А в конце тридцатых годов увидел Сталинград, преображенный первыми пятилетками. Тут вырос знаменитый Тракторный завод имени Ф. Э. Дзержинского — гордость всей страны — и немало других предприятий, над домишками старых рабочих поселков поднялись громадные по тому времени жилые корпуса.

В ту пору — такая уж была у меня служба — мне доводилось плавать чуть ли не по всей Волге. Сталинград, растянувшийся вместе с пригородами на добрые полсотни

километров по высокому берегу, открывался взгляду квартал за кварталом...

Ту же знакомую картину увидел я и теперь, в середине августа сорок второго. И замерло от радости сердце: Сталинград невредим!

Это я понял, еще находясь на левом берегу. И окончательно убедился в этом, проезжая по городу. Оживленные людные улицы, заполненные пассажирами трамваи, поюжному распахнутые настежь двери магазинов... В заводской части дымили десятки высоких труб. На огромный цех походил и волжский берег — повсюду краны, нефтебаки, груды металла на земле и причаленных баржах.

Город жил и работал. И, конечно, прежде всего — на оборону. Ведь его заводы могли плавить сталь, производить оружие, боевые машины (как я потом узнал, фронт тогда ежедневно получал от сталинградцев около десяти новых танков, а орудий — на целый противотанковый полк).

Но вид не тронутого войной, полного будничной суетолоки большого города остро и тревожно напоминал о том, как приблизилась к нему еще недавно далекая линия фронта. На западе она проходила по Дону, в каких-нибудь шестидесяти — семидесяти километрах от этих дымящих заводов и людных зеленых улиц. Мне еще не было тогда известно, что с южной стороны, где положение одно время стало наиболее опасным, врага остановили менее чем в тридцати километрах от Сталинграда.

Миновав центр, машина пересекла по широкому мосту устье полупересохшей Царицы. Затем, удаляясь от Волги, мы свернули в извилистые, разделенные оврагами улочки юго-западной сталинградской окраины, застроенной одноэтажными домиками, утопавшими в садах. Тут я никогда еще не бывал.

Фронтовой КП, куда надлежало явиться, помещался в школьном здании у Дар-горы. Фактически это был командный пункт двух фронтов. Сталинградский фронт, образованный 12 июля, к августу раздался в ширину на несколько сотен километров, и его разделили на два: Сталинградский (правое крыло прежнего) и Юго-Восточный (левое крыло прежнего). Но так как войска обоих фронтов обороняли Сталинград и требовалась непрерывная координация их действий, Ставка признала необходимым сосредоточить управление ими в одних руках и подчини-

ла Сталинградский фронт командующему Юго-Восточным. Фронты имели отдельные штабы, а командующего одного — генерал-полковника А. И. Еременко. В этой должности он был еще считанные дни, вернувшись только недавно в строй после полученного зимой тяжелого ранения.

Командующий принял меня в присутствии члена Военного совета Н. С. Хрущева. В той же комнате находился и начальник Генерального штаба А. М. Василевский. О том, что он прибыл в Сталинград в качестве представителя Ставки, я не имел понятия и был предупрежден об этом буквально за минуту, у самого порога.

У старших начальников — всех их я видел впервые — были утомленные, но спокойные лица. Еременко привстал, опираясь на палку. Василевский пригласил меня сесть и начал разговор, который и дальше вел в основном он.

— Как себя чувствуете, товарищ Крылов?

— Вполне в рабочем состоянии, товарищ генерал-полковник.

— Рана-то как, дает еще себя знать? — задал уточняющий вопрос Еременко.

Рана, конечно, еще побаливала, но жаловаться на это не хотелось. Ответил, что с этой раной я уже в Севастополе воевал, а после того сколько времени прошло — что ж о ней говорить!

Василевский кивнул и стал неторопливо, но очень лаконично, как бы взвешивая каждое слово, характеризовать обстановку под Сталинградом. Она определялась в тот момент прежде всего тем, что противник, остановленный на дальних подступах к городу (а на юго-западе, где немцы пересекли внешний оборонительный обвод, — уже и не на дальних), после непродолжительной паузы, понадобившейся ему, очевидно, для подтягивания резервов и тылов, вновь возобновил активные боевые действия, и натиск его становился все сильнее. С юго-запада наступала 4-я танковая армия Гота, с запада и северо-запада — 6-я армия Паулюса. Вместе взятые, они имели до 30 дивизий, свыше семи тысяч орудий и минометов, больше тысячи танков, а 4-й воздушный флот Рихтгофена поддерживал наземные войска тысячью с лишним самолетов.

Полного состава сил двух наших фронтов, на общем командном пункте которых я находился, мне, естественно, знать не полагалось. Было, однако, ясно — да этого никто и не скрывал, — что на стороне противника значи-

тельный перевес в артиллерии, в танках, а особенно — в авиации. Что касается общей задачи, то А. М. Василевский, подчеркнув, что это оценка И. В. Сталина, сказал:

— Оборона Сталинграда и разгром врага, идущего с запада и с юга на Сталинград, имеют решающее значение для всего нашего советского фронта.

Впоследствии эти слова я прочел в директиве Верховного Главнокомандующего.

Наиболее опасным, насколько я мог представить, выглядело положение в полосе 4-й танковой армии Сталинградского фронта и в полосе 64-й армии Юго-Восточного. Но Василевский, подозвав меня к карте, стал показывать позиции 62-й армии, развернутой между теми двумя на левом фланге Сталинградского фронта, а по отношению к городу — прямо на западе. Эта армия держала оборону по левому берегу Дона, от Нижне-Гниловского до устья Донской Царицы, причем довольно большой северный участок — между Нижне-Гниловским и озером Песчаное — только что перешел к ней от правого соседа — 4-й танковой, у которой не хватало сил его оборонять.

— Попытки противника форсировать в этом районе Дон, — пояснил Василевский, — означают самую непосредственную угрозу Сталинграду. — И повторил уже сказанное раньше: — А отстоять Сталинград мы обязаны во что бы то ни стало.

Еременко добавил, что 62-я армия сейчас усиливается.

Подробности относительно шестьдесят второй сообщались, следовало полагать, не просто так, и все же я ждал, когда скажут что-нибудь о 1-й гвардейской, куда у меня было назначение. Наконец Василевский упомянул и ее.

— В первую гвардейскую, — объявил он, — видимо, не поедете. Думаем послать вас в шестьдесят вторую, заместителем к генералу Лопатину.

Александр Михайлович пристально посмотрел на меня своими внимательными темно-карими глазами, как бы проверяя, сознаю ли я, что для решения использовать меня именно так существуют весьма серьезные основания.

Заместители командующих (помимо замов — специалистов по родам войск) были тогда не во всех армиях. До сих пор, как выяснилось, не было заместителя командующего и в 62-й. Сам факт назначения на эту должность подтверждал, что армия находится на очень ответствен-

ном участке фронта. Мне оставалось сказать, что постараюсь оправдать оказанное доверие.

— Ну, тогда желаю успеха! — заключил начальник Генштаба. — Пока согласуем с Москвой ваше переназначение, можете немного отдохнуть. Час, а может быть, и два — в вашем распоряжении.

В заключение кто-то из беседовавших со мною начальников спросил о семье, о родителях: где они, как живут? Ответил, что старики — на моей родине, под Балашовом, а жена и дети, которых надолго потерял из виду, после того как расстался с ними у западной границы, нашлись в Казахстане. Живут, как все, — верой в победу.

Через час с небольшим я был снова в воздухе — на связном У-2.

Перед тем как отправиться на аэродром, я побывал у начальника оперативного управления штаба фронта генерал-майора Ивана Никифоровича Рухле и узнал от него и его помощников много полезного. Запомнив кое-какие ориентиры на показанных мне картах, теперь распознавал их с птичьего полета.

Держась невысоко над землей, У-2 летел в сторону Дона. К западу от Сталинграда — середина большой излучины этой реки. Максимально сблизившись с Волгой, Дон будто стремится прорваться через Ергени — водораздельную цепь холмов. И лишь потом постепенно уклоняется вправо.

Сама природа внушает тут человеку мысль соединить перемычкой столь близкие реки, а тем самым — и далекие моря. Но в старину наших предков заботило другое — как получше защитить это неширокое междуречье на южной окраине Русского государства. Остатки старинных укреплений, как видно, сохранились до наших дней: на карте был обозначен «вал Анны Иоанновны». Только в те времена укрепления тут обращали фронтом не на запад, а на юг...

Но самое важное, что я успел узнать, — это первоначальные сведения о 62-й армии, еще недавно — 7-й резервной.

Сформированная здесь, в Сталинграде, армия находилась в распоряжении Ставки и проходила интенсивную боевую подготовку. Немногим больше месяца тому назад,

10 июля, она получила вместе с новым номером приказ выдвигаться всеми своими шестью дивизиями к Дону и за Дон. Командовал тогда армией генерал-майор Б Я. Колпакчи.

Справа и слева развертывались еще две резервные армии, ставшие 63-й и 64-й. Вместе с 62-й они образовали боевое ядро Сталинградского фронта, созданного, чтобы преградить врагу путь к Волге. 62-я армия заняла полосу от Клетской до Суровикино — центральный участок фронта.

С запада надвигалась одна из сильнейших в гитлеровском вермахте 6-я армия Паулюса — четыре армейских и два танковых корпуса, более четверти миллиона посаженных на машины солдат... Прорвавшиеся в степи за Северским Донцом авангарды армии Паулюса одно время приближались к Дону со скоростью до тридцати километров в сутки. У немцев было запланировано дойти до Сталинграда и захватить его с ходу к 25 июля. Решив, что сил 6-й армии для этого достаточно, 4-ю танковую армию Гота Гитлер повернул на Кавказ. Она снова появилась на сталинградском направлении лишь после того, как фашистские стратеги увидели свои первые просчеты.

62-я армия встретилась с врагом 17 июля. Ее передовые отряды, выдвинутые к степным рекам Чир и Цимла, первыми вступили в бой с противником, стремясь выиграть время для занятия главными силами оборонительного рубежа перед Доном. Стрелковые батальоны, усиленные противотанковой артиллерией и ограниченным числом танков, не могли остановить вражескую лавину, но продвижение ее на восток замедлилось до пятнадцати — двенадцати километров в сутки, а затем и до пяти — трех.

С 23 июля бои вела уже вся армия. Кстати, как раз к этому дню относится подвиг Петра Болото и его товарищей — четырех бронебойщиков, которым посвятила передовицу «Красная звезда». Их полк — полк подполковника Г. П. Бардаляна из 33-й гвардейской стрелковой дивизии, сражавшейся на правом фланге армии, — был одной из частей, которым пришлось сдерживать самый жестокий натиск врага. Весь этот полк проявил выдающуюся стойкость.

Сражение, разгоревшееся в конце июля в большой излучине Дона, опрокинуло расчеты гитлеровцев на быст-

рый — одним рывком и напрямую — выход к Волге. 62-я армия, как и ее соседи, оборонялась активно, предпринимала крупные контратаки, перераставшие в упорные встречные бои. Однако не подпустить немцев в своей полосе к Дону она не смогла и вскоре должна была бороться за то, чтобы самой не оказаться отрезанной от донских переправ.

Прорыв врага в тылы армии на ее правом фланге (где гитлеровцы обеспечили себе подавляющий, многократный перевес в силах) привел уже 24 июля к окружению двух наших дивизий с частями усиления. При этом прорвавшимся фашистским танкам удалось смять штабы обеих дивизий, и окруженные войска остались без боевого управления. Командование армии сумело его наладить, перебросив туда офицеров своего штаба. Окруженная группировка продержалась четыре дня на прежних позициях, отбиваясь от четырех-пяти неприятельских дивизий, а когда восстановить фронт здесь стало уже невозможно, пробилась — организованно, с танками и артиллерией — в расположение соседней армии.

Тем временем осложнялось положение и на других участках. Командованию фронта потребовалось выручать 62-ю экстренно подготовленными контрударами 1-й танковой армии генерал-майора К. С. Москаленко и 4-й танковой генерал-майора В. Д. Крюченкина. Ни та, ни другая к тому времени не завершили еще формирования, не успели получить средства усиления, не были как следует сколочены и смогли ввести в бой меньше сил, чем предполагалось. Все это, очевидно, и помешало достигнуть поставленных целей — восстановить положение на фронте 62-й. Однако без поддержки танковых армий ей вряд ли удалось бы избежать окружения всей в целом.

В начале августа бои за Доном стали еще ожесточеннее. Причем для 62-й армии фронт расширился на десятки километров к югу, до Нижне-Чирской: ей был передан правофланговый участок 64-й армии вместе с оборонявшимися там тремя дивизиями. Вслед за тем остатки 1-й танковой, которую признали целесообразным расформировать, также были влиты в 62-ю. И она отвечала теперь за весь задонский плацдарм напротив Калача (отрезанный прорвавшимся к Дону врагом от других позиций наших войск на западном берегу).

Противник между тем, видимо, успел оценить силу

оказываемого ему отпора. За полторы-две недели общее число неприятельских соединений, выявленных на сталинградском направлении, увеличилось почти вдвое. На второстепенных фланговых участках немецкие части заменялись подтянутыми сюда итальянскими, румынскими. 4-я немецкая танковая армия, уже возвращенная с кавказского направления, угрожала Сталинграду с юга и юго-запада.

В таких условиях, когда угроза городу с запада могла, вероятно, считаться не главной, враг навалился на фланги 62-й армии с новой силой. И еще раз произошел прорыв на правом фланге, вслед за чем оказались окруженными части шести дивизий с пятью артполками. Регулярная связь с ними прервалась, и за десять с лишним дней, которые прошли с тех пор, вызволить эти части из вражеского кольца не удалось. Остальным дивизиям армии пришлось отходить на левый, восточный берег Дона, причем и переправа, как я понял, не обошлась без потерь.

Наверное, как у любого военного человека, узнавшего об этих драматических событиях, в результате которых 62-я армия лишилась (окончательно или нет, было еще не ясно) своих лучших дивизий, у меня возникал вопрос: неужели нельзя было предотвратить такие вклинения противника, глубокие охваты наших флангов, имевшие столь тяжкие последствия? Но чтобы ответить на этот вопрос самому себе, я еще слишком мало знал.

Однако, как бы там ни было, главный итог июльско-августовских боев в большой излучине Дона состоял в том, что план гитлеровского командования с ходу овладеть Сталинградом, а затем и Астраханью, взяв под контроль всю Нижнюю Волгу, был сорван. Сорван усилиями всех армий, составлявших в начале этих боев один, а потом и два фронта.

Врага на какое-то время остановили, в его наступлении на Сталинград возникла первая серьезная заминка. Наши войска получили возможность укрепить занятые рубежи, привести в порядок нуждавшиеся в этом части, перегруппироваться. Производилась и организационная перестройка во фронтовом масштабе, смена командования.

В 62-й армии первый ее командующий генерал-майор В. Я. Колпакчи был еще раньше, в тяжелейшей обстановке конца июля, заменен генерал-лейтенантом А. И. Ло-

патиным. Не помню, чтобы кто-нибудь говорил мне о конкретных причинах этой замены. Тогда командармов сменяли часто, а если армия терпела неудачи или несла большие потери, это делалось почти обязательно.

Относительное затишье на донском рубеже, наступившее около 10 августа, было, как я уже сказал, недолгим. 15-го гитлеровцы возобновили атаки против задонских плацдармов, которые удерживала 4-я танковая армия — правый сосед 62-й. Активность врага на других участках также свидетельствовала о его подготовке к форсированию Дона. Последние донесения с переднего края, заставшие меня в штабе фронта, гласили, что немцы пытаются переправиться на восточный берег под станицей Качалинская — опять-таки в полосе 4-й танковой, но совсем близко от ее стыка с 62-й («нашей армией», уже отмечал я в мыслях).

Выходило, что поспевал я как раз к новым горячим дням. И мне хотелось поскорее узнать, насколько оправилась армия после всего того, что выпало ей за последние недели, насколько готова сражаться еще упорнее.

Лететь было всего ничего. Так и не набрав высоты, самолетик стал снижаться и вскоре сел за околицей вытянувшегося вдоль небольшой реки села. День клонился к вечеру, но, едва пропеллер остановился, от нагревшейся земли так и пахнуло зноем.

И река и село назывались одинаково — Карповка. Здесь, почти на одинаковом расстоянии от Дона и Волги (но все-таки немного ближе к Дону), с 10 августа находились командный пункт и штаб 62-й армии.

При подходе к КП, развернутому в тополевой посадке у сельской школы, мысленно отметил четкость комендантской службы, подтянутость хорошо побритых часовых, мгновенное появление расторопного дежурного. Меня провели в довольно просторный блиндаж, где над столом, покрытым картой, склонились высокий, богатырского сложения генерал-лейтенант и хмуроватый на вид дивизионный комиссар. Рядом стоял генерал-майор.

Выслушав мой доклад о прибытии, генерал-лейтенант широким жестом протянул руку и громко, отчетливо назвал себя:

— Лопатин Антон Иванович.

Дивизионный комиссар был членом Военного совета армии К. А. Гуровым, генерал-майор — начальником штаба Н. А. Москвиным.

Меня стали немедля вводить в курс дела, знакомить с положением на фронте и состоянием армии.

Дивизий в составе армии числилось немало (их внушительный перечень я уже видел в штабе фронта). Но сюда входили и соединения, окруженные за Доном, о которых в журнале боевых действий и сводках изо дня в день писалось: новых данных не поступало, установить радиосвязь не удается...

Из-за Дона только что вывел сто двадцать человек раненый командир 33-й гвардейской стрелковой дивизии полковник А. И. Утвенко. Более мелкими группами и поодиночке выбирались на левый берег бойцы и командиры из других частей. К правому берегу подводили по ночам, где было можно, переправочные средства, высаживали поисковые отряды. Большего сделать не могли. И на то, что за Доном даст о себе знать хотя бы относительно крупная часть, особых надежд уже не питали.

Две дивизии, которые попали в окружение раньше и пробились в расположение 4-й танковой армии, там и остались и из списков 62-й были уже исключены. Вообще состав армии за первый месяц ее боевых действий обновился очень сильно. Три дивизии, отведенные десять дней назад на левый берег Дона, были незадолго до этого приняты от соседей или из фронтового резерва, 98-ю стрелковую дивизию генерал-майора И. Ф. Баринова фронт передал армии уже после занятия ею теперешних позиций.

Все эти дивизии были далеко не полного состава. Самой боеспособной считалась 112-я стрелковая. Командовал ею подполковник Иван Ефимович Ермолкин (легко запомнились имя и отчество — тезка генерала Петрова, с которым я только что расстался на Кавказе). Но все еще продолжали называть ее дивизией Сологуба. Полковник И. П. Сологуб, формировавший дивизию в Сибири и прибывший с нею на фронт, погиб неделю назад. Скромный и храбрый человек, ветеран гражданской войны, он, чувствовалось, оставил о себе прочную, добрую память.

Единственной в полосе армии дивизией, укомплектованной по штату, была 87-я стрелковая полковника А. И. Казарцева, недавно прибывшая с Дальнего Восто-

ка. Но командование армии распоряжалось пока только одним ее полком, выведенным на передний край у хутора Вертячий. Два других стояли в глубине обороны, оставаясь в резерве фронта.

Армия имела полнокровную мотострелковую бригаду и несколько танковых (во всех, вместе взятых, — около ста исправных боевых машин). Орудий и минометов было немногим больше пятисот — в среднем примерно шесть стволов на километр фронта. Сверх того, армии был подчинен созданный на Дону укрепрайон в составе нескольких артиллерийско-пулеметных батальонов. В резерве имелся полк гвардейских минометов — «катюш».

Позиции армии на левом берегу Дона являлись составной частью 400-километрового внешнего обвода большой системы сталинградских оборонительных рубежей. Внешний обвод начинался от Волги у Горной Пролейки, в 70—75 километрах севернее Сталинграда, проходил по реке Иловля, а затем по Дону через Качалинскую, Вертячий, Калач, Ляпичев, по речке Мышкова́ и возвращался к Волге ниже Красноармейска. Позади находились 150-километровый средний обвод (это на нем стояли два полка дивизии Казарцева) и 70-километровый внутренний, также доходившие до Волги. Оборудовался и четвертый пояс укреплений, окаймлявший непосредственно город.

Создание этих рубежей стоило инженерным частям и местному населению огромных усилий. Первые три обвода начали сооружать еще прошлой осенью, когда гитлеровцы только подступали к Донбассу. То, что успели тогда сделать, пришлось весной, после паводка, восстанавливать. Летом, в условиях нараставшей угрозы Сталинграду, полевые укрепления продолжали возводить десятки тысяч колхозников и горожан. И все же в полосе 62-й армии даже на внешнем обводе успели завершить работы лишь на отдельных участках, в частности — в районе Калача. Теперь там, где позволяла обстановка, фортификацией занимались сами войска.

Внимательно слушая командарма и члена Военного совета, сообщавших мне все эти и другие важные сведения, я, естественно, присматривался к ним самим.

Генерал Лопатин был старше меня (потом выяснилось — на шесть лет). Он принадлежал к людям, внешность и манера держаться которых сразу производят сильное впечатление: могучая фигура, гордая осанка, крупные,

выразительные черты лица, неторопливые жесты, громкая, четкая и тоже неторопливая речь. От него веяло каким-то особенным спокойствием, помню, даже немного удивившим меня, — по контрасту с общей напряженной и тревожной атмосферой тех дней.

Имя Лопатина стало известно мне в конце прошлого года, когда 37-я армия под его командованием отличилась при освобождении Ростова-на-Дону, вынудив танковую армию Клейста к поспешному отходу, похожему на настоящее бегство (как радовались мы этому в осажденном Севастополе!). Слышал я также, что в начале войны, на Украине, Лопатин вывел из окружения свой корпус. Другие детали его военной биографии узнал уже после нашего знакомства в Карповке.

А биография у него была богатая. Коммунист с девятнадцатого года, во время гражданской войны Антон Иванович командовал эскадроном в знаменитой 4-й кавалерийской дивизии, явившейся ядром буденновской Конармии. Воевал против деникинцев, врангелевцев, белополяков, был награжден орденом Красного Знамени, трижды ранен. Лопатин долго оставался конником и в мирное время: командовал полком, Чонгарской кавдивизией, служил инспектором кавалерии округа. Словом, это был старый буденновец и человек, несомненно, незаурядный, сильная, волевая натура.

Я не мог не отметить про себя, что для генерала, всего три недели возглавлявшего эту армию, в которой к тому же произошло столько перемен, Лопатин неплохо знал командиров частей. И судил он о них вдумчиво, непредвзято, равно как и об оперативной обстановке. Мыслил Лопатин вообще смело, независимо и, чувствовалось, был способен многое взять на себя, любил командирскую самостоятельность.

Потом я наблюдал не раз, как тягостно бывало для Лопатина, если в штабе фронта решали что-нибудь за него. А случаи подмены командармов (теперь я знаю, что это распространялось не только на 62-ю армию) были тогда под Сталинградом не так уж редки. И чем ни объясняй такую практику — напряженностью положения или зависимостью фронта от слишком частных решений, принятых еще выше, — на пользу делу это не шло.

Не в первый, конечно, день, но все-таки скоро я понял, что отношения с командованием фронта сложились

у нашего спокойного, но самолюбивого командарма, к сожалению, не наилучшим образом. Лопатин считал некоторые задачи, ставившиеся армии, невыполнимыми в данной обстановке и, видимо, не стеснялся напрямик об этом говорить. Однако ему не удалось доказать, например, что наличных сил армии недостаточно для деблокирования войск, окруженных за Доном в начале августа. Такая задача ставилась армии в течение ряда дней, пока не отпала сама собой. А сначала предполагалось даже, что армия сможет не только выручить те свои части, но и уничтожить окружившего их противника. Пожалуй, тут «желание превалировало над реальной возможностью» (слова, взятые в кавычки, заимствованы из военно-исторического труда «Великая победа на Волге» под редакцией Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, где они относятся к схожим моментам начального периода Сталинградской битвы).

Хочется также сказать, что саму опасность глубокого охвата флангов армии за Доном Лопатин разглядел отнюдь не слишком поздно. Как мне стало известно, 6 августа он доносил фронту о сосредоточении перед обоими флангами крупных группировок противника и тогда же просил разрешить ему отвести основные силы армии на левый берег. Думаю, решиться на такую просьбу было не так-то просто. И если по ней не последовало немедленного решения, то это могло объясняться как тем, что опасность представлялась командованию фронта менее серьезной, так и тем, что не все от него зависело. Но через три дня отводить войска на левый берег все же пришлось, и уже только те, которые избежали окружения.

Не берусь судить о всех обстоятельствах того, что происходило за Доном и на Дону, когда меня там не было. Однако и с этой оговоркой считаю до сих пор, что мера, которую предлагал, но не мог осуществить своей властью командарм 62-й, вероятно, оправдывалась обстановкой. Здесь проявились командирская зрелость и дальновидность Лопатина, стремление сберечь силы для того, что ждало армию впереди.

Член Военного совета дивизионный комиссар Кузьма Акимович Гуров был, как и Лопатин, старым конником. Во время гражданской войны он получил свой первый орден Красного Знамени, а второй имел за участие в освобождении прошлой зимой города Калинин. Кузьма Аки-

мович прошел большой путь кадрового политработника. Начал он с политрука эскадрона в Забайкальском красногусарском полку — был такой на Дальнем Востоке, когда в тех краях служил и я. Перед Великой Отечественной войной Гуров занимал посты военкома Артиллерийской академии, начальника Военно-педагогического института.

В 62-ю армию Гуров попал с должности более высокой. Будучи членом Военного совета Юго-Западного фронта, он вырвался в июне из окружения под Харьковом с остатками одной танковой бригады. После расформирования Юго-Западного фронта должен был стать членом Военного совета Сталинградского фронта и собственно уже в этом качестве, только еще не утвержденный Ставкой, выехал в 62-ю армию, выдвигавшуюся за Дон. Через день или два командующий фронтом — тогда это был маршал С. К. Тимошенко — передал ему по телефону: «Звонил начальник Главного политуправления Щербаков. Спрашивал: что, если Гурова оставить членом Военного совета у Колпакчи?» Вслед за тем А. С. Щербаков сам соединился с Калачом. «Помогите как большевик укрепить молодую армию», — сказал он Гурову. Дивизионный комиссар заверил, что сделает все от него зависящее, и предоставил начальству решать, в какой должности ему воевать.

Об этом я узнал от Кузьмы Акимовича, конечно, уже потом. А при первом нашем разговоре он, дополняя Лопатина, помог мне помимо уяснения оперативной обстановки представить ее напряженный, драматический характер. Гуров прибыл в 62-ю армию к самому началу боевых действий, провел много времени непосредственно в сражающихся войсках. Он давал выразительные характеристики командирам, политработникам. Это были впечатления человека, находившегося рядом с ними в боях.

Запомнился его рассказ о 33-й гвардейской дивизии. Она была укомплектована воздушнодесантниками и получила гвардейское звание и Знамя еще при формировании. Использование таких соединений в качестве обычных стрелковых — преимущественно на особо ответственных участках — диктовалось чрезвычайными обстоятельствами того времени. Но поначалу возникали некоторые опасения: как-то покажут себя парашютисты, готовившиеся к действиям совсем иного рода, например, в полевой обороне против танков?

— Пехотинцами они оказались отличными, — рассказывал Гуров. — Народ твердый, железный. Если приказано — ни шагу назад, никакая сила не сдвинет. Уйму гитлеровцев уложили воздушнодесантники перед своими окопами. А как у них немецкие танки горели! Бывает ведь, докладывают — сожгли столько-то, а проверить невозможно. Ну а уж тут я собственными глазами удостоверился, что у Утвенко считают точно. Двадцать два километра был фронт у дивизии, и нигде фрицы слабого места не нашли, пошли в обход...

— Да, таких хоть объявляй дважды гвардейцами, — подтверждал командарм.

И оба хмурились, думая, наверное, о том, что от 33-й гвардейской дивизии, номер которой продолжал значиться в списках армии, остался фактически лишь небольшой сводный отряд. Неудивительно, что в рассказе члена Военного совета о гвардейцах-парашютистах переплелись восхищение и горечь.

Те же чувства, только как бы приглушенные, сдерживаемые, уловил я, когда командующий говорил о сражавшихся в армии курсантских полках Краснодарского, Грозненского, Винницкого, 2-го Орджоникидзевского училищ... Некоторые из этих полков прибыли в донскую степь раньше самой армии и становились ее передовыми отрядами, боевым охранением, а потом нередко использовались в качестве надежных отрядов прикрытия. Придаваемые различным дивизиям, они везде дрались доблестно, но день ото дня редели. «Это полки героев», — сказал Лопатин. К середине августа реально существовал уже только полк Орджоникидзевского училища, находившийся в армейском резерве.

Да, все в этой молодой, еще совсем недолго воевавшей армии напоминало о том, чего стоило (и, конечно, не одной ей) задержать врага, приостановить его продвижение к Волге. Пока — только приостановить.

После того как армия заняла нынешние позиции на внешнем обводе, за неделю с небольшим, ее соединения и части успели много сделать для их укрепления. Но восполнение потерь в людях и в вооружении шло далеко не так быстро, как хотелось бы. Маловато было противотанковой артиллерии, и совсем мало зенитной. Оставляла желать лучшего обеспеченность снарядами (на армейских складах имелось всего два боекомплекта) и даже винто-

вочными патронами. В то время трудности со снабжением боеприпасами вообще очень обострились, а для Сталинградского и Юго-Восточного фронтов они, очевидно, усугублялись еще и ограниченностью путей подвоза.

Узнал я и о многом другом, что осложняло положение и беспокоило командование армии. Но когда разговор зашел о состоянии конкретных соединений (данные о том, чем они располагают, выглядели не очень-то отрадно), дивизионный комиссар Гуров негромко и вместе с тем как-то особенно значительно произнес:

— Только примите, Николай Иванович, к сведению и то, что духом армия теперь сильнее, чем месяц назад. Люди закалились, возмужали. Прибавилось опыта, упорства, злости к врагу. Таких героев, как Петр Болото, уверен, найдутся тысячи.

В Кузьме Акимовиче Гурове, узнав его ближе, я нашел настоящего друга. Моральная поддержка этого человека, умевшего быть непреклонно твердым, подчас суровым, а вообще-то доброго, отзывчивого и веселого, часто была для меня просто неоценимой.

Пусть читателя не удивляет, что я больше ничего не говорю о начальнике штаба армии Н. А. Москвине. Не успели мы толком познакомиться, как выяснилось, что его переводят в другое место. Я не предполагал тогда стать в недалеком будущем преемником Москвина, но могу сразу сказать: штаб он оставил сколоченный, высокоработоспособный. Потом я узнал, что за то недолгое время, пока армия была резервной, много сил подготовке своих штабистов отдал и первый ее командующий В. Я. Колпакчи, который раньше сам возглавлял крупные штабы.

В исполнение обязанностей начальника штаба вступил заместитель Москвина полковник Сергей Михайлович Камынин, опытный, высококвалифицированный штабист.

В штабе армии я побывал прежде всего в оперативном отделе. Недавнего его начальника полковника К. А. Журавлева, фамилию которого я услышал еще в штабе фронта, в Карповке уже не было. Это он при первом, в конце июля, окружении за Доном двух дивизий и других частей был послан туда, чтобы обеспечить нарушившееся боевое управление. В силу сложившихся обстоятельств Журавлев вступил в командование всей окруженной группировкой и вывел пять тысяч человек в рас-

положение 4-й танковой армии, где их всех и оставили. А начальником оперативного отдела в штабе шестьдесят второй стал подполковник Н. С. Климов. Придя с ним к операторам, я почувствовал себя словно в родном доме — все тут живо напоминало дорогой мне оперативный отдел штаба Приморской армии.

На столах телефоны и карты, а по стенам развешано походное снаряжение — плащ-палатки, каски, автоматы, гранаты. Кто-то, спавший полусидя на полу, вскочил, разбуженный товарищами, другой заснул покрепче, и я успел сделать знак, чтобы его не поднимали. Словом, обстановка, обычная для оперативников сражающейся армии: работа — круглые сутки, отдых — когда придется, урывками. И представлявшиеся мне командиры, в большинстве своем очень молодые, дочерна загорелые, были чем-то неуловимо схожи с прежними моими штабными сослуживцами, живыми и павшими товарищами по первому тяжкому году войны.

Бойкий, невысокого роста старший лейтенант с петлицами танкиста напомнил мне незабываемого по Одессе и Севастополю Константина Харлашкина. Сразу подумалось: «Должно быть, такой же удалой и отважный!» Старшего лейтенанта звали Александром Ивановичем Семиковым. В оперативном отделе он, как выяснилось, считался ветераном — прибыл сюда одним из первых. Семиков и до Сталинграда имел немалый боевой опыт, но отнюдь не штабной — под Москвой, в Панфиловской дивизии, был комиссаром истребительно-противотанкового отряда. Сюда же, под Сталинград, его направили командиром бронепоезда, а вышло так, что стал штабным направленцем, офицером связи армейского командования.

Такие же обязанности выполнял капитан Терентий Егорович Калякин, солидный и степенный, несмотря на молодость. Он был с Дальнего Востока, командовал там батальоном. Капитана П. И. Кузнецова взяли в оперативный отдел из постоянного состава Орджоникидзевского пехотного училища. Самые старшие по годам — капитан И. Е. Велькин и старший лейтенант Л. С. Барановский, который вел журнал боевых действий, пришли из запаса и были по образованию инженерами: один — строителем, другой — полиграфистом.

В общем, почти никто, кроме самого начальника отдела да начальника первого отделения майора П. И. Зализюка,

не мог похвастаться солидным штабным опытом. Но я убедился уже, что и штабное дело, при всей его сложности, постигается на войне толковыми и старательными людьми быстрее, чем этого можно было ожидать. А люди в оперативном отделе, повторяю, понравились мне. Направленцы, отвечавшие на мои вопросы, по-видимому, неплохо знали «свои» части.

Отдел был, несомненно, сплоченным, и особенно сплотился он, должно быть, за то время, когда армия сражалась за Доном. Как и вся армия, маленький коллектив штабистов понес там первые потери. При мне вспомнили капитана Любимова, выпускника ускоренного курса Военной академии имени М. В. Фрунзе. Смертельно раненный, он был доставлен на КП в пробитом снарядом броневичке уже мертвым. Вспомнили двух направленцев, пропавших там, за Доном, без вести...

На рассвете предстояло ехать в войска. Я был рад, что командующий не задерживает меня на КП: испытывал потребность поскорее увидеть своими глазами передний край, познакомиться с командирами и начальниками штабов дивизий, бригад.

Перед тем как прилечь на пару часов, вышел на воздух. Шагал впотьмах по тополевой аллейке у школы и уже едва верил, что этот бесконечный день начался для меня еще на Кавказе.

Все вокруг окутала теплая звездная ночь. Небо было еще темным даже на востоке, где стоял, не выдавая себя ни единым отблеском света, большой, многолюдный город. И как зловещая угроза ему, поднималось над горизонтом на другом, западном краю неба расплывчатое зарево, обозначавшее линию фронта.

Легкий ветерок тянул, насколько я мог определить, со стороны Саратова и Балашова — из тех краев, где я родился и вступил в сознательную жизнь, откуда в первый раз, в девятнадцатом году, пошел воевать.

Близость родных мест воспринималась с какой-то щемящей остротой. Я с детства привык к мысли, что расту в глубине России, тогда казалось — в самой ее середине. И вот — сюда подступил фронт, сюда рвался враг... Еще нельзя было предугадать, какие масштабы примет битва, надвигавшаяся на Поволжье. Но что это будет битва не

на жизнь, а на смерть, понимал каждый. И невозможно было представить себя живым, если враг перешагнет Волгу.

С таким чувством, с такими мыслями начал я 19 августа 1942 года службу в 62-й армии, оборонявшейся на внешнем обводе сталинградских рубежей, на центральном его участке, где надо было прикрыть кратчайший путь к Волге.

МЕЖДУ ДОНОМ И ВОЛГОЙ

Три или четыре дня я почти безотлучно, лишь ненадолго заезжая на армейский КП в Карповке или на вспомогательный пункт управления у хутора Камыши, провел в войсках, занявших оборону по левому, восточному берегу Дона. Положение на переднем крае было напряженное: наши части либо уже отражали первые в полосе армии попытки противника форсировать реку, либо ждали этого с часу на час.

Сам Дон на исходе жаркого, сухого лета выглядел не слишком внушительно. Действительно тихий, как принято его величать, он неторопливо, куда медленнее, чем Волга, нес свои желтоватые воды меж совсем недалеко отстоящих один от другого берегов. Мне было, конечно, и раньше известно, что ширина его в этих местах не превышает четырехсот метров, а кое-где не достигает и двухсот. Но вблизи Дон показался еще у́же, чем я ожидал. Даже с учетом порядочной глубины это была не очень серьезная преграда для войск, располагающих хорошими переправочными средствами.

Противнику давало преимущество господствующее положение правого берега — нагорного, как у всех больших южнорусских рек. Задонские высоты, то подступающие бурыми или белесыми откосами к самой воде, то немного удаляющиеся, доходили до ста метров, и наша сторона просматривалась с них далеко. Только ивовые и дубовые рощицы, разбросанные по низкому левому берегу, помогали кое-что замаскировать.

Здесь, у Дона, видя его не на карте, а наяву, было особенно тяжело сознавать, что ниже по течению, пусть дальше от Сталинграда, немцы уже перешагнули этот последний —если не считать малых степных речушек —

водный рубеж перед Волгой. Передний край нашего левого соседа — 64-й армии Юго-Восточного фронта проходил по левому притоку Дона — Мышкове. Еще дальше к востоку от Дона находилась 57-я армия, сосредоточенная для обороны южных подступов к Сталинграду, после того как в начале августа врагу удалось прорваться там за внешний обвод.

57-й армией командовал генерал-майор Ф. И. Толбухин, 64-й — генерал-майор М. С. Шумилов, а начальником штаба у него только что стал полковник И. А. Ласкин. Тот самый Ласкин, который командовал под Севастополем доблестной 172-й дивизией. Вот где довелось нам стать соседями!.. Значит, успел уже Иван Андреевич подлечить свои севастопольские раны.

Зная Ласкина как командира отлично подготовленного в оперативном отношении и творчески мыслящего, я порадовался за него от души. То, что Ивана Андреевича назначили при повышении именно на штабную должность, вполне соответствовало его задаткам. (Кстати, товарищи, не воевавшие под Сталинградом, но знакомые с архивами, как-то пытались меня уверить, будто И. А. Ласкин недолгое время возглавлял и штаб 62-й армии. Оказывается, есть документ, где это черным по белому написано. Однако на самом деле этого не было. Видимо, тут налицо один из тех случаев, когда назначения столь быстро пересматривались и изменялись, что только в бумагах и оставался след.)

Воевал под Сталинградом, на дальних подступах к нему, со стороны калмыцких степей, и еще один севастопольский комдив — генерал-майор Т. К. Коломиец, бывший командир Чапаевской дивизии. Он в это время исполнял обязанности командующего 51-й армией, находившейся на левом фланге Юго-Восточного фронта.

В наш, Сталинградский фронт, растянувшийся до верховьев Дона, входили кроме 62-й еще четыре армии: 4-я танковая генерал-майора В. Д. Крюченкина — наш правый сосед, 1-я гвардейская (ею командовал после расформирования 1-й танковой генерал-майор К. С. Москаленко), 21-я генерал-майора А. И. Данилова и 63-я генерал-лейтенанта В. И. Кузнецова.

Состава этих армий, кроме 4-й танковой, с которой 62-я непосредственно взаимодействовала, я тогда не знал. Следовало, однако, полагать, что некомплект людей и во-

оружения — не в одной нашей (и это соответствовало действительности). А 4-я танковая фактически была общевойсковой, и притом — малочисленной. Командарм Лопатин, помню, отозвался о ней так:

— Полагается правому из соседей болеть за то, чтобы не оторвался левый. А у нас больное место — правый сосед. Крюченкин много людей потерял в самом начале, когда надо было спасать положение за Доном, и чуть ли не все свои танки. Нам приказали занять часть его позиций на левом берегу, приказали отдать танковую бригаду. Кое-что ему подкинули из фронтового резерва. Но боюсь, что всего этого мало. А противник сейчас на него и жмет...

Уже потом мне стало известно: к 15 августа 4-я танковая армия на пятьдесят километров фронта имела всего 259 орудий и минометов. Да и на эти стволы боеприпасов было недостаточно. В последующие дни нашему правому соседу добавили артиллерии, и не только артиллерии, но это уже в ходе тяжелых боев, которые завязались при большом перевесе противника в силах и весьма неблагоприятно изменили положение.

Мне трудно судить, могло ли командование фронта раньше и в большей мере усилить армию В. Д. Крюченкина. Как бы там ни было, врагу, возобновившему атаки в малой донской излучине, удалось нанести тут удар по довольно слабому месту нашей обороны. Плацдарм, который удерживала 4-я танковая на западном берегу, был потерян. Вслед за тем гитлеровцы зацепились за восточный берег у Нижне-Акатова и Нижне-Герасимова — в полосе правого соседа, но уже в непосредственной близости от стыка с нами.

А наш правый фланг, как я сам убедился, тоже был несилен: в трех полках 98-й дивизии И. Ф. Баринова, оборонявшейся здесь, было меньше двух тысяч штыков. Дивизия удерживала примерно 12-километровую полосу донского берега. Теперь же еще возрастала опасность появления врага на фланге, со стороны правого соседа: было известно, что отбросить немцев за Дон там не удается.

Севернее на поддержку 4-й танковой были введены в бой только что прибывшие соединения 1-й гвардейской армии. Мы помогали соседу сперва главным образом артиллерией. Но боевые распоряжения, поступавшие от за-

местителя командующего фронтом генерал-лейтенанта В. Н. Гордова, находившегося в расположении 4-й танковой, требовали быть готовыми к нанесению противнику контрудара, причем — с форсированием Дона и захватом плацдарма на западном берегу.

Такая задача, должен признаться, несколько удивила меня. Ведь расчет был прежде всего на дивизию Баринова, а что она собой представляла, я уже сказал.

Подкрепления, правда, прибывали. Армия получала новые противотанковые артиллерийские полки, а также гвардейские минометные. Передавались ей и танковые бригады из проходивших переформирование, но некоторые, как выяснялось, еще ждали и технику, и людей. А главное — мало было у нас на правом фланге пехоты. Перебрасывать сюда стрелковые части с других участков командование фронта не разрешало. Тогда я впервые за год войны встретился с таким положением, когда не в армии, а выше определялось, где стоять каждому полку. Потом это и под Сталинградом изжило себя.

Сказанное не означает, что в центре или на левом фланге армейской полосы сил было в избытке. 131-я стрелковая дивизия полковника М. А. Песочина или 399-я стрелковая дивизия полковника Н. Г. Травникова имели примерно такой же некомплект людей, как и дивизия Баринова, но у них это не ощущалось столь остро— враг пока не нажимал так, как на правом фланге.

Помимо правого края привлекал внимание противника район Калача-на-Дону, удобный для переправы по рельефу местности и расположению дорог. Именно там действовала, когда наши войска сражались на западном берегу, главная, мостовая армейская переправа (у Калача еще совсем недавно располагался и армейский КП). Деревянный мост сохранялся и даже ремонтировался, пока оставалась надежда, что он может пригодиться какой-нибудь из окруженных за Доном частей.

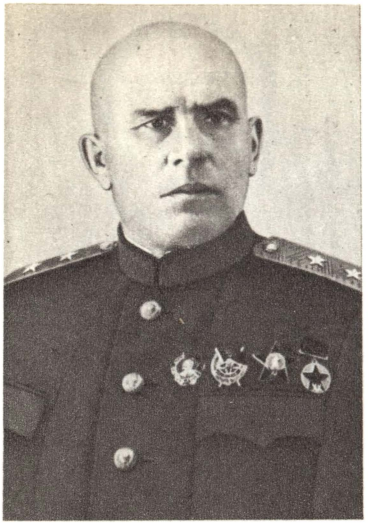
Теперь этот мост был взорван. Оборону здесь держала 20-я мотострелковая бригада с приданным ей артиллерийско-пулеметным батальоном укрепрайона. Сформированная тем же летом, бригада уже побывала в тяжелых боях в составе 1-й танковой армии, в которых потеряла и своего первого командира подполковника Сидорова. Заменил его полковник П. С. Ильин, в прошлом —

политработник, переведенный на командную должность в соответствии с проявленными склонностями.

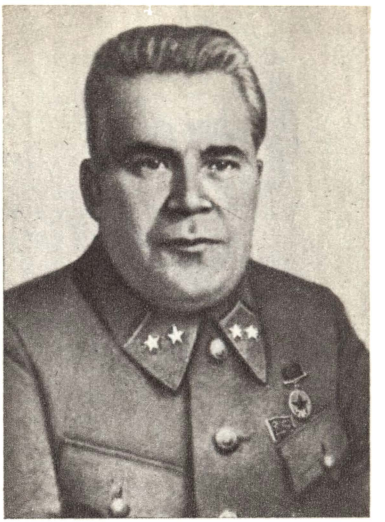
Людей и у Ильина не хватало: тысяча восемьсот человек на пятикилометровый участок фронта, включавший город Калач. И огневые средства бригада имела скромные. Однако организация обороны оставляла тут впечатление большой надежности. Все было хорошо продумано: бойцы зарылись в землю, научились укрываться при каждодневных бомбежках и артобстреле с возвышенного западного берега. Ни днем, ни ночью не подпускали они гитлеровцев к реке, к взорванному мосту.

В войсках у Дона находились в те дни многие командиры из управления 62-й армии, и я знакомился тут с теми, кого не застал в Карповке. На огневых позициях, выбранных для прибывавшего артиллерийского полка, мне представился невысокий генерал-майор с живым, очень моложавым лицом — заместитель начальника артиллерии армии Николай Митрофанович Пожарский. Вскоре я узнал его как опытнейшего и талантливого артиллериста, великолепного организатора и обаятельного человека. А в одной из дивизий я встретился с начальником политотдела армии бригадным комиссаром Иваном Васильевичем Васильевым. Между нами как-то сразу установилось большое взаимопонимание. Общительный и наблюдательный, начальник политотдела всегда имел что рассказать интересного и полезного. Мы с ним стали добрыми товарищами.

И буквально в степи, у машины, так уж вышло, выслушал я первый краткий доклад начальника разведотдела армии полковника Михаила Захаровича Германа, а затем в блиндаже ближайшей части мы поговорили более подробно. К Герману нельзя было не проникнуться уважением. Чувствовалось, что разведчик он серьезный, вдумчивый. Это подтвердили и долгие месяцы Сталинградской обороны, в течение которых командование армии, как правило, своевременно узнавало о конкретных намерениях врага. Верными — во всяком случае, в самом основном — оказались и тогдашние его выводы: форсировать Дон главными силами противник собирается на участке Трехостровская, Малонабатовский, то есть в стыке 4-й танковой армии и нашей, с последующим нанесением удара в направлении северной части Сталинграда. Герман считал, что одновременно следует ожидать

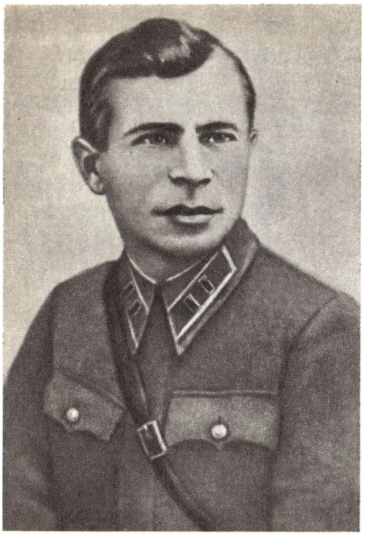


А. И. Лопатин



И. В. Васильев

Командарм 62-й принимает решение. Слева направо: Н. И. Крылов, В. И. Чуйков, К. А. Гуров, А. И. Родимцев (ноябрь 1942 года)



Н. Ф. Батюк

А. И. Казарцев

Л. Н. Гуртьев

Н. М. Пожарский

форсирования немцами Дона в районе Калача или несколько севернее.

И все-таки исчерпывающими, совершенно бесспорными данными о том, как расставлены перед фронтом армии неприятельские силы после произведенной в последние дни перегруппировки, наши разведотдельцы похвастаться не могли. Имевшиеся сведения были неполными, кое в чем, по-видимому, устаревшими, кое в чем — противоречивыми. Их не хватало, например, чтобы подтвердить или опровергнуть возникавшее предположение о том, что активность противника в районе Калача — всего лишь отвлекающий маневр, или чтобы исключить вероятность удара из-за Дона на некоторых других участках, помимо правого фланга. Но сейчас надо было не выговаривать полковнику Герману, а думать, как ему помочь, прежде всего — в надлежащем обеспечении разведки техникой.

В степи было сухо, знойно. И все светлое время суток в небе почти не смолкал гул фашистских самолетов. Что такое господство врага в воздухе, я как будто уже достаточно знал по Одессе и Севастополю. Однако в открытой степи, где труднее укрывать и людей, и особенно боевую технику, оно ощущалось еще сильнее.

Без поддержки наземных войск с воздуха, обычно — массированной, противник не делал ничего. Даже переброски на восточный берег Дона небольших подразделений обеспечивались десятками бомбардировщиков. Вражеская авиация крайне осложняла действия нашей артиллерии, заставляя ее часто менять огневые позиции, отчаянно мешала инженерным работам, почти не давала подвозить что-либо днем из дальних тылов в ближние. Летавшие над дорогами и полем «мессеры» нападали и на мелкие одиночные цели вроде моего «виллиса» (один раз это кончилось тем, что машину перевернуло взрывной волной, а нас с адъютантом и водителя засыпало землей).

Людей больше всего удручало то, что фашистская авиация нередко могла действовать безнаказанно. Наших истребителей появлялось в воздухе мало, а иногда не было совсем. «У Хрюкина на счету каждый самолет» — это я услышал еще на КП фронта. 8-я воздушная армия под командованием Героя Советского Союза Т. Т. Хрюкина, молодого генерала, начавшего сражаться с гитле-

ровцами в небе Испании, была тогда одна на два фронта — Сталинградский и Юго-Восточный. Она включала, правда, до десятка соединений, пополнялась новыми полками, однако пока располагала значительно меньшим числом самолетов, чем имел в этом районе враг. Исправных машин, способных подняться в воздух, в иные дни насчитывалось не больше полутораста — двухсот.

Где бы я ни находился, мысли то и дело возвращались к правому флангу — там становилось все горячее. Конечно, очень хорошо, что именно на правом фланге армии войска имелись и в глубине обороны, на среднем обводе. Между Котлубанью и Малой Россошкой стояли два полнокровных полка 87-й стрелковой дивизии, остававшиеся во фронтовом резерве (третий ее полк, как уже говорилось, был взят на передний край). Севернее, в районе совхоза «Котлубань», на среднем обводе сосредоточивались прибывшая из резерва Ставки 35-я гвардейская стрелковая дивизия и доукомплектованная танковая бригада. Они передавались нашей армии, но пока с оговоркой: «Использовать только с особого разрешения командующего фронтом». Рубежи среднего обвода продолжали укрепляться, перед ними выставлялись минные заграждения.

Иметь все это, так сказать, про запас было нелишне. Однако если бы наш правый край сдвинулся с внешнего обвода на средний — от Дона к Россошке, то сразу нарушилась бы устойчивость обороны в центре армейской полосы и на левом фланге, где позиции у Дона удерживались сейчас прочно. Словом, укрепляя средний обвод на крайний случай, важно было не допустить до того, чтобы он нам понадобился. Но тут возникал трудный вопрос: обойдемся ли на передовой без тех частей, которые стоят на запасном рубеже и которыми командарм не может распорядиться по своему усмотрению?

А мы тогда, хоть и ждали нарастания вражеских ударов из малой излучины, еще не вполне представляли, какой они достигнут здесь силы. То, что Паулюс сосредоточил против левого фланга 4-й танковой армии и правого фланга нашей половину всех своих войск, выяснилось несколько позже.

Возвратясь на КП, я докладывал командующему о

выполнении его поручений, о том, что сам нашел нужным сделать, и мы обсуждали обстановку. Если Гуров был не в войсках, он всегда присутствовал на этих докладах. Лопатин слушал очень внимательно, не перебивая, и обычно подходил к карте, хотя отлично представлял положение и без нее. Он любил сам работать над картой, держал под рукой цветные карандаши, циркуль, лупу. А рядом непременно стоял стакан с крепким чаем.

Находить с Антоном Ивановичем общую точку зрения по тем вопросам, которые требовалось решать, лично мне было легко. Но взаимопонимание с начальником штаба фронта Д. Н. Никишевым, а еще более — с заместителем командующего В. Н. Гордовым у Лопатина както не налаживалось, и быть в этом судьей я не берусь. О своих разговорах по телефону с фронтовым начальством, которые, видимо, нередко бывали неприятными, Антон Иванович информировал меня скупо, ограничиваясь изложением полученных приказаний.

Удручали Лопатина, как я понимал, ограничения и оговорки в отношении использования приданных армии или включенных в ее состав сил, как было, например, с 35-й гвардейской дивизией — «только с особого разрешения». Все, чем командарм мог распорядиться, включая и резервный курсантский полк, и даже курсы младших лейтенантов, было передано на уплотнение боевых порядков там, где в этом виделась наибольшая нужда. Получила участок обороны и сводная часть полковника Утвенко, именовавшаяся чисто условно 33-й гвардейской стрелковой дивизией.

Тем временем командование фронта решило сорвать готовившееся форсирование Дона крупными силами противника контрударом по ним на западном берегу. К участию в контрударе привлекались соединения всех армий Сталинградского фронта, кроме 4-й танковой, находившейся уже в тяжелом положении. Участвовать в этом контрударе должны были и две правофланговые дивизии нашей армии с придаваемыми им танковыми бригадами.

Успех этой операции, если бы он мог быть обеспечен, изменил бы, вероятно, многое — что и говорить! Решение ее провести, конечно же, диктовалось стремлением нанести врагу наибольший урон, а главное — не пустить противника на восточный берег Дона там, где расстояние от него до Сталинграда было кратчайшим. Но, к сожале-

нию, тут вновь «превалировало желание над реальной возможностью».

Впрочем, тогда у меня, как и у Лопатина, вызывала сомнение лишь реальность задачи, ставившейся двум нашим дивизиям (о выполнимости остального мы судить не могли). Предполагалось, что эти дивизии форсируют Дон и нанесут противнику на западном берегу удар по сходящимся направлениям с ударом трех дивизий 1-й гвардейской армии, наступающих севернее. Но те силы врага, которые надлежало при этом разгромить, по всем имевшимся данным, значительно превосходили наши... Противник, безусловно, имел возможность сорвать уже саму переправу наших войск через Дон. Тем более что на достаточное прикрытие с воздуха рассчитывать не приходилось.

Что касается решения на контрудар в целом, то позволю себе привести оценку, данную ему в коллективном труде «Великая победа на Волге» под редакцией К. К. Рокоссовского: «...В сложившейся обстановке оно было невыполнимым, заранее обреченным на неудачу» [1].

А до участия в контрударе дивизий нашей армии дело просто не дошло. Спешная подготовка к наступательным действиям еще только завершалась, когда немцы уже переправились на восточный берег Дона на нашем правом фланге — на участке, принятом недавно от 4-й танковой, у нового стыка с нею.

Переправа гитлеровцев в этом районе не была для командования армии неожиданной, хотя ни точного места ее, ни времени мы заранее не знали. Не были застигнуты врасплох и находившиеся на этом участке войска. Но предотвратить переправу, не допустить ее у нас не хватило сил. Противник ввел в действие сотни бомбардировщиков и много артиллерии, обеспечив наведение понтонных мостов.

Так возник неприятельский плацдарм на левом берегу Дона в районе Песковатки и хутора Вертячий. Появление этого плацдарма имело тяжелые последствия.

С переправлявшимся противником вступили в бой части 98-й дивизии Баринова, находившийся на внешнем обводе полк 87-й дивизии и курсанты Орджоникидзевского училища. На поддержку им командарм переклю-

[1] Великая победа на Волге. М., 1965, с. 123.

чил артиллерийскую группу под командованием генерал-майора Н. М. Пожарского. Эта группа была создана в соответствии с планом готовившегося контрудара и включала также два полка гвардейских минометов.

Залпы «катюш» нанесли гитлеровцам немалый урон. Но сбросить немцев с плацдарма, прекратить действие переправы, хорошо прикрываемой авиацией и артиллерией, не удавалось. Хуже того — не удавалось и остановить постепенное расширение захваченного врагом плацдарма.

Никакого резерва пехоты в распоряжении командарма не было. А разрешения ввести в бой войска, стоявшие на среднем обводе, Лопатину не давали. В те дни мне не приходилось присутствовать при его переговорах по ВЧ с командующим или начальником штаба фронта, однако не сомневаюсь, что в своих докладах Антон Иванович не преуменьшал серьезности положения. Да это подтверждают и наши оперсводки.

Чем объяснить, что опасность, появившаяся с возникновением неприятельского плацдарма у Песковатки и Вертячего, какое-то время нашим старшим начальникам представлялась, по-видимому, не столь уж значительной? Полагаю, это могло происходить оттого, что в масштабах всего сталинградского направления угрозу с северо-запада как бы заслонило новое резкое ухудшение обстановки к югу от города. Там 21 августа ударные соединения танковой армии Гота вклинились в оборону советских войск на стыке 64-й и 57-й армий и оказались значительно ближе к Сталинграду, чем находился от него враг где-либо в другом месте.

Очевидно, считая в тот момент опасность с юга более серьезной, чем с северо-запада, командование фронта взяло от нас для переброски к югу часть противотанковой артиллерии и гвардейских минометов. К перераспределению средств усиления между армиями и фронтами под Сталинградом прибегали нередко. Но в тот раз, честно говоря, показалось, что режут нас по живому: очень уж нужны были самим и эта артиллерия, и «катюши».

Вероятно, угрозу с северо-запада в штабе фронта еще надеялись если не снять, то ослабить контрударом, который все-таки начался, хотя и без участия нашей армии.

Однако те неприятельские войска, которые находились перед нами, оттянуть или сковать не удалось. На-

ращивание сил противника на левобережном плацдарме явно продолжалось. Там сосредоточивались соединения 14-го танкового корпуса фон Виттерсгейма, причем происходило это быстрее, чем мы тогда думали,— разведданные отставали от событий. Потом было установлено, что через двое суток после захвата плацдарма враг имел на левом берегу не менее четырех дивизий и двухсот пятидесяти танков.

За 22 августа плацдарм особенно расширился и к исходу дня достигал уже 45 километров по фронту: от речки Паншинка (в полосе 4-й танковой армии) до Песковатки. Стало окончательно ясно, что его невозможно ликвидировать теми силами, которыми мы пытались это сделать. Военный совет армии, собравшийся у Лопатина— присутствовали Гуров, Пожарский, Камынин, я,— вынужден был констатировать это. Частные перегруппировки, которые мы предпринимали, дела не меняли. Возможность использовать на правом фланге войска, оборонявшиеся в районе Калача, считалась исключенной: от нас продолжали требовать неослабного внимания к этому участку, хотя противник сейчас не проявлял там особой активности.

В телеграмме, посланной командующему фронтом, докладывалось о состоянии войск армии, которые вели тяжелые сдерживающие бои на правом фланге (в дивизии Баринова было всего 1600 штыков), и делался вывод, что для уничтожения противника, переправившегося на восточный берег Дона, наличных сил пехоты недостаточно. Командарм вновь просил разрешить ему снять со среднего обвода два остававшихся там полка 87-й дивизии или ввести в бой сосредоточивавшуюся севернее 35-ю гвардейскую. (Теперь-то, конечно, ясно, что и этого было уже совершенно недостаточно. Но мы, повторяю, еще не знали, как стремительно наращивал враг свои силы на левом берегу.)

Ввести в бой полки 87-й дивизии командующий фронтом разрешил, с тем чтобы их позиции на среднем обводе заняла 35-я гвардейская. Лопатин немедленно соединился с комдивом 87-й полковником Казарцевым и предупредил о новой задаче, о том, что с письменным боевым распоряжением выезжает офицер связи. К утру вся 87-я дивизия должна была выдвинуться к внешнему

обводу, в район Вертячего, где уже сражался один ее полк.

— Приказ хозяина,— с нажимом произнес Лопатин, чтобы у Казарцева, подчинявшегося до сих пор непосредственно командованию фронта, не возникало лишних вопросов. И, заканчивая разговор, напомнил: — Марш — в расчлененных порядках, батальонными колоннами.

Эта обычная в прифронтовой полосе мера предосторожности сберегла в тот раз немало жизней.

Однако предвидеть, что полки Казарцева не смогут дойти до своих новых позиций, а 35-я гвардейская дивизия не успеет вовремя сменить их на прежних, мы не могли. Никто не знал, каким днем станет наступавшее 23 августа, когда общее положение под Сталинградом изменилось резко и грозно.

Едва рассвело, до армейского КП со стороны Песковатки донесся гул бомбежки. Даже находясь в двадцати пяти километрах, нетрудно было определить, что этот бомбовый удар по боевым порядкам наших войск, державших оборону вокруг неприятельского плацдарма, сильнее всех прежних.

Вскоре стали поступать донесения о том, что с южного края плацдарма немецкие танки и пехота пытаются наступать в направлении Карповки. Существенно продвинуться им тут не дали, а затем стало ясно, что эти атаки — лишь вспомогательные, отвлекающие. Главные же ведутся севернее и нацелены почти прямо на восток, к Волге.

Связь с 98-й дивизией Баринова (все это происходило в ее полосе) быстро оборвалась. Что оборона дивизии рассечена танковым ударом и что бóльшая часть ее отрезана от нашей армии, выяснилось позже, когда в тот район добрались представители армейского штаба.

О том, что большая группа немецких танков — не менее ста — и двигавшаяся за ними мотопехота достигли у Малой Россошки среднего оборонительного обвода и пересекают его (задержать их там было некому), воздушная разведка донесла командованию фронта раньше, чем узнали об этом мы в штабе армии. При этом к донесению, основанному на визуальных наблюдениях летчика, в первый момент отнеслись, как мне потом рассказыва-

ли, с некоторым сомнением: столь глубокий прорыв врага показался почти невероятным.

У нас же в штабе какое-то время считали, что противник лишь вклинился в оборону дивизии Баринова. Было тревожно, как всегда бывает, когда обстановка где-то осложнилась и пока неясна. Но была и надежда, увы, совершенно нереальная, более или менее быстро восстановить положение. Рассчитывали, что вот-вот к переднему краю подоспеют полки Казарцева. Однако и они не давали о себе знать.

Между тем передовые части немецкого танкового корпуса пересекли все междуречье (в этом месте — шестьдесят с небольшим километров) и во второй половине дня 23 августа вышли на берег Волги близ северной окраины Сталинграда, в районе поселков Латошинка и Рынок.

Об этом мы в Карповке узнали тоже не сразу. Сперва собственными глазами увидели другое: в пятом часу вечера через линию фронта пролетели на восток сотни фашистских бомбардировщиков. Их целью мог быть только Сталинград. И скоро там, где он находился, вздыбилась, раздаваясь вширь и ввысь, стена черного дыма. По степи прокатился глухой грохот несчетных бомбовых разрывов.

Меньше трех месяцев назад те же бомбардировщики Рихтгофена у меня на глазах превращали в развалины Севастополь. Теперь 4-й воздушный флот вермахта получил приказ испепелить другой советский город.

Сталинград скрывался за горизонтом, мы видели только дым чудовищного пожарища. И этого было достаточно, чтобы представить масштабы разыгрывающейся трагедии, понять, что такого Сталинграда, какой я видел несколько дней назад,— с напряженно работающими заводами и оживленными улицами, с кварталами глядящихся в Волгу новых высоких зданий и уютными садочками на окраинах — больше нет.

Было неимоверно тяжело. Наверное, это чувство испытывал каждый, кто стоял в тополевой посадке у блиндажей армейского КП. Но на одного человека я невольно обратил внимание — незнакомый мне тогда немолодой уже командир с двумя шпалами в петлицах от волнения прямо посерел.

— Что с вами, майор? — вырвалось у меня.

— Гибнет мой родной город, товарищ генерал,— глухо ответил он.

— Ваша семья сейчас там?

— Точно не знаю...

Майор из запаса Александр Иванович Акимов, сталинградец родом и многолетний председатель Камышинского райисполкома, стал в дальнейшем одним из моих близких сослуживцев. Ведая в армейском тылу доставкой боевым частям горючего, он был тесно связан по работе с оперативным отделом штарма, а когда у нас не хватало офицеров связи, выполнял далеко не снабженческие задания.

Акимов принадлежал к тем запасникам, которых мобилизовали на усиление армии еще в предвоенные месяцы. Войну он встретил у западной границы и вот оказался в войсках, защищавших его родной город. Нетрудно представить, что он должен был пережить за трагическое двадцать третье августа, когда гитлеровцы варварски сожгли Сталинград.

Что и как произошло в этот день в самом городе, до нас доходило постепенно. Но ради последовательного изложения событий, вероятно, следует рассказать об этом сразу.

Если глубокий прорыв вражеских танков с плацдарма у Дона к Волге оказался непредвиденным для армейских штабов, то еще более неожиданным явился он для жителей Сталинграда, для городских руководителей. Потом товарищи из горкома партии вспоминали, как они не сразу поверили секретарю Тракторозаводского райкома и директору Сталинградского тракторного завода (СТЗ), когда те один за другим сообщили по телефону, что фашистские танки появились в трех километрах от Тракторного...

Рабочие, стоявшие у станков и конвейеров, знали, что фронт недалек и там ждут их продукцию. Однако вряд ли кто из них мог подумать, что еще до конца смены им самим придется взяться за оружие.

И все же они оказались готовыми к бою!

Надо сказать, что еще осенью 1941 года, когда впервые появилась отдаленная угроза Сталинграду, тут был создан Городской комитет обороны во главе с первым секретарем обкома партии А. С. Чуяновым. Еще раньше

в городе и области начали формировать корпус народного ополчения в составе кавалерийской и стрелковой дивизий, а также танковой бригады (ее в основном укомплектовали тракторозаводцами). Часть этих формирований, не понадобившихся тогда для защиты города, была использована в других местах. А ополченцы и бойцы истребительных отрядов, оставшиеся в Сталинграде, прошли без отрыва от производства основательную военную подготовку. 23 августа сигнал тревоги призвал их к оружию прямо от станков.

Но самыми первыми встретили врага оказавшиеся на его пути зенитчики.

На высотках в районе поселков, примыкающих к северной окраине Сталинграда, на огневых позициях стояли батареи 1077-го зенитно-артиллерийского полка ПВО. Командовал им подполковник В. С. Герман. Предназначенный прикрывать от воздушных налетов заводскую часть города, и прежде всего СТЗ, полк имел на вооружении лучшие в то время 85-миллиметровые зенитные орудия. Как бывало на фронте не раз, эти пушки открыли теперь огонь по танкам.

Приняв бой в крайне неблагоприятных условиях, зенитчики проявили железную стойкость. Не знаю точно, сколько фашистских танков вывели они из строя, но головные части врага, почти достигшие города, задержали.

Командующий фронтом А. И. Еременко приказал начальнику автобронетанкового учебного центра генерал-майору Н. В. Фекленко возглавить тракторозаводский боевой участок. В организации обороны у северной окраины города приняли участие заместитель председателя Совнаркома и нарком танковой промышленности В. А. Малышев (только что прибывший в Сталинград в качестве уполномоченного ГКО) и находившийся на Тракторном начальник автобронетанкового управления Красной Армии генерал-лейтенант Я. Н. Федоренко. Присутствие этих товарищей, их авторитет и права помогли командованию фронта и Городскому комитету обороны предельно быстро мобилизовать для отпора врагу все наличные силы и средства. И прежде всего — имевшиеся на СТЗ танки. И те, которые входили в учебные батальоны автобронетанкового центра, и новые, только что собранные, и поступившие в ремонт, включая те, что не имели хода, но могли буксироваться и действовать как огневые точки.

Танков на ходу — это были Т-34 — набралось шестьдесят. Экипажи укомплектовал в основном учебный центр, а механики-водители нашлись и на заводе. Все машины вошли в состав находившейся на переформировании 99-й танковой бригады подполковника П. С. Житнева.

Пока не подоспели другие войска, эта бригада являлась ядром сборных боевых сил, прикрывших северную окраину города. В бригаду были включены или приданы ей отряд танкистов, действовавших в пешем строю, сводный батальон морской пехоты, высаженный кораблями Волжской флотилии, отряды народного ополчения. Между этими подразделениями были распределены 1200 танковых пулеметов «ДТ», имевшихся на заводском складе.

Вслед за тракторозаводцами вставали в строй отряды вооруженных рабочих с «Красного Октября», с «Баррикад». С другого конца города перебрасывался на машинах 282-й стрелковый полк майора М. С. Глущенко (правда, небольшой — около 800 штыков) из 10-й дивизии НКВД, командир которой полковник А. А. Сараев являлся начальником Сталинградского гарнизона.

Дивизия НКВД не имела ни противотанковых ружей, ни артиллерии. Однако за считанные часы на огневые позиции сумели поставить около пятидесяти орудий из тех, что были недавно сданы в ремонт. В их расчеты вошло много заводских рабочих. В течение ночи на 24 августа генерал Фекленко сформировал три новых артиллерийских полка.

Так создавался заслон, оказавшийся достаточно прочным, чтобы не пустить в город фашистскую танковую дивизию. Прорыв к Волге севернее Сталинграда позволил гитлеровцам захватить лишь поселки на узком участке берега.

Не мне, находившемуся в это время в Карповке, рассказывать о подробностях августовских боев на подступах к Тракторному. Знаю, однако, от многих участников этих первых боев у городской черты Сталинграда, что гражданские люди дрались с врагом плечо к плечу с людьми военными, которых было там сперва не так уж много, дрались упорно и самоотверженно, поистине геройски. В числе павших на оборонительных рубежах за Тракторным были командир рабочего отряда, участник боев за Царицын в гражданскую войну Г. П. Позднышев, первая

в стране женщина-сталевар, член обкома партии Ольга Ковалева...

Гитлеровское командование не предвидело такого отпора, какой встретили его ударные части, прорвавшиеся в наши тылы. Это засвидетельствовал в своих воспоминаниях бывший первый адъютант армии Паулюса полковник вермахта Вильгельм Адам:

«Советские войска сражались за каждую пядь земли. Почти неправдоподобным показалось нам донесение генерала танковых войск фон Виттерсгейма, командира 14-го танкового корпуса... Генерал сообщил, что соединения Красной Армии контратакуют, опираясь на поддержку всего населения Сталинграда, проявляющего исключительное мужество... Население взялось за оружие. На поле битвы лежат убитые рабочие в своей спецодежде, передко сжимая в окоченевших руках винтовку или пистолет. Мертвецы в рабочей одежде застыли, склонившись над рычагами разбитого танка. Ничего подобного мы никогда не видели.

Генерал фон Виттерсгейм предложил командующему 6-й армией отойти от Волги. Он не верил, что удастся взять этот гигантский город...»

Бой на подступах к Тракторному заводу уже длился два — два с половиной часа, когда началась чудовищная бомбежка Сталинграда, которую мы увидели из Карповки. При исключительной растянутости города жители его центра, а тем более южной окраины не успели еще узнать, что происходит у северной — за много километров. Вероятно, сталинградцы не особенно встревожились даже тогда, когда услышали рев сирен: воздушные тревоги объявлялись не раз, но сколько-нибудь значительным налетам город до того не подвергался. И бомбы, сброшенные сотнями «юнкерсов» и «хейнкелей» на густонаселенные кварталы, застали людей на работе, на улицах, дома...

Та внешне мирная жизнь, картина которой и обрадовала, и как-то тревожно поразила меня в прифронтовом Сталинграде, оборвалась мгновенно. Отбоя за этой воздушной тревогой уже не последовало.

Разрушаемый бомбами город охватило пламя пожаров. Из разбитых в разных местах баков растекалась го-

рящая нефть. Потушить такие пожары никто не мог, тем более что вскоре вышел из строя водопровод. Невозможно было остановить и продолжавшуюся бомбежку, хотя налет отражали около пятисот зенитных орудий и летчики-истребители двух фронтов. Наши летчики и артиллеристы сбили более ста фашистских бомбардировщиков, но враг с потерями не считался. До наступления темноты на Сталинград было произведено около двух тысяч самолето-вылетов.

Гитлеровское командование действовало по уже знакомому нам злодейскому правилу: если не удалось ворваться в город с ходу, захватить его целым, то он обрекается на уничтожение.

Массированный бомбовый удар по Сталинграду был, конечно, рассчитан и на подавление духа обороняющих его войск. Тоже знакомый прием. Разрушая жилые кварталы Севастополя, фашисты спешили сбрасывать над нашими окопами листовки, кричащие о том, что советским солдатам тут больше нечего защищать — позади, мол, одни развалины. Не приходилось сомневаться, что подобные листовки появятся и в степи под Сталинградом. Но они, как и страшное зрелище горящего у нас за спиной города, могли лишь удвоить, утроить ненависть к врагу.

По мере того как мы все больше узнавали о происходящем в городе, росло в нашей армии и другое могучее чувство — гордость за наших советских людей, за сталинградцев: когда война подступила к их дому, они повели себя как стойкие и мужественные солдаты.

Из поврежденных бомбами и оказавшихся под минометным обстрелом цехов Тракторного завода продолжали выходить отремонтированные танки, а некоторое время — и новые. На «Баррикадах» ремонтировали орудия, на «Красном Октябре», где больше уже не могли плавить сталь, оснащали автомашины пусковыми установками для эрэсов. Нам рассказывали, какие героические усилия прилагаются, чтобы восстановить водопровод, наладить работу мельницы, обеспечить выпечку хлеба для населения и войск в пекарнях, в которых рухнули степы, но уцелели печи.

За первым массированным налетом фашистской авиации последовали новые, в городе не прекращались пожары. Обстановка потребовала эвакуировать из объявленного на осадном положении Сталинграда не занятых обо-

ронными работами жителей, прежде всего детей и женщин. За Волгу начали вывозить также наиболее ценное заводское оборудование. В то же время Городской комитет обороны развернул подготовку к возможным уличным боям.

К нам в штаб доставили необычно выглядевший номер «Сталинградской правды» — совсем небольшого формата, напечатанный, должно быть, в какой-то маленькой типографии. В нем было обращение комитета обороны к населению города. Жители призывались выйти на строительство баррикад, используя для их сооружения все, что есть под руками,— камень, бревна, железо, трамвайные вагоны. В заключение комитет заверял: «Бойцы Красной Армии! Защитники Сталинграда! Мы сделаем для вас все, чтобы отстоять город».

Все это относится, однако, уже не к тому дню, когда танковый корпус гитлеровцев прорвался к Волге, а к двум-трем последующим. И я должен вернуться немного назад, к событиям, происшедшим за это время на фронте.

Чтобы представить всю сложность тогдашней обстановки, следует помнить, что почти одновременно с прорывом к городу с севера враг подступил и к южным его окраинам, где части танковой армии Гота пытались пробиться к Волге в районе сталинградского пригорода Красноармейска. Линия фронта приняла очертания неправильной подковы, которая в центре дуги, у Дона, еще совпадала с внешним оборонительным обводом, а загнутыми внутрь концами тесно сжала город.

Правда, севернее Сталинграда танки и моторизованные части противника оторвались от следовавших за ними пехотных дивизий, и в пробитом гитлеровцами коридоре к Волге — до восьми километров шириной — не было еще сплошной линии фронта. Мы еще очень надеялись, что закрепиться тут врагу не удастся.

Ставка требовала отрезать от Дона и уничтожить прорвавшиеся к Волге неприятельские силы. Для этого под руководством А. М. Василевского, вновь находившегося в Сталинграде, принимались срочные меры. Была образована и немедленно развернула активные действия с внешней, северной стороны коридора ударная группа войск во главе с заместителем командующего фронтом

генерал-майором К. А. Коваленко. Ей ставилась задача — во взаимодействии с нашей армией восстановить положение вплоть до Дона. Одновременно два танковых корпуса из фронтового резерва (вошедшие затем в 62-ю армию) под командованием начальника автобронетанковых войск Сталинградского фронта генерал-лейтенанта А. Д. Штевнева должны были нанести удар по неприятельскому коридору с юга, из района Орловки.

В группу Коваленко вошли также, став ее авангардом, 35-я гвардейская стрелковая дивизия и 169-я танковая бригада, которые двое суток назад были включены в нашу армию и сразу же оказались отрезанными от нас. Но они все-таки к нам пробились! В ночь на 24 августа мы с капитаном Велькиным из оперативного отдела встретили гвардейцев 35-й стрелковой дивизии в степи у речки Россошка. Поддерживаемая танкистами, дивизия с боем вышла на тот участок среднего обвода, куда мы рассчитывали какие-нибудь сутки тому назад вывести ее без всяких осложнений.

Прибыла дивизия «налегке»: без артиллерии, которой не имела (кроме полковой), и без своих тылов, оставшихся за коридором. И это было понятно: наша дивизия пробивалась с севера на юг, а немцы в том же месте — с запада на восток, и каждый стремился задержать другого.

Та ночь показала, что отрезать от остальной армии Паулюса ее войска, оказавшиеся у Волги, труднее, чем представлялось вначале. Противник, не имея сплошного фронта, проявлял большую мобильность, быстро выдвигал на выгодные позиции артиллерию. Поэтому основные силы группы Коваленко до нас дойти не смогли. С нашей стороны содействовать им в перекрытии коридора и перехвате подкреплений, которые немцы проталкивали по нему к Волге, кроме 35-й гвардейской могли бы только два полка дивизии Казарцева. Однако за истекшие сутки она перестала быть той силой, какой ее еще считали в штабе фронта. Но об этом — немного позже.

С комдивом 35-й гвардии генерал-майором Василием Андреевичем Глазковым мне хотелось, конечно, познакомиться поближе. Однако времени на это не было, и говорили мы только о состоянии дивизии, о ближайшей боевой задаче. Кто думал, что наша короткая первая встреча станет и последней!..

Генерал Глазков доложил мне показания захваченного той же ночью пленного — насколько помню, из 76-й пехотной дивизии. Он заявил, что есть приказ взять Сталинград 25 августа.

Опять, значит, нацелились на двадцать пятое — не июля, так августа... Между первым, сорвавшимся сроком и новым прошел целый месяц. Это говорило само за себя. Но и новый срок тоже срывался. Он перестал быть реальным уже потому, что ни прорыв фашистских танков к окраине Сталинграда, ни неистовые бомбежки не вызвали смятения и паники, на которые наверняка делал ставку враг, рассчитывая за двое суток овладеть городом.

Однако если такой приказ действительно существовал, следовало ожидать, что гитлеровцы, пытаясь его выполнить, будут сегодня и завтра нажимать как только смогут. Показания пленного я немедленно переправил на армейский КП, откуда они должны были быстро дойти до командования фронта.

Глазков успел познакомить меня со своим заместителем полковником В. П. Дубянским, недавним начальником штаба воздушно-десантного корпуса, на основе которого формировалась эта дивизия. Дубянский был значительно старше комдива, он участвовал — это, впрочем, я узнал уже после — и в гражданской войне, и в первой мировой.

А бойцы 35-й гвардейской навсегда запомнились мне такими, какими увидел их той ночью. Даже покрытые степной пылью, только что вышедшие из боя, они выглядели щеголевато. На оставленных им голубых петлицах поблескивали серебристые «птички», на поясных ремнях — десантные ножи со светлыми рукоятками. У каждого — значок парашютиста...

Их готовили к борьбе в тылу врага, к ближнему бою в самых необычных и неожиданных условиях, к большой самостоятельности, к дерзким действиям мелкими группами и в одиночку. И все это понадобилось, все пригодилось потом в Сталинграде!

Такими вот удальцами командовал и гвардии старший лейтенант Рубен Ибаррури — сын Долорес Ибаррури. В 35-й дивизии он был командиром пулеметной роты учебного батальона, действовавшего в качестве передового отряда. Под хутором Власовка южнее станции Котлу-

бань этому подразделению пришлось принять на себя яростный натиск врага. Курсанты выстояли, отбив не одну атаку и уложив немало гитлеровцев. Старший лейтенант Ибаррури заменил в бою погибшего комбата, а затем сам был тяжело ранен. Его доставили в госпиталь, но рана оказалась смертельной...

Об этом, как, впрочем, и о том, что Рубен Ибаррури сражался, хоть и недолго, в рядах 62-й армии, я узнал не в ту же ночь, а позже, когда мне было поручено выяснить обстоятельства гибели сына Пассионарии.

Убедившись, что генерал Глазков уяснил свою новую задачу — наступать вместе с танковой бригадой в направлении Вертячего (мыслилось, что с помощью группы Коваленко армия вернет прежние позиции на внешнем обводе), я поспешил к Казарцеву. После вчерашних событий положение его полков было неясным, связь со штабом дивизии отсутствовала. Найти его помог капитан Велькин, отлично знавший местность и обладавший, как выяснилось, прекрасной интуицией.

Рано утром 24 августа мы обнаружили временный КП 87-й стрелковой дивизии, развернутый в районе хутора Ново-Алексеевский, у степной балки, почему-то называвшейся Золотой. Здесь находились полковник Александр Игнатьевич Казарцев и часть работников штаба. Однако исчерпывающе доложить о состоянии дивизии комдив не мог. И я понял — бывают такие положения! — что не могу сейчас от него этого потребовать.

Прошло немногим более суток с тех пор, как дивизии Казарцева было приказано выдвинуться к Вертячему, где готовился контрудар по неприятельскому плацдарму на левом берегу Дона. Бросок сосредоточившегося на плацдарме немецкого танкового корпуса упредил наши действия. И дивизия, снявшаяся с прежних позиций, находясь на марше в армейских тылах, оказалась на пути прорвавшихся вражеских танков. А перед тем она еще подверглась массированному налету бомбардировщиков, расчищавших путь своим танкам.

Словом, в бой ей пришлось вступить в условиях, хуже которых не придумаешь, — там, где не было никакого оборудованного рубежа, где никто не ждал появления противника. Казарцев рассказывал:

— Когда в степной дали увидели какие-то бугорки, их приняли в первый момент за копны убранного хлеба.

Однако бугорки двигались, и стало ясно, что это танки, хотя и было еще непонятно, откуда они взялись. Кто-то начал их считать, досчитал до девяноста и бросил: лишний десяток уже ничего не менял.

Подразделения 87-й стрелковой приняли неравный бой, не имея времени к нему подготовиться. Люди сознавали, что этот внезапный прорыв нацелен прямо на Сталинград. Но остановить врага застигнутая на марше дивизия не могла. А на нее вновь и вновь обрушивала бомбовые удары авиация, не давая как следует окопаться, умножая потери.

По коридору, пробитому фашистскими танками, двинулась мотопехота. Противник рассек дивизию Казарцева надвое. Сколько его людей находится по ту сторону коридора, сколько пало в бою, комдив не знал. Но было уже известно, что ни артиллерии, ни 120-миллиметровых минометов дивизия больше не имеет, как и батальона связи со всеми его рациями. Тяжелые потери понесли стрелковые полки и приданный курсантский.

При мне подтвердилось, что погиб, подрывая гранатами танк, командир стрелкового полка майор Зайцев. «Самый геройский полковой командир, самый грамотный!..» — сказал о нем Казарцев. Начальник штаба дивизии полковник В. Г. Янов докладывал, где и сколько собрано бойцов, наносил на карту комдива новые данные о батальонах и сводных отрядах, занявших в разных местах круговую оборону.

Комдив и начштаба были кадровыми военными, у которых длительная служба выработала умение сдерживать свои чувства при любых обстоятельствах. Но я представлял, чего стоила им эта сдержанность, когда приходилось собирать по крупицам то, что осталось от дивизии, имевшей сутки назад почти полный штатный состав.

Александр Игнатьевич Казарцев долго служил на Дальнем Востоке (там мы с ним не встречались, но в масштабах тех просторных краев были, можно сказать, соседями). Там же формировал он и эту дивизию. Полковник Казарцев уберег ее, когда фашистская авиация пыталась перехватывать следовавшие к Сталинграду железнодорожные эшелоны: выгрузил полки в Поворине и повел дальше в пешем строю, решив, что так будет надежнее. А теперь вот... Чувствовалось, он не перестает

мысленно задавать себе мучительный вопрос: может быть, все-таки чего-то не учел, не предусмотрел?..

Нет, казнить себя комдиву было не за что. Выполняя приказ, он ничего от него зависящего не упустил. Только вряд ли это могло его утешить.

А в тот день нам с Казарцевым пришлось пережить еще немало горьких минут.

Наблюдатели доложили о показавшейся в степи колонне автомашин. Мы поднялись на бугор и увидели их сами. Различимые невооруженным глазом, машины шли в стороне от нас к Волге — Паулюс посылал туда подкрепления...

Казарцев смотрел, стиснув зубы. Сжимались кулаки у стоявшего рядом военкома дивизии полкового комиссара Тимофея Николаевича Антонова. У дивизии не осталось ни артиллерии, ни крупнокалиберных минометов, чтобы ударить по проходившему мимо врагу. И я, заместитель командарма, был не в состоянии немедленно помочь им, не располагал резервами, которые можно было бы быстро перебросить на этот участок.

Сколько ни испытал тяжелого за войну, мало с чем сравнишь то, чем наказала меня судьба в тот день, — своими глазами видеть, как фашисты катят по донской степи на машинах к моей родной Волге, и не иметь возможности сейчас же этому помешать...

За первой колонной грузовиков двигались следующие. Машины с солдатами сопровождались танками, прикрывались группами «мессершмиттов». Хотелось верить, что эти колонны все же кто-то задержит — до Волги и Сталинграда оставалось еще около сорока километров, а о движении немецких войск по коридору командованию фронта было известно. В этом убеждали действия нашей авиации.

Сперва мы услышали разрывы бомб и эрэсов справа, где скрылась первая колонна фашистских машин. Затем увидели, как девятка «илов» пронеслась на малой высоте над другой колонной. Бойцы и командиры, стоявшие у дивизионного КП, кричали от восторга «ура». Там, где пролетели штурмовики, все скрылось в клубах дыма и вспышках огня. Но «илам» тоже досталось, когда на них навалилось вдвое больше «мессеров»...

«Илы» прилетали еще не раз. Однако их было недостаточно, чтобы остановить переброску неприятельских

подкреплений. Слишком уж мало штурмовиков имел тогда Сталинградский фронт, и требовались они, конечно, не только тут.

Я уехал от Казарцева, определив, какой рубеж он должен занять и удерживать наличными силами, установив локтевую связь с дивизией Глазкова. Между прочим, выяснилось, что Глазков и Казарцев давным-давно знакомы — когда-то командовали взводами в одном полку.

Не зная точно обстановки непосредственно у Сталинграда, мы исходили, однако, из того, что пробитый противником коридор удастся в конце концов перекрыть. Ответственность за это остро сознавали не только командиры соединений, но и бойцы, которые, оказавшись отрезанными от своих частей, действовали изолированными группами и оценивали положение самостоятельно.

Не о том ли свидетельствует подвиг тридцати трех воинов 1379-го стрелкового полка 87-й дивизии?

Этот подвиг совершили шесть связистов во главе с младшим лейтенантом Г. А. Стрелковым и младшим политруком А. Г. Евтифеевым, пятнадцать полковых разведчиков под командованием замполитрука Л. И. Ковалева и двенадцать автоматчиков старшины Д. И. Пуказова. Не имея в тот момент возможности пробиться к своему полку, они заняли оборону на выгодно расположенной высотке и сделали все, чтобы фашистские танки здесь не прошли. Закрепившаяся на высотке группа бойцов имела одно-единственное противотанковое ружье.

В течение дня на этом участке пыталось прорваться до семидесяти немецких танков. Однако ни один из них не прошел. Двадцать семь танков были подбиты и сожжены гранатами, бутылками с зажигательной смесью, расчетливыми выстрелами из единственного ПТР. Кроме танков те же бойцы уничтожили около полутораста гитлеровцев.

Отрадным был и другой итог этого упорного и длительного, многократно возобновлявшегося боя: нанеся врагу весомый урон, группа наших бойцов никаких потерь не понесла. Два или три дня спустя все тридцать три защитника высоты 77,6 предстали перед своим командиром дивизии осунувшиеся, обожженные (пытаясь выбить их с позиции, гитлеровцы использовали и огнемет), но живые! Редко бывает так при подобных обстоятельствах.

Все они вскоре получили боевые награды. О подвиге

тридцати трех узнала вся 62-я армия. Особую известность приобрел красноармеец Семен Калита, подорвавший три вражеских танка.

Не могу не отметить еще вот что: бой, который вели эти воины, был для них, в сущности, первой встречей с врагом лицом к лицу. Об этом я упоминаю не только для того, чтобы отдать должное полковнику Казарцеву, другим командирам и политработникам 87-й стрелковой дивизии, сумевшим подготовить своих людей к испытаниям войны.

Подвиг тридцати трех говорил о большем. Он отразил, мне кажется, самое характерное в тогдашнем состоянии духа многих тысяч бойцов нашей армии, нашего фронта: обострившееся понимание того, что за спиной у них такой рубеж, отдать который врагу просто немыслимо, и растущее сознание собственной силы.

Еще в течение нескольких дней мы надеялись, что положение на правом фланге армии, существовавшее до 23 августа, когда образовался неприятельский коридор, будет скоро восстановлено. Не сразу стала известна и численность прорвавшихся к Волге неприятельских сил.

Между тем вслед за 16-й танковой дивизией противника — авангардом корпуса фон Виттерсгейма (самого его Паулюс сместил) на восток продвинулась 60-я моторизованная дивизия. Отрезать эти вражеские войска от остальной армии Паулюса не удавалось.

Из этого не следует, что упорные контратаки группы генерала К. А. Коваленко и усилия армий, действовавших севернее — и на левом берегу Дона, и на задонских плацдармах, были напрасными. Пусть их удары по врагу не всегда могли быть хорошо подготовлены и не всегда давали желаемые результаты, но неприятельских сил они сковывали немало. Без этой поддержки 62-й армии пришлось бы еще тяжелее.

В коридоре, появившемся 23 августа, гитлеровцы сумели-таки закрепиться. И пришлось наконец признать как непреложный факт, что от остальных армий Сталинградского фронта мы оказались отрезанными.

Это повлекло за собой передачу — с 29 августа — нашей армии в состав Юго-Восточного фронта. Командующий у нас остался прежний: оба фронта продолжал воз-

главлять генерал-полковник А. И. Еременко. А по штабной линии начальник стал новый — генерал-майор Г. Ф. Захаров. Было известно, что штабист он опытный и занимал еще до войны высокие посты. Мы были наслышаны также о его исключительно твердом характере, жесткой требовательности. Однако резкость и вспыльчивость Г. Ф. Захарова подчас удивляли даже в той напряженной обстановке. Впрочем, общение с ним сводилось лично для меня к не столь уж частым разговорам по телефону. Многие вопросы решались с заместителем начальника штаба Н. Я. Прихидько, человеком совсем иного склада.

Командный пункт армии был перенесен из Карповки в Дубовую балку — ближе к Сталинграду.

Кажется, совсем не было у меня времени привыкнуть к степному селу, где застал управление армии и провел считанные дни, да и то урывками, наездами. Но сниматься из Карповки, хоть и не сомневался в необходимости этого, оказалось нелегко. Оперативная группа штаба уже находилась на новом КП, все свертывалось, а я мерил и мерил шагами тополевую аллейку на школьном участке, где столько передумал в первую свою ночь под Сталинградом. Было такое ощущение, будто должен еще что-то осмыслить, понять, прежде чем сяду в машину, которая увезет еще ближе к Волге — к самому последнему рубежу...

В результате образования неприятельского коридора между Доном и Волгой наш передний край, увеличившись на десятки километров и приняв Г-образную конфигурацию, прошел на севере по недавним армейским тылам на всю их глубину. Появления противника можно было ожидать также с юга — на левом фланге — или даже с востока — если бы ему удалось отрезать нас от Волги, чего тоже нельзя было исключить. А наши наличные силы не обеспечивали надежного прикрытия всех опасных участков и направлений.

К концу августа в армии числилось свыше десяти дивизий и бригад. Однако во многих из них не набралось бы людей и на один полк. Пять дивизий имели меньше чем по пятьсот штыков, а 87-я стрелковая полковника А. И. Казарцева — всего двести двадцать (не считая, ко-

нечно, подразделений, оставшихся по ту сторону коридора, в полосе другой армии и другого фронта). И каждому из таких номинальных соединений, а фактически — уже совсем небольших частей, ставились ответственные боевые задачи.

399-я стрелковая дивизия полковника Н. Г. Травникова (вернее, то, что осталось от нее), державшая круговую оборону под Большой Россошкой, имела приказ не допускать прорыва противника к дороге Карповка — Воропоново. Из подразделений 112-й дивизии подполковника И. Е. Ермолкина создавались противотанковые узлы сопротивления — опять-таки с круговой обороной, потому что между ними не было сплошного фронта.

А в районе Калача, где гитлеровцам 25 августа в конце концов удалось форсировать Дон, вела тяжелые бои 20-я мотострелковая бригада полковника Петра Сысоевича Ильина. Усилить, поддержать ее мы могли лишь одним бронепоездом. Ильин и не просил подкреплений, очевидно понимая, что их послали бы ему без всяких просьб, будь на то возможность.

Участок 20-й бригады, оставлявший, как я уже говорил, впечатление высокой подготовленности к отражению вражеских ударов, действительно стал для гитлеровцев серьезной преградой. Только благодаря своему многократному численному перевесу противник смог ворваться в Калач и занять около половины города. Однако не надолго. Несмотря на то что и у Ильина потери были немалые, его поредевшие батальоны выбили фашистов из захваченных ими кварталов и вернулись на прежние позиции. Вновь и вновь разрушалась наводимая немцами переправа.

После трех дней боев за Калач гитлеровское командование вряд ли поверило бы, что его обороняют уже менее четырехсот бойцов. В это время немцы, подключившись где-то к телефонным проводам, соединявшим подразделения бригады с ее штабом, надумали вступить в переговоры с защитниками почти окруженного городка, и чей-то голос попросил позвать к аппарату «командующего группой советских войск»... А у Ильина в окопах находились не только комендантский взвод, связисты, разведчики, но и бо́льшая часть штабистов.

После перенесения армейского КП из Карповки мы на некоторое время потеряли связь с 20-й мотострелковой

бригадой (в те дни связь нередко прерывалась и с другими частями). Положение в районе Калача стало неясным. Разведотдельцы склонялись к тому, что этот город — в руках противника.

И вот поздно вечером 28 августа полковника Камынина вызвали с заседания Военного совета в соседнее помещение — к рации. Вернувшись через две-три минуты, Сергей Михайлович, радостно возбужденный, произнес:

— Я разговаривал с командиром двадцатой бригады. Полковник Ильин докладывает, что по-прежнему удерживает Калач и контролирует переправу. Командный пункт Ильина на старом месте. Но людей у него, как я понял, осталось немного. Разговор не закончен. Что передать товарищу Ильину?

— Прежде всего — что весь Военный совет крепко жмет ему руку! — первым откликнулся дивизионный комиссар Гуров.

И Калач продолжал держаться. Теперь, много лет спустя, оборона старинного казачьего городка на Дону в августе сорок второго года, бои вокруг него и на его улицах, где шла борьба за каждый дом, представляются мне еще более значимыми. Они явились как бы прологом к боям в самом Сталинграде, которых мы тогда все еще надеялись избежать. Прологом в том смысле, что особая стойкость (ее хочется назвать сталинградской), возраставшая в войсках вопреки крайне неблагоприятному для нас развитию событий, стойкость, сочетавшаяся с высокой боевой активностью и сорвавшая в конечном счете все планы врага, проявилась под Калачом с очень большой силой.

Калач — ближайший к Сталинграду с запада населенный пункт городского типа, его донской форпост. Но никаких укреплений, кроме обычных полевых, там не существовало. Гитлеровцы наверняка рассчитывали овладеть Калачом с ходу и сразу же оседлать дорогу, ведущую от него к Волге. Однако простой районный центр, обороняемый малочисленной частью, оказался для врага крепким орешком, «разгрызать» который пришлось не один день.

Стойкая оборона Калача облегчила перегруппировки наших частей, позволившие, хотя и ненадолго, задержать продвижение врага на других участках. А в Сталинград тем временем переправлялись с левого берега Волги свежие стрелковые бригады — 124-я отдельная полковника

С. Ф. Горохова, 149-я отдельная подполковника В. А. Болвинова...

Бригады предназначались для нашей армии. Но первые боевые задачи им ставило непосредственно командование фронта, образовавшее 28 августа Северную группу войск во главе с полковником Гороховым. Северную — потому, что эти свежие части прямо от переправы направлялись через разрушенный бомбежками и еще горящий город к Тракторному заводу, за Мечетку.

Под командованием полковника Горохова были объединены также и формирования, действовавшие там раньше,— танкисты Житнева, рабочие отряды, полк НКВД, батальон моряков. Сколачиванием оперативной группы руководил остававшийся в Сталинграде начальник автобронетанкового управления Красной Армии генерал-лейтенант Я. Н. Федоренко. Группа Горохова сразу проявила себя как боевая сила, нацеленная на активные, наступательные действия. Решительными контратаками она выбила гитлеровцев из поселков Спартановка и Рынок, оттеснив их от города на несколько километров — примерно туда, где ныне начинается плотина Волгоградской ГЭС.

Еще не приняв новые бригады, не успев познакомиться с ними, мы в штабе армии почувствовали, что на северном участке появилось крепкое, высокобоеспособное соединение, возглавляемое опытным командиром. Потом узнали, что 149-я бригада — это сибиряки, а в 124-й половина бойцов — дальневосточники. Бригады были молодые, сформированы недавно, но почти весь командный состав уже прошел школу войны. А полковник Сергей Федорович Горохов оказался бывшим начальником штаба знаменитой 99-й стрелковой дивизии, которая в июне сорок первого отбила у гитлеровцев Перемышль и затем геройски его обороняла.

За северное направление стало на время спокойнее. Но на западе и юго-западе, хотя фронт тут проходил гораздо дальше от города, обстановка после короткого, на какие-нибудь сутки, затишья, когда атаки врага приостановились, вновь стала резко осложняться. Прорыв неприятельской ударной группировки у Гавриловки и станции Тундутово — в полосе 64-й армии — создал реальную угрозу и ее и нашим тылам.

30 августа последовал приказ командующего фронтом об отводе обеих армий на средний оборонительный обвод.

Решение об этом отводе расценивается теперь военными историками как запоздалое. Таким оно, наверное, и было. Сокращение фронта в сталинградской «подкове» становилось необходимым из-за недостатка сил. Для организации обороны на новом рубеже требовалось какое-то время, но теперь его в нашем распоряжении не оказалось. Противник упредил нас дальнейшими опасными вклиниваниями, и через двое суток пришлось отходить со среднего обвода на внутренний.

Много времени спустя мне стало известно, что решение об отводе войск 62-й и 64-й армий на рубежи среднего обвода первоначально принималось в Ставке Верховного Главнокомандования еще 25 августа. Причем к принятию такого решения, а затем к отмене его, или, точнее, к объявлению его необязательным, имели отношение действия нашего командарма Лопатина. Чтобы объяснить это, надо вернуться немного назад.

Когда в ночь на 25 августа я прибыл на армейский КП из дивизий Глазкова и Казарцева, Антон Иванович Лопатин молча протянул мне телеграмму, которая была послана им днем в два адреса — начальнику Генерального штаба и командующему фронтом. В телеграмме он докладывал об обстановке, сложившейся в результате прорыва противника на нашем правом фланге, и просил разрешить ему, в целях сохранения сил и техники и более выгодной группировки войск армии, отвести три дивизии левого фланга (399, 131 и 112-ю), а также 20-ю мотострелковую бригаду на рубеж Ново-Алексеевский, Синеоковский, Гавриловка, то есть на средний оборонительный обвод.

Прочитав телеграмму, я не сразу нашелся что сказать. Кажется, такой же была и первая реакция Гурова, Пожарского, Камынина, с которыми Лопатин советовался еще до того, как телеграмма была составлена.

Решиться на то, что через несколько дней стало неизбежным, тогда было еще не так просто. Уйти самим с донского рубежа? Оставить Калач, где стойко держалась бригада Ильина?.. Но нельзя было закрывать глаза на то, что теперь противник угрожает нашим войскам, остающимся у Дона, не столько с фронта, сколько с фланга, а может обойти их и с тыла. Возможна ли устойчивая оборона армии в целом, если ее правое крыло, оттесненное от Дона, останется на среднем обводе, а левое — на внеш-

нем, донском, и резервов, чтобы надежно перекрыть разрыв между ними, по-прежнему не будет? Предложение Лопатина означало, что на центральном участке фронт приблизился бы к Сталинграду километров на тридцать. Но не означало ли оно также единственную возможность стабилизировать фронт обороны на тех рубежах, где это в сложившейся обстановке было реальным?

Поразмыслив над всем этим, я сказал командующему, что с содержанием телеграммы согласен. Его предложения представлялись разумными, дальновидными. К такому же мнению пришли Гуров, Пожарский, Камынин.

Но командующий фронтом уже ответил на просьбу об отводе нашего левого фланга отказом, потребовав продолжать активные действия по восстановлению положения на правом. В Ставке же посмотрели на дело иначе. Оттуда поступила в Сталинград утром 25 августа телеграмма (до армии она не дошла, поскольку нам и не предназначалась), где говорилось: «...Следовало бы отвести Лопатина на следующий обвод, восточнее Дона, а также и 64-ю армию, отвод надо произвести скрытно и в полном порядке, чтобы он не превратился в бегство. Надо организовать арьергарды, способные драться до смерти, чтобы дать отойти частям армий...» [1]

Тем временем до Москвы дошло донесение Лопатина, в котором излагалось решение, принятое во исполнение требований командующего фронтом о наступательных действиях правофланговых дивизий — 87-й и 35-й гвардейской (принятое, добавлю, еще до того, как командарм узнал из моего доклада, что от 87-й дивизии Казарцева, рассеченной прорывавшимся противником надвое, в полосе нашей армии остался один малочисленный полк).

Не знаю, могло ли это донесение быть понято как отказ от просьбы разрешить отвод левого фланга армии. Но в другой телеграмме Верховного Главнокомандующего, посланной в Сталинград в тот же день, содержались такие слова: «...утреннюю директиву об отводе 62-й и 64-й армий на восток можете считать необязательной» [2].

Решение, таким образом, было оставлено за командованием фронта. Через сутки, в ночь на 26-е, Лопатин вновь поднял вопрос об отводе с Дона хотя бы двух ди-

---

[1] ЦАМО, ф. 96, оп. 2011, д. 22, л. 324, 325.
[2] Там же.

визий — 399-й и 131-й, и уже не на средний обвод, а на промежуточный рубеж между ним и Доном. Генерал-полковник Еременко не дал «добро» и на это. По-видимому, он продолжал рассчитывать, что ожидаемый успех контрударов с севера решительно изменит обстановку.

Что конкретно дал бы более ранний отход на средний обвод, гадать не стану. А в какой обстановке в ночь на 31 августа пришлось отходить основным силам армии, читатель, думаю, уже может себе представить. Окружения между Доном и Волгой и сопряженных с ним потерь в людях и тяжелой технике большинству наших частей все же удалось избежать. Но — не всем.

Приказ об отходе касался, конечно, и бригады Ильина, продолжавшей удерживать Калач. Однако связь с Ильиным вновь прервалась, и с позиций у Дона он снялся на сутки позже, следующей ночью. Бригада и приданные ей подразделения укрепрайона имели в строю 530 человек и пять исправных орудий. Уйти из Калача им удалось незаметно для противника. А потом, в силу сложившихся обстоятельств, бригаде пришлось вести бои на промежуточных рубежах в качестве армейского отряда прикрытия. В районе Карповки полковнику Ильину были подчинены остатки других частей, и его группа вновь проявила отменную стойкость, задержав здесь вражеские танки.

Все усилия направлялись на то, чтобы закрепиться на среднем обводе, и уже возникали опасения, что не везде это удастся. И вот в этой сложнейшей обстановке было решено сделать одно, по-своему неотложное дело, не имевшее прямого отношения к боевым задачам дня.

Командарм потребовал справку о числе курсантов Орджоникидзевского училища, находящихся у нас в строю. Оказалось, что их было около ста двадцати человек.

— Ну вот что, — сказал Антон Иванович Лопатин нам с Гуровым, — хватит им воевать рядовыми. Давайте выведем сегодня же всех этих ребят из боя и прикажем начальнику училища произвести досрочный выпуск. Командиры взводов нам нужны позарез, и более подготовленных, чем эти, сейчас вряд ли получим. Да и просто в долгу мы перед ними за все, что они уже сделали.

Выпуск произвели в деревне Ежовка. Кадровики армии распределили командирское пополнение по дивизиям. Вместе с выпускниками училища звание младшего лей-

тенанта было присвоено сержанту Петру Болото — знаменитому уже бронебойщику, будущему Герою Советского Союза.

Ночь на 2 сентября была по-осеннему ненастной, с моросящим дождем. На нависших над степью облаках багровели отсветы дальних пожаров.

Несколько часов назад противник захватил станцию Басаргино в полосе 64-й армии, вновь создав острую угрозу ее и нашим тылам. После этого командующий фронтом и оказался вынужденным приказать обеим армиям занять оборону на внутреннем сталинградском обводе. Войска 62-й отводились на рубеж Песчанка, Алексеевка, Гумрак, Городище... Другими словами — на ближние подступы к городу.

Офицеры связи разъехались по дивизиям с написанными от руки — перепечатывать было некогда — боевыми распоряжениями о том, кому какие позиции надлежит занять к утру. Основная задача формулировалась для всех одинаково: не допустить прорыва врага в Сталинград.

В группу полковника Ильина, находившуюся дальше всех от нового рубежа, посылать письменное боевое распоряжение было бесполезно: если бы кому-то и удалось благополучно добраться до Карповки, на это ушло бы слишком много времени. Проводной связи с Ильиным, конечно, не было. Но разговор с ним обеспечили радисты.

Услышав в наушниках голос полковника, я осведомился о его «здоровье». Из ответа явствовало, что положение группы сносное и что свои позиции, занятые сегодня после отхода из Калача и сохраненные при отражении танковых атак, она удерживает. Но оставаться там, фактически в тылу у немцев, было уже незачем. Я передал Ильину приказание командарма — свернуть все «хозяйство» и двигаться на восток, прямо к Дубовой балке. Такой маршрут представлялся наиболее надежным.

Настал час вновь сниматься с места и штабу армии. На сей раз он перемещался в район пригородной больницы — примерно в четырех километрах от центрального массива жилых кварталов Сталинграда и километрах в семи от Волги.

Мы не теряли надежды, что противника еще удастся остановить за чертой города. На это настраивал и только

что разосланный по частям приказ войскам Юго-Восточного фронта от 1 сентября — приказ-воззвание, обращенный ко всем бойцам, командирам и политработникам. Военный совет фронта призывал их к беззаветной храбрости и стойкости в борьбе с зарвавшимся врагом. «Враг должен быть и будет разбит на подступах к Сталинграду», — говорилось в приказе.

Но как бы ни хотелось верить, что до боев в самом городе дело не дойдет, не думать об этом было уже нельзя. В штабе армии стали держать под рукой наряду с другими картами и план Сталинграда — кто поручился бы, что он не понадобится?

И той же ночью Военный совет армии принял решение произвести рекогносцировку местности в определенной части города. Она поручалась командирам двух танковых корпусов (в них были объединены подразделения шести танковых бригад и некоторые стрелковые части), которые в случае необходимости заняли бы там оборону. Командир 23-го танкового корпуса А. Ф. Попов получил приказание отрекогносцировать центр Сталинграда от Мамаева кургана до Царицы, командир 2-го танкового корпуса А. Г. Кравченко — Баррикадный район.

Перечитывая сейчас, по прошествии почти трех десятилетий, штабные документы, где все это зафиксировано, и переносясь мысленно в те трудные дни далекого сорок второго года, я испытываю двоякое чувство.

С одной стороны, обстановка, сложившаяся под Сталинградом в первых числах сентября, представляется еще более грозной и неблагоприятной для нас, и это объясняется прежде всего тем, что мне сейчас известно о ней гораздо больше, чем тогда. Однако по той же причине, а также, наверное, и потому, что есть вещи, которые вообще виднее издалека, итоги тяжелых боев между Доном и Волгой вызывают уже не только горечь и боль.

Да, остановить врага на дальних подступах к Сталинграду мы не смогли. Борьба переносилась к стенам города, а за его северной окраиной гитлеровцы прорвались уже к самой Волге. Но, преодолев шестьдесят километров междуречья, враг был (хоть и не сознавал еще этого) так же далек от поставленной им себе цели, как и шесть недель назад, когда он выходил к большой донской излучине. Кому теперь не ясно, что значили эти недели для конечного исхода Сталинградской битвы?

ВЫСОТА 102

Многим, кто интересовался историей Сталинградской битвы, знакома давно уже опубликованная телеграмма, которую Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин 3 сентября 1942 года направил генералу армии Г. К. Жукову:

«Положение со Сталинградом ухудшилось. Противник находится в трех верстах от Сталинграда. Сталинград могут взять сегодня или завтра, если Северная группа войск не окажет немедленную помощь. Потребуйте от командующих войсками, стоящими к северу и северо-западу от Сталинграда, немедленно ударить по противнику и прийти на помощь к сталинградцам. Недопустимо никакое промедление...»

В тот день 62-я армия, отбиваясь от наседающего врага, который начал штурмовать внутренний сталинградский обвод, и непрерывно атакуемая с воздуха, прилагала неимоверные усилия, чтобы закрепиться на последнем перед городом и далеко еще не полностью оборудованном рубеже. Тогда я, разумеется, не мог знать об этой телеграмме. Не знал я еще и того, что Г. К. Жуков, только что командовавший Западным фронтом, стал заместителем Верховного Главнокомандующего и находится под Сталинградом.

Текст телеграммы Верховного Главнокомандующего я привожу потому, что вся она была проникнута тревогой за положение, создавшееся именно там, где оборонялись наша армия и соседняя 64-я.

«Противник в трех верстах от Сталинграда» — это было у нас. И под сталинградцами, которым Верховный требовал немедленно прийти на помощь, подразумевались наши части, поредевшие в тяжелых боях и отведенные накануне на внутренний обвод.

О том, что войска, отделенные от нас неприятельским коридором (в телеграмме И. В. Сталина они названы северной группой, но читатель не должен смешивать их с Северной группой Горохова, входившей в нашу армию), продолжают контратаковать противника, стремясь соединиться с нами, в штабе армии было, конечно, известно. Да и вся 62-я армия, хотя она и была разъединена со своими соседями справа, ощущала результаты их боевой активности. Ведь эти их отвлекающие действия пока что не давали Паулюсу бросить на штурм Сталинграда все свои силы.

Впрочем, в полной мере представить то, что делалось тогда нашим командованием для ослабления натиска врага непосредственно на Сталинград, я смог лишь потом.

3 сентября севернее Сталинграда атаковала противника с фланга 1-я гвардейская армия, фактически заново укомплектованная. А тем временем в тот же район — между Ерзовкой и Самофаловкой — выдвигались переданные Сталинградскому фронту из резерва Ставки 24-я армия генерал-майора Д. Т. Козлова и 66-я армия генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского, которые начали наступление 5 сентября. Эта операция была подготовлена в экстренном порядке. Стрелковые дивизии вводились в бой прямо с трудного марша, не дожидаясь подхода артиллерии усиления.

И хотя ликвидировать вражеский коридор и соединиться с нами армиям Сталинградского фронта не удавалось, гитлеровскому командованию пришлось повернуть на север, на прикрытие своего фланга, часть войск, предназначавшихся для штурма города.

Впоследствии я прочел в воспоминаниях Г. К. Жукова запись одного его разговора по прямому проводу с И. В. Сталиным. Когда Жуков доложил, что армии, начавшие наступать, продвинулись незначительно, а на некоторых участках уже остановлены врагом, который имеет перевес в огневых средствах и господствует в воздухе, Верховный Главнокомандующий ответил: «Продолжайте атаки. Ваша главная задача — оттянуть от Сталинграда возможно больше сил противника».

И оттягивали — упорно, самоотверженно, часто ценою тяжелых потерь. А на Среднем Дону сковывал резервы Паулюса плацдарм вокруг города Серафимович, захваченный советскими войсками в конце августа.

Так выигрывалось время, необходимое, чтобы организовать оборону на внутреннем сталинградском обводе, задержать тут врага.

Из сказанного не следует, что 62-я армия получила что-то вроде передышки. Ни одного дня, который можно было бы, не отбивая вражеских атак, целиком посвятить укреплению новых позиций, мы не имели. И хотя атаки наших соседей за коридором сковывали какие-то части противника, на его стороне оставался перевес и в живой силе, и в артиллерии, и в танках. В танках — особенно ощутимый. Мы считали тогда, что их у немцев перед фронтом армии — до пятисот, и это было довольно близко к истине. А наши два танковых корпуса к началу сентября имели лишь около шестидесяти исправных машин.

Не приходилось также забывать, что 6-я армия Паулюса сомкнулась теперь с 4-й танковой армией Гота, подступившей к Сталинграду с юга и юго-запада. Сомкнулась не так, как гитлеровское командование задумало,— наши войска в клещи не попали, однако у немцев, безусловно, появилось еще больше возможностей быстро сосредоточивать моторизованные части там, где им было нужно.

Стало уже очевидным, что, нанося удары в направлении пригородов Городище и Александровка, враг стремится изолировать наши правофланговые части — группу полковника Горохова. На левом фланге усиливался нажим со стороны противника в направлении Бекетовки, стоящей у самой Волги. Были и другие места, где гитлеровцы могли попытаться рассечь нашу оборону на всю ее глубину.

Чувствовалось, что командарм остро переживает угрозу расчленения армии. День ото дня Антон Иванович мрачнел, да и было от чего. Но держался он все с тем же, словно подчеркнутым, спокойствием, которое бросилось мне в глаза при первой встрече с ним в Карповке.

Числясь заместителем командарма, я фактически начал исполнять и обязанности начальника штаба. Камынина командующий послал в группу Горохова — необходимо было, чтобы кто-то из управления армии на месте оценил обстановку за северной окраиной Сталинграда, познакомился с бригадами, поставленными туда непосредственно командованием фронта.

Разумеется, я предпочел бы побывать на правом фланге сам. Тяжко сидеть на КП, когда ты зрительно не представляешь большой и важный участок переднего края, не знаешь в лицо ни командиров, ни начальников штабов обороняющихся там частей. Но командарм считал, что отлучаться мне не время, и, вероятно, был прав.

Как назло, все чаще подводила связь. Проводную непрестанно выводили из строя бомбежки. То одна, то другая дивизии подолгу не откликались и на вызовы по радио. Направленцы оперативного отдела были постоянно в разъездах — приезжали, докладывали и снова отправлялись в войска. Однако доставленные ими сведения иной раз устаревали раньше, чем мы успевали нанести их на карту.

При всех трудностях со связью 2 сентября, когда мы только что отошли на внутренний обвод, со мною — во второй уже раз, но и в последний до конца Сталинградской обороны — сумел соединиться по ВЧ начальник штаба 64-й армии Иван Андреевич Ласкин.

Разговор шел о стыке между нашими армиями, о том, как его укрепить. Локтевой контакт поддерживался, но сил в том районе было маловато, а особенно — огневых средств. Я обрадовался, услышав от Ласкина, что командарм 64-й генерал М. С. Шумилов решил перебросить туда кое-что с другого своего фланга, где стало полегче. «Вот за это спасибо!» — вырвалось у меня от души.

Вообще к 64-й армии, нашему соседу слева, мы питали самые теплые чувства. Эта армия пережила в августе немало тяжелых дней, особенно в последних числах, когда враг прорвался у станции Абганерово. Однако главный итог августовских боев в ее полосе состоял в том, что она все-таки остановила танковую армию Гота, не дала ей завладеть приволжскими высотами у Красноармейска и ворваться в Сталинград с юга.

К началу боев на внутреннем оборонительном обводе перед фронтом 62-й армии и правым флангом 64-й было выявлено (считая и второй эшелон) до восемнадцати неприятельских дивизий — пехотных, моторизованных, танковых. В их числе на картах разведотдела значилось много старых кадровых немецких дивизий — 71, 94, 295-я и другие. Какую-то долю этих сил еще могли оттянуть своими контрударами наши правые соседи за кори-

дором, какую-то долю сковывала 64-я армия. С остальными предстояло иметь дело нам.

В стрелковых частях 62-й армии насчитывалось 33 тысячи штыков. Наиболее боеспособные, самые полнокровные части находились на правом фланге. В выдвинутых туда трех свежих бригадах (к упоминавшимся уже 124-й и 149-й командование фронта добавило 115-ю отдельную стрелковую бригаду полковника К. М. Андрюсенко) было больше людей, чем в семи-восьми номинальных дивизиях, на которых пока держалась оборона центрального участка внутреннего обвода.

Вопрос об усилении центра или левого крыла за счет правого не вставал: на правом фланге еще 23 августа враг прорвался к городу, и свежие бригады прикрывали непосредственно Тракторный. Кроме того, на правом фланге важно было удержать орловский выступ — самые западные наши позиции в районе речки Орловка (приток Мокрой Мечетки) и одноименного селения, единственный в полосе армии участок, где наши войска не отводились на линию внутреннего обвода.

Выступ, оставшийся в наших руках благодаря активным действиям группы генерала Штевнева (хотя она и не смогла перерезать с юга неприятельский коридор), мешал фашистским войскам, находящимся севернее Сталинграда, сомкнуться с теми частями, которые атаковали нас с запада. Выступ представлял также выгодный плацдарм, с которого в благоприятный момент (такая задача отнюдь не снималась) можно было двинуться навстречу частям Сталинградского фронта, атакующим неприятельский коридор с другой стороны.

Из штаба фронта вновь и вновь подтверждали: подкрепления из тылов идут. Правда, об их численности и сроках прибытия долго не было известно ничего определенного. Наши старые дивизии пополнялись пока сталинградскими ополченцами.

Помню, как в одну из ночей на позиции за Дар-горой отправлялся сводный рабочий батальон — около 900 бойцов, вооруженных автоматами, поднятыми со дна Волги (баржа, на которой их доставляли, была потоплена при бомбежке).

Помню, как посылались на особенно трудные участки экстренно мобилизованные сталинградские коммунисты и комсомольцы. Вот и сейчас лежит передо мною текст

короткого постановления Городского комитета обороны от 29 августа: «Считать необходимым в течение 5—10 часов мобилизовать тысячу коммунистов на фронт».

Другой документ свидетельствует: только с одного Тракторного завода до 5 сентября было зачислено непосредственно в части армии 2800 человек (помимо многих тысяч тракторозаводцев, мобилизованных раньше по линии военкомата).

Но всего этого было слишком мало, и Военный совет фронта начал усиливать 62-ю армию за счет других.

Еще 1 сентября прибыла к нам из 64-й армии 38-я мотострелковая бригада полковника И. Д. Бурмакова. Она считалась коренной сталинградской: была сформирована, когда враг уже приближался к Дону, и состояла в основном из рабочих местных заводов.

Месяц назад бригада стояла в самом Сталинграде, в резерве фронта. Когда осложнилось положение в полосе 64-й армии, ее перебросили туда. Бригада отлично показала себя, защищая подступы к Красноармейску. И вот теперь она вернулась под стены родного города как раз к решающим боям.

Полковник Иван Дмитриевич Бурмаков был опытным командиром, прошедшим школу гражданской войны в дивизии Щорса. Он успел привить бойцам совсем еще молодой части чувство гордости за нее. Здесь жил девиз: стать гвардейцами. (И стали довольно скоро.)

С прибытием в армию этой бригады у меня в памяти связано и знакомство с Ф. И. Голиковым, будущим Маршалом Советского Союза, а тогда генерал-лейтенантом, назначенным в августе заместителем командующего Юго-Восточным фронтом. Бригаду Бурмакова, которая перебрасывалась к нам в сверхспешном порядке, Филипп Иванович сам и привел, сам проводил до назначенного ей участка обороны.

Генерал-лейтенант Голиков возглавлял ВПУ — фронтовой вспомогательный пункт управления, находившийся обычно в расположении той армии, где обстановка всего труднее. Одно время такой армией была 64-я, теперь стала наша. Роль ВПУ еще более возросла после того, как в первых числах сентября генерал-полковнику Еременко пришлось перенести основной КП двух фронтов, которыми он командовал, за Волгу: слишком сложно стало управлять из Сталинграда левым крылом Юго-Вос-

точного фронта, а тем более войсками Сталинградского фронта, отделенными неприятельским коридором.

ВПУ разместился в штольне у Царицы, почти в центре города, где находился прежде фронтовой КП. Но заместитель командующего фронтом проводил бо́льшую часть времени в войсках. От штаба армии его сопровождали, как правило, только наши направленцы. Ни Лопатину, ни мне Голиков ездить с ним не разрешал, считая, что нам полезнее быть на своем командном пункте.

Обстановка была тяжелой, осложнения возникали самые непредвиденные. И не раз старшие командиры из штаба фронта брали на себя то, чем им вообще-то заниматься не полагалось. Случалось — наводили порядок в части, смятой натиском превосходящих вражеских сил, случалось — принимали необходимые меры, чтобы восстановить локтевой контакт между соседями. Словом, помогали штабу армии, как говорится, засучив рукава.

Близость фронтового ВПУ явилась для нас, помимо всего прочего, большой моральной поддержкой. Мы стали лучше информироваться о том, как развиваются события на всем нашем фронте и на соседнем Сталинградском, яснее представляли, на что можно и на что нельзя в ближайшее время рассчитывать.

Благодаря присутствию в армии заместителя командующего фронтом (все-таки его доклады для вышестоящих инстанций значили больше, чем наши) насущные вопросы ее усиления — пока хотя бы за счет соседей — решались быстрее. Вслед за бригадой Бурмакова нам были переданы из 64-й армии 6-я танковая бригада, 133-я тяжелая танковая и еще некоторые части. А из 57-й армии — 244-я стрелковая дивизия полковника Г. А. Афанасьева.

В начале лета эта дивизия побывала в тяжелых боях на Юго-Западном фронте, потеряв там и прежнего комдива — полковника И. А. Истомина, и всех командиров полков. Однако в подразделениях сохранился костяк обстрелянных бойцов, и скоро почувствовалось, какая это сила. Дивизию пополнили, в основном призванными из запаса сталинградцами, далеко не до комплекта, но все же в ней насчитывалось около 4300 человек — больше, чем имела тогда какая-либо другая дивизия нашей армии.

Так что это была существенная подмога. Мы получили возможность усилить участок между Царицей и станцией Садовая, где с трудом держались полк НКВД и малочисленная танковая бригада. И даже смогли провести там ряд контратак для улучшения позиций.

Хорошей поддержкой дивизии Афанасьева явился переподчиненный нам 502-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк (иптап) РГК, который до этого действовал в составе 57-й армии. Он имел двадцать 76-миллиметровых пушек на автомобильной тяге.

— Матчасть новенькая, всего три недели как с завода, — доложил командир полка майор Ф. З. Бабаев, прибывший на КП представиться и получить боевую задачу.

«Новеньким» был и сам полк, сформированный в прошлом месяце. Но с фашистскими танками он дело уже имел, боевой счет открыл.

Противотанковые полки нового типа тогда только начинали появляться на фронте. Они обладали большей огневой мощью и большей маневренностью, чем прежние, а их бойцов отличал особый нарукавный знак. 62-я армия уже имела несколько таких полков, сыгравших немаловажную роль еще в боях за Доном, а затем — между Доном и Волгой. Десятки уничтоженных фашистских танков числились, например, за 397-м иптапом капитана Н. С. Кошелевича. Каждому новому истребительно-противотанковому полку мы радовались как ударной огневой силе, которую можно выдвинуть на трудный участок.

В армию влилась также новая стрелковая бригада — 42-я отдельная под командованием Героя Советского Союза полковника Матвея Степановича Батракова. Она прибыла из резерва Ставки, а до того воевала на Северо-Западном фронте. Костяк ее составляли сибиряки, и бригада считала своей реликвией Красное знамя Барнаульского горкома партии и горисполкома, торжественно врученное ей при отправке на фронт. В самое последнее время, уже на пути к Волге, она пополнилась краснофлотцами с Беломорской флотилии. Их только частично успели расписать по подразделениям. Были взводы, роты и даже батальоны, состоявшие целиком из моряков.

Подумалось, что это, пожалуй, и хорошо. Год назад в Одессе, получая из Севастополя и распределяя по диви-

зиям флотские подкрепления, штаб Приморской армии рекомендовал комдивам без особой нужды не дробить матросские отряды: сложившаяся у моряков спайка помогала лучше использовать этих отважных ребят в бою.

Знакомство с командиром 42-й бригады было в силу обстоятельств кратким, но впечатление Батраков оставил отличное. Он удостоился звания Героя, командуя в первые месяцы войны полком, имел и другие награды, был ранен. Докладывая о состоянии части, комбриг упомянул, что батальоны еще не в должной степени сколочены после приема пополнения. Было, однако, ясно — никаких скидок на это Батраков не ждал. Да мы и не могли дать ему времени на сколачивание, оставив бригаду хоть ненадолго в армейском резерве.

Все поступавшие подкрепления с ходу, той же ночью, выдвигались на передний край. Причем нередко обстановка заставляла изменять первоначально поставленную задачу: часть, направленная на один участок, оказывалась еще более необходимой на другом.

Бригаде Батракова сперва был назначен рубеж на левом фланге, в районе Верхней Ельшанки, — казалось, наконец-то сможем укрепить стык с 64-й армией. Но тем временем резко осложнилось положение в четырех-пяти километрах севернее, у больницы за аэродромным поселком.

Там и вступили сибиряки и матросы полковника Батракова в свой первый бой под Сталинградом, имея задачей прикрыть фланги соседних частей и во что бы то ни стало удержать высоту с отметкой 133,4. А это означало — не допустить прорыва в направлении Мамаева кургана и центра города.

Комбриг имел минимальное время на подготовку к бою и рекогносцировку. Едва рассвело, противник обрушил на занятые батальонами позиции массированные удары с воздуха, затем вступила в действие артиллерия, пошли в атаку танки. Но бригада, отбив и первую атаку, и последующие, свои позиции удержала. Нескольких часов оказалось достаточно, чтобы оценить стойкость новой части, личные качества ее командира.

О Мамаевом кургане, который был только что упомянут, пора сказать подробнее: я подхожу к тем дням, ко-

гда этот широкий двугорбый холм, где, по преданию, стоял в давние времена шатер хана Мамая, разгромленного потом на Куликовом поле, начинал играть в борьбе за Сталинград особую роль.

Иначе, очевидно, и не могло быть — так уж расположен Мамаев курган, или просто высота 102,0, как он обозначался на картах. Это самый восточный в районе Сталинграда выступ протянувшейся вдоль Волги Ергенской гряды. Вырвавшись из строя холмов-собратьев и оставив позади несколько более высоких, но господствующих над голой степью, он врезался в пределы самого города — между центром и главными заводами — и, что называется, командовал над ним.

Бывать на Мамаевом кургане до сентября мне не приходилось. Однако и раньше высота, находящаяся вблизи важнейших городских объектов и в двух километрах от Волги, заставляла держать ее в мыслях.

На следующий день после первой массированной бомбежки Сталинграда и прорыва немцев к Волге за Тракторным, когда мы в Карповке еще мало знали о положении в городе, туда был послан для выяснения обстановки один из офицеров оперативного отдела — кажется, Барановский. Он побывал и на Мамаевом кургане, откуда смог увидеть весь Сталинград. И при докладе по возвращении в штаб армии подчеркнул, что это отменный НП: кроме города просматривается местность далеко вокруг, даже за Волгой.

Следовало полагать, что значение высоты 102 учитывает и противник — использовать выгодный рельеф немцы умели. Поэтому еще до общего отхода на внутренний обвод, когда Мамаев курган находился в тыловом районе, мы принимали меры на случай возможной попытки гитлеровцев прорваться к этой высоте.

Штабные документы напоминают: при отводе в ночь на 26 августа подразделений 87-й стрелковой дивизии на запасной рубеж между станцией Разгуляевка и поселком Гумрак ее командиру ставилась задача — не допустить здесь продвижения противника к Мамаеву кургану. Правда, вся дивизия полковника Казарцева к тому времени состояла из трех сводных батальонов по 250—300 бойцов. Но при тогдашних наших ресурсах держать на запасном рубеже такой заслон мы могли только для прикрытия очень ответственного участка.

Когда передний край приблизился к городу, на высоту 102 был перенесен армейский КП (перед тем он непродолжительное время находился на левом фланге, близ станции Садовая). Вслед за оперативной группой на курган, в блиндажи, наспех отрытые на скатах его южного плеча, перебрались основной состав штаба армии и политотдел. И думалось — отсюда уж никуда не сдвинемся, пока не отобьем наступление противника на Сталинград. Представить, какие жестокие и длительные бои придется вести за саму эту высоту и сколько прольется на ней крови, было еще трудно.

Тогда на курган, почти до вросших в него с западной стороны массивных, обложенных кирпичом водонапорных баков, можно было даже проехать на машине. Некрутые склоны и плоские сверху горбины кургана поросли степными травами, уже высохшими и побуревшими. Где группами, а где рядками стояли молодые, не набравшие еще силы деревца, должно быть посаженные за несколько лет до войны, когда закладывался зеленый пояс между городом и степью. В овражке, близ штабных землянок, журчал невидимый за кустами родник.

На кургане пахло теплой сухой землей и полынью. Но, чуть потянет ветер от города, все забивал едкий запах гари. Сталинград снова и снова подвергался воздушным налетам. Они были не такими массированными, как первые: вероятно, гитлеровское командование считало, что бросать на город, уже разрушенный и сожженный, сотни бомбардировщиков стало незачем. Однако пожары не прекращались. Клубы дыма поднимались и над кварталами центра, и над зацарицынской частью на юге, и над заводскими поселками на севере.

А за Волгой как ни в чем не бывало зеленел лесок, яркой желтой полосой протянулись песчаные пляжи... Левый берег, просматривавшийся на добрый десяток километров в глубину, выглядел с кургана неправдоподобно мирным, резко контрастируя с тем, что охватывал глаз на правом.

Сама Волга была днем пустынной. После прорыва к ней врага севернее Сталинграда великая река уже не могла служить стране и фронту так, как служила до тех пор, — сквозное движение судов от Астрахани к Саратову, Казани, Горькому и дальше прекратилось. А паромы сталинградских переправ и другие суда, обслуживавшие

войска на правом берегу, начинали пересекать реку лишь с наступлением сумерек — в светлое время они были слишком заметны с воздуха.

Те же паромы и суда перевозили на левый берег жителей Сталинграда, в первую очередь детей, женщин и тех, кого ранило при бомбежках. Вывезти за Волгу надо было около 300 тысяч человек, и как можно быстрее. В той обстановке это была сложная, многодневная транспортная операция, не обходившаяся без жертв.

Эвакуация не означала, что город покидают все сталинградцы. Городской комитет обороны старался как-то наладить жизнь десятков тысяч людей, остававшихся в Сталинграде, чтобы помогать защищающим его войскам. Был частично восстановлен водопровод. Давала ток (правда, из-за повреждения кабелей его получали не все районы) находившаяся в южной части города СталГРЭС. Заработала мельница, а хлеб выпекали развернутые в разных местах пекарни полевого типа. В малоформатных выпусках «Сталинградской правды», которые каждый день доставлялись к нам на КП, указывались адреса продпунктов, организованных вместо разрушенных магазинов, сообщалось, куда доставлять осиротевших детей, какие открыты бани...

И где только можно, поддерживалась работа если не заводов, то хотя бы отдельных цехов и мастерских, способных делать что-либо необходимое фронту.

Член Военного совета Гуров съездил, как только представилась возможность, на Тракторный.

Тракторный завод 23—24 августа находился почти на переднем крае. Танки, выходившие из его ворот, буквально через 10—15 минут вводились в бой. Но и после того как группа Горохова оттеснила противника, от ворот Тракторного на площади Дзержинского до передовых окопов было в несколько раз ближе, чем до центра города. СТЗ сильно пострадал от бомбежек, а наиболее ценное из уцелевшего оборудования подлежало демонтажу и эвакуации в тыл. Тем не менее Тракторный завод действовал, некоторое время даже продолжал выпускать новые танки, и оставался основной в полосе армии танкоремонтной базой. Рабочие и инженеры, занимавшиеся ремонтом боевых машин, были сведены в военизированное подразделение — ремонтно-восстановительный батальон (возглавлял его майор И. Ф. Жданов), прини-

мавший поврежденные танки прямо на поле боя. Когда немцы прорвались к Мечетке, батальон и сам участвовал в боях, но затем его — первым из рабочих формирований — вернули на завод: подбитые танки ждали ремонта.

Хочется подкрепить все это цифрами из официального отчета о работе СТЗ в 1942 году: с 23 августа до 1 сентября завод передал Красной Армии 119 танков, изготовил 24 арттягача, 55 дизель-моторов, отремонтировал 14 танков. В сентябре было выпущено 16 новых танков, отремонтирован 91.

Как идет ремонт танков, на что способен теперь завод — именно это прежде всего и интересовало Гурова.

— Люди делают все, что могут, — делился Кузьма Акимович увиденным. — При мне отправили два восстановленных танка в девяносто девятую бригаду, еще два были почти готовы. А вообще трудно там. Цеха — под артобстрелом, без потерь дня не проходит. По сути дела, тот же фронт. Вспомнил, как ты рассказывал про севастопольский подземный комбинат... Иметь сейчас хоть для ремонта танков что-то в этом роде было бы неплохо!

В Сталинграде неоткуда было взяться таким, как в Севастополе, штольням, где во время осады разместились под непробиваемой толщей породы и оружейные цеха, и пошивочные, и госпитальные палаты. В городе, растянувшемся неширокой полосой вдоль Волги (с Мамаева кургана казалось, что весь он прильнул, прижался к реке), вообще не было ничего хоть отдаленно похожего на крепость. Но в цехах, не защищенных от артиллерийского огня, а тем более от бомб, люди вели себя как на бастионах, откуда никто не уходит, пока жив и нужен тут.

Так было не только на Тракторном. На «Баррикадах», где на заводскую территорию уже упало более ста пятидесяти крупных фугасок и две с половиной тысячи зажигательных бомб, восстановили силовую станцию и возобновили из заготовленных раньше деталей сборку орудий, притом самых нужных армии — дивизионных 76-миллиметровых пушек.

Действовал и ряд мелких предприятий. Тысячи сталинградцев были заняты на ремонтно-восстановительных работах, несли службу в МПВО, охраняли различные объекты в городе. Тысячи других продолжали строительство укреплений.

После перехода армейского КП на высоту 102 у нас установилась повседневная связь с Городским комитетом обороны. Его командный пункт — центр управления всей жизнью города — находился в подземном помещении в Комсомольском саду, недалеко от вокзала. Гуров быстро наладил контакт и с райкомами партии, превратившимися в районные штабы обороны.

Сталинград делился тогда на семь административных районов. Пять из них, охватывавших северную часть и центр города, стали ближним тылом 62-й армии (два остальных — тылом 64-й). Три северных района, получивших названия от расположенных тут крупнейших заводов — Тракторозаводский, Баррикадный, Краснооктябрьский, воплощали в себе индустриальную мощь Сталинграда, составляли его пролетарское ядро.

Тут умели не только изготовлять оружие — умели и владеть им. И в штабе армии были уверены: даже теперь, когда заводские коллективы резко сократились, на Тракторном смогут, если понадобится, сформировать запасные танковые экипажи. А на «Баррикадах» найдутся люди, готовые встать к ими же изготовленным орудиям.

Чаще других членов Городского комитета обороны бывал у нас на КП военный комендант Сталинграда майор Владимир Харитонович Демченко. Обычно через него и доходили до нас тогдашние городские новости: что разрушено при последнем воздушном налете, что восстановлено. Положение в любом конце города Демченко всегда знал досконально, и я как-то привык считать его сталинградским старожилом, пока однажды не выяснилось, что он назначен сюда не особенно давно — после оставления Харькова, где служил до последнего дня в такой же должности.

Городская и районные комендатуры (они действовали в Сталинграде, пока понятия «город» и «передний край» окончательно не слились воедино) хорошо помогали армейскому командованию: обеспечивали в нашем городском тылу вместе с милицией железный порядок, обусловленный режимом осадного положения, отвечали за охрану многих важных объектов. Специальные комендантские команды работали на маршрутах, по которым по ночам провозились через город боеприпасы, продовольствие, а также подкрепления, если они имелись.

Разрушений все прибавлялось, новые завалы не всегда успевали расчищать, и маршруты ночных перевозок постоянно менялись. Майор Демченко был в этом, пожалуй, самым знающим советчиком, а его люди — надежными проводниками.

С юности я знал волгарей твердыми и упорными, нередко суровыми, норовистыми, как сама Волга, и с широкой, как Волга, душой. Все это было присуще и сталинградцам, вставшим вместе с бойцами на защиту своего родного города, работавшим на его заводах и переправах под вражеским огнем. Только твердость и упорство моих земляков, как и всех защитников Сталинграда, теперь умножились.

Как настроены жители Сталинграда, мы, конечно, представляли и тогда, когда КП находился в Карповке или в Дубовой балке. Но перенесение командного пункта фактически в пределы города дало возможность непосредственно ощутить его боевой дух. И вновь охватывало знакомое по Севастополю и Одессе чувство полнейшей слитности фронта и тыла, армии и оставшегося в городе населения. От этого еще острее сознавалась наша, военных людей, ответственность за все, что тут произойдет.

В Сталинграде эта ответственность приобрела особую меру. В приказах вышестоящих начальников не повторялось обычное в подобной обстановке требование: «город ни в коем случае не сдавать». Эти слова стали просто излишними. Их заменили другие, обязывающие к большему: «Защита Сталинграда имеет решающее значение для всего советского фронта».

Эта формулировка из директивы Ставки была известна старшим командирам, в том числе и мне, уже раньше, а 1 сентября 1942 года ее услышали все оборонявшие город бойцы. Она появилась в приказе войскам Юго-Восточного фронта, отданном в этот день.

Вряд ли можно было сильнее сказать о том, что удержать Сталинград мы обязаны.

Характерным для управления войсками в первые дни сентября стало то, что на некоторых участках мы подчиняли командиру того или иного соединения его ближайших соседей или объединяли какие-то части под на-

чалом специально посланного туда старшего командира. Думается, эту практику не стоит ни хвалить, ни ругать — она была вынужденной. Прибегать к ней приходилось как вследствие малочисленности многих соединений, так и потому, что штаб армии не всегда мог поддерживать прямую и бесперебойную связь с каждой дивизией или бригадой.

Так возникали в составе армии оперативные группы. Одни — на короткий срок, другие — на более долгий.

Читатель уже знает о группе полковника С. Ф. Горохова, образованной из стрелковых бригад, направленных на северный участок, за Мечетку. По соседству, в орловском выступе, была создана оперативная группа генерал-майора М. С. Князева, который командовал 315-й стрелковой дивизией, прорвавшейся к нам с севера в составе двух полков и саперного батальона. Князеву подчинили также остатки 2-й мотострелковой бригады и некоторых других частей. На левом фланге армии полки и батальоны трех дивизий и двух бригад были сведены в Южную оперативную группу, которую некоторое время возглавлял Н. М. Пожарский.

В записях армейского журнала боевых действий за 4—5 сентября, в датированных этими числами приказах упоминается также оперативная группа генерал-майора Крылова. О ней, впрочем, вряд ли помнят даже ветераны нашего штарма: просуществовала она недолго.

Группа Крылова возникла в связи с тем, что командарм Лопатин находился еще на временном — промежуточном, как мы говорили, — командном пункте, близ Садовой, а я с несколькими помощниками и связистами перешел уже на Мамаев курган. В этих условиях командующий счел целесообразным, чтобы я, разумеется без освобождения от прочих обязанностей, сосредоточил в своих руках управление частями, прикрывавшими подступы к высоте 102 и району вокзала, — мотострелковой бригадой Бурмакова, одной танковой бригадой, тремя или четырьмя артполками.

Это были очень трудные дни. Ударная группировка армии Паулюса усиливала натиск в районе Гумрака и на левом фланге. В атаках участвовали сотни танков. Расчищая своим войскам путь к Волге, враг неистово бомбил наш передний край, бросал десятки самолетов на каждую высотку, контролирующую нужные ему дороги,

на каждую рощицу пригородных лесопосадок, на каждый овраг, где предполагал сосредоточение наших резервов.

Нашей авиации немного прибавилось — кроме 8-й воздушной армии Т. Т. Хрюкина, долго разрывавшейся на два фронта, под Сталинградом уже находилась 16-я воздушная армия генерала С. И. Руденко. Но господствовал в воздухе еще враг. А небо изо дня в день — голубое, безоблачное... Любая перегруппировка или переброска даже небольшой части с одного участка на другой, в чем нередко возникала срочная надобность, практически были возможны только до рассвета.

Мы продолжали надеяться, что войска Сталинградского фронта пробьются с севера к нашему орловскому выступу. Тогда немцы, вышедшие к Волге, оказались бы отрезанными и вся обстановка могла измениться. А тем временем подоспели бы ожидавшиеся подкрепления...

Пока же положение армии ухудшалось. Продвигаясь вдоль железной дороги Сталинград — Лихая, гитлеровцы овладели станцией Воропоново, второй от города (первой была Садовая). Это увеличило для нас опасность оказаться отрезанными от 64-й армии.

Стремясь предотвратить захват Воропоново, командарм решил перебросить на левый фланг 35-ю гвардейскую дивизию генерал-майора В. А. Глазкова. Это решение принималось не без колебаний, ибо означало сопряженное с определенным риском ослабление обороны в центре. И к сожалению, оказалось запоздалым: в бой за Воропоново, когда оно еще было в наших руках, успели вступить лишь два батальона дивизии с самим комдивом во главе. Дрались гвардейцы доблестно, однако предотвратить захват станции эти батальоны не могли.

Одновременно противник потеснил нас на центральном участке, между Гумраком и Городищем. Прибывший туда генерал-лейтенант Ф. И. Голиков и находившиеся с ним командиры из штаба фронта взяли на себя организацию контратаки 23-го танкового корпуса, которая хотя и не восстановила прежнего положения, но задержала продвижение врага.

Контратаки предпринимались на многих участках. Относительно крупные планировались накануне, после анализа итогов боевого дня. В оперативных документах решение на контратаку в таких случаях формулировалось как переход частью сил в наступление.

Некоторые из этих приказов выглядят сейчас довольно внушительно: в наступление на узком участке переходит целая дивизия, а то и две-три!.. А иная дивизия по числу бойцов соответствовала нескольким ротам. Это, понятно, учитывали, определяя цели контратак. И все же надо признать: цели не всегда назначались достижимые. Отчасти, должно быть, потому, что дивизию, пока она именуется дивизией, все-таки трудно окончательно приравнять к полку или батальону. Бывали просчеты также из-за приуменьшенной оценки сил конкретного противника.

5 сентября переходила в наступление группа Крылова. Задача, поставленная командармом, предусматривала нанесение удара в направлении высоты 145,8 и поселка Поляковка, недавно захваченных гитлеровцами. После этого бригада Бурмакова, единственная в составе группы полнокровная стрелковая часть, должна была продвигаться к долине Царицы и дальше, на Алексеевку (вблизи станции Воропоново), охватывая с запада противника, пересекшего железнодорожную ветку Алексеевка — Гумрак, и не допуская его отхода.

Как будто все было ясно. Но беда заключалась в том, что неприятельские силы на этом участке уже значительно превосходили по численности те наши части, которыми предполагалось их охватить.

Докладывать командарму, почему поставленная задача не могла быть выполнена, мне, однако, не пришлось. На исходе дня поступила неожиданная, во всяком случае для меня, телеграмма Военного Совета фронта об отстранении генерала Лопатина от должности. Принять командование войсками 62-й армии приказывалось мне.

Телеграмму мы прочитали вместе с Гуровым. Кузьма Акимович положил руку мне на плечо и медленно, с какой-то суровой убежденностью произнес:

— Так надо, Николай Иванович. Так надо.

Я же почти физически ощутил, как на меня наваливается ответственность, не соизмеримая ни с чем, за что приходилось отвечать когда-либо прежде. Облегчение приносило лишь то, что Гуров — рядом, но его слов «так надо» все-таки не понимал.

Лопатин принял свое смещение внешне спокойно — выдержка не изменила ему и тут. В ночь на 6 сентября

на Мамаевом кургане мы оформили передачу командования записью на оперативной карте и приказом по армии.

Не знаю, как объяснили его снятие самому Лопатину: разговора на эту тему у нас с ним не было. А в официальном порядке объяснения до меня тогда не дошли. Думаю, однако, что причина заключалась не в каком-то частном факте. Командарм 62-й и руководство фронта, как говорится, не сработались, и у последнего по мере осложнения обстановки, по-видимому, складывалось мнение, что командующий в армии нужен другой.

Никакого нового назначения или обычного в таких случаях приказания убыть в распоряжение штаба фронта Лопатин не получил. И потому — не желая покидать Сталинград без прямого на то приказа — остался на армейском КП. Это было не совсем нормальное положение, но возражать я не стал. Держался Антон Иванович достойно, не отказывал мне в советах, не отмахивался вообще ни от какого конкретного дела. А командование фронта о нем словно забыло.

Так продолжалось до прибытия нового командующего армией, который попросил Лопатина отправиться на левый берег и напомнить там о себе. Знаю, что затем он вместе с женой, работавшей в одном из наших госпиталей, отбыл в Москву. А в дальнейшем командовал корпусом и снова армией, в конце войны был удостоен звания Героя Советского Союза.

К Антону Ивановичу у меня сохранилось большое уважение, как к мужественному человеку, опытному и дальновидному военачальнику. С удовлетворением прочел то, что написано о нем в «Воспоминаниях и размышлениях» Маршала Советского Союза Г. К. Жукова: «В это время 62-й армией командовал генерал-лейтенант Антон Иванович Лопатин. Он сделал все, что от него требовал воинский долг, и даже больше, поскольку хорошо известно, что враг действовал против войск армии А. И. Лопатина в численном превосходстве». Считаю эту авторитетную оценку объективной и справедливой.

Постоянный я командарм или временный, пришлют ли другого или утвердят в этой должности меня, оставалось некоторое время неясным. Да и не до выяснений было. Далеко загадывать не приходилось, к этому не рас-

полагала обстановка. Чтобы наступил для нас завтрашний день, армия должна была выстоять, отбиться от наседающего врага сегодня. И этому подчинялось все.

Первый (помимо текущих боевых распоряжений) приказ, который я отдал, посоветовавшись с Гуровым, был такой: половину всего состава армейских, дивизионных, полковых и батальонных тыловых служб немедленно передать на пополнение стрелковых подразделений. При этом потребовал, чтобы в эту половину вошли самые молодые и самые здоровые, наиболее подготовленные в боевом отношении люди.

Народу в наших тылах было, разумеется, не густо. Тылы, близкие к штатным, имели лишь недавно прибывшие бригады. Но в тот момент могли выручить и несколько сотен новых бойцов.

Только на северном участке, где две недели назад немцы чуть не ворвались в город с ходу, мы имели теперь стабильный фронт. Отбросив врага от Тракторного завода на несколько километров, группа Горохова уверенно отражала прощупывающие атаки небольших подразделений, а ничего более крупного противник там в бой пока не вводил. «На правом фланге прочно удерживаются занимаемые позиции», — отмечалось в оперсводках.

А в центре фронта армии и на левом фланге, несмотря на все наши усилия, бои постепенно перемещались с линии внутреннего оборонительного обвода в узкое пространство между ним и непосредственно городом. Стойкость наших войск не уменьшалась — наоборот, было немало свидетельств того, что она возрастает. Не подлежало сомнению и то, что росли потери, наносимые врагу. Однако перевес в силах оставался на его стороне.

6 сентября поступил приказ командующего фронтом отвести с переднего края части 10-й дивизии НКВД (кроме одного полка, включенного в группу Горохова). Все ее пять полков участвовали в боях на различных участках от нашего правого фланга до левого. Теперь командиру дивизии полковнику А. А. Сараеву ставилась задача организовать оборону на запасном рубеже, который проходил по окраинам заводских поселков.

Иметь здесь хотя бы небольшой второй эшелон стало очень важно. Однако отвести полки Сараева удалось с большим трудом, и не все сразу — некому было их сменять.

На переднем крае оставались части, ослабленные, казалось, до крайнего предела. Но они держались. Решительным, инициативным командирам и при минимальных силах удавалось обороняться активно, напористо. Не могу не сказать еще раз о мотострелковой бригаде полковника П. С. Ильина, тем более что это относится все к тому же дню — 6 сентября.

Бригада (мы сохраняли ее на положении отдельной части, надеясь в дальнейшем пополнить) занимала в последние дни небольшой участок на левом фланге армии, у Яблоневой балки. И вот Ильин донес, что он, использовав благоприятную обстановку, продвинулся примерно на два километра и очистил от немцев так называемую Треугольную рощу в районе Дар-горы.

Впору было усомниться в точности донесения. Согласно сводной справке, в боевых подразделениях 20-й бригады числилось вместе с командным составом 96 человек. По силам ли было им то, о чем доносил комбриг? Но посланный на этот участок офицер из оперативного отдела подтвердил — все верно: и то, что к началу суток бригада имела в боевом строю 96 человек, и то, что ее подразделения закрепляются сейчас в захваченных немецких окопах в Треугольной роще. При этом потери у Ильина минимальные.

Обстановка действительно благоприятствовала успеху дерзкой контратаки. Враг, не ожидавший ее в такой ранний час, был застигнут врасплох (фашистские танкетки, укрытые в роще, о чем Ильин заранее не знал, забрасывались связками гранат прямо на местах их ночной стоянки). Не рассеявшийся еще утренний туман, очевидно, помешал гитлеровцам определить численность атакующих русских. Но факт оставался фактом: меньше ста наших бойцов с ходу овладели позициями двух неприятельских рот, усиленных танкетками, обратив противника в форменное бегство.

В масштабах армии успех был скромный, сугубо местного значения. К тому же было мало надежды долго удерживать рощу, поскольку соседям Ильина продвинуться не удалось. И все же результаты этой контратаки говорили о том, что мы можем бить врага даже тогда, когда у него больше сил.

Попросив Гурова остаться с Камыниным на КП, я побывал вечером в некоторых соединениях и частях лево-

го фланга армии: судить о положении там без собственных впечатлений становилось все труднее. Заехал и на командный пункт 20-й бригады.

Я не виделся с полковником Ильиным с тех пор, как полмесяца назад знакомился с бригадой, державшей оборону еще у Калача, но именно за это время по-настоящему узнал и оценил его командирские качества. От души поблагодарил Петра Сысоевича и за сегодняшнюю боевую активность, и за все прежнее, особо — за бой, происходивший четыре дня назад. Тогда его бригада, отводимая с Дона, получила приказ задержаться на промежуточном рубеже между Карповкой и станцией Басаргино. Едва заняв позиции, она отразила крупную танковую атаку. Это была существенная помощь другим нашим частям, закреплявшимся на центральном участке внутреннего обвода. Бригада вывела там из строя до двадцати фашистских танков.

К сожалению, я не мог вручить Ильину полагавшийся ему орден, который еще не переслали из штаба фронта. На его вылинявшей гимнастерке была пока одна-единственная награда — медаль «XX лет РККА». Она напоминала, что в Красной Армии полковник с самого ее зарождения, с первых месяцев гражданской войны.

Командира бригады, конечно, больше всего волновали виды на пополнение. Доукомплектовать такую часть, сохранившую отличную боевую организацию и стойкий костяк ветеранов, было бы очень важно. Но когда мы сможем это сделать, я не знал. И обещал лишь то, что было в моей власти, — усилить артиллерийскую поддержку. Собственная артиллерия бригады состояла в тот момент из двух 76-миллиметровых орудий и двух 45-миллиметровых противотанковых...

Уезжал от Ильина с мыслью, что являюсь свидетелем того, чему когда-нибудь потом могут просто не поверить...

В самом деле, разве не напрашивался из непреложных цифр вывод, что 20-я мотострелковая бригада, истекшая кровью в тяжелых боях, не может больше всерьез приниматься в расчет? Уже при отходе из Калача в ней оставалось 230 человек, да еще несколько десятков красноармейцев насчитывали приданные подразделения бывшего укрепрайона. Но этими силами 2 сентября был предотвращен опасный прорыв большой группы танков, нанесен врагу немалый урон. А сегодня у Ильина не

набиралось и ста бойцов, если не считать штаб, санчасть, сокращенные до минимума хозяйственные службы. И все-таки была смелая и успешная контратака, а теперь подразделения, пользуясь наступившим на этом участке затишьем, вероятно недолгим, закреплялись на достигнутом рубеже.

Нет, 20-я бригада существовала и сражалась. Кто посмел бы сбросить ее со счета! Ей суждено еще было пройти дорогами побед, участвовать в освобождении Украины, Польши, Чехословакии, удостоиться почетного наименования Новоград-Волынской, стать Краснознаменной, наступать на берлинском направлении... И хотя в строю бригады могли остаться лишь единицы из ее сталинградских ветеранов, хотя к тому времени сменился и командир (полковник Ильин пошел на повышение, стал генералом), все это было прямым продолжением ее подвигов у Дона и Волги.

Тогда, в сентябре сорок второго, мы так и не смогли пополнить бригаду на переднем крае. Ее вывели на доукомплектование за Волгу. Перед тем полковник Ильин был ранен.

Этого храброго и умного командира я знал на войне недолго. Однако его действия остались в памяти примером того, как и в тяжелейшей обстановке, при явном перевесе противника в силах, можно брать над ним верх, навязывая ему свою волю.

В рядах 62-й армии служила также дочь полковника Ильина. Она была санинструктором в другой части. А в числе последних оставшихся в строю бригады бойцов находился 16-летний сын комбрига. Парнишка пешком ушел из Воронежа, где жила семья, добрался до Сталинграда, нашел отцовскую часть и был зачислен в нее красноармейцем.

Два года спустя, летом сорок четвертого, этот парнишка, ставший уже командиром взвода самоходных орудий, воевал в тех же краях, где и я, — на литовской земле, у Немана. Юный лейтенант Владимир Ильин пал там смертью храбрых...

Начальник штаба фронта, обнадежив еще раз «большой помощью с севера» (имелись в виду новые атаки советских войск по ту сторону неприятельского коридора),

потребовал докладывать последние данные о положении армии каждые два часа. «Любыми средствами связи — каждые два часа!» — строго повторил Георгий Федорович Захаров.

Такое приказание поступало впервые. Из него явствовало, как тревожат наши дела старших начальников.

7 сентября враг прорвался через внутренний оборонительный обвод между Гумраком и поселком Сталинградский — на участке группы Попова (командиру танкового корпуса генерал-майору А. Ф. Попову были подчинены и некоторые соседние части). Прорыв, если говорить отвлеченно, был не столь уж глубоким — два-три километра. Дальше гитлеровцев не пустили. Но это составляло почти половину расстояния между внутренним и городским обводами, причем — на центральном участке, на подступах к Мамаеву кургану и заводскому району.

Восстановить положение, ликвидировать вражеский клин, хотя такая задача и ставилась, мы, не получив подкреплений, практически не могли. Предпринятые контратаки (главным образом ночные, так как днем неприятельская авиация не позволяла нашей пехоте подняться из окопов) дали не много. Силы обоих танковых корпусов, на которых держалась здесь оборона, как и силы взаимодействующих с ними стрелковых частей, угрожающе таяли.

За все время после моего назначения в 62-ю армию она никогда не располагала таким количеством танков, чтобы использовать их массированно. Танки вводились в бой небольшими группами, а иногда и поодиночке. Машины, лишившиеся хода, но способные вести огонь, вкапывались в землю и поддерживали пехоту как доты. Там, где враг продвигался, не всегда была возможность оттащить эти танки на новые позиции, и тогда приходилось их подрывать.

К исходу 7 сентября две бригады 2-го танкового корпуса, действовавшие в районе разъезда Разгуляевка — уже в непосредственной близости от сталинградских рабочих поселков, оказались фактически без материальной части. Утром, руководя боем последних девяти танков 99-й бригады, погиб ее молодой командир подполковник П. С. Житнев.

Эта танковая бригада сыграла, как я уже говорил, очень большую роль в отражении первого, августовского

патиска врага на северные окраины Сталинграда, на Тракторный завод. 3 сентября бригада в составе 35 боевых машин, значительная часть которых уже побывала в срочном ремонте, была переброшена под Гумрак, где и сражалась до последнего своего танка, поддерживая подразделения 87-й и 112-й стрелковых дивизий.

Мое донесение начальнику штаба фронта напоминает: за неделю тяжелых боев на этом участке только дивизия Ермолкина уничтожила более трех тысяч солдат противника и 36 немецких танков. В день, когда на подмогу ей прибыли танкисты Житнева, она отбила пятнадцать вражеских атак. А когда потом остатки 112-й стрелковой — горсточку людей, валившихся с ног от смертельной усталости, — вывели из боя, о составе дивизии поступили такие сведения: в одном полку — 9 штыков, в другом — 21, в третьем — 26. Подполковнику Ермолкину было приказано сформировать из всех подразделений и тыловых служб дивизии сводный батальон.

Вскоре представилась возможность дать дивизии пополнение, и она снова вступила в бои двумя небольшими полками. Командование ими приняли дивизионный начхим капитан А. В. Асеев и один из комбатов старший лейтенант А. К. Безъязыков.

А 87-я дивизия полковника А. И. Казарцева уже несколько дней действовала в составе трех сводных батальонов. Заместитель командующего фронтом Ф. И. Голиков, который по-прежнему находился в войсках нашей армии, помогая организовать управление ими в соответствии с требованиями обстановки, подчинил Казарцеву части, оборонявшиеся между городским аэродромом и кладбищем. Так образовалась еще одна оперативная группа, весьма скромная по численности и действовавшая в таком составе недолго.

Состояние остальных наших дивизий (кроме двух левофланговых — 35-й гвардейской и прибывшей совсем недавно 244-й) было не лучше. Угрожающее положение на центральном участке заставило перебросить сюда и придать 23-му танковому корпусу некоторые батальоны из группы Горохова. Это, однако, помогло лишь сдерживать противника. Стабилизировать положение в центре сил не хватало, и линия фронта медленно сдвигалась все ближе к городу.

Не меньше тревожил и левый фланг. Продолжая упорные атаки в направлении Ельшанки и Купоросного, враг постепенно продвигался там к Волге. Полоска берега, соединявшая нас с 64-й армией, становилась все уже.

Крайней на левом фланге была дивизия генерал-майора Глазкова. Гвардейцы-воздушнодесантники четвертые сутки отбивали атаки противника и днем и ночью. Особенно отличился 101-й стрелковый полк подполковника А. А. Герасимова. Это его бронебойщики во главе с однофамильцем командира полка политруком Иннокентием Герасимовым за один бой вывели из строя девятнадцать фашистских танков, не дав им прорваться к Садовой вдоль линии железной дороги. Иннокентий Герасимов одним из первых среди защитников Сталинграда был удостоен звания Героя Советского Союза.

Филипп Иванович Голиков сообщил, что нам передается из 64-й армии еще одна танковая бригада — 6-я гвардейская (не следует путать ее с 6-й танковой, вошедшей в состав армии раньше). Одновременно 62-й армии переподчинялась малочисленная 10-я стрелковая бригада — как резерв командарма.

Гвардейскую танковую бригаду мы немедленно выдвинули на центральный участок, примерно туда, где сражалась геройская девяносто девятая. А 10-я стрелковая (задержаться в резерве она никак не могла) была введена в бой на левом фланге. Ее бросили на поддержку 244-й дивизии полковника Афанасьева, которая накануне сумела немного оттеснить противника и готовилась вновь его контратаковать. Эти контратаки имели целью ослабить нажим на дивизию Глазкова.

Наступивший новый боевой день — 8 сентября — сложился, однако, не так, как мы планировали.

Утром с командного пункта 35-й гвардейской дивизии донесли, что она ведет тяжелый бой, отражая массированные танковые атаки и подвергаясь сильным ударам с воздуха. Подробности передать не успели: связь прервалась. Не сразу дошло до нас и то, что командир дивизии генерал Глазков — он находился в полку Герасимова — тяжело ранен.

Посланный из дивизии офицер связи до Мамаева кургана не добрался. Представителю штарма, выехавшему в тридцать пятую, — насколько помню, это был старший лейтенант Семиков — в пути повезло больше. Как выяс-

пилось, за минувшие часы генерал-майор Глазков получил одно за другим несколько ранений — и осколками мин, и осколками авиабомб, но продолжал до последнего, смертельного ранения управлять сражающимися частями.

Он пал в ту пору Сталинградской битвы, когда все складывалось для нас крайне неблагоприятно. Но гвардейцы 35-й дивизии — всем тем, что они сделали под командованием генерала Василия Андреевича Глазкова, — уже внесли в нашу грядущую победу у Волги свой весомый вклад.

Дивизию возглавил замкомдива полковник В. П. Дубянский. Враг наседал, полки несли большие потери, связь с ними поддерживалась с трудом. Гитлеровцы с двух сторон обходили обороняемый взводом разведчиков дивизионный КП. Но гвардейцам не изменяла их отменная стойкость, и Дубянский, несмотря ни на что, не считал себя вправе перенести командный пункт в другое место без разрешения штаба армии, получить которое долго не мог из-за отсутствия связи.

Потом обстановка сделала необходимым не только перенос КП, но и отвод сильно поредевшей дивизии на городской оборонительный обвод — иначе враг неизбежно окружил бы и уничтожил ее по частям. К исходу дня левый фланг 35-й дивизии, а следовательно, и левый фланг армии находился в трех-четырех километрах от Волги. При этом настоящего локтевого контакта с 64-й армией фактически уже не было.

У Дубянского насчитывалось теперь, вместе с дивизионными тылами, не больше тысячи пятисот человек. В основном это был полк Герасимова. Однако и в таком составе 35-я гвардейская дивизия представляла собой на левом фланге нашей обороны то ядро, вокруг которого целесообразно было группировать еще более ослабленные части. Поэтому мы подчинили новому комдиву 35-й подразделения 131-й стрелковой дивизии полковника М. А. Песочина, а также 10-ю стрелковую бригаду.

К ночи на 9 сентября дивизия Дубянского, приведя себя в порядок, закрепилась у зацарицынской окраины Сталинграда, имея задачу не пустить врага в город с юга — через Купоросное, Ельшанку, пригород Минина. Станцию Садовая мы потеряли. Гитлеровцы заняли так-

же соседнюю с нею высоту 147,5, а на центральном участке — рощу со строениями пригородной больницы.

В сущности, эти успехи противника были ничтожны. Особенно если учитывать, насколько крупными силами вел он наступление на город и какие нес потери. Но за спиной у нас находились Сталинград и Волга, и цена каждому оставшемуся до них километру была особая. Этого никому не требовалось объяснять.

Высоту 147,5, обороняемую батальоном лейтенанта Скорого из 244-й дивизии, немцы, имея здесь многократное численное превосходство, 8 сентября штурмовали при поддержке танков и авиации почти весь день. Гитлеровцы не могли овладеть высотой даже тогда, когда в батальоне оставалось меньше 30 человек. После того как высота была обойдена с тыла, последние ее защитники пробились из вражеского кольца штыковой атакой.

Мне не перечислить всех подвигов, совершенных в те дни на подступах к сталинградским окраинам. Не могу, однако, не сказать об одном очень ярком проявлении стойкости и боевой активности, как бы перекликающемся с августовским подвигом тридцати трех бойцов 87-й стрелковой дивизии. Этот новый выдающийся коллективный подвиг позволил задержать фашистские танки на одном из участков непосредственно перед городом.

Дело происходило в 42-й стрелковой бригаде полковника М. С. Батракова, которая, занимая позиции справа от 244-й дивизии, продолжала прикрывать подходы к Мамаеву кургану. Держалась бригада стойко, но, ослабленная значительными потерями, все-таки была, как и ее соседи, потеснена противником. В руках немцев оказалась высота, дававшая им на этом участке ощутимые преимущества.

Вернуть высоту было трудно. Если у бригады и существовала такая возможность, то лишь до тех пор, пока враг не успел закрепиться на высоте. Батраков верил в эту возможность и не упустил ее. Расчетливо выбрав время для ночной контратаки, он ввел в бой свой последний резерв — неполный 4-й батальон под командованием старшего лейтенанта Федора Жукова. Батальон состоял из моряков-североморцев, которыми пополнили бригаду на пути в Сталинград, а комбат был кадровым армейцем.

Дерзкая контратака удалась, высоту батальон отбил. Это само по себе являлось подвигом — моряки отбросили

противника, имевшего значительный численный перевес Но главное было впереди.

Обстановка сложилась так, что удерживать позиции на высоте, отбитые в ночь на 7 сентября, пришлось одной роте, отрезанной от своей бригады. А в роте оставалось семнадцать человек: шестнадцать краснофлотцев и старшин и политрук Алексей Золотников. Восемнадцатым был находившийся с ними комбат. И такую вот горсточку советских бойцов гитлеровцы не могли одолеть, сбить с их рубежа уже третий день.

На высоту пикировали и ходили над ней каруселью бомбардировщики, ее интенсивно обстреливала артиллерия. Но когда после этого фашистская пехота и танки начинали очередную атаку, наши воины вновь встречали их огнем ПТР и пулеметов, бутылками с горючей жидкостью, гранатами.

Пока действовала связь с КП бригады, старший лейтенант Жуков доложил, что при отражении неприятельских атак подбито и сожжено восемь танков, а сколько уничтожено гитлеровских солдат, подсчитать трудно.

Долго не удавалось доставить защитникам высоты боеприпасы, еду, воду. Оставалось уже мало надежды на то, что там кто-то уцелеет. Лишь позже стало известно, как хорошо расставил комбат своих людей, как продуманно укрывались они при бомбежках и огневых налетах, как собирали и использовали оружие истребленных ими фашистов и как снова и снова выходили победителями из неравных схваток с наседавшим врагом, с ползущими по отлогому склону танками. Три танка подбил из ПТР старшина 2-й статьи Венедикт Борисоглебский. Лично уничтожил танк, уже прошедший над его блиндажом, комбат Жуков.

Владея высотой, маленькое подразделение во главе с мужественным и умелым командиром помогало удерживать свой рубеж всей бригаде. А потерь после захвата высоты группа Жукова уже почти не имела. Большинство из восемнадцати героев смогли потом сами получить заслуженные ими боевые награды.

Ночью бои, за исключением отдельных участков, все-таки стихали. Продолжался лишь методический обстрел переднего края и ближних тылов, дорог. Имея все осно-

вания ожидать наутро еще более сильного вражеского натиска, а возможно, и общего штурма (вероятность его с каждым днем возрастала) с целью захвата города, мы обязывали командиров соединений обеспечивать полную готовность войск к отражению новых атак противника к пяти ноль-ноль.

Как ни измотаны бывали бойцы за день, как ни нуждались в отдыхе, часть ночного времени отдавалась укреплению позиций. В приказах, в боевых распоряжениях командования армии настойчиво повторялось требование: использовать каждую минуту для совершенствования занимаемых рубежей, для доведения окопов до полного профиля, создания заграждений.

Городской оборонительный обвод, как и раньше внутренний, достался армии в далеко не завершенном виде. В этом нельзя было винить ни инженерные части, не располагавшие достаточными силами и средствами, ни тем более Городской комитет обороны. Десятки тысяч сталинградцев были заняты строительством укреплений на двух других, огромных по протяженности обводах — внешнем и среднем, через которые фронт уже перекатился. На инженерную подготовку к обороне непосредственно города осталось слишком мало времени, гораздо меньше, чем в Севастополе, хотя и там его было в обрез. А рельеф местности был тут куда менее выгодным для создания устойчивой обороны, не говоря уже о том, что не существовало такой опоры, как севастопольские береговые батареи-форты, вросшие глубоко в землю, защищенные броней и бетоном.

В Севастополе командиры дивизий подчас жаловались на то, что моряки не наилучшим образом расположили артиллерийские и пулеметные доты. На ближних подступах к Сталинграду настоящих, заблаговременно построенных дотов не было вообще. Что касается полевых укреплений, то дооборудование их в пределах возможного, как и возведение новых, где это требовалось, легло теперь на занимающие их стрелковые и артиллерийские части. Саперные батальоны большинства дивизий давно влились в сражающиеся полки. А находившимся в Сталинграде инженерным частям хватало дела в самом городе. Тем более что возможности привлечения к любым оборонительным работам, начиная от расчистки проездов к приста-

ням, местных жителей резко сократились — за последние дни город обезлюдел.

Не прекращая попыток как-то наладить жизнь в разрушенном и подвергающемся все новым бомбежкам Сталинграде, Городской комитет обороны ускорил эвакуацию всех, кому оставаться в развалинах и под бомбежками было незачем. Вслед за женщинами и детьми за Волгу переправлялись нужные в других местах рабочие-специалисты.

9 сентября комитет обороны принял решение, согласно которому на предприятиях, способных в какой-то мере функционировать, оставлялось (включая и предприятия, расположенные в южной части города, обороняемой 64-й армией) 6420 человек. В том числе около 2000 человек на Тракторном, 1200 — на «Баррикадах», 600 — на «Красном Октябре».

На всех трех сталинградских промышленных гигантах действовали лишь отдельные цеха — в качестве мастерских по ремонту и восстановлению боевой техники, но и это делать с каждым днем становилось все труднее. Тысячи рабочих этих заводов уже сражались в рядах нашей армии. Последние изготовленные на «Баррикадах» орудия ушли на огневые позиции с расчетами, сформированными из заводских оружейников.

Ночью, особенно в первую ее половину, продолжалась напряженная работа в штабе армии. Далеко не со всеми соединениями связь действовала бесперебойно. На Мамаевом кургане всегда с нетерпением ждали возвращения наших направленцев, которые были обязаны доставить достоверные сведения о положении на соответствующих участках фронта.

Начальником оперативного отдела в это время стал (вместо Н. С. Климова, которого от нас перевели) Николай Сергеевич Елисеев. Он был вдвое старше многих своих подчиненных, а в петлицах имел уже редко встречавшиеся у общевойсковых командиров ромбы: комбриг, не переаттестованный пока ни в генералы, ни в полковники. Это был человек высокообразованный и немало повидавший, офицер старой русской армии в первую мировую войну и командир красной конницы в гражданскую, а потом — преподаватель военной академии.

В день, когда Елисеев прибыл в Сталинград, до Мамаева кургана, подвергавшегося прежде только артилле-

рийскому обстрелу, начали долетать и немецкие мины. Это, кажется, поразило комбрига: никакие известные ему наставления, разумеется, не предусматривали расположение штаба армии в зоне неприятельского минометного огня. А под Сталинградом близость штабов, включая и армейский, к переднему краю успела стать признанным, насущно необходимым условием гибкого управления войсками.

Впрочем, общая военная культура комбрига Елисеева помогла ему быстро оценить целесообразность допускавшихся у нас отступлений от привычных ему норм. Штабную работу он знал отлично, и если стал человеком кабинетного склада, то мог и в землянке чувствовать себя, как в кабинете. Над его усидчивостью иной раз подтрунивали, но я не видел беды в том, что немолодой начопер, способный чуть ли не круглые сутки работать за своим столом, не часто бывал в войсках — на это у него хватало молодых помощников.

Ядро оперативного отдела по-прежнему составляли те, кого я застал еще в Карповке, — майор П. И. Зализюк, капитаны И. Е. Велькин, П. И. Кузнецов, Т. Е. Калякин, старшие лейтенанты Л. С. Барановский, А. И. Семиков... А новых офицеров связи (их требовалось все больше), мы подбирали в армейском резерве, в штабах расформируемых частей. По рекомендации капитана Кузнецова, служившего раньше в Орджоникидзевском пехотном училище, взяли в штаб из расформированного курсантского полка старших лейтенантов Анатолия Мережко и Якова Полякова. Обязанности штабного офицера связи (по существу, все они были скорее офицерами для особых поручений) освоил и старший политрук Иван Падерин, будущий писатель. До этого он был комиссаром отдельного батальона, сформированного из сибирских лыжников и полегшего в боях у Дона. Потом Падерина, как политработника, пришлось отдать в распоряжение политотдела армии.

В войсках каждый день бывал член Военного совета Кузьма Акимович Гуров. Бывал, можно сказать, за себя и за меня.

С тех пор как я начал исполнять обязанности командующего, мы еще больше сблизились. Все существенное

решали вместе. И только раз за эти дни всерьез поспорили. Поводом явилось высказанное мною намерение поехать на левый фланг, в дивизию Дубянского и к его соседям: положение там оставалось напряженным и не вполне ясным.

Гуров, только что веселый (веселым он мог быть иногда даже в самой трудной обстановке, и сперва это удивляло меня, а потом всегда радовало), изменился в лице, нахмурил брови и заявил с неожиданной категоричностью:

— Согласен, что одному из нас следует там побывать. Только не тебе, Николай Иванович. Поеду я!

Не собираясь ссориться, но все-таки немного задетый, я заметил, что, в конце концов, имею право решить это сам. Гуров усмехнулся и заговорил уже спокойнее:

— Имеешь, имеешь право. Что армией командуешь ты, я не забыл. И что заместитель командующего — тоже ты. А заодно и начальник штаба, потому что Камынин — временно исполняющий... Только вот подумай, имею ли я-то право, пока так обстоит дело и при таком положении на фронте, допустить, чтобы ты уезжал в самую дальнюю дивизию, оставив КП и штаб на полковника Камынина, при всем нашем общем к нему уважении! А если там немцы прорвутся, чего исключить нельзя, и отрежут тебе обратный путь? Скоро ли тогда сюда доберешься через левый берег? Или если угодишь под огневой налет, как Глазков... Нет, Николай Иванович, давай решим на сегодня и на ближайшее будущее: выезжать, куда потребуется, буду, как правило, я. Ну а ты — в особых случаях и не слишком далеко. Хочешь не хочешь, тебе надо сейчас сидеть на Мамаевом. — И, совсем смягчившись, «утешил»: — Тем более что и отсюда чуть ли не половину нашего фронта видно...

У меня, конечно, были свои резоны, но пришлось признать, что во многом Гуров прав, и до поры до времени предельно сократить выезды с КП.

То, что рассказывал о положении дел в соединениях член Военного совета, давало мне больше, чем чьи-либо еще сообщения и доклады. Кузьма Акимович обладал не просто зорким глазом, от которого не ускользало ничто мало-мальски значимое. Он чутко улавливал состояние духа людей, мог ощутить их внутренний «запас прочности». Его размышления над увиденным сегодня были

подчинены стремлению яснее представить завтрашний день, понять, что он несет, чего потребует.

А как умел он ободрить, поднять настроение! Иной раз — несколькими словами...

Помню, однажды ночью после возвращения Гурова из войск мы, переговорив уже обо всем главном, сидели на сухой земле, возле моего блиндажа. В раскинувшемся внизу городе, как обычно, что-то горело, от пожаров на берегу то тут, то там багровела темная стремнина Волги. А за горбиной кургана сливались отсветы немецких ракет, вспышки орудийных выстрелов, разрывов снарядов. Наша высота, сейчас не обстреливаемая, казалась темным островом, к которому с двух сторон подступают грозные огни.

На душе было тяжело от неутешительных итогов минувшего дня: враг опять кое-где потеснил нас. Тревожило, что не прибывают обещанные резервные силы и что, как видно, выдохлось наступление на севере, откуда должны были пробиться на соединение с нами войска Сталинградского фронта.

Не мог, конечно, не переживать всего этого и сидевший рядом Кузьма Акимович. Но им еще владели и впечатления, вынесенные с переднего края. Не отрывая взгляда от пожарищ в городе, Гуров задумчиво сказал:

— Вот еще чем с тобой не поделился. Понимаешь, в разных дивизиях два комбата высказали мне сегодня чуть не слово в слово одно и то же: нигде до сих пор не видели перед своими окопами столько мертвых фрицев... Оба комбата, между прочим, воюют с прошлого лета — специально поинтересовался. Так что им есть с чем сравнивать. И ни на Дону, ни под Россошками, где мы тоже порядочно фашистов уложили, я такого ни от кого не слышал. Вот и подумалось — а ведь это же что-нибудь да значит...

Чуть помолчав, он продолжал:

— Другой раз, грешным делом, сомневаешься — не прибавил ли какой штадив лишнего, выводя в сводке, сколько уничтожено вражеской живой силы. А может, наоборот, окажется в наших сводках недочет? Особенно когда артиллерия хорошо поработает... Ты знаешь, я не о цифири отчетной беспокоюсь. Речь веду к тому, сколько они еще, дьяволы, смогут так на нас жать при таких-то потерях.

Недооценивать возможности противника всегда опасно. Но я знал, что Гуров от этого далек. Наседавший на нас враг был еще очень силен. Однако он все-таки слабел — это подтверждалось многим. Продержаться до дня, когда сумеем остановить фашистов окончательно, бесповоротно, приблизить его чем только можно — на этом сходились все наши помыслы.

Продержаться было непросто. Жесткая оборона, создания которой мы добивались на ближних и ближайших подступах к городу, предполагает не только сплошной фронт, без разрывов между частями, с надежно прикрытыми стыками, но и хоть какое-то эшелонирование в глубину. Однако для этого — при 50-километровом фронте армии — войск было давно уже недостаточно, а подкрепления, полученные после отхода на внутренний обвод, едва восполняли потери. Частые перегруппировки, к которым постоянно приходилось прибегать для усиления наиболее угрожаемых участков за счет других, выручали не всегда.

Сдерживать и изматывать противника помогала артиллерия. 62-я армия располагала довольно значительным по тем временам количеством орудий и минометов. Хотя у немцев их было значительно больше, наша артиллерия представляла могучую силу.

Кроме артполков дивизий и артдивизионов бригад в нашем распоряжении к 10 сентября находилось около десяти истребительно-противотанковых артиллерийских полков РГК. И сверх того — полевая реактивная артиллерия: два гвардейских минометных полка.

Почти во всех артполках был некомплект материальной части. Но все-таки в полосе обороны армии в начале сентября действовало свыше шестисот орудий и минометов (без 50-миллиметровых), причем число стволов все время возрастало. Северную группу Горохова поддерживали также канонерские лодки Волжской флотилии. Ее 2-я бригада кораблей под командованием контр-адмирала Т. А. Новикова поступила в оперативное подчинение командарму 62-й еще в августе.

Докладывая о потерях, о том, что враг вновь нажимает и положение трудное, командиры дивизий и бригад старались выяснить — кто напрямик, кто обиняком, — нельзя ли получить подкрепление. И часто я отвечал:

— Дать людей сейчас не могу. Но прибавить огня можно.

Не подлежит сомнению, что только благодаря усиленной поддержке артиллерией — иногда сосредоточением на узком участке огня нескольких артполков — могли выстоять и 35-я гвардейская дивизия, и бригада Ильина, и многие другие соединения. 3 сентября, когда противник многократно пытался прорвать оборону 112-й стрелковой дивизии подполковника Ермолкина, исход боя на этом участке в огромной мере решили пятнадцать залпов дивизиона гвардейских минометов по скоплениям немецкой пехоты и выходящим в атаку танкам.

— Упорство бойцов плюс артиллерия — вот на чем все держится! — сказал как-то дивизионный комиссар Гуров, размышляя над итогами боевого дня.

Он почти повторил севастопольскую формулу командарма Приморской Ивана Ефимовича Петрова: «Стойкость пехоты и централизованное управление артиллерией». Под Сталинградом действовало больше авиации, было у нас и хоть сколько-то танков. Однако и здесь лишь артиллерия являлась той силой, которая могла немедленно поддержать стрелковые части на любом участке.

При этом и в Сталинграде создавалась всеохватывающая система централизованного управления артиллерией, оправдавшая себя при обороне Одессы и Севастополя. В начале сентября были образованы две армейские артиллерийские группы, каждая в составе четырех-пяти артиллерийских и гвардейских минометных полков.

Как я уже говорил, мы считали существенной подмогой передачу армии каждого нового истребительно-противотанкового полка. Иптапы РГК отличались не только огневой мощью, но и особой сплоченностью и стойкостью личного состава.

Памятен подвиг артиллеристов 1183-го иптапа, который был придан 62-й армии еще за Доном и имел на счету несколько десятков подбитых фашистских танков. В ходе сентябрьских боев гитлеровцы однажды попытались прорваться прямо через огневые позиции этого полка, оставшегося без пехотного прикрытия. В батареях были большие потери. Погибших огневиков заменяли телефонисты, радисты, не покидали своих постов способные держаться на ногах раненые. И орудия продолжали

бить по врагу, бить почти в упор, даже если в расчете оставался всего один человек.

Но и беспредельная стойкость не всегда могла восполнить то, что солдат и орудий, не говоря уже о танках и самолетах, у нас было меньше, чем у атакующего противника. Вновь и вновь возникала опасность, что какое-нибудь вклинение в нашу оборону, предотвратить которое не удастся, перерастет в глубокий прорыв.

9 сентября такая угроза создалась в самом центре фронта армии, на участке 6-й танковой бригады. Ее командир попросил помощи, и это был тот случай, когда подкрепление следовало дать во что бы то ни стало, причем быстро. Я ответил, что помощь будет, хотя в ту минуту сам не знал, где поблизости смогу что-либо взять, кроме резервной роты военно-политического училища. А нужен был по крайней мере еще батальон.

Соединился с командиром 87-й дивизии (дивизии давно уже только по названию) Казарцевым.

— Александр Игпатьевич, знаете, что происходит у вашего соседа?

— Так точно, знаю.

— Нужно послать туда сводный батальон. И как можно скорее. Очень прошу. Иначе...

— Слушаюсь, товарищ командующий. Будет исполнено.

Можно было, конечно, просто приказать. Но бывают обстоятельства, когда просьба сильнее, понятнее. Казарцева вот-вот самого могли атаковать, а соседу он должен был отдать около трети наличного боевого состава.

Полковник Камынин, находившийся со мною на КП, поднялся из-за стола:

— Разрешите я сам встречу и выведу на позиции курсантскую роту. Так будет быстрее!

Но уж этого я начальнику штаба не позволил — тут достаточно было расторопного офицера связи.

Расширить и углубить прорыв — а это был бы тогда прорыв к Мамаеву кургану — немцам не дали. Однако восстановить положение сил не хватило, как не хватило их, чтобы вернуть позиции, утраченные на других участках.

Кроме Городища и Александровки, находящихся в пяти-шести километрах от рабочих поселков заводской части города, 10 сентября в руках противника был

также и разъезд Разгуляевка, расположенный еще ближе.

Мы не мирились с потерей этих пригородных пунктов, не отказывались от попыток вернуть их. Но создавшееся положение требовало форсировать и подготовку к боевым действиям в самом Сталинграде, теперь уже более чем возможным. Вечером 10-го штаб армии передал командирам оперативных групп краткое боевое распоряжение: проверить в пределах границ своих участков превращение городских зданий в опорные пункты обороны, продумать, какие части и подразделения смогут их занять.

Тем временем к двум самым горячим с начала сентября местам нашей обороны — в центре и на левом фланге — прибавилось третье: противник активизировал действия против нашего орловского выступа, стремясь концентрическими ударами отрезать Орловку. Захваченный там в ночь на 11-е пленный оказался из вновь прибывшей немецкой дивизии — 100-й легкопехотной. Она была введена в наступление между 295-й и 389-й пехотными дивизиями, давно уже нам известными.

В планах Паулюса атакам на этом направлении могла отводиться, конечно, лишь вспомогательная роль. Тем не менее они были чреваты для нас серьезными осложнениями. Появилась угроза окружения некоторых частей группы Князева. А потеря Орловки с господствующими над этим районом высотами означала бы ослабление всего правого фланга нашей обороны и сокращение наших возможностей продвигаться — если позволит обстановка — на север, навстречу войскам Сталинградского фронта.

Наиболее крупной из частей, сражавшихся западнее Орловки, была 115-я отдельная стрелковая бригада, и при сложившихся обстоятельствах стало целесообразным подчинить командовавшему ею полковнику Андрюсенко также подразделения 2-й мотострелковой бригады, сводный полк 196-й дивизии и еще один стрелковый полк, выделив их из группы Князева. Так на нашем северо-западном форпосте, в 12—15 километрах от Волги (на таком удалении от нее передний край армии не находился больше нигде), была создана новая оперативная группа, от командира которой вскоре потребовалась большая самостоятельность. Начальник артиллерии армии получил

приказание передать Андрюсенко один истребительно-противотанковый полк, обеспечить поддержку группы другой артиллерией и гвардейскими минометами.

А на левом фланге наша Южная опергруппа — ядром ее по-прежнему оставалась 35-я гвардейская дивизия, состоявшая фактически из стрелкового полка Герасимова, — вела тяжелые бои за пригород Минина, за Ельшанку, за Купоросное с его пристанью. (В Купоросном была и понтонная мостовая переправа, которую только что навели; она хорошо послужила нам, пропустив за четверо суток сотни автомашин и подвод, но дольше просуществовать не смогла.) Все эти поселки, сохраняя собственные названия, входили в черту Сталинграда.

На Купоросное нацелилось острие клина, которым ударная группировка противника разъединяла нас с 64-й армией. Здесь бои носили особенно упорный характер. Контратаки нашей пехоты поддерживали кроме армейских артполков канонерские лодки Волжской флотилии. Однако локтевого контакта с левым соседом больше не было. И становилось все очевиднее, что тут мы в состоянии лишь еще какое-то время сдерживать врага, а помешать ему выйти к Волге не сможем.

Севернее Сталинграда противник достиг Волги уже почти три недели назад. Теперь он отрезáл нас от соседей и на юге. Но это не было окружением. Все снабжение и раньше шло из-за Волги, так что в этом отношении ничего не менялось. Просто надо было до конца осознать, что на какой-то срок (тогда думалось — может, и недолгий) боеспособность армии и само ее существование, получение любой помощи целиком будут зависеть от действия волжских переправ.

Прошло 10 сентября, и мы задним числом узнали, что на этот день гитлеровское командование планировало овладеть Сталинградом. Это был уже четвертый ставший нам известным срок (последний перед ним — 1 сентября).

Враг вновь просчитался. Он мог определить расстояние от своих позиций до каждой сталинградской улицы, имел, вероятно, довольно точные сведения о составе нашей армии, однако все это, как видно, плохо помогало ему учесть силу отпора, который он встретит.

А днем позже (о чем мы в Сталинграде тогда, разумеется, не могли ни знать, ни догадываться) в Ставке

Верховного Главнокомандования впервые обсуждался замысел крупнейшей наступательной операции, рассчитанной на окружение и полную ликвидацию подступивших к Волге фашистских армий...

12 сентября — насколько помню, около полудня — из штаба фронта поступило сообщение, что командующим войсками 62-й армии назначен и сегодня же прибудет к нам генерал-лейтенант В. И. Чуйков, до того — заместитель командарма (еще раньше — командарм) 64-й, а я назначаюсь начальником штаба армии.

Как рассказывал впоследствии и написал в своих воспоминаниях командующий фронтом А. И. Еременко, целесообразность того, чтобы назначить меня начальником штаба, а не оставлять командармом, определялась для Военного совета фронта моим одесским и севастопольским опытом. И Ставка с этими соображениями согласилась.

Что касается моего собственного отношения к этому, то должен признаться, что чего-либо похожего на чувство уязвленного самолюбия не ощутил. До того ли было! А то, что ощутил, могу выразить так: под нелегкую ношу, которую мы делили последнюю неделю с Гуровым, подставлял плечо, чтобы принять на себя главную тяжесть, кто-то еще незнакомый, но наверняка сильный и надежный — другого сюда не послали бы.

Оставлять КП ради встречи нового командующего на пристани я не считал себя вправе. Да и часа, когда он прибудет, мы не знали. На пристань центральной переправы был послан старший лейтенант Семиков. По наведенным справкам, больше никто в штабе армии не знал генерала Чуйкова в лицо.

А Семиков познакомился с ним месяца полтора назад при довольно необычных обстоятельствах. Дело было в степи, еще за Доном. Семиков ехал с поручением в одну из дивизий вблизи разграничительной линии с 64-й армией. К машине направленца привязался барражировавший над степью «мессершмитт». Но вдруг он оставил газик в покое — оказалось, обнаружил в воздухе летящий в одиночку У-2. На глазах у Семикова разыгрался неравный поединок: стремительный «мессер» с пушкой и пулеметами против тихоходного, невооруженного связ-

ного самолетика... Маневрируя на бреющем полете, пилот У-2 сумел уклониться от нескольких атак своего преследователя, но, в конце концов, самолет, то ли подбитый, то ли просто не успевший набрать высоту над степным бугром, упал на землю и загорелся. Немецкий летчик, уверенный, должно быть, что покончил и с экипажем, улетел. Семиков, поспешивший к горящему самолету, тоже не очень надеялся найти там кого-либо в живых. Однако пилот и находившийся в самолете пассажир счастливо отделались лишь ушибами. Пассажиром оказался генерал-лейтенант Чуйков, тогда — командующий 64-й армией, вылетавший на рекогносцировку. Семиков отвез его, куда тот приказал.

Вспомнив эту историю, происшедшую еще до моего приезда в 62-ю армию и услышанную от кого-то в штабе, я и поручил именно старшему лейтенанту Александру Семикову встретить командующего у переправы, провести его на Мамаев курган.

День стоял ясный, солнечный, как уже много дней подряд, что было на руку гитлеровцам, предварявшим и поддерживавшим все свои наступательные действия ударами с воздуха. Но утром 12 сентября бомбежек не было. Противник, должно быть, не закончил какие-то перегруппировки или подтягивание резервов и в течение нескольких часов предпринимал атаки лишь на отдельных участках и ограниченными силами. Все эти атаки были отбиты.

Ко второй половине дня враг активизировался в центре — в районе Разгуляевки и во многих других местах. Полковник Андрюсенко радировал, что противник пытается продвинуться в направлении Орловки. С новой силой разгорелись бои на левом фланге — у Купоросного, в пригороде Минина. В тяжелом положении оказалась 244-я дивизия, отражавшая атаки пехоты и танков со стороны Садовой. Оборона одного из ее полков была прорвана, и создалась угроза тылам. Дивизионный командный пункт, расположенный в карьере близ Дар-горы, оказался в боевых порядках батальонов, но полковник Афанасьев разрешения на перенос КП не просил и, прикрыв его разведротой, управлял частями с переднего края.

Над зацарицынской частью города висело по тридцать — сорок бомбардировщиков. Другие, более мелкие

группы фашистских самолетов наносили удары по всему нашему фронту. На Мамаевом кургане вперемежку с бомбами рвались снаряды и мины. То и дело приходилось смахивать с лежавшей передо мною карты крупицы земли, осыпавшейся между бревнами перекрытия (бревна были тонковаты и уложены в один ряд — когда мы здесь обосновывались, у саперов и без этого хватало работы).

Напряженность общего положения нарастала. Чуть ли не ежеминутно девушка-связистка протягивала мне телефонную трубку, а то и сразу две. Возникали вопросы, требующие немедленных решений, и, занятый всем этим, я порой просто забывал о том, что вот-вот должен прибыть новый командарм.

В один из таких горячих моментов он и появился (переправившись через Волгу со своей машиной на первом мотопароме, отошедшем от левого берега, едва начало смеркаться).

Откинув плащ-палатку, заменявшую дверь, и слегка нагнувшись, в блиндаж решительно шагнул высокий, бравого вида генерал в полевой форме, с орденами.

— Я — Чуйков, — сказал он, кладя передо мною отпечатанное на машинке предписание и протягивая руку.

У меня шел телефонный разговор, прерывать который было нельзя: связь держалась на волоске. Поэтому, представившись так же коротко: «Я — Крылов» и пожав руку командующего, я снова взялся за трубку.

Конечно, встречать прибывшего командарма полагалось не так. Но Чуйков меня понял. Не выказав ни недовольства, ни удивления, он присел на земляную лавку и стал внимательно вслушиваться в то, что я говорил командиру соединения, оглядывая в то же время мой неказистый блиндаж.

Не успел окончиться этот разговор, как на другом проводе оказался командир дивизии с еще одного трудного участка. Я показал командующему на карте, с кем говорю, и он молча кивнул, разрешая делать то, что считаю нужным. А я стал говорить по телефону так, чтобы ему была яснее суть дела: что-то из услышанного повторял, как бы переспрашивая, распоряжения излагал немного подробнее, чем обычно. И, видя, как Чуйков впился глазами в мою рабочую карту, помогал ему, водя по ней карандашом.

Так, в ходе управления войсками, ведущими бой, и началась у нас передача командования. Пришлось выслушать еще несколько срочных телефонных донесений, принимать решения по которым командарм предоставил мне самостоятельно, прежде чем наступила какая-то пауза и я смог докладывать обстановку по порядку. При этом сразу почувствовалось, что многое генералу Чуйкову уже ясно. А его вопросы отражали активную, напористую работу мысли, умение ориентироваться на новом месте быстро и уверенно.

К большой своей радости, я убеждался: на то, каким должно быть в необычных сталинградских условиях управление войсками, мы смотрим, кажется, одинаково. Новый командующий, как и я, считал, например, что штабам, в том числе и армейскому, здесь следует, вопреки существовавшим уставным рекомендациям, располагаться как можно ближе к боевым порядкам войск.

В блиндаже уже находился член Военного совета Гуров (с Чуйковым он был знаком и раньше), и на многие вопросы командующего мы отвечали вместе. Затем были вызваны Пожарский, Камынин, Герман и другие понадобившиеся командиры.

Командарм, естественно, спросил, какие решения готовятся на завтра, на ближайшие дни. На это я ответил:

— Исходный принцип всех решений — драться до последней возможности. Конкретное решение на завтра смогу доложить немного позже, когда проанализируем по вечерним донесениям всю обстановку.

Чуйков передал вкратце свой разговор с командующим и членами Военного совета фронта, происходивший несколько часов назад.

— Меня спросили, — рассказывал он, — как я понимаю свою задачу в шестьдесят второй армии. Сказал, что понимаю так: сдать Сталинград мы не можем, не имеем права — это подорвало бы моральный дух народа. В общем, поклялся, что отсюда не уйду, что город отстоим или тут погибнем.

— Правильно! — вставил свое любимое слово Кузьма Акимович Гуров.

Нас с Гуровым, понятно, интересовало, что известно Чуйкову о видах на усиление армии, о том, когда ее пополнят обещанными и насущно необходимыми свежими соединениями.

Как мы поняли, пока Чуйков знал об этом вряд ли больше, чем мы: резервные соединения ожидаются, они где-то на подходе. Выяснять подробности командующий, вероятно, не счел возможным, не познакомившись на месте с обстановкой, с состоянием армии.

— Обещали, что в помощи не откажут, — сказал он нам.

Подписав телеграмму Военному совету фронта о вступлении в командование армией, Василий Иванович чему-то вдруг усмехнулся и осведомился, водится ли у нас тут хоть какая-нибудь еда.

Стало неловко: не предложил командующему перекусить!.. В те дни о регулярности приема пищи у нас на КП порой забывали.

Дело постарались поправить. Вызванный Володя Ковтун открыл консервы, принес остывшего чая, раздобыл на обслуживавшей штарм полевой кухне что-то еще.

На Сталинград опустилась ночь. В городе, особенно в южной его части, за Царицей, пламенели пожары. На обоих берегах Волги и на островах ухали орудия. И все-таки у нас это были часы затишья.

ПОЛЕМ БОЯ СТАНОВИТСЯ ГОРОД

Теперь мне уже трудно отделить то, что я раньше знал о Василии Ивановиче Чуйкове — человеке, известном среди кадрового комсостава Красной Армии и до Сталинграда, — от того, что услышал от него самого.

Биография Чуйкова — это история одного из тех людей-самородков, которыми так богат наш народ и которым только Великий Октябрь дал по-настоящему проявить свои недюжинные силы. Сын многодетного тульского крестьянина, двенадцати лет отправленный на заработки в Питер, он был мальчиком для услуг при банях и меблированных комнатах, затем учеником в кустарной мастерской, где столичные офицеры-щеголи заказывали какие-то особенно звонкие шпоры... Все перевернул бурный семнадцатый год. Затаив дыхание, слушал он на площади у Финляндского вокзала пламенную речь вернувшегося в Россию Ленина. Потянувшись к революционным матросам (среди них были три его старших брата), вступил юнгой-добровольцем в кронштадтский учебно-минный отряд. А боевое крещение принял на улицах Москвы — при подавлении эсеровского мятежа в июле восемнадцатого, будучи уже красным курсантом.

Вооруженная защита дела Октября становится его призванием, храбрость и ярко раскрывшийся командирский талант обусловливают стремительный даже для того огневого времени служебный рост. На девятнадцатом году жизни красному командиру Чуйкову вверили один из полков знаменитой дивизии Азина, и вскоре самый молодой на Восточном (колчаковском) фронте командир полка, незадолго перед тем принятый в партию большевиков, награждается за боевую доблесть орденом Красного Знамени. В дальнейшем ходе гражданской войны,

на Западном фронте, он заслужил такую награду вторично.

В двадцать пять лет Василий Иванович окончил Военную академию РККА. В мирное время командовал мехбригадой, стрелковым корпусом, а в финскую кампанию — армией. Когда грянула Великая Отечественная, Чуйков находился на военно-дипломатической работе в Китае. Вернувшись оттуда весной сорок второго, он стал добиваться скорейшего направления на фронт, сознавая вместе с тем, что должен еще много понять в природе современного боя, что, может быть, в чем-то отстал от генералов, которые находились в действующей армии с первых дней войны.

Ему выпало, числясь заместителем командарма при фактическом отсутствии такового, завершать боевую подготовку резервной армии — будущей 64-й, развертывать ее в июле в донских степях перед идущим напролом врагом, с ходу вводить в тяжелые сражения. Чуйков действовал смело, решительно и в то же время расчетливо.

В первых числах августа, когда 64-й армией уже командовал генерал М. С. Шумилов, ее левый фланг оказался открытым в результате прорыва фронта соседней 51-й армии. Положение создалось близкое к катастрофическому: в образовавшиеся «ворота» рванулась — из района Цимлянской через Котельниково — в тылы Сталинградского фронта (тогда еще не разделенного на два) и к Сталинграду ударная группировка танковой армии Гота. Чуйкову, как заместителю командарма 64-й, было поручено создать на пути противника заслон на реке Аксай, сколотив и возглавив оперативную группу войск, названную впоследствии Южной.

В сложнейшей обстановке, без надежной связи, самостоятельно ведя разведку и постепенно наращивая свои очень скромные поначалу силы за счет разыскиваемых в степи остатков отходящих частей, он успел вовремя организовать на Аксае крепкую оборону. И притом — весьма активную. Такую, при которой контратаки не раз переходили в преследование дрогнувшего врага.

— Там мы не только устояли перед натиском противника, но и основательно побили его, — вспоминал потом Василий Иванович. — И отраднее всего было убеждаться, что войска, собранные при отступлении, не потеряли боевого духа, дерутся хорошо, в атаки ходят дружно...

Остановив гитлеровцев на Аксае, группа Чуйкова обеспечила другим соединениям 64-й армии возможность закрепиться на новых рубежах. А фашистскому генералу Готу пришлось подтягивать резервы, просить поддержки у Паулюса, искать для дальнейшего наступления иное направление, где ему тем временем также был подготовлен сильный отпор. Неприятельский замысел — охватить большими клещами Сталинградский фронт и концентрическими ударами овладеть городом — срывался.

Тогда, в первой половине августа, я был еще на Кавказе. Да и потом, находясь в 62-й армии, лишь постепенно узнавал подробности, относящиеся к начальному периоду Сталинградской битвы, связанные с обстановкой на других ее участках. То, что рассказывал Чуйков, существенно дополняло мои представления о развитии событий на юго-западе, в полосе нашего левого соседа. В то же время в этих его рассказах, что было не менее интересно, раскрывалась натура самого Василия Ивановича — человека с горячим сердцем и железной волей, военачальника, мыслящего широко и смело, чуждого в своих решениях и действиях каких-либо шаблонов, неустанно стремящегося понять, как вернее одолеть врага в данных конкретных условиях. Надо ли объяснять, сколь важны были такие качества командующего в Сталинграде?

Разумеется, для разговоров о давнем или недавнем прошлом, обо всем, что непосредственно не касалось сегодняшних и завтрашних боевых задач, время у нас появилось лишь позже. Сначала было не до этого.

Командарм привез принятое одновременно с его назначением решение Военного совета фронта: оборону Сталинграда возложить на 62-ю армию.

Казалось бы, оно не содержало ничего нового и просто констатировало очевидную реальность: какой же армии оборонять город, как не той, в полосе которой он находится, за исключением южных предместий? И тем более что с соседями эта армия разобщена на обоих флангах.

Но смысл решения, как мы понимали, состоял в том, чтобы подчеркнуть нашу общую — от генерала до солдата — ответственность за Сталинград.

В штабе фронта Чуйкова, конечно, информировали о состоянии 62-й армии, но за недостатком времени, веро-

ятно, не особенно детально. Зная, что положение тяжелое, он — этого мы с Гуровым не могли не почувствовать, — видимо, все-таки рассчитывал застать армию не до такой степени ослабленной, как было в действительности. И немудрено: сколько наших дивизий, сократившихся по числу штыков до полка, батальона, а в иных случаях и роты, еще обозначались в оперсводках и на отчетных картах как дивизии!

Вспоминая свое знакомство с армией, Василий Иванович потом писал: «Одна танковая бригада имела только один танк, две другие были совсем без танков...»

Некоторые соединения, не исключенные еще из списков армии, уже переставали упоминаться в сводках. У полковника Казарцева от его славной 87-й стрелковой остался, по существу, один штадив, который подлежал отправке за Волгу — формировать дивизию заново.

А в вечернем донесении из 35-й гвардейской дивизии, поступившем вскоре после прибытия генерала Чуйкова на Мамаев курган, говорилось: «Отразив неоднократные атаки пехоты с танками и бронемашинами, дивизия удерживает прежние позиции, имея в своем составе 150 бойцов и командиров...»

Не дожидаясь вопроса, как все-таки может дивизия держаться, я доложил командующему, что на нее работают два гвардейских минометных полка и один гаубичный и что ей приданы также группа танков и бронебойщики из бригады Ильина.

Командарм приказал соединить его с командиром дивизии и осведомился, не тот ли это Дубянский, которого он знал по Белорусскому округу. Оказалось, тот самый, и Чуйков этому обрадовался. Однако когда комдив вслед за тем попросил пополнения, старое знакомство не помогло.

— Пополнения пока не будет, — отрезал Чуйков. — Когда получу, подброшу. А пока — стоять насмерть!..

Составом армейского резерва командующий поинтересовался еще в первые минуты нашей беседы. Услышав, что резерв исчерпывается сводным полком 399-й стрелковой дивизии полковника Н. Г. Травникова (все, что от нее осталось), покачал курчавой головой и, морщась, словно от зубной боли, сказал: «Негусто!»

Беднее действительно было некуда: на армию — один резервный полк, притом далеко не штатной численности.

А ведь и второй эшелон мы имели только на наиболее напряженных участках, да и там — неплотный. Несколько дней назад, когда еще весь городской оборонительный обвод представлял собою запасной рубеж в ближнем тылу, было решено занять его частями 10-й дивизии НКВД, о чем я упоминал. Но полностью осуществить это так и не удалось. Два из пяти полков дивизии по-прежнему находились на переднем крае. Заменить их там было нечем.

Дивизия полковника Сараева, влившаяся в 62-ю армию в порядке оперативного подчинения, тогда еще не очень поредела. Близкий к штатному состав сохраняли также бригады Горохова и Болвинова. Почти все остальные стрелковые соединения и части, как и танковые (с артиллерийскими дело обстояло лучше), перестали быть тем, чем именовались, и при других обстоятельствах были бы давно отведены на переформирование. Как констатировалось потом в одном авторитетном историческом труде, армия к тому времени фактически не имела настоящего пехотного ядра.

Разумеется, читатель мог, суммируя приводившиеся мною данные, и сам сделать такой вывод. Но я говорю об этом прямо, чтобы дать еще более ясное представление о том, что застал на правом берегу Волги новый командарм. Положение его было не из тех, каким можно позавидовать.

Армии, находящейся в таком состоянии и прижатой к сталинградским окраинам, непосредственно противостояли, не считая сосредоточенных за ними резервов, по меньшей мере одиннадцать фашистских дивизий, обеспеченных крупными средствами усиления, поддерживаемых многочисленной, господствующей в воздухе авиацией.

На 6-километровом участке в самом центре фронта армии перед нами были три пехотные дивизии, нацеленные на Мамаев курган и район вокзала, и четыре дивизии — две пехотные и две танковые — на таком же узком участке на левом фланге. Конечно, и гитлеровцы уже понесли под Сталинградом большие потери, многие их дивизии весьма поредели, однако общее соотношение сил еще никогда не было столь неблагоприятным для нас, как теперь.

Свежим взглядом человека, только что прибывшего в армию, все это должно было восприниматься еще острее. Сталинградская обстановка, очевидно, могла (во всяком случае, примеры тому имелись) подавить, обескуражить даже бывалого военного. Но не такого, как Чуйков. Наш новый командарм был словно создан для обстоятельств критических, чрезвычайных. В них-то и проявлялись в полную силу его несгибаемая воля, неистощимая энергия.

Выслушав нас с Гуровым, задав ряд вопросов Камынину, Герману и тем начальникам родов войск, которые находились на КП, переговорив по телефону с командирами некоторых соединений и посидев в раздумье над картой, командующий высказал основную идею своих решений на ближайшие дни примерно так:

— Будем контратаковать, не дожидаясь подкреплений. Надо запутать немцев, вырвать у них инициативу хоть частично, хоть где-то. На флангах — жесткая оборона, а в центре, где они явно задались целью рассечь армию и город, нужно постараться выровнять фронт. Прежде всего — вернуть себе Разгуляевку. Затем, если удастся, — Александровку и Городище...

Мои распоряжения на наступавшее 13 сентября, которые предусматривали контратаку ограниченными силами северо-восточнее Садовой — для восстановления прежних позиций в стыке дивизии Афанасьева и 10-й стрелковой бригады, командарм принял к сведению, никак в них не вмешиваясь. («Я должен довериться Крылову, не нарушать его действий, не изменять его планы на завтра, потому что все равно ничего не смогу исправить, если даже это и нужно», — написал потом В. И. Чуйков в своей книге «Начало пути».) А на 14-е было решено, продолжая всемерно укреплять занимаемые позиции, готовить более крупную контратаку на центральном участке.

— Не так страшен черт, как его малюют! — буркнул Василий Иванович, устраиваясь на узком и жестком земляном ложе в блиндаже, когда мы, уже поздно ночью, прилегли отдохнуть по обе стороны стола с картой и телефонами.

В том, как были произнесены эти слова, не почувствовалось вкладываемого в них подчас самонадеянного пренебрежения к силе врага. У Чуйкова они скорее всего вы-

ражали просто непреклонный боевой дух. А насчет того, что враг силен, он, конечно, не заблуждался.

Не всегда уместно давать оценку тому, кто был для тебя начальником, старшим. Однако все же скажу: новый командующий пришелся мне по душе.

Наша разведка не знала тогда (во всяком случае, до армейского КП сведений об этом не дошло), что в тот самый день, когда прибыл и возглавил 62-ю армию Василий Иванович Чуйков, командующий противостоящей нам 6-й немецкой армии Паулюс отлучался на несколько часов в Винницу, куда его вызывал сам Гитлер.

Как стало известно потом, в ставке фашистского вермахта под Винницей проходило в тот день совещание, на котором фюрер потребовал овладеть Сталинградом в кратчайший срок и любой ценой. По свидетельству бывшего первого адъютанта 6-й немецкой армии В. Адама, на записки которого я уже ссылался, Паулюс прилетел из Винницы «крайне обескураженный» (тем, что Гитлер выделил ему меньше подкреплений, чем он рассчитывал получить), однако выполнять требование фюрера принялся весьма ревностно, решив начать уже 13 сентября наступление на центральную часть города.

Знать обо всем этом заранее и поподробнее было бы, конечно, нелишне. Но что предпринимаемые нами контратаки почти неизбежно будут перерастать во встречные бои, мы и так учитывали: ведь враг наступал или пытался наступать и накануне, и в предшествующие дни. И вряд ли мы смогли бы сделать для упреждения его новых ударов больше, чем было сделано.

На рассвете 13-го нас разбудил грохот первой утренней бомбежки. Вслед за нею начался артиллерийский и минометный обстрел — более интенсивный, чем обычно. Как вскоре выяснилось, кроме Мамаева кургана сосредоточенным ударам с воздуха и сильным огневым налетам подвергались многие участки нашего переднего края в центре и на левом фланге, а также под Орловкой.

Около семи часов пошли в атаку пехота и танки врага — одновременно из районов Городища и Разгуляевки, Песчанки и Садовой. Направление атак кое-где было новым и наводило на мысль, что противник задался целью проложить себе путь сразу и в центральную и в южную

части города, сковывая в то же время наши войска в орловском выступе.

На левом фланге при всем численном превосходстве врага его атаки успеха не имели — в огромной мере благодаря нашим артиллеристам. Отлично работала артиллерия дальнего действия, стоявшая на огневых позициях за Волгой. Ничего не добились гитлеровцы и под Орловкой: как донес через некоторое время полковник Андрюсенко, батальон немецкой пехоты, вклинившийся при поддержке танков в расположение его группы, был уничтожен. Однако в центре, где в бой были введены наиболее значительные неприятельские силы, положение ухудшалось с каждым часом.

Врагу удалось овладеть аэродромным поселком и машинно-тракторной станцией между Разгуляевкой и городом. В результате этого бригаде полковника Батракова, удерживавшей свои позиции на левом крыле центрального участка, пришлось частично развернуться фронтом на север. А во второй половине дня стрелковые части 23-го танкового корпуса были оттеснены до полосы лесопосадок, примыкающей к поселкам заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады».

Многое из происходившего в радиусе нескольких километров от Мамаева кургана мы с командармом могли видеть собственными глазами через стереотрубы. Но это еще не давало, конечно, полного представления об обстановке, а связь подводила в этот день, как никогда, — разрывы бомб, снарядов и мин на скатах нашей высоты то и дело перебивали провода. На восстановление линий бросались все штабные связисты, вплоть до телефонистов, обслуживающих командующего, однако обрывы возникали вновь и вновь. В конце концов мы почти полностью перешли на управление войсками через офицеров связи. Оперативная информация из соединений поступала с опозданием, положение на некоторых участках подолгу оставалось неясным.

Только один раз в течение дня связисты смогли обеспечить командарму разговор по ВЧ с командующим фронтом. Насколько помню, Чуйков докладывал генерал-полковнику Еременко, что, ознакомившись с обстановкой на месте, просит срочно, в ближайшие сутки-двое, усилить армию тремя полнокровными дивизиями. Наверное, в тот момент это выходило за пределы возможностей фронто-

вого командования. Во всяком случае определенного ответа о том, когда начнут поступать подкрепления, дано не было.

Из-за Волги нам непрерывно помогали авиацией. Отвага советских «ястребков» вызывала восхищение у всех, кто видел, как они врезались в строй фашистских бомбардировщиков. Только вблизи Мамаева кургана наблюдатели зафиксировали падение шести сбитых немецких самолетов. Потом до нас дошли имена отличившихся в воздушных схватках героев. Среди них был и лейтенант Н. П. Токарев из 15-го истребительного авиаполка. Израсходовав весь боезапас, он пошел на таран и ценою собственной жизни уничтожил еще один «хейнкель»...

Но пресечь бомбежки высоты 102, а тем более — всех рубежей армии, наши летчики не могли: господство в воздухе оставалось за противником.

В таких условиях, не зная, как окончится этот жаркий боевой день, но уже приняв к сведению, что ближайшей ночью с левого берега может прибыть лишь маршевое пополнение и немного танков, Военному совету армии и командующему предстояло подтвердить или отменить решение о контратаке 14 сентября, принятое в предварительном порядке еще не при столь усложнившихся обстоятельствах. Если подтвердить — то по возможности скорее, ибо даже небольшие перегруппировки и остальная подготовка требовали известного времени.

Я обратил внимание командующего на одну особенность сегодняшних действий противника: используя, повидимому, всю мощь сосредоточенной под Сталинградом артиллерии и, вероятно, почти всю свою авиацию, он, насколько мы могли установить, ввел пока в наступление не более половины пехотных и танковых дивизий, которые имел перед фронтом нашей армии в первом эшелоне.

А раз так, то происходящее еще не было решительным штурмом города, хотя поначалу и походило на таковой. Но действия неприятельской артиллерии и авиации надо было считать уже непосредственной подготовкой к штурму, дополнявшейся широкой разведкой боем — очевидно, с расчетом окончательно определить наиболее выгодные направления концентрических ударов. Так что завтра следовало ожидать натиска покрепче.

Излагая эти соображения, я не видел в них причины для отказа от намеченной контратаки. Наоборот — был

убежден, что лишь предельная боевая активность, на какую только способна армия, может сорвать планы врага. Так же смотрел на это Кузьма Акимович Гуров.

Непоколебимым в своей решимости действовать активно оставался командарм.

— Все равно будем контратаковать, — твердо сказал он. — А что наши возможности крайне ограниченны, это ведь и немцам известно. И потому, думаю, никаких атак они от нас сейчас не ждут. «Удивить — значит победить» — так, кажется, говорил Суворов. Пусть настоящей победы у нас завтра и не получится, но что-то фашистам сорвем, в чем-то их запутаем, выиграем время...

Словом, у всех нас троих — командующего, члена Военного совета и начальника штаба — существовало полнейшее единомыслие насчет того, что следует придерживаться самой активной тактики. Не мыслило дела иначе и командование фронта. Еще до исхода дня, получив первые сведения о продвижении противника, оно потребовало от нас подготовить на завтра контрудар и выбить гитлеровцев из тех районов, где они вклинились в нашу оборону. Как нам сообщили, контратаки с аналогичными целями готовились также на правом фланге соседней 64-й армии.

Фронт обещал нам усиленную огневую поддержку — тяжелой артиллерией, стоявшей за Волгой, а также гвардейскими минометными полками и артиллерией речной флотилии. Как раз к этому времени была сформирована фронтовая группа артиллерии дальнего действия (на первых порах — в составе шести артиллерийских и минометных полков), и, таким образом, управление наиболее мощными огневыми средствами сосредоточилось в руках начальника артиллерии фронта генерал-майора артиллерии В. Н. Матвеева. Это позволяло использовать их наиболее эффективно, применять широкий маневр огнем, массировать его на решающих участках.

Под разрывы бомб и снарядов, от которых сотрясался, казалось, весь Мамаев курган, в штабе армии завершалась работа над планом контратаки. Ее исходные рубежи — после того, что произошло на центральном участке за последние часы, — естественно, были уже иными, чем представлялось сначала. Более скромная ставилась и общая задача: отбить поселок близ Разгуляевки, а также

пригородную больницу и высоту к северу от нее, господствующую над этим районом.

Рассчитывать на большее не приходилось, даже если бы нам очень повезло. В бой вводился весь армейский резерв — сводный полк 399-й дивизии полковника Травникова с остатками 6-й танковой бригады подполковника Хопко. В контратаке должны были участвовать весьма поредевшая бригада Бурмакова, полк майора Савчука из дивизии НКВД, снимаемый с запасных позиций в городе, сводный батальон 112-й дивизии Ермолкина. Между этими частями распределили полученное в тот день маршевое пополнение и тысячу бойцов, набранных в армейских тылах.

Стрелковой бригаде Батракова предстояло содействовать контратаке с фланга, постепенно выпрямляя свой загнутый к северу передний край. Для артиллерийской поддержки выделялась довольно значительная огневая сила — три иптапа, три других артполка и три гвардейских минометных полка.

В 22.30 приказ был подписан, и направленцы штарма немедленно отправились с ним в войска. Чтобы упредить самые ранние действия противника, общая готовность назначалась на 03.00, начало атаки пехоты — на 03.30.

Этот приказ — № 145 — был первым боевым приказом войскам 62-й армии, подписанным В. И. Чуйковым. Думается, он, помимо прямого, чисто оперативного своего значения, был важен также тем, что не оставлял ни у кого ни тени сомнения насчет того, как решительно настроен новый командующий, насколько уверен, что армия способна наносить зарвавшемуся врагу крепкие удары и сражаться за Сталинград до победы.

За оставшиеся до рассвета часы подлежало выполнению еще одно решение командарма. Он признал — и вполне обоснованно, — что пребывание командного пункта армии и штарма на Мамаевом кургане, весь день находившемся под сосредоточенным вражеским огнем, сделалось невозможным. Придя в конце дня к такому выводу, Чуйков сказал нам с Гуровым:

— Дело не в наших жизнях как таковых. Если так пойдет дальше, мы, сидя тут без надежной связи, рискуем потерять нормальное управление войсками. Переносить КП надо безотлагательно, нынешней же ночью. Разрешение на это получим.

Как-то после войны один знакомый генерал, служивший с Василием Ивановичем Чуйковым раньше моего, отозвался о нем как о человеке, который никогда не отложит на завтра то, что необходимо сделать сегодня. Суждение было верное, но об этой черте Чуйкова я сказал бы немного иначе. Как военачальнику ему в исключительно высокой степени присущи умение не упустить момент, когда надо сделать что-то важное, способность предвидеть осложнения и опасности, когда их еще не поздно в какой-то мере предотвратить.

Ко многим памятным мне примерам такого рода относится и принятое им без долгих раздумий решение перенести КП с Мамаева кургана.

Единственным местом, пригодным для того, чтобы немедленно, без длительных приготовлений, развернуть там наш КП и основные отделы штарма, была штольня на левом берегу Царицы, где недавно располагался командный пункт фронта, а затем фронтовой ВПУ во главе с заместителем командующего генералом Голиковым. (Теперь Ф. И. Голиков находился за Волгой и непосредственно ведал переброской подкреплений для нашей армии, форсируя, пока были еще на подходе свежие соединения, отправку маршевых батальонов.)

В это «Царицынское подземелье» мы в течение ночи и перебрались. На высоте 102 сохранялся армейский НП, на котором оставался Николай Митрофанович Пожарский со своими помощниками: для управления огнем это место было неоценимым.

Последними уезжали с Мамаева кургана на двух «виллисах» командарм и я. Передвижение среди сталинградских руин и завалов стало делом непростым, и чтобы побыстрее преодолеть восемь-девять километров, отделяющих высоту 102 от Царицы, проводником взяли заместителя начальника бронетанковых войск армии подполковника Матвея Григорьевича Вайнруба. Руководя переброской с участка на участок чуть ли не каждого танка, он хорошо знал состояние городских коммуникаций.

В отличие от прошлых ночей бомбежка с наступлением темноты не прекращалась. Вайнруб предложил ехать по давно уже выгоревшей Донецкой улице, рассчитывая, что там будет спокойнее. Чтобы не угодить вместе под од-

ну бомбу, мы выдерживали между машинами порядочную дистанцию.

Без происшествий в пути не обошлось. На первом же километре взрывной волной чуть не перевернуло «виллис» командующего, выбросило из машины его адъютанта. Пришлось укрыться в развалинах и переждать, пока стихнет воздушный налет. Потом застревали в упавших на улицу проводах... До нового КП, где уже тревожился за нас прибывший туда раньше Гуров, добрались словно вывалянными в пыли и известковой крошке, однако невредимыми.

«Царицынское подземелье» представляло собой вместительный, разделенный на отсеки бетонный туннель с обшитыми тесом стенами. Убежище было надежное — над потолком чуть не десять метров грунта. Но сразу почувствовалось, что с вентиляцией тут неладно. После свежего ночного воздуха так и обволакивала тяжелая, жаркая духота.

Туннель имел два выхода: нижний — в долину Царицы и верхний — в город, почти прямо к зданию Театра музыкальной комедии на Пушкинской улице. От него к нам перешел и «адрес». В оперсводках и журнале боевых действий местонахождение армейского командного пункта стало обозначаться совсем по-городскому: Пушкинская, 3.

Управление армией действительно находилось теперь в глубине городских кварталов, между центром и южной, зацарицынской частью Сталинграда, и менее чем в километре от Волги. Это не означало, что КП и штарм удалились от переднего края. Линия фронта, хотя ее и нельзя было, как с Мамаева кургана, запросто окинуть взглядом, проходила даже еще ближе. Что представлялось невыгодным в расположении «Царицынского подземелья», так это удаленность его от правого крыла армии, от заводского района.

Кто-то из встретивших нас на КП штабистов сообщил, что тут уже действует кухня и есть чем перекусить. Информация была вообще-то полезной: штабную кухню на Мамаевом кургане еще утром разнесло миной, и день прошел без обеда и ужина. Но сперва надо было узнать у Камынина и операторов, что произошло на передовой за последний час, удостовериться в готовности войск к контратаке.

Связь действовала почти со всеми соединениями. И с Заволжьем, с фронтовым КП, — тоже. Я соединился с начальником штаба фронта, доложил обстановку. Г. Ф. Захаров, не любивший разговоров о подкреплениях и нередко обрывавший их на полуслове, вдруг без всяких моих вопросов сказал, что очень скоро мы получим подмогу свежими силами. Какими и когда — уточнять не стал. Возможно, потому, что командующий фронтом хотел сам сообщить это командарму.

Переговорив сейчас же с генерал-полковником А. И. Еременко, повеселевший Василий Иванович Чуйков объявил:

— С семи ноль-ноль в состав армии включается тринадцатая гвардейская стрелковая дивизия из резерва Ставки. Командир — Герой Советского Союза генерал-майор Родимцев. Использовать дивизию приказано для обороны непосредственно города. К вечеру она сосредоточится на том берегу в районе Красной Слободы. Переправляться начнет следующей ночью. Сейчас решим, кого из штаба пошлем встречать подкрепление...

Новость была воодушевляющей. Получить полнокровную кадровую дивизию, да еще гвардейскую, пусть даже пока всего одну, — это не то что маршевые батальоны!

Но как ни привыкли мы к непрестанным осложнениям обстановки, как ни настраивались изо дня в день на то, что наступающие сутки могут оказаться тяжелее всех прежних, вряд ли в тот момент кто-либо на КП был в состоянии представить, каким будет положение, когда полки этой дивизии ступят на сталинградскую землю.

Четырнадцатое сентября стало днем, когда битва за Сталинград перенеслась на улицы города.

В три ноль-ноль, как и было запланировано (к этому предутреннему часу противник почти совсем притих), загремела наша артиллерия. Ровно через полчаса, еще затемно, войска, составлявшие ударную группу, на центральном участке поднялись в контратаку.

Все свидетельствовало о том, что началась она неплохо. Хотя гитлеровцы и успели закрепиться там, куда прорвались накануне, внезапный шквал артиллерийского огня и дружный натиск нашей пехоты заставили врага во многих местах дрогнуть. Первые успехи атакующих войск

обозначились на обоих флангах врезавшегося в нашу оборону широкого неприятельского клина: и слева, где вчера 76-я немецкая пехотная дивизия захватила больницу и аэродромный поселок, и справа, где части 295-й немецкой дивизии продвинулись до рощиц зеленого пояса, окаймляющих западные окраины города.

Командующий фронтом обещал командарму, что истребительная авиация начнет помогать армии с заволжских аэродромов с восходом солнца. И «ястребки» не запоздали. Их прилетело, наверное, максимум того, что могло быть нам выделено. Советские летчики, как и накануне, сражались бесстрашно. В историю Сталинградской битвы вошел подвиг майора И. Н. Степаненко, который в то утро за один вылет сбил три немецких бомбардировщика. Но фашистских самолетов было в воздухе в несколько раз больше, чем наших, и враг мог себе позволить не считаться с потерями. После того как рассвело, «юнкерсы», сопровождаемые «мессершмиттами», — группа за группой по пятьдесят — шестьдесят самолетов в каждой — непрерывно бомбили и штурмовали наши атакующие части, прижимая бойцов к земле.

Тем временем противник подтягивал свои ближайшие резервы. Сопротивление его быстро возрастало. Там, где гитлеровцев сперва удалось немного потеснить, они уже предпринимали попытки вновь продвинуться вперед. И в конце концов пришлось признать как непреложный факт: наша контратака отбита.

Не была ли она напрасной? Я ставлю здесь этот вопрос лишь потому, что он, вероятно, может появиться у кого-нибудь из читателей. У нас же тогда его не возникало и возникнуть не могло.

Да, было горько и больно сознавать, что нечем больше поддержать, нечем надежнее прикрыть стрелковые части и подразделения, доблестно выполнившие свой долг. Если рассуждать отвлеченно, результаты их самоотверженных усилий можно было считать минимальными. Но только если отвлеченно. А что значили эти минимальные и недешево обошедшиеся результаты в конкретных условиях того критического для Сталинградской обороны дня, становилось все яснее с каждым проходившим часом.

Не берусь сейчас гадать, как обернулись бы события, если бы свое решительное наступление с целью прорыва в город и овладения им гитлеровцы смогли начать — а

они, несомненно, к этому готовились — еще на рассвете, если бы они вообще первыми развернули в то утро активные действия. Однако так не получилось, какое-то время мы все-таки выиграли, какие-то карты противнику спутали. Его наступление началось позже, причем не везде одновременно. А то, что можно назвать общим штурмом, — только после паузы, около полудня. Но это был натиск, не сравнимый по силе ни с чем, что принимала на себя 62-я армия до тех пор.

Оставив пока в покое наш правый фланг — северную часть города, фашистское командование двинуло на прорыв к Волге мощные группировки пехоты и танков, сосредоточенные на неширокихучастках в центре и за Царицей. Прокладывая себе путь бомбовыми ударами, наносимыми сотнями самолетов, и огнем не меньше чем тысячи орудий, враг, уверившийся, должно быть, что теперь-то уж цель близка, полез, как говорится, напролом.

И в нескольких местах наша оборона на городском обводе и примыкающих к нему позициях оказалась прорванной.

Гитлеровцы ворвались в Купоросное (частично переходившее из рук в руки уже раньше), врезались в кварталы пригорода Минина, пересекли городскую черту, продвигаясь вдоль долины Царицы... Однако главную опасность представлял удар, который три немецкие пехотные дивизии, усиленные большим числом танков, наносили в направлении Мамаева кургана и центра города. Здесь был явный расчет на то, чтобы быстро рассечь нашу армию надвое и, выйдя к волжским переправам, лишить ее возможности получать подкрепления.

Наблюдательный пункт, оставленный на высоте 102 (он выполнял также и функции вспомогательного пункта управления), смог продержаться там меньше полсуток. Прорвавшиеся к кургану гитлеровцы, поднимаясь по его отлогим западным склонам, достигли водонапорных баков...

Бой за высоту, господствующую над городом, вели немногочисленный 269-й полк дивизии НКВД (прикрывавший до того подступы к «Красному Октябрю») и последние исправные танки 6-й гвардейской бригады. Приказ выбить противника с кургана получил командир 112-й стрелковой дивизии подполковник Иван Ефимович Ермолкин.

Эту дивизию я упоминал уже не раз. Состоявшая поначалу из сибиряков, она осталась в моей памяти как неистребимая, бессмертная. В кровопролитных боях дивизия сокращалась до полка, до сводного батальона, не насчитывавшего и полутораста активных штыков. Но бывалые солдаты — горсточка ветеранов — передавали новым пополнениям традиции дивизии: железную стойкость и особое боевое упорство. И вновь возрождались, хоть и небольшие по численности, славные стрелковые полки — 416-й, 385-й...

Сейчас, правда, был восстановлен за счет остатков соседних частей и прибывших из-за Волги маршевиков один 416-й — полк капитана Асеева. Он и пошел — в обход, через балку Вишневую — отбивать у врага высоту. Подразделения полка, ведя жестокий бой, добрались до вершины, но противник оттеснил их назад. Добрались еще раз — и опять не смогли удержаться: фашисты имели немалый перевес в силах.

Но наши контратаки возобновлялись снова и снова. Двугорбый курган и отдельные участки его широких скатов переходили из рук в руки. Кто где находится и чем владеет в данный момент, было ясно не всегда.

А в четырех километрах южнее, в самом центре города и гораздо ближе к Волге, острие другого вражеского клина уперлось в железнодорожный вокзал Сталинград-I. Он был захвачен прорвавшимися сюда под прикрытием танков группами фашистских автоматчиков, но через сорок минут очищен от них. Еще через час снова захвачен гитлеровцами... Вокзал стал переходить из рук в руки, вокруг него разгорелся напряженный бой.

Шел бой и еще в ряде кварталов центра. Как ни старались операторы уследить за изменениями обстановки, используя все поступающие данные, карта (ею стал крупномасштабный план города) давала лишь приблизительное представление о том, где проходит сейчас линия фронта. Да и не везде она существовала в обычном смысле этого слова. Борьба велась за отдельные здания, способные служить опорными пунктами, за любые другие выгодные позиции, в том числе те, которые позволяли контролировать перекрестки улиц и переходы через пересекающие город овраги и балки. При этом позади у прорвавшегося противника оставались не только мелкие группы наших бойцов, занявших круговую оборону, но

и упорно сражавшиеся на прежних рубежах роты, батальоны. А немецким автоматчикам через разорванные стыки частей и подразделений кое-где удавалось проникать в наши тылы.

Создалась обстановка, в которой нелегко было ориентироваться и очень опасно что-то упустить.

Боевые действия перенеслись на территорию города стремительно. Мы до последней возможности, даже тогда, когда такой оборот событий представлялся почти неизбежным, старались это предотвратить. Но подготовка к борьбе в городе началась еще в то время, когда верилось, что до уличных боев в Сталинграде дело не дойдет. В каждом из трех секторов обороны, на которые был разделен город, велись фортификационные работы, в течение уже многих дней — круглые сутки. Инженерным частям фронта и армии активно помогали местные жители.

И все-таки сделать успели меньше, чем было нужно. 13 сентября Военный совет армии констатировал, что намеченный план строительства оборонительных сооружений не выполнен и наполовину. Оставались неподготовленными к боевому использованию многие выгодные в этом отношении здания. Перед баррикадами, перегородившими улицы, недоставало противотанковых рвов, а сами баррикады, спешно возводившиеся из того, что имелось под рукой, иногда — в самодеятельном порядке, зачастую не представляли серьезного препятствия для танков. Не были оборудованы отсечные позиции, маловато установлено минных заграждений.

Объяснялось это причинами очень простыми. Я уже говорил о том, какие усилия, в том числе усилия десятков тысяч сталинградцев, были вложены в создание оборонительных поясов на дальних подступах к городу — на Дону и в волго-донском междуречье. Те работы начались более чем заблаговременно, при первой (затем надолго отпавшей) угрозе врага двинуться в сторону Волги. Но кому могла прийти тогда в голову мысль, что понадобится оборонять сам Сталинград, находившийся в глубоком тылу? Бывают на войне вещи, предвидеть которые заранее невозможно.

А последние сталинградские обводы — внутренний и дополнительный, «городской», — сооружались уже при резко изменившемся положении на фронте, потом — и под бомбежками, и под огнем. И тот и другой становились нашим передним краем задолго до того, как могли быть по-настоящему оборудованы. Еще меньше времени в сложившейся обстановке оставалось на приведение в «оборонительное состояние», как мы тогда говорили, непосредственно города, на подготовку его к возможным уличным боям.

Под Сталинградом не удалось, как под Севастополем или Ленинградом, стабилизировать на какое-то время фронт хотя бы на ближних подступах к городу. Это позволило бы укрепить как следует, например, крупные заводы, превратив их в мощные оборонительные узлы, усилить и усовершенствовать всю систему создававшихся наспех внутригородских заграждений. Надо также сказать, что объем необходимых работ увеличивало своеобразное расположение Сталинграда, вытянувшегося вдоль Волги на десятки километров. А интенсивная эвакуация гражданского населения с каждым днем сокращала число рабочих рук, которые могли прийти на помощь саперам.

Все, что было сделано для продолжения борьбы за Сталинград в самом городе, делалось уже среди руин и пожарищ, при непрекращающихся воздушных налетах и артиллерийском обстреле. Дальнейшую же «городскую фортификацию» предстояло вести в еще более сложной обстановке разгоравшихся уличных боев.

Но 14 сентября в штабе армии думали не о планах дальнейших инженерных работ. Надо было любой ценой, используя те укрепления, какие есть, помешать продвижению противника в глубь города, не дать ему в новых местах выйти к Волге и раздробить армию, не потерять управление частями, которые он потеснил или отрезал, с которыми прервалась связь.

В этот день обязанности офицеров связи, а точнее — офицеров для особых поручений пришлось выполнять почти всем работникам штаба и политотдела. Отправляя этих офицеров в какую-то часть или в какой-то квартал, им говорили: нужно добраться туда во что бы то ни стало. И они добирались, многократно рискуя жизнью, передавали приказания, выясняли детали обстановки, выводили подраз-

деления на назначенные рубежи, а где требовалось, наводили порядок, ободряли людей, принимали на себя обязанности погибших командиров и комиссаров. Вернувшись на КП, докладывали о сделанном и увиденном и нередко сразу же получали новые задания.

Если донесения с городских участков фронта задерживались, командарма, да и меня тоже, тянуло подняться хоть на несколько минут наверх, выглянуть на Пушкинскую улицу. Василий Иванович Чуйков, помню, забирался даже на колокольню стоявшей поблизости церквушки. После Мамаева кургана с его широчайшим обзором в «Царицынском подземелье» остро недоставало близкого НП. Но кое в чем происходившем недалеко можно было ориентироваться даже на слух: пулеметные и автоматные очереди, разрывы мин, выстрелы танковых пушек и противотанковых ружей позволяли, по крайней мере, понять, где сейчас идет бой, где он жарче, куда сдвигается. (А на правом фланге армии, в пятнадцати и больше километрах от Царицы, если нарушалась связь, о положении в центре города судили так: раз немцы по-прежнему бомбят его, значит, там наши.)

Постепенно обстановка прояснялась: мы не только точно устанавливали, докуда дошел враг на такой-то улице, какие дома в его руках, а какие в наших, но и твердо убеждались, что наши части и подразделения, попавшие под таранный удар страшной силы, понесшие потери и местами раздробленные на мелкие группы, не пришли в замешательство, не пали духом, что они держатся стойко и действуют, применяясь к создавшимся условиям.

Врезавшись несколькими колоннами на территорию города (кое-где пехота, следовавшая за танками, въехала в него прямо на машинах), дорвавшись до центра, гитлеровцы, должно быть, считали, что со Сталинградом уже покончено. И соответственно себя вели. Наши офицеры связи, которым приходилось пробираться по развалинам под носом у фашистов, рассказывали: «Слышал, как фрицы пиликают на губных гармошках», «Видел, как они приплясывают у своих танков...».

Однако ворваться в советский город, и даже в его центр, еще не означало им овладеть. В кварталах, сделавшихся полем боя, формировался фронт обороны. Захватчиков настигали пули из оконных проемов, подвалов, уцелевших чердаков. Из руин летели гранаты, откры-

вали огонь минометы. В подходящие места выдвигались для стрельбы прямой наводкой орудия.

Насколько непредвиденным явилось все это для гитлеровского командования, засвидетельствовал в своей книге «Поход на Сталинград» бывший генерал фашистского вермахта Ганс Дёрр. Отметив, что в сентябре в штабе Паулюса не допускали и мысли, что у действующих под Сталинградом русских войск еще найдутся силы для упорного сопротивления, Дёрр делает такое признание:

«Начавшаяся теперь на улицах, в домах и развалинах позиционная война нагрянула неожиданно для немецких войск, потери в людях и технике были несоизмеримы с успехами, которые исчислялись квадратными метрами захваченной местности».

Это сказано, конечно, не об одном, а о многих днях уличных боев. Но с такими непостижимыми для них неожиданностями гитлеровцы столкнулись в Сталинграде уже 14 сентября.

Враг пошел на штурм города, предварительно овладев грядою отделяющих его от степи, господствующих над местностью высот. Город, растянувшийся вдоль Волги, лежал перед ними узкой полосой: нигде не шире трех километров, а во многих местах гораздо уже. Насквозь простреливаемый, он пересекался к тому же прямыми, ведущими к волжским откосам улицами. И тем не менее грозная ударная сила, нацеленная на то, чтобы с ходу, и не в одном месте, пробить эту узкую полосу города, смогла лишь врезаться в нее.

Ни мощная авиационная и артиллерийская поддержка, ни масса танков, приданных трем немецким дивизиям, которые были двинуты к Волге через Мамаев курган и центр города, не обеспечили им выход на сталинградские набережные. Не дошли до них даже танки. Кстати, еще в течение прошедшего дня, когда противник вел на центральном участке бои за последние исходные позиции для завтрашнего штурма, он потерял сожженными и подбитыми 54 танка. Там, где враг рассчитывал пройти к цели напрямик, он мог лишь просачиваться мелкими группами, пользуясь тем, что сплошной, без разрывов, линии обороны в городе еще не было.

Но и такое просачивание — а пресечь его полностью не удавалось — было чрезвычайно опасным. Фашистские автоматчики умели закрепляться там, куда проникали, и

захват ими отдельных зданий в наших тылах до предела осложнял обстановку.

Нам не хватало бойцов, чтобы заранее занять все выгодно расположенные каменные здания (или их остовы, коробки), которые могли оказаться под угрозой захвата. Казалось, взять людей больше негде. Вспомнили, однако, что в распоряжении полковника Сараева есть еще отряды охраны заводов и их частично можно оттуда снять. Собрали последние свои резервы коменданты районов — милиционеров, пожарных, немного вооруженных рабочих старшего возраста. Перебросить их из северной части города удалось не так-то быстро, но все же группы по нескольку десятков человек во главе с тут же назначаемыми командирами вовремя заняли ряд запасных опорных пунктов. К сожалению, не везде, где следовало бы: резерв этот был невелик.

Закрывая обнаруживавшиеся бреши, штабу армии порой приходилось непосредственно управлять мелкими подразделениями, напрямую ставить задачи небольшим группам бойцов. Для многих задача формулировалась так: во что бы то ни стало продержаться на своей позиции до полуночи. Мы надеялись, что к этому времени сможем ввести в бой хотя бы передовые части свежей дивизии.

Насколько помню, первым представителем 13-й гвардейской, побывавшим у нас на КП, был начальник штаба дивизии подполковник Тихон Владимирович Бельский. Он прибыл с левого берега — для ознакомления с обстановкой и получения указаний по переправе и дальнейшим действиям — во второй половине дня 14 сентября.

Начальник штадива доложил, что к наступлению темноты сосредоточение дивизии в районе Красной Слободы должно закончиться. Однако его тревожило, успеют ли все полки получить недоставшее вооружение и боеприпасы. О существовании такой проблемы мы и не подозревали.

Дивизия, как выяснилось, стояла до последних дней в Камышине, отведенная на отдых и доукомплектование после июньских боев под Харьковом, где она с тяжелыми потерями вырвалась из окружения. Ее пополнили (частично — курсантами военных училищ) до 10 тысяч человек, но когда поступил приказ о передаче дивизии Юго-Восточному фронту и срочной переброске ее на машинах в Среднюю Ахтубу, под Сталинградом, еще далеко не

все новые бойцы имели винтовки, не хватало также автоматов, пулеметов, противотанковых ружей. Довооружением дивизии занимался, по словам Бельского, заместитель командующего фронтом Ф. И. Голиков, и многим необходимым ее уже обеспечили.

Опасаясь, как бы с довооружением дивизии все-таки не произошло задержки, командарм сразу же соединился по ВЧ с находившимся за Волгой начальником тыла армии А. И. Лобовым. Он обязал его немедленно собрать оружие в подчиненных ему частях на левом берегу и передать генералу Родимцеву все, что там найдется.

Командиру дивизии приказывалось — артиллерию, кроме противотанковой, на правый берег не переправлять, а поставить на огневые позиции на левом: в тех условиях, какие сейчас складывались, она могла наиболее эффективно поддерживать стрелковые части именно из-за Волги.

13-й гвардейской дивизии ставилась такая задача: двумя стрелковыми полками очистить от противника центр города, включая вокзал, третьим полком занять и оборонять Мамаев курган. При этом в подчинение к генералу Родимцеву переходили все подразделения и части, действовавшие между Мамаевым курганом и Царицей и управлявшиеся пока непосредственно с армейского КП.

Место для командного пункта дивизии назначалось на первое время на берегу Волги, у пристани. Там имелась небольшая штольня и готовые блиндажи, была подведена связь.

Но надо было еще обеспечить, чтобы за оставшиеся до переправы часы сам берег, набережная, пристань не оказались в руках врага. А наши боевые порядки на внутригородских рубежах, негустые и в середине дня, к вечеру совсем поредели. Местами гитлеровцы продвигались вперед только потому, что на какой-нибудь нашей позиции выбыли из строя практически все, кто ее оборонял.

Бой шел уже на другом конце Пушкинской — в шестистах — семистах метрах от КП и штаба армии. Однако самым тревожным было не это. Группы немецких автоматчиков, проникшие в глубину нашей обороны, завладели несколькими большими зданиями вблизи берега, сумев протащить туда крупнокалиберные пулеметы, минометы, а кое-где — и легкие пушки. Так был захвачен и Дом

специалистов — многоэтажная каменная громадина, полуразрушенная бомбами, выгоревшая внутри, но позволявшая засевшим там гитлеровцам освещать ракетами и держать под пулеметным огнем приближавшиеся к берегу суда, а также корректировать артиллерийский обстрел всей трассы переправы.

Саму пристань и примыкающий к ней участок берега охраняла истребительная рота милиции. Но теперь для обеспечения высадки войск этого было уже недостаточно.

Никаких людских резервов мы больше не имели, снять даже небольшую стрелковую часть было неоткуда. В распоряжении командарма имелась лишь не введенная в бой группа танков Т-34 (остатки тяжелой танковой бригады) — резерв, так сказать, особого назначения, на случай чрезвычайных обстоятельств.

Эти танки находились в южной части Сталинграда, в тылах тревожившего нас левого фланга. До недавних пор думалось, что скорее всего они могут понадобиться именно там — если, допустим, немцы прорвутся через Ельшанку или отрежут чей-нибудь КП. Но чрезвычайные обстоятельства возникли в центре города, и командующий приказал срочно направить девять танков к командному пункту армии.

Танки вызывались не для того, чтобы охранять подходы к «Царицынскому подземелью», хотя оно и оказалось в полукилометре от переднего края, притом отнюдь не стабильного. Обстановка не позволяла теперь держать здесь, вне боя, даже роту охраны. Пока к Царице перебрасывались танки, я по поручению командарма формировал две боевые группы, куда кроме бойцов охраны (оставлялась только одна смена караула) вошли практически все находившиеся на КП штабные командиры и весь наличный состав политотдела, за исключением нескольких человек, без которых тут нельзя было обойтись, или тех, кто посылался со срочными поручениями в войска.

Никому ничего не требовалось объяснять. Понимая все с полуслова, штабисты разбирали автоматы и каски, запасные диски и гранаты. Каждый, кто получал приказание остаться на командном пункте, явно предпочел бы уйти с товарищами. Некоторые пытались настаивать, чтобы в формируемые группы взяли и их, и тогда приходилось повторять приказание построже.

Командовать первой, большей по численности, группой было поручено майору П. И. Зализюку из оперативного отдела, а второй, состоявшей из тридцати — сорока человек, — подполковнику М. Г. Вайнрубу. Соответственно задачам боевых групп между ними распределили прибывшие танки: первой — шесть, второй — три.

Командиров групп в присутствии остальных идущих в бой штабистов кратко напутствовал командующий армией:

— Зализюку с шестью танками приказываю обеспечить перекрытие улиц, ведущих от вокзала к пристани. Задача — ни один фашист не должен просочиться на этом участке. Вайнрубу — с тремя танками — атаковать Дом специалистов и овладеть им. Сил у вас мало, сам знаю. Но по нынешним временам — и этого предостаточно. Действуйте!

И отсеки царицынской штольни опустели.

Как известно, личному составу многих наших штабов, вплоть до армейских, в первый период войны приходилось вступать в бой и на собственных КП. В Севастополе, когда гитлеровцы уже ворвались в город, в штабе Приморской армии создавались боевые группы, чтобы пробиваться к партизанам в горы. А было ли еще где-нибудь, чтобы штаб общевойсковой армии вместе с ротой охраны вот так использовался в качестве ударной боевой силы, — я просто не знаю.

Но в той обстановке и такая крайняя мера была оправдана — чего не сделали бы мы тогда, чтобы помочь дивизии Родимцева высадиться на сталинградский берег!

К исходу дня на левом фланге армии почти всюду удерживались прежние позиции. Отбить здесь атаки противника стоило просто невероятных усилий, и восполнить понесенные войсками потери было пока нечем. Гитлеровцы же, судя по всему, готовились возобновить свой натиск с новой силой. Группа Горохова на правом фланге держалась прочно. Чем закончился день в орловском выступе, мы еще не знали: связь с группой Андрюсенко отсутствовала.

В центре враг достиг (не считая изолированных подразделений автоматчиков, продвинувшихся в разных местах дальше) проходящей по городу железной дороги, од-

нако вокзал Сталинград-I был опять в наших руках. Но здесь все, как говорится, висело на волоске. От частей, оборонявшихся на центральном участке, остались фактически лишь небольшие отряды, которые при всей их стойкости не смогли бы отразить следующего мощного удара превосходящих сил противника.

Разумеется, мы не уповали только на ожидаемую помощь. Делалось все возможное, чтобы за ночные часы укрепить образовавшийся городской участок фронта. Мелкие и раздробленные подразделения объединялись под началом одного командира. Подтягивались откуда только можно огневые средства, пригодные для ближнего боя. Оборудовались новые опорные пункты, создавались завалы, заграждения. Подвозились и подносились боеприпасы. Были приняты также меры для доставки на все позиции горячей пищи.

До всей армии был доведен поступивший несколько часов назад приказ войскам Юго-Восточного фронта. Он призывал бойцов и командиров, и прежде всего тех, кто непосредственно защищал Сталинград, усилить сопротивление врагу. Приказ требовал продуманно использовать каждую огневую точку, уцелевшие каменные дома, подвалы, овраги, завалы на улицах и в садах. Давался жесткий срок — двое суток на оборудование позиции для каждого пулемета, миномета, противотанкового ружья.

Эти практические указания и требования были проникнуты, связаны единой мыслью: то, что борьба с врагом перенеслась на улицы Сталинграда, не должно и не может поколебать нашей решимости отстоять город и означает только одно: мы обязаны, применяясь к сложившимся условиям, сражаться за него еще упорнее.

Ничего не меняло в этом смысле и то обстоятельство, что 14 сентября на левый берег отбыли гражданские руководители Сталинграда. Городской командный пункт в штольне Комсомольского сада был свернут непосредственно перед тем, как в этом районе развернулись уличные бои.

Выше уже говорилось, какие усилия прилагали Сталинградская партийная организация, Городской комитет обороны, чтобы одновременно с массовой эвакуацией населения (к 10 сентября за Волгу переправилось около 300 тысяч человек) обеспечить самым необходимым тех, кто еще оставался в разрушенном и горящем городе, до

последней возможности поддерживать работу предприятий, способных хоть чем-то помочь фронту. Чего стоило одно то, что из ворот СТЗ смогло выйти еще немало танков и тягачей! Их сборка или ремонт велись под артиллерийским и минометным обстрелом, рядом с передним краем.

Но 13 сентября новые бомбежки вывели из строя почти все, что с неимоверным трудом удалось восстановить, пустить, наладить. В этот день к нам на КП в последний раз доставили малоформатные листки городского издания «Сталинградской правды». Остановились мельница, хлебозавод, вновь перестали действовать отремонтированные участки водопровода.

И хотя оперативные группы Тракторозаводского, Баррикадного, Краснооктябрьского райкомов партии не прекращали попыток возобновить в отдельных цехах ремонт боевой техники, городские ресурсы и возможности в полосе нашей армии, по существу, уже иссякали. (На самой южной окраине, в Кировском районе, отрезанном от нас и обороняемом 64-й армией, положение было иным: там действовала СталГРЭС, продолжали работать небольшие заводы.) Почти все оставшиеся в городе жители либо давно уже сражались в рядах рабочих отрядов, приданных армии, либо входили во вспомогательные военизированные формирования.

В таких условиях наши гражданские товарищи — руководящие работники области и города — могли больше помочь дальнейшей борьбе за Сталинград, находясь за Волгой и мобилизуя ресурсы левобережных районов области. Тем более что первый секретарь Сталинградского обкома и горкома партии А. С. Чуянов стал также и членом Военного совета фронта.

Ночь начиналась тревожно. Потом, в другие напряженные сталинградские ночи, Чуйков, Гуров и я уславливались между собой, кто когда отдыхает, чтобы во всякую минуту по крайней мере один из троих бодрствовал («чтоб не проснуться как-нибудь всем вместе под немецкими автоматами», как говорил Василий Иванович). Но сейчас об отдыхе не помышлял никто.

Отрываясь поочередно от телефонов, все мы часто выходили на поверхность — и на Пушкинскую, и к Царице, и не только потому, что в подземелье донимала духота. Увидеть мы, конечно, могли еще меньше, чем днем,—

разве что зарево пожаров да вспышки ракет. Однако, когда прислушивались к звукам ночного боя (притих-то он притих, но не прекращался ни на этом, северном, берегу Царицы, совсем близко от нас, ни за нею, тоже невдалеке), удавалось лучше понять и представить происходящее вокруг, а кое-что угадать раньше, чем доложат.

Среди разрывов, выстрелов, очередей, доносящихся с разных сторон, отчетливо слышались частая перестрелка и хлопки гранат в направлении Дома специалистов — это атаковала засевших там фашистов группа Вайнруба. Помощи (она могла быть оказана только за счет группы Зализюка) Вайнруб не просил — значит, надеялся обойтись своими силами. Если бы он даже не полностью очистил поднимающееся над Волгой полуразрушенное здание, если бы, подавив часть бьющих оттуда неприятельских огневых средств, на какое-то время сковал, отвлек на себя остальные, на худой конец и это, вероятно, уже позволило бы принимать суда у пристани.

А танки Зализюка действовали на поперечных улицах между волжским берегом и районом вокзала. Майор Демченко посадил на них людей из комендатуры, знающих в центре каждый переулок, проезд, двор. Эта группа также должна была очистить несколько домов, в которых укрепились просочившиеся в глубину нашей обороны гитлеровцы. Но самое главное — не допускать, чтобы к этим домам пробирались подкрепления. Хватит ли на это нашего небольшого подвижного заслона?..

В боевых группах, расчищающих плацдарм для высадки новой дивизии, вместе с бойцами охраны, писарями, связистами сражались командиры из штаба артиллерии и штаба инженерных войск, из разных отделов штарма. Бойцами-автоматчиками стали на эту ночь мои верные помощники из оперативного отдела Калякин, Велькин, Кузнецов... С автоматом и гранатами пошел в бой и комендант штаба армии — капитан Гладышев.

А старший лейтенант Александр Семиков, один из самых расторопных наших направленцев, еще с утра находился за Волгой. В его задачу входило встретить гвардейцев Родимцева на том берегу, сопровождать к месту посадки на суда, вывести на сталинградскую землю тех, кто будет переправляться первыми.

Связь со штабом фронта действовала бесперебойно. Оттуда подтверждали: дивизия к переправе готовится, не-

доставшее оружие два из трех стрелковых полков уже получили...

Положение в центре города оставалось напряженным до предела. Однако каждые прошедшие без новых осложнений полчаса укрепляли уверенность: продержимся, принять подкрепление сможем!

Все мы были возбуждены, нервы натянуты как струна, и в то же время испытывали потребность безотлагательно осмыслить уроки заканчивающихся суток, дать себе отчет в том, чему учит, чего требует от нас трудный опыт первого дня уличных боев.

День был критическим. Но как ни тяжело пришлось защитникам Сталинграда, поражение, неудачу, по существу, потерпел противник: навалившись своими ударными группировками на нашу ослабленную, обескровленную армию, он не смог сбросить ее в Волгу, хотя, судя по всему, не сомневался, что сегодня это ему удастся наверняка.

— Гитлеровцы не выдерживают ближнего боя, даже имея большой численный перевес. Это факт, в этом я убедился еще на Аксае,— говорил, ероша свою густую шевелюру, Василий Иванович Чуйков.— А бой в городе может быть только ближним боем. И надо, чтобы наши бойцы...

— ...шли на сближение с врагом еще решительнее, еще смелее! — подхватил Кузьма Акимович Гуров.— Коммунисты, комсомольцы, уверен, покажут в этом пример!

Оказывается, мы все трое думали об одном и том же. Понимая друг друга с полуслова, начали сообща формулировать — пока, разумеется, в самой общей форме — кое-какие выводы о тактике боевых действий в сложившихся условиях.

Первое — максимальное сближение с противником! Выбирать и занимать такие оборонительные позиции, чтобы они находились от вражеских на расстоянии броска гранаты. Если для этого понадобится прокладывать проходы в развалинах, рыть окопы и ходы сообщения зигзагом, не жалеть труда. Там, где удастся закрепиться у фашистов под носом, безусловно, сократятся потери от атак вражеской авиации. Не так уж точно она бомбит, и немцы не смогут без оглядки бросать ее на наш передний край, когда он окажется буквально рядом с их собствен-

ным. А авиация у фашистов — главный козырь, без авиационной подготовки их пехота наступать не привыкла...

Затем — особое внимание уделять использованию мелких подразделений! Даже один этот день дал множество подтверждений того, как возрастают в городском бою по сравнению с обычными, полевыми условиями возможности небольшой группы бойцов, если она подготовлена, в том числе и морально, к активным самостоятельным действиям и возглавляется толковым, решительным командиром или бывалым солдатом. И, очевидно, подбор таких групп, постановка им конкретных задач, руководство ими должны стать важным элементом боевого управления...

Говорили еще о многом, видя перед собою завтрашний день и какие-то последующие — наше ближайшее будущее. Что эта тактика надолго, что воевать на сталинградских улицах предстоит не месяц и не два, тогда еще не думалось.

Было уже за полночь, когда из штаба фронта наконец передали: корабли Волжской флотилии с передовым отрядом переправляемой дивизии выходят из Красной Слободы.

СТАЛИНГРАД ОТСТОИМ!

О том, как 13-я гвардейская стрелковая дивизия вступила в бои за Сталинград, и о дальнейших ее действиях написано, пожалуй, больше, чем о каком-либо другом соединении 62-й армии. И слава, возданная гвардейцам генерал-майора Родимцева, вполне заслужена ими.

Не переправься они в ту ночь — и могло оказаться, что переправляться уже некуда. Если нам удалось помешать противнику рассечь остатки нашей армии и утвердиться на Центральной набережной 14 сентября, то сдержать следующий вражеский натиск такой силы (и теперь — с исходных позиций, отстоявших местами на километр с небольшим от Волги) мы, не получив к утру подкрепления, вероятно, не смогли бы...

Подкрепление не опоздало, и это позволило удержать город. В течение одиннадцати суток — пока гитлеровское командование не изменило направления главного удара — дивизия Родимцева играла в обороне Сталинграда решающую роль.

В ночь на 15 сентября переправились два полка дивизии: 42-й стрелковый полковника И. П. Елина (он высаживался первым) и 34-й стрелковый подполковника Д. И. Панихина. Вместе с последними их подразделениями, фактически уже утром, прибыли на правый берег комдив и штаб.

Переправа производилась на мотопаромах, на военных тральщиках, бронекатерах, буксирах и даже рыбацких лодках. На том берегу знали, какое у нас положение, и форсировали отправку частей. В некоторых подразделениях патроны, только что подвезенные, раздавались бойцам перед самой посадкой на суда. И все же переброску в Сталинград третьего полка дивизии пришлось отложить

до следующей ночи: стало светло, в воздухе появилась неприятельская авиация.

Это не значит, что до рассвета войска перевозились спокойно. Да и темнота была весьма относительной — Волгу освещали и пожары в городе, и ракеты, а у левого берега — пламя, охватившее какую-то баржу, загоревшуюся, должно быть, от попадания снаряда. Противник, владевший частью Мамаева кургана, откуда многое можно было разглядеть, по-видимому, не сразу оценил масштабы переправы, но все же держал под обстрелом всю ее трассу. От артиллерийского огня погиб катер, имевший на борту роту автоматчиков, не обошлось без потерь, правда небольших, и на других судах.

А высадка первых подразделений — несмотря на то что пристань находилась в наших руках — походила на десант. Сделав все мыслимое, чтобы можно было принять подкрепление, мы не смогли, однако, очистить от гитлеровцев весь примыкающий к причалам район. Враг, засевший рядом — пусть не сплошным фронтом, а на отдельных участках,— встречал высаживающихся бойцов огнем, и они с ходу вступали в бой, отвоевывая плацдарм для развертывания следующих подразделений. Уклоняясь от обстрела, некоторые мелкие суда подходили к берегу не у пристани, а где-нибудь поблизости, и часть бойцов высаживалась прямо в воду.

Надо сказать, что еще до наступления темноты на берегу в районе центральной переправы был развернут армейский ВПУ — вспомогательный пункт управления. При том напряжении, какого достигли бои в центре города, он стал необходим, и именно у переправы, удержать которую надо было во что бы то ни стало. Возглавлял ВПУ генерал-майор артиллерии Н. М. Пожарский, распоряжавшийся тут от имени командарма. Обязанности общевойскового начальника возлагались на заместителя начарта уже не впервые (напомню — он командовал оперативной группой на левом фланге армии), однако здесь, у переправы, роль Пожарского и его помощников была особенно ответственной. Непосредственно с ВПУ они управляли и разнородными силами, прикрывавшими высадку подкреплений, и постепенно вводимыми в бой частями прибывающей дивизии. Пока не переправилось ее командование, представители штаба армии ставили боевую задачу каждому высадившемуся подразделению. Ми-

лиционеры из истребительной роты, охранявшей причалы, назначались проводниками — они хорошо знали город.

На поддержку двинувшихся вперед батальонов были переключены все танки, приданные вечером боевым группам штарма. Отряду, высадившемуся с самых первых катеров, прокладывали путь три тридцатьчетверки группы подполковника Вайнруба. Устремившиеся за машинами бойцы не догадывались, конечно, что головную ведет заместитель начальника бронетанковых войск 62-й армии.

Артиллерийский полк 13-й дивизии, занявший огневые позиции на левом берегу, смог, как и другая артиллерия, размещенная за Волгой, поддерживать стрелковые полки лишь некоторое время спустя, когда четче обозначился их передний край. До этого вести огонь по каким-либо целям в центре города можно было только с кратчайших дистанций, прямой наводкой, ибо во многих местах между набережной и железной дорогой создалось нечто вроде слоеного пирога: дома, дворы, укрытия, захваченные гитлеровцами и удерживаемые нами, располагались вперемежку. Штабные операторы далеко не всегда знали, каким карандашом — красным или синим — обвести на плане города такое-то здание.

Не помню точно, в котором часу комдив 13-й гвардейской Александр Ильич Родимцев добрался до армейского КП. Во всяком случае к тому времени его полки уже значительно углубились в город, очистив от фашистов водокачку, универмаг, гвоздильный завод и другие объекты (Дом специалистов продолжала удерживать изолированная группа немцев).

Проводник, сопровождавший Родимцева, был по дороге убит. Самому комдиву, должно быть, не раз пришлось укрываться в развалинах или воронках, и он, как, впрочем, и все приходившие из города, вошел в подземелье, отряхиваясь от известки и пыли.

Родимцеву было тридцать семь лет, но на вид он казался моложе. Об этом молодом генерале я не знал тогда почти ничего. Должен признаться — не знал и того, что бить фашистов он начал под Мадридом и Гвадалахарой и Золотую Звезду Героя Советского Союза заслужил именно там.

В тот момент было, разумеется, не до расспросов, не относящихся к кипевшему в городе бою, и служебный путь

генерала Родимцева я узнал немного позже. Кадровый кавалерист, он стал затем авиадесантником и даже летчиком. А в Испании сражался в пехоте. Впрочем, и воздушно-десантной бригаде, командиром которой застала его Великая Отечественная война, пришлось вскоре действовать как обычной стрелковой. Словом, комдив имел за плечами помимо Академии имени М. В. Фрунзе весьма разносторонний военный опыт.

От первой встречи с Родимцевым осталось впечатление, что это человек живого ума и быстрой реакции, очень собранный, уверенный в себе и своих людях и, вероятно, самолюбивый. Таким он и оказался, причем самолюбие его ощущалось не как что-то узколичное, оно жило в нем неотделимо от большой командирской гордости за свою дивизию — сплоченную, стойкую, способную на многое.

А парашютный значок комдива напоминал, что в его дивизии есть и воздушнодесантники. Она комплектовалась не так, как 33-я или 35-я гвардейские, полностью состоявшие из «крылатой пехоты». В 13-ю гвардейскую была преобразована в начале сорок второго года отличившаяся во многих боях 87-я стрелковая (освободившийся ее номер перешел к знакомой уже читателю дивизии полковника Казарцева, тогда еще только формировавшейся). В восемьдесят седьмую первого состава, сколоченную на Юго-Западном фронте, входили три воздушно-десантные бригады, одной из которых командовал полковник Родимцев.

Лишь немногие бойцы этих бригад дошли до Сталинграда. И все же что-то от боевого стиля воздушнодесантников было и в стремительности, с которой гвардейцы ворвались на берег, и в напоре, с каким они развивали свой начальный успех, углубляясь в город. Воплощением молодого боевого задора предстал перед нами и сам комдив.

После вопросов сугубо практических, касавшихся действий и состояния дивизии, командарм Чуйков спросил Родимцева, какое у него тут, в Сталинграде, настроение.

Александр Ильич ответил:

— Я коммунист и никуда отсюда не уйду.

Между тем положение дивизии, точнее — двух ее переправившихся полков становилось с каждым часом все более трудным. Гвардейцы вышли на рубеж проходящей

по городу железной дороги, но закрепиться там до того, как противник возобновил наступление, времени не имели. Враг же, не решившись на крупную атаку ночью, хотя и упустил момент, когда у нас оставались в центре города фактически лишь небольшие отряды, обладал и теперь огромным численным перевесом: каждому из полков Родимцева противостояла дивизия, усиленная значительным числом танков. И как обычно, атаки гитлеровцев предварялись массированными ударами с воздуха.

Одной из немецких дивизий, вторгшихся в город, была 71-я пехотная. Как рассказывал потом Родимцев, военная судьба свела его с нею в третий раз. В сорок первом году, под Киевом, воздушно-десантный корпус, в котором Родимцев командовал бригадой, так потрепал эту дивизию, что ее отправили на переформирование во Францию. А летом сорок второго наша 13-я гвардейская имела с ней дело под Харьковом, где уничтожила один из ее полков. Теперь гвардейцы дрались со «старой знакомой» на улицах Сталинграда...

Бои приняли ожесточеннейший характер, доходя до рукопашных схваток. Однако существенно продвинуться в центре (а существенными стали тут и сто метров) противнику не удавалось. Вокзал Сталинград-I четыре раза переходил из рук в руки и в конце концов остался у нас. Занявший и удерживавший его 1-й батальон 42-го гвардейского полка (батальоном командовал старший лейтенант Черников, а после его ранения — старший лейтенант Федосеев) приковал к этому участку до полка фашистской пехоты.

Хуже обстояло дело с Мамаевым курганом. Тот полк дивизии Родимцева, который планировалось выдвинуть на эту важнейшую высоту, находился еще за Волгой. Бои за курган вместе с остатками 112-й дивизии Ермолкина вел малочисленный полк НКВД, и положение там подчас бывало неясным: связные добирались долго. Командарм не находил себе места, не зная, в чьих руках сейчас высота 102.

Тяжелые бои шли на левом фланге, где наступала вторая из двух главных ударных группировок противника, а наши войска оставались без подкреплений. Стержневой, цементирующей силой обороны там по-прежнему являлась 35-я гвардейская дивизия, командиру которой полковнику Дубянскому были подчинены его соседи.

В самой дивизии, хотя она два дня назад получила небольшое маршевое пополнение, к утру 15 сентября насчитывалось около пятисот бойцов. В приданном ей полку из дивизии Сараева — сто тридцать пять...

Левый фланг, как и прежде, держался тем, что на него работало много артиллерии, в том числе реактивной — «катюш». А о том, насколько туго было с людьми в стрелковых частях и как расчетливо приходилось их распределять, говорит такой вспомнившийся мне сейчас факт. Когда из окружения в районе Купоросного (это происходило 12 или 13 сентября) вырвались подразделения 131-й стрелковой дивизии, всего до трехсот человек, из них образовали в тылах Южной группы резерв командарма. И считалось, что уже есть что передать Дубянскому при крайних обстоятельствах.

Не знаю, в какой мере было тогда осведомлено гитлеровское командование о реальной численности наших войск на юго-западных окраинах Сталинграда. Однако незадолго перед тем оно прибавило к действовавшим на этом направлении 14-й и 24-й танковым дивизиям и 94-й пехотной еще 29-ю моторизованную.

А Дубянский — вынужденно, но довольно успешно — применял тактику «разреженной обороны». Не имея столько бойцов, чтобы занять сплошную линию окопов, он разместил их группами от нескольких человек до взвода на расстоянии до полутораста метров одна от другой. Эти маленькие узлы сопротивления располагали достаточными средствами, чтобы перекрывать огнем все пространство перед собой и поддерживать друг друга. Шестьсот — семьсот бойцов держали четырехкилометровый участок фронта, причем благодаря такой рассредоточенности потери при налетах вражеской авиации были невелики.

Относительной устойчивости «разреженной обороны» способствовал рельеф района, изрезанного оврагами, не везде проходимого для танков. А наши поврежденные танки, вкопанные в землю, служили дотами. Но при всем этом долго продержаться тут такими силами было, конечно, нельзя.

15 сентября гитлеровцы, использовав порывистый юго-западный ветер, подожгли пригород Минина и Ельшанку, где еще уцелело в садах и у балочек немало деревянных строений. Наши подразделения, позиции которых оказались среди огня и дыма, вынуждены были временно отой-

ти. Распространившийся пожар приблизился к КП 35-й дивизии. Тем временем на других участках противник начал очередную атаку. Полковник Дубянский, докладывавший мне обстановку по телефону, внезапно прервал разговор, сказав, что продолжать его сейчас не имеет возможности.

Связь возобновилась часа через три, уже по заново подтянутым к магистральной линии проводам — прежние выгорели. За это время командный пункт Дубянского побывал и в огне пожара, и в круговой обороне. Однако управления частями комдив не потерял и, как ни ограниченны были его силы, сумел, введя в бой саперов, взять почти что в кольцо прорвавшихся в тылы дивизии гитлеровцев, заставив их отступить.

В итоге дня бойцы 35-й гвардейской вернулись на свои позиции в выгоревшей Ельшанке. Но в Купоросном, у Волги, откуда за последние трое суток врага дважды удавалось оттеснять, он теперь закрепился, увеличив разрыв между нашей и 64-й армиями. Контратаки ее частей с юга заметных результатов не дали. Нам же ударить навстречу было нечем.

Потери гитлеровцев в Сталинграде и его южных предместьях за 14—15 сентября мы оценивали не менее чем в две тысячи солдат только убитыми. За те же два дня было выведено из строя более 50 фашистских танков.

Эти цифры говорят об ожесточенности боев, о том, какое сопротивление встречал наступающий враг. Однако он явно рассчитывал не сегодня, так завтра сбросить нас в Волгу.

В ночь на 16 сентября переправился третий полк дивизии Родимцева — 39-й стрелковый под командованием майора С. С. Долгова. В соответствии с боевой задачей, поставленной полку еще на том берегу, он был высажен не там, где два других, а в районе завода «Красный Октябрь», ближе к Мамаеву кургану.

К этому времени вершиной кургана завладели немцы. Когда рассвело, на одном из водонапорных баков стал различим фашистский флаг.

Таким образом, задача полка — занять и оборонять высоту 102, сперва предполагавшая просто смену державшихся там подразделений, теперь означала — отбить курган у врага.

Задачу эту полк майора Долгова выполнил. Ему содействовал полк капитана Асеева из 112-й дивизии, который фактически был небольшим отрядом. Поддерживала гвардейцев также 27-я танковая бригада, состоявшая в то утро из четырех танков.

Ответственная роль при взятии высоты выпала 1-му батальону 39-го полка, которым командовал капитан Исаков. Молодой комбат действовал не только очень решительно, но и весьма расчетливо, а кое в чем — по-новаторски. Там, где это было выгодно, подразделения батальона продвигались вперед не перебежками, а цепью (а так как противник атаки не ждал и организованный огонь повел лишь через несколько минут, быстрое сближение с ним сократило наши потери). Умели бойцы Исакова и огонь вести на ходу. Такие тактические приемы тогда еще не предусматривались уставом, однако их подсказывала практика войны.

Все это могло служить своего рода аттестацией генералу Родимцеву: получив при доукомплектовании дивизии время на боевую подготовку, он смело вводил в практику обучения все то, что вынес из опыта первых военных месяцев.

Вскоре командир дивизии сам побывал на Мамаевом кургане, после чего обстоятельно доложил о положении на высоте. На северных и восточных ее скатах гитлеровцы сумели чрезвычайно быстро, за какие-нибудь часы, которые они там хозяйничали, соорудить дзоты, и подавление их в ходе атаки стоило жизни не одному гвардейцу. Теперь полк Долгова закреплялся на западных скатах. На вершине, представлявшей идеальную позицию для корректировщиков, был развернут НП дивизионной артиллерии, стоявшей на левом берегу, и она начала пристрелку целей за курганом. Полковая артиллерия приготовилась бить прямой наводкой.

Следовало ожидать, что противник очень скоро попытается опять овладеть высотой, и действительно, новые атаки на нее начались еще до полудня.

Появление в Сталинграде свежей гвардейской дивизии, первые ее успехи подняли дух во всей армии — этого нельзя было не ощутить даже при коротких телефонных разговорах с командирами на любом участке обороны. Однако рассчитывать, что теперь вообще станет легче, не приходилось.

Если в центре города и удалось потеснить врага, то все же далеко не до тех рубежей, с которых он начал наступать утром 14-го: большой массив кварталов за железной дорогой остался в его руках. Особенно же тревожило состояние левого фланга армии, всей нашей обороны к югу от Царицы.

Армия остро нуждалась в новых подкреплениях, и командарм Чуйков без обиняков докладывал об этом командованию фронта. Оттуда отвечали: подкрепления будут. Вновь обещали также помощь с севера — очевидно, там готовился еще один удар по неприятельской группировке, разъединившей нас с правыми соседями в августе.

Следующее подкрепление армия получила через двое суток после того, как переправился последний полк Родимцева. Но до этого успело произойти многое.

В неравной схватке, если она затягивается, настает в конце концов момент, когда сила бóльшая начинает одолевать меньшую. Так получилось на нашем левом фланге, где перевес наседавшего врага и в солдатах, и в танках, не говоря уже о его господстве в воздухе, был слишком велик.

Через пригород Минина гитлеровцы прорвались в глубь зацарицынской части города, к расположенному недалеко от товарной железнодорожной станции Сталинград-II элеватору. Еще недавно элеватор был полон пшеницы нового урожая, но почти всю ее успели вывезти за Волгу. Массивное здание, возвышающееся над всем районом, использовалось в качестве НП и было на учете как особо выгодный опорный пункт на случай уличных боев. В нем заблаговременно заняло оборону небольшое подразделение дивизии Дубянского. Когда к элеватору подступил батальон немецкой пехоты с танками, там было около сорока бойцов-воздушнодесантников. Они и приняли бой. Фашисты ворвались в здание, однако полностью овладеть им не смогли.

Скоро в Сталинграде стало не редкостью, что в одном и том же доме одновременно находятся и наши бойцы, и гитлеровцы, а «линия фронта» пересекает подвалы, лестничные клетки, этажи, проходя где по горизонтали, где по вертикали. Элеватор явился одним из первых таких

зданий, и упорнейшая борьба за него шла в течение ряда дней.

Резко ухудшалось положение, и без того крайне тяжелое, на участке фронта, примыкающем с юга к долине Царицы.

По донесению командира 244-й дивизии полковника Афанасьева, к утру 16 сентября у него оставалось 228 штыков, считая и поставленных в строй саперов, разведчиков. Накануне бронебойщики дивизии уничтожили шесть фашистских танков, а в этот день было подбито и сожжено еще одиннадцать. Однако у дивизии не хватало сил помешать вклиниванию противника на своем левом фланге, и скоро ее подразделениям пришлось занять круговую оборону. Дивизионный КП (он располагался последние два дня под виадуком близ трамвайного парка имени М. В. Фрунзе) прикрывали боевые группы из командиров штаба и охраны во главе с начальником штаба подполковником Сыщуком.

Остатки дивизии, прижатые к руслу Царицы, выстояли на этом рубеже до вечера. Но вести завтра какие-либо активные действия, подняться даже в небольшую контратаку тут было уже некому.

Однако существовал слаженный, хорошо зарекомендовавший себя штаб, сохранился костяк подразделений. Учитывая это, командарм, посоветовавшись со мною и Гуровым, решил в ночь на 17 сентября придать дивизии Афанасьева (практически — влить в нее) 270-й стрелковый полк НКВД из дивизии Сараева. Афанасьеву ставилась задача: не пустить гитлеровцев через Царицу в центр города.

Так удалось еще на некоторый срок сохранить 244-ю дивизию на переднем крае. 17 сентября она еще раз задержала немалые силы противника, стойко отбивая удар, направленный через Царицу в тылы дивизии Родимцева.

Когда ночью перед этим обсуждали, как быть с дивизией Афанасьева, Кузьма Акимович Гуров вспомнил ее прибытие в нашу армию из резерва 57-й — меньше двух недель назад. Знакомясь тогда с новой дивизией, мы узнали и о том, что двести ее бойцов только что подали заявления с просьбой принять их в ряды большевистской партии. Это был их ответ на приказ о срочной переброске в Сталинград. А нам с Гуровым это немало сказало о со-

стоянии духа соединения, которому предстояло прямо с марша контратаковать врага в районе Садовой.

Дивизия, насчитывавшая и вначале немногим больше четырех тысяч человек (среди них было немало коренных сталинградцев), очень выручила тогда нашу армию. Не подводила она и потом: неся потери, день ото дня сокращаясь численно, продолжала сражаться стойко и упорно. Только раз была прорвана оборона одного из ее полков — после того как на этом участке полег целый батальон,— но комдив сумел справиться с положением собственными силами.

Полковник Георгий Афанасьевич Афанасьев (впоследствии он стал генералом) вообще крайне редко просил о какой-нибудь помощи. Его соединение было одним из первых, где своими силами обеспечили доставку из-за Волги боеприпасов — на собранных саперами плотах — и эвакуацию на левый берег раненых.

Боевые действия 244-й дивизии в Сталинграде закончились (тут я забегаю немного вперед) 20 сентября, когда остававшиеся в строю бойцы — сводный отряд, условно именовавшийся 914-м стрелковым полком,— были переданы в бригаду Батракова, а командование, штадив и штабы остальных полков переправились за Волгу — формировать соединение заново. Пробыв в составе 62-й армии шестнадцать грозных ночей и дней (по документам получается немного больше, но я говорю о сроке фактическом), дивизия полковника Афанасьева оставила по себе добрую память.

Чтобы почувствовать, насколько осложнилась обстановка за Царицей, достаточно было выглянуть из штольни, где располагался наш КП.

Когда двое суток назад уличные бои приблизились на несколько сотен метров к верхнему входу в штольню со стороны Пушкинской улицы, из-за Царицы доносились лишь отдаленные звуки боя. Тогда долина высохшей за лето речки с ее песчаными откосами и зарослями камыша вокруг колдобин, где, как в маленьких озерках, задержалась вода, выглядела еще совсем по-мирному. А теперь в этих камышах и под недалеким мостом появились немецкие автоматчики, пытавшиеся обстреливать нижний вход в штольню. Охрана штаба армии уже не раз вступала с ними в бой, оттесняя от командного пункта.

Автоматчики проникали по широкой долине Царицы, которая в километре с небольшим отсюда, за железнодорожным мостом, находилась в руках противника. Но вход в наше подземелье обстреливался и с противоположного, южного берега, куда прорывались отдельные группы гитлеровцев через выходящие к речке жилые кварталы. Там, в зацарицынской части города, остатки одних наших частей еще удерживали фронт под Купоросным, не давая врагу продвигаться на север вдоль Волги, а остатки других вели тяжелые уличные бои. Особенно упорные бои шли за элеватор и вокзал Сталинград-II.

На левом крыле, как нигде остро, не хватало людей — и бойцов, и среднего комсостава. Никак не удавалось пополнить хотя бы до тысячи штыков основное здесь соединение — 35-ю гвардейскую дивизию Дубянского. Запомнилось, что минометной ротой, состоявшей из десяти — двенадцати красноармейцев, командовал там военфельдшер. Недавно мне помогли выяснить, что это был Иван Акимович Юрченко, 1921 года рождения, кандидат партии.

А как обрадовался полковник Дубянский, когда мы смогли послать ему на подмогу небольшой отряд матросов! Не помню сейчас, прибыли ли они с Волжской флотилии или откуда-то еще.

Где только не искали мы в те дни сотню или даже несколько десятков бойцов, которых можно было бы поставить в строй!

По какому-то поводу у меня был телефонный разговор с полковником Казарцевым, командиром 87-й стрелковой дивизии. Теперь он с теми дивизионными штабистами, которые остались в живых, находился за Волгой и вот-вот должен был отправиться дальше в тыл — возрождать дивизию. Я больше не мог ничего приказывать Казарцеву: из списков 62-й армии дивизия была исключена. Однако, подумав, что за эти дни у комдива могло собраться сколько-то бойцов — вернувшихся из госпиталей, из командировок и мало ли еще откуда, я спросил просто по-товарищески:

— Александр Игнатьевич, вы людьми не разбогатели? А то у нас...

Договаривать не понадобилось — Казарцев, который сам только что был в Сталинграде, и так все понял. Он вовсе не был обязан выполнять мою просьбу, к тому же

и не высказанную прямо, но сделал все, что мог. Прошло несколько часов, и комендант переправы доложил: в распоряжение штарма прибыли шестьдесят бойцов от командира 87-й стрелковой...

На том и распрощались мы тогда с полковником Казарцевым, еще раз заставившим испытать к нему чувство глубокого уважения и благодарности. А два года спустя, командуя 5-й армией 3-го Белорусского фронта, я встретился с генералом Казарцевым, назначенным в нашу армию командиром корпуса. И мы еще повоевали вместе в иное время, по-своему трудное, но уже не такое тяжелое.

Как ни ухудшалось положение на левом фланге, 17 сентября самым тревожным участком опять стал центральный. Едва рассвело, гитлеровцы, после сильной бомбежки и мощных огневых налетов, атаковали позиции 13-й гвардейской дивизии по всему ее фронту, включая Мамаев курган. Только на улицах города фашистскую пехоту поддерживало около ста танков. Еще не менее двух десятков их поползло к западным скатам высоты 102.

Вероятно, противник уже точно установил, что наша армия пополнена всего одной дивизией. И пока к нам не прибыли новые подкрепления, Паулюс спешил осуществить то, что сорвалось у него 14 и 15 сентября,— широким прорывом к Волге в центре города рассечь армию надвое, предрешив тем самым быстрый захват всего Сталинграда.

От переднего края полков Родимцева до волжского берега во многих местах было всего несколько сотен метров. В таких условиях, как ни старайся сделать оборону жесткой, вряд ли удалось бы выстоять, если придерживаться пассивной тактики. Просто стоять насмерть было мало — чтобы удержаться, требовалось контратаковать.

Так и действовали гвардейцы 13-й дивизии. Батальоны полка Елина еще утром ворвались на несколько находившихся в руках противника улиц — Республиканскую, Профсоюзную, Пролетарскую, и это существенно повлияло на результаты всего боевого дня. Но в некоторых других местах продвинулись, хоть и не намного, гит-

леровцы. Кое-где стала возникать угроза окружения наших подразделений.

Как и раньше, многое зависело от исхода разгоревшейся с новой силой борьбы за вокзал Сталинград-I — ключевую позицию в центре города. Вокзал опять переходил из рук в руки, и сколько раз переходил — уточнять не берусь. Думаю, что даже в нашем журнале боевых действий зафиксированы не все случаи, когда он захватывался гитлеровцами и вновь от них очищался. Был случай, когда наши бойцы вынуждены были покинуть полуразрушенный вокзал из-за охватившего его пожара. Они окопались вокруг — на железнодорожных путях и в сквере, не теряя контроля над зданием, и при первой возможности вернулись в вокзальные руины.

Бои за вокзал по-прежнему вел батальон старшего лейтенанта Ф. Г. Федосеева. Он, естественно, имел потери, численный перевес противника сказывался в этом районе все сильнее. Но добавить Федосееву хотя бы роту из двух полков, сражавшихся в центральной части города, было невозможно. Да и не рота тут была нужна.

Мы пошли на несколько рискованную меру — Родимцев получил «добро» на то, чтобы выдвинуть к вокзалу два батальона полка Долгова из района Мамаева кургана, где вражеские атаки отбивались немного легче, а там оставить пока один батальон с полковой артиллерией. В тот момент это была единственная возможность помочь защитникам вокзала и вообще ослабить нажим на полки Елина и Панихина.

Довести задуманное до конца, правда, не удалось — тем двум батальонам не дала соединиться с Федосеевым висевшая над городом неприятельская авиация. И все же важнейшие позиции были в конечном счете удержаны. В том числе и вокзал и Мамаев курган.

В отношении вокзала это, впрочем, выяснилось не сразу: связь с батальоном Федосеева поддерживалась только живая, а добраться туда или оттуда, как ни близко это было, стало непросто.

Для получения достоверных сведений о том, что там происходит, к вокзалу не раз посылались наши штабные офицеры связи. Однажды с таким заданием был послан прикомандированный к оперативному отделу старший политрук Падерин. В качестве вещественного доказательства того, что он был не где-то около вокзала, а в самом

здании и что, следовательно, оно в наших руках, Падерин предъявил связку ключей от билетных касс. Это очень понравилось Василию Ивановичу Чуйкову, которого мучила затянувшаяся неизвестность.

Тем временем командарм и весь Военный совет армии приходили к убеждению, что надо переносить в другое место наш КП.

«Царицынское подземелье», защищавшее от любых бомб и снарядов, но душное, невентилируемое, где усталые люди нередко теряли способность работать, впадая в тяжелое, не приносящее и отдыха забытье, всем нам за эти четыре дня осточертело. Признаться, не раз думалось: «Как смог тут высидеть более долгий срок штаб фронта?» Однако дело было не только в изнуряющей духоте штольни. Теперь наш КП оказался практически на левом фланге армейской полосы, причем сообщаться с правым флангом армии, да и с большинством других частей, действующих севернее Царицы, приходилось через узкое прибрежное пространство, по которому не всегда можно было беспрепятственно передвигаться, так как и здесь в отдельных зданиях сидели гитлеровцы.

У центральной переправы продолжал действовать наш вспомогательный пункт управления во главе с Пожарским. Но следовало и армейскому КП быть ближе к ключевым позициям обороны, в том числе — к крупным заводам, ближе к основной группе войск, чтобы ни при каких обстоятельствах не оказаться от них отрезанным. И чтобы в войсках знали: командование армии, Военный совет — тут, рядом.

Долго выбирать новое место было некогда. Более или менее подходящее нашлось на берегу Волги между заводами «Красный Октябрь» и «Баррикады», посередине армейской полосы, примерно на одинаковом расстоянии от тогдашних флангов. Командующий фронтом согласился с нашим предложением не сразу — вероятно, потому, что другого столь надежного укрытия, как «Царицынское подземелье», быть не могло. Но затем передал, что перенести КП и штарм разрешает.

Большинство штабистов, а также и политотдельцы, кроме оставшегося с нами бригадного комиссара И. В. Васильева, перебрались на новое место в ночь на 17 сентября. Военный совет, оперативный отдел, разведчики должны были перейти туда к исходу следующей ночи.

Последние часы на царицынском КП проходили тревожно. Еще в середине дня создалась тяжелая обстановка выше по долине Царицы, на северном ее берегу. Обойдя с флангов 42-ю стрелковую бригаду полковника Батракова, гитлеровцы зашли ей в тыл. Поскольку восстановить здесь положение было нечем, стал неизбежным отвод бригады на новый рубеж. Однако связь с Батраковым прервалась.

Только в начале ночи, получив наконец приказ, бригада с боем вышла из окружения. Батраков доложил, что вынесены все раненые. В их числе был умирающий военком бригады полковой комиссар С. Н. Щапин.

Раненые лежали и в нашей штольне, в отсеках, ближайших к выходам, где было больше воздуха. Такое использование блиндажа штаба армии; конечно, против всяких правил. Но раненых из сражавшихся рядом частей, которых выносили по долине Царицы к переправе, часто было негде больше укрыть, если приходилось пережидать сильный огонь.

Ближе всех к «Царицынскому подземелью» проходили позиции 244-й дивизии, и полковник Афанасьев уже прислал своих связистов — с нашим уходом штольня предназначалась для его командного пункта.

Но главное, чем мы жили в ту ночь и за что больше всего тревожились, происходило на Волге: с наступлением темноты с левого берега начинали переправляться батальоны 92-й отдельной стрелковой бригады.

Бригада передавалась армии из резерва Ставки и, как мы уже знаем, была хорошо укомплектована. Она не именовалась морской, но большинство бойцов составляли матросы с Балтики и Севера. А комсостав в основном был из общевойсковиков.

Эта свежая часть предназначалась для укрепления нашего левого фланга и предотвращения назревающего прорыва гитлеровцев к Волге вдоль долины Царицы. Одновременно в другом месте, напротив «Красного Октября», переправлялась 137-я танковая бригада подполковника К. С. Удовиченко. Она должна была выдвинуться к Мамаеву кургану, чтобы поддерживать правый фланг дивизии Родимцева вместо 27-й танковой бригады, от которой практически ничего не осталось.

Обстановка на Волге была обычной: трассы переправ — под вражеским огнем. Однако воспрепятствовать

перевозке войск противнику не удавалось. Представители штаба армии встречали высадившиеся подразделения, выводили их в районы сосредоточения, к назначенным рубежам.

Соединившись еще раз с ВПУ и переговорив с Пожарским, на которого временно переключили все каналы управления войсками, командарм решительно поднялся с места:

— Ну что ж, пошли!

Операторы убирают последнюю карту. Покидаем опустевшую уже штольню с сознанием, что делаем это более чем вовремя: управлять армией отсюда больше нельзя.

До нового КП, если, оторвавшись от реальной обстановки, проложить на плане города кратчайший маршрут,— километров одиннадцать-двенадцать. Но обстановка не та, что была четыре дня назад, когда еще удалось с грехом пополам добраться от Мамаева кургана до Царицы на «виллисах». Полковник Г. И. Витков, отвечающий за «перебазирование» Военного совета и оперативных работников штаба со всеми документами, считал, что сейчас наш проезд берегом Волги, мимо захваченных немцами зданий, возможен разве что в танках.

А так как танков в его распоряжении не имелось, был предложен такой путь: переправиться через Волгу в Красную Слободу, проехать по левому берегу несколько километров на машинах и вновь пересечь Волгу у «Красного Октября». Сложновато... Однако пришлось на это согласиться.

С группой автоматчиков спускаемся к устью Царицы. Над ее долиной время от времени пролетают снаряды и мины, но нашу «штабную колонну» специально не обстреливают — вышли незаметно. Знало ли гитлеровское командование, где помещался в эти дни штаб 62-й армии? Гуров убежден — не знало: иначе обязательно попыталось бы нас захватить. Пожалуй, он прав.

Вспышка ракеты осветила пересекавший Царицу мост со старинными фонарными столбами. Уже с трудом верилось, что это по нему я проезжал месяц назад, только что прибыв в Сталинград. Тогда мост был еще составной частью людной, оживленной городской магистрали...

Чем ближе к Волге, тем светлее — что-то горит на берегу. А над самой Волгой вразброс возникают и гаснут

вспышки разрывов. Противник не знает, закончены ли на сегодня перевозки, и держит вероятную трассу переправы под методическим огнем.

И вдруг, словно специально для нас, обстрел реки прекращается. Все без команды ускоряют шаг — надо пользоваться этой паузой, раз уж повезло!

Не помню, заказывался ли для нашей «команды» катер, считались ли гребные лодки сперва запасным вариантом на случай, если катер задержится. Так или иначе, нас ждали лишь длинные рыбацкие ладьи. В них сложили штабное имущество и личные вещи, расселись сами (Витков настоял при этом, чтобы командующий, член Военного совета и я сели в три разные лодки) и, не мешкая, оттолкнулись от берега. Бойцы охраны и адъютанты налегли на весла.

Потом, на стремнине, им принялись помогать все, и с течением, начавшим было сносить нас вниз, справились. Лодкам удавалось держаться в темноте. Только раз в нашу сторону протянулась трассирующая очередь — должно быть, из Дома специалистов. Правый берег, насколько хватало глаз, был охвачен заревом, весь во вспышках и отблесках огня. Лишь сам оказавшись посреди реки, я понял, каким грозным открывается Сталинград бойцам и командирам переправляющихся к нам частей.

Впереди надвигался большой остров Голодный, разделяющий реку на два широких рукава. Темень, так выручавшая нас, тут немного подвела: первая лодка, а за ней и вторая наткнулись на какие-то препятствия. Услышав сильный плеск и чертыханье, я уже забеспокоился за Чуйкова и Гурова. Но их лодки не перевернулись, только зачерпнули порядочно воды. Остров мы пересекли пешком, пока лодки налегке огибали его северный выступ. У бойцов, занимавших тут оборону, были наготове и другие.

Тыловики, встречавшие на левом берегу с машинами, уговорили Чуйкова и Гурова заехать по дороге в горячую баньку — после вынужденного купанья это было нелишне. А я с остальными штабистами поехал прямо к верхней переправе. Бронекатер Волжской флотилии быстро и без приключений доставил нас обратно на правый берег.

Так в первый и последний раз за Сталинградскую оборону я побывал накоротке на левом берегу Волги.

К рассвету вернулись оттуда Чуйков и Гуров со своими адъютантами. После бани их снабдили теплыми солдатскими куртками — естественно, без знаков различия. Василий Иванович, смеясь, рассказал, как командир бронекатера не хотел признавать его в таком виде ни командармом, ни генералом, строго потребовал документы...

В армейском журнале боевых действий место нашего командного пункта 18 сентября 1942 года было обозначено рукою капитана Барановского так: «Овраг в 1 км севернее пристани «Красный Октябрь».

Новый КП 62-й армии мало походил на то, что обычно под этим подразумевается. Под обрывистым, прорезанным балками откосом волжского берега успели отрыть лишь несколько защитных щелей, а в самом откосе — ниши вроде нор или ласточкиных гнезд. Настоящие блиндажи готовы еще не были. Но на стоявших рядом баржах, частично притопленных, имелись сухие отсеки, пригодные хотя бы для временного размещения наших служб. А те отделы штаба, которым не обязательно быть под рукой, пристроили наверху, на территории «Красного Октября». И главное — связь тут уже действовала.

Полуразбитые баржи и громоздившиеся вокруг металлические конструкции — невывезенное заводское оборудование — придавали всему участку берега вид какой-то свалки, и это нас вполне устраивало. Хотя фашистские самолеты, появившиеся утром над городом, и сбросили невдалеке несколько бомб, враг вряд ли мог заподозрить, что здесь развертывается командный пункт армии.

А на КП жизнь входила в свою колею. Привычные к переездам операторы, устроившись поближе к узлу связи и получив с вспомогательного пункта управления последние данные обстановки, засели за рабочие карты. Строгий комендант штаба капитан Гладышев, бывший кавалерист, еще не расставшийся со шпорами, придирчиво проверял маскировку временных убежищ. Михаил Григорьевич Гладышев вспоминается мне как совершенно неутомимый, никогда не знавший покоя человек, который при необходимости охотно брал на себя любые новые обязанности. Одно время он заменял моего адъютанта Белоусова, уехавшего в командировку, а потом все чаще использовался в качестве офицера связи и в конце концов

был официально зачислен в оперативный отдел. Из 62-й армии Гладышев выбыл после тяжелого ранения, но потом вернулся в строй, а ныне — подполковник запаса.

Военком штаба батальонный комиссар Леонтий Ипатович Носков взял шефство над кухней: переезд переездом, трудности трудностями, а людей надо накормить. Носков в штарме недавно: всего несколько дней назад, перед тем как КП перешел с Мамаева кургана к Царице, его выдвинули на эту должность из аппарата политотдела. Но Леонтий Ипатович уже заслужил общее уважение своей спокойной и доброжелательной внимательностью к товарищам. А я нашел в нем надежную партийную опору в работе со штабным коллективом.

Когда спрашиваешь теперь самого себя, какие качества ставили мы тогда на первый план у наших штабистов, что старались всячески поддержать и развить в них, память твердо подсказывает: прежде всего — личную убежденность в том, что армия в Сталинграде может выстоять, личную готовность и решимость сделать для этого все возможное.

Такая убежденность, такая готовность и решимость, нашедшие потом выражение в крылатой фразе снайпера Василия Зайцева: «За Волгой для нас земли нет!» — становились необходимы здесь, в Сталинграде, каждому. Как же было не требовать их вдвойне от людей, причастных к боевому управлению армией?

Ну а уж если человек, находящийся у многих на виду, сам не чувствовал себя уверенно на сталинградской земле, не мог держаться тут так, как надо было держаться всем, тогда приходилось делать определенные выводы. Пусть редко, но приходилось. Мне памятны слова, сказанные однажды (позже, в октябре, в еще более трудное время) членом Военного совета Кузьмой Акимовичем Гуровым:

— Кому невмоготу тут, пусть уходит за Волгу. Только если имеет партбилет, пусть оставляет его здесь, чтоб не числиться на том берегу дезертировавшим коммунистом.

Это вырвалось у него из самого сердца. И так, словно не из одного его сердца, а из всех наших.

Сразу после перехода на новый КП в армии были произведены некоторые должностные перемещения, вызванные изменением обстановки. Отныне возглавлять лю-

бой наш род войск, любую боевую службу мог лишь командир, постоянно находящийся на правом берегу.

Поясню, о чем идет речь. За Волгой стояла, например, значительная часть нашей артиллерии. Там, с артполками, в основном находился и начальник артиллерии, а на правом берегу, у переднего края, — его заместитель Н. М. Пожарский. До какого-то времени это было оправданным, и дел у начарта на том берегу, разумеется, хватало. Но управление огнем производилось все-таки с правого берега, все важнейшие вопросы боевого использования артиллерии решались здесь, и получалось, что решались они Пожарским, что фактически артиллерией армии командует он.

И Василий Иванович Чуйков со свойственной ему решительностью сделал вывод: пора это узаконить, сделать Пожарского начартом. Военный совет армии согласился с мнением командующего.

Перемещения начальников любого ранга в боевой обстановке я всегда считал крайне нежелательными, если без этого можно обойтись. Командир, который привел свою часть на передний край, должен оставаться с нею до конца. Однако в данном случае мы отнюдь не отступали от этого правила, а наоборот — утверждали его.

Свои, но схожие причины были и на то, чтобы произвести перемещения в командовании инженерных войск (их «хозяйство» в значительной мере располагалось тоже за Волгой, но управлять им требовалось с правого берега), а также бронетанковых.

С 18 сентября начальником артиллерии 62-й армии стал генерал-майор Николай Митрофанович Пожарский, начальником бронетанковых войск — подполковник Матвей Григорьевич Вайнруб. Их обоих, будущих Героев Советского Союза, я уже имел случай представить читателю. А начальником инженерных войск был назначен и с честью исполнял эту должность до конца Сталинградской битвы полковник Владимир Матвеевич Ткаченко.

Возможно, кто-нибудь из читателей захочет возразить: есть документы, согласно которым Пожарский и Вайнруб назначены на указанные должности несколькими неделями позже. Но это — уже приказы старших начальников, подтвердившие решение командарма и Военного совета армии. Я же говорю о дне, когда оно вступило в силу.

В той обстановке, если уж назрела необходимость кого-то заменить, делать это надо было сразу.

А главной новостью оперативного характера было в тот день известие о том, что три армии Сталинградского фронта, развернутые севернее и северо-западнее города, за неприятельским коридором, вновь перешли в наступление с задачей разгромить разделяющие нас с ними силы противника.

Вечером поступил приказ командующего фронтом, требовавший поддержать атаки северных соседей контрударом из Сталинграда. Он назначался на 19 сентября. Для этого армии передавалась 95-я стрелковая дивизия, которая пока находилась еще за Волгой, а завтра уже должна была наступать из района Мамаева кургана.

Девяносто пятая стрелковая... Как много говорило мне наименование этого соединения!

Дивизия, носившая такой номер, входила в основное боевое ядро Отдельной Приморской армии при обороне Одессы и Севастополя. Ею командовали мои близкие боевые товарищи по первому году войны генерал-майор В. Ф. Воробьев, полковник А. Г. Капитохин. Под стенами двух черноморских твердынь ее бойцы и командиры показали высокие образцы воинской доблести.

В Сталинград прибывала, конечно, не та дивизия, а уже другая, заново сформированная под тем же номером. Я знал, что не увижу в ней никого из старых товарищей. Но все равно ее включение в нашу армию было для меня как нежданная встреча с чем-то родным.

В штабе спешно засели за подготовку боевого приказа о переходе частью сил в наступление. Кроме 95-й дивизии активные боевые задачи планировались Северной группе полковника Горохова (продвигаться навстречу войскам Сталинградского фронта в районе поселка Рынок) и практически всем частям на центральном участке армейской полосы.

Мы надеялись также, что, если у соседей за коридором начнет намечаться успех, гитлеровцам будет не до того, чтобы бросать свои резервы против полков Родимцева. И тогда 13-й гвардейской дивизии, хотя она уже изрядно ослаблена, может быть, удастся очистить от врага весь центр города.

Начало атаки пехоты штаб фронта назначил на полдень 19-го. Изготовиться к бою раньше новая дивизия и

не смогла бы, даже если бы не произошло задержки с переправой (той же ночью должны были переправляться оставшиеся за Волгой батальоны 92-й стрелковой бригады). И все же назначенное время казалось не самым подходящим: трудно атаковать средь бела дня, если не за тобой господство в воздухе. Но, очевидно, считалось, что откладывать контрудар из Сталинграда на следующий день нельзя.

Кое-что в полученном из штаба фронта документе вызывало и более серьезное недоумение. Нам предписывалось включить в ударную группу, создаваемую в районе Мамаева кургана, «не менее трех стрелковых дивизий». Но на дивизии Родимцева держалась оборона в центре города, и снять ее оттуда мы, разумеется, не могли. Дивизия Афанасьева — 244-я стрелковая, скованная боями на берегу Царицы, не насчитывала и пятисот штыков (и день спустя была влита в бригаду Батракова). Лишь немногим больше бойцов имела 112-я дивизия Ермолкина — единственная, которая могла помимо ожидавшейся 95-й дивизии принять посильное участие в контрударе. Как видно, в спешке кто-то не дал себе отчета в том, что реально стоит за номерами некоторых числившихся в нашей армии соединений...

Впрочем, доказывать это начальнику штаба фронта было поздно, да и просто некогда. Пока планировались завтрашние контратаки, натиск противника продолжался. Особенно сильный — на Мамаев курган и в районе центрального вокзала. И все же утром 18-го, когда о наступлении советских войск за коридором знали еще только у нас в штабе, почувствовала облегчение вся 62-я армия: над Сталинградом, несмотря на ясную погоду, не появлялась неприятельская авиация. Такого не бывало давно. И каждый понимал, что самолеты понадобились немцам где-то в другом месте.

Однако небо оставалось чистым недолго. Через шесть-семь часов «юнкерсы» и «хейнкели» появились вновь, и грохот разрывов уже не смолкал до темноты. Очевидно, это означало, что там, на севере, первые атаки наших отбиты. А гитлеровское командование умело маневрировать своими люфтваффе.

За этот день батальоны 92-й стрелковой бригады, ведя уличные бои за Царицей, продвинулись до вокзала Сталинград-II и элеватора, где горсточка гвардейцев из ди-

визии Дубянского, отрезанная от своих, удерживала часть этажей.

На других участках утешительного было мало. Центральный вокзал находился к вечеру в руках противника. На Мамаевом кургане фронт проходил через самую вершину, и таким образом 95-й дивизии предстояло еще отбивать у врага позиции, с которых она должна была продвигаться дальше.

95-я дивизия высаживалась с переправочных средств недалеко от нашего КП — на причалы, расположенные в районе «Красного Октября».

Переправа, заканчивавшаяся здесь, называлась сперва по имени завода Краснооктябрьской, а затем стала именоваться «переправа-62» или просто «шестьдесят вторая», поскольку была подчинена нашей армии (в отличие от переправ, выходивших к центру города, которыми ведала инженерная служба фронта). Так как центральные переправы оказались под все усиливающимся огневым воздействием противника, а армейская была пока относительно менее уязвимой, она сделалась главной в районе Сталинграда дорогой через Волгу. А потом и единственной.

Части новой дивизии перевозили два самоходных парома, буксирные пароходики и баржи, несколько бронекатеров. Некоторые подразделения следовали через остров Зайцевский, откуда был наведен плавучий пешеходный мостик.

Но переправить всю дивизию за одну ночь не успели. К утру на правом берегу находились два стрелковых полка со своей артиллерией, противотанковый артдивизион, саперы. И, конечно, штадив.

Дивизией командовал полковник Василий Акимович Горишный. Он был уже немолод (участвовал в гражданской войне в рядах 1-й Конной), в нем угадывался твердый, волевой характер. Военная косточка сказывалась и в его подчеркнутой подтянутости, в том, как ладно сидели на нем форма и снаряжение. «В бой идет почти торжественно, — подумалось тогда о нем.— Если это не показное, если он и в деле такой — хорошо». Показным это не было.

Вместе с комдивом представлялся командарму военком — старший батальонный комиссар Илья Архипович

Власенко. Вряд ли они с командиром могли быть знакомы давно — дивизия совсем молодая, — но по тому, как держались, чувствовалось, что хорошо один другого понимают, может быть, и дружат. Такие наблюдения редко меня обманывали и всегда радовали.

Командарм ввел командование дивизии в обстановку, объяснил ближайшую и последующую задачи. Уточнив затем по карте детали, я не мог не напомнить новым боевым товарищам о славных традициях 95-й стрелковой первого формирования и пожелал, чтобы соединение их продолжало.

Вдаваться в историю было не время, но к этому следовало, когда появится возможность, вернуться: о делах и подвигах своих предшественников в дивизии, по-видимому, знали мало.

Вступать в бой дивизии пришлось, не дожидаясь одного стрелкового полка, а также артиллерийского, оставшихся за Волгой до следующей ночи. Полковник Горишный хорошо использовал имевшиеся в его распоряжении часы. Полки быстро втянулись в глубокий и длинный овраг Банный. Он должен был и скрыть их от вражеской авиации, и вывести к исходным позициям: разветвления тянущегося от самой Волги оврага охватывали Мамаев курган. Тем же путем представители штаба армии провели командный состав дивизии на рекогносцировку.

То, что готовилось как контрудар со стороны Сталинграда, вылилось 19 сентября в тяжелый встречный бой — гитлеровцы начали атаковать нас раньше. Предположение, что действия советских войск севернее города вынудят противника оттягивать какие-то силы из-под Сталинграда (а в штабе фронта одно время были почему-то уверены, что это уже происходит), в тот раз, к сожалению, не оправдалось.

19-го, как и накануне, наша армия получила лишь передышку на несколько часов от бомбежек с воздуха, да и то уже не полную: фашистские самолеты не исчезали совсем, их только поубавилось. А натиск наземных сил противника не ослабевал. Скоро стало окончательно ясно, что он никуда не перебросил ни одной действовавшей перед фронтом 62-й армии пехотной или танковой части.

20 сентября армия возобновила контратаки при все возраставшем сопротивлении противника. Становилось все очевиднее, что, несмотря на сильную поддержку фронто-

вой артиллерии, многого нам не добиться. Продолжать контрудар на третий день враг не дал нам вовсе. Но об этом дне — 21 сентября — я расскажу немного позже.

К достигнутому за два дня наступательных действий относилось овладение высотой 126,3, что улучшало наши позиции на подступах к заводскому району. Это была заслуга прежде всего мотострелковой бригады полковника Бурмакова.

Дивизия Горишного перевалила через Мамаев курган и несколько продвинулась на юго-запад. В первом бою на сталинградской земле, на самой высоте 102, пал смертью храбрых командир ее 161-го стрелкового полка подполковник И. В. Руднев. Видел его мельком в ночь переправы, а познакомиться так и не привелось... 95-я дивизия действовала уже в полном составе — переправились и третий стрелковый полк, и артиллерия.

Что касается дивизии Родимцева, то, вынужденная отбивать неослабевающие атаки противника, она не могла очистить за эти дни от гитлеровцев центр города, как это планировалось в расчете на более благоприятные обстоятельства.

Обстановка в центре, как и за Царицей, оставалась сложной, не везде ясной. Еще вечером 19-го (а на следующий день — вновь) пришлось для уточнения положения бригады Батракова, остатков дивизии Афанасьева и 35-й гвардейской высылать армейскую разведку: пробраться туда в одиночку офицеры связи не смогли.

Но если командование армии подчас и не знало, в чьих руках такой-то квартал или дом, мы не сомневались, что всюду, где остались люди, способные держать в руках оружие, они продолжают сражаться. После первых дней боев на сталинградских улицах основная масса бойцов уже осознала: ворвавшись в город, гитлеровцы отнюдь не обеспечили себе победу.

— Наши инструктора весь день провели в войсках, да и сам я кое-где побывал, — рассказывал, заглянув ко мне вечером, начальник политотдела Васильев. — Если подытожить общие впечатления, то самое главное вот что: люди все крепче верят, что выстоять можно. Ни хрена, говорят, у фрицев не получится, близок локоть, да не укусишь!

В те сентябрьские дни защитники Сталинграда получили письмо, подписанное многими участниками Цари-

цынской обороны 1918 года. «Не сдавайте врагу наш любимый город, — призывали они. — Весь советский народ беззаветно верит, что вы отстоите Сталинград».

Редко где была возможность собрать по этому случаю даже небольшой митинг или делегатское собрание. Письмо ветеранов гражданской войны читали в окопах, в развалинах домов, подвалы и уцелевшие этажи которых превратились в опорные пункты обороны. К обращению присоединяли живое слово старые царицынцы из влившихся в армию ополченцев. Там же, на переднем крае, бойцы и командиры подписывали свой ответ ветеранам.

Ответных писем было не одно. В отдаленных частях, не дожидаясь, пока до них дойдет текст общего письма, составляли свои. Письмо с тремя тысячами подписей поступило из нашей Северной группы. Ее бойцы заверяли: «В ответ на ваше обращение, товарищи, будем еще крепче драться с врагом. Вы отстояли Царицын — мы отстоим Сталинград».

Что и говорить — мы очень надеялись на соединение с войсками Сталинградского фронта. Была ночь, когда ждали этого буквально с часу на час: из штаба фронта сообщили, что одна танковая бригада прорвала оборону противника на северной стороне коридора, врезалась в него и вот-вот должна выйти к нашему орловскому выступу.

Встречи, однако, не произошло ни в ту, ни в последующие ночи и дни. Войска левого крыла Сталинградского фронта продолжали атаки до 30 сентября, но их наступление так и не достигло цели.

Судить о причинах этого, находясь по другую сторону неприятельского коридора, естественно, было трудно. Вдаваться же в их разбор на основе того, что я мог узнать в дальнейшем, вряд ли здесь уместно. Скажу лишь, что причин, видимо, было немало: и общая неблагоприятная обстановка, и вынужденно поспешная подготовка, и просто недостаток сил. И что греха таить — в сорок втором мы еще не умели воевать и управлять войсками так, как научились потом. Сомкнуть фронт с северными соседями 62-й армии довелось не скоро.

А новую попытку овладеть Сталинградом Паулюс, которого, должно быть, торопила гитлеровская ставка, вновь предпринял уже 21 сентября.

В ночь на это число к нам переправился 1045-й стрелковый полк под командованием подполковника Тимошкина — первый из еще одной свежей дивизии — 284-й стрелковой, переданной Верховным Главнокомандованием Юго-Восточному фронту для усиления нашей армии.

До переправы полка, еще засветло, прибыл представиться и на личную рекогносцировку командир дивизии Николай Филиппович Батюк. Он был в небольшом для своей должности звании — всего подполковник, невысок ростом и вообще как-то неприметен фигурой. Однако перед начальством отнюдь не тушевался, держался естественно и нескованно, хотя и чувствовалось — по натуре не из спокойных. (Только потом мы узнали, что у Батюка неважно со здоровьем — это он умел скрывать.) Из краткого знакомства выяснилось: в Красной Армии он с тех пор, как был призван на срочную, за пятнадцать лет дошел от красноармейца до комдива, причем даже без академии. Это кое о чем говорило.

О своей дивизии Батюк доложил: укомплектована и вооружена хорошо, численный состав — десять тысяч, в том числе три тысячи матросов с Тихого океана, Балтики и Черного моря (среди черноморцев были и участники обороны Одессы). Перед последним переформированием дивизия отличилась под Касторной. На вопрос Гурова, как настроены люди сейчас, Батюк ответил:

— Настроение — отстоять Сталинград!

И добавил, что бывалым солдатам, которых в полках немало, известно, что не так уж страшны фашистские танки: под Касторной уничтожили их не меньше полусотни и неплохо закалили на этом нервы.

Чуйков слегка нахмурился: он не терпел чего-либо похожего на хвастовство. Но что Батюк не хвастун, что на его слово можно положиться, мы убедились очень скоро. Армия получила превосходную, выдающуюся по стойкости и боевому упорству дивизию, которая в битве за Сталинград заслужила гвардейское Знамя. А подполковник Батюк месяца четыре спустя был уже генерал-майором.

Переправа первого полка 284-й дивизии прошла гладко, без потерь. Батюк, уже познакомившийся с обстановкой и с местностью (успел и походить и поползать вдоль будущих своих позиций), сам вывел его в район сосредоточения восточнее Мамаева кургана. Полк зачислили

сперва в армейский резерв, как требовал штаб фронта, но в таком состоянии он не пробыл и суток — не позволила обстановка.

Двадцать первое сентября началось в грохоте бомбежки и огневых налетов по всему центру и левому крылу армейской полосы. Масштабы авиационной и артиллерийской подготовки не оставляли сомнений в том, что противник затеял нечто более серьезное, чем атаки последних пяти-шести дней.

Состав атакующих неприятельских сил удалось точно установить несколько позже: на фронте от Мамаева кургана до зацарицынской части города было брошено в наступление пять немецких дивизий, в том числе две танковые. Но что цель этого натиска — не просто где-то еще нас потеснить, а сегодня же раздробить армию и сокрушить нашу оборону, стало ясно уже в первые утренние часы.

Атаки фашистской пехоты и танков отбивали дивизии Горишного и Родимцева, 92-я стрелковая бригада, остатки 35-й гвардейской дивизии и приданных ей частей. Вместе с армейской артиллерией их поддерживала с заволжских огневых позиций дальнобойная фронтовая. Поддерживала и авиация фронта всеми самолетами, кроме тех, что были необходимы для прикрытия войск, продолжавших контратаки за коридором. В то утро младший лейтенант А. А. Рогальский повторил в Сталинграде подвиг Николая Гастелло: направил свой подбитый, охваченный пламенем штурмовик на фашистские танки...

Но противник накопил мощную ударную силу, и остановить его наши части могли не везде. А затем из-за обрыва линий связи нарушилось управление всем левым флангом. «Связь с 42-й и 92-й стрелковыми бригадами и 35-й гвардейской дивизией с 12.30 отсутствует», — зафиксировано в журнале боевых действий. Посланные в эти части офицеры связи не возвращались. Некоторое время мы получали кое-какие сведения о положении за Царицей только из-за Волги: о том, что происходит на нашем берегу, там могли судить, в частности, по тому, на каких участках сосредоточиваются бомбовые удары и артогонь врага.

Во второй половине дня Родимцеву пришлось развернуть левый фланг своей дивизии фронтом на юг, бросив туда и все свои резервы. Как выразился Александр Ильич

при одном из телефонных докладов, у него «левым соседом у Волги оказались немцы». Прорвавшись по Московской, Тамбовской и другим улицам, противник вклинился между 13-й гвардейской дивизией и 92-й бригадой и вышел к волжскому берегу недалеко от причалов центральной переправы.

Для того чтобы оттеснить немцев от Волги, восстановить локтевой контакт с соседями-моряками, у Родимцева было недостаточно сил. Гвардейцы вели бой с фашистской пехотой и танками по всему фронту своей полосы, атакуемые в то же время и с воздуха. А на следующий день 13-й гвардейской дивизии пришлось драться за то, чтобы самой не оказаться отрезанной от остальной армии.

Хорошо еще, что прибытие последних подкреплений позволило вернуть в центр города тот полк Родимцева, который мы вынуждены были держать у Мамаева кургана. Грозное для нее, да и для всей армии 22 сентября дивизия встретила собранная воедино.

Расстояние между ее передним краем и Волгой нигде не превышало 700—800 метров, а на ряде участков было значительно меньше. Возобновив с утра атаки и придав наступавшей здесь 76-й пехотной дивизии до ста танков, гитлеровское командование имело основания рассчитывать, что танки, разделенные на несколько групп, протаранят столь неглубокую оборону не в одном, так в другом месте. Тем более что часть этих танков одновременно пыталась ворваться в тылы нашей дивизии со стороны Царицы, где немцы достигли Волги накануне.

Но двенадцать танковых атак, предпринятых за первую половину дня, — причем каждая предварялась новыми налетами авиации и поддерживалась сильным артогнем — не принесли фашистам ничего, кроме потерь. Неимоверным напряжением сил полки Родимцева удержали свои рубежи. Отлично показали себя истребительно-противотанковый дивизион старшего лейтенанта Ивана Розанова и бронебойщики. А общий расход боеприпасов был такой, что в подразделениях подходили к концу и мины, и патроны к противотанковым ружьям, и гранаты. Многократно пускались в ход штыки.

Естественно, и наши потери были немалыми. В 34-м гвардейском полку Панихина выбыло из строя до четырехсот человек. И в конце концов, на двух участках, где

практически не оставалось бойцов, способных держать в руках оружие, враг вклинился в оборону 13-й дивизии.

Около двухсот немецких автоматчиков с пятнадцатью танками обошли со стороны оврага Долгий правый фланг полка Панихина. Другая группа, прорвавшись на площадь 9 Января (в послевоенном Волгограде — площадь Ленина) и Артиллерийскую улицу, стала охватывать его левый фланг. Полковой КП был окружен.

Окружение грозило и всему 34-му полку. А так как он оборонялся на правом фланге дивизии, это означало, что два других полка могут оказаться на изолированном с суши «пятачке».

Однако генерал Родимцев справился с положением. На помощь Панихину были брошены батальон из полка Долгова и последние дивизионные резервы — разведчики, комендантский взвод. Контратаки на обоих угрожаемых, точнее, прорывных участках были проведены весьма ограниченными силами, но подготовлены чрезвычайно быстро, что и обеспечило их успех: немцы нигде не успели закрепиться, хотя отдельные их танки дошли до самой Волги (где некоторые из них и остались подбитыми и сожженными).

Враг был отброшен и из района оврага Долгий, и с площади 9 Января. На этих участках насчитали потом до двухсот трупов гитлеровских солдат. Командный пункт Панихина вызволили из двухчасовой осады.

Хочется подчеркнуть: ликвидировать опаснейший прорыв на своем правом фланге и восстановить там в основном прежние позиции командир 13-й гвардейской дивизии сумел в условиях, когда продолжался тяжелый бой на других участках и надо было предупреждать возможные новые вклинения. И все это — в узкой полосе приволжских городских кварталов, где крайне осложнен любой маневр. Александр Ильич Родимцев, немало испытавший за войну, говорил потом, что бой 22 сентября 1942 года остался для него самым напряженным.

За этот день бойцы 13-й гвардейской дивизии уничтожили больше трех десятков фашистских танков. Потери противника в живой силе (подсчитать их точно, разумеется, никто не мог) мы оценивали тогда в тысячу человек. Но важнее всего было, конечно, отстоять свои позиции.

Одного не смог сделать Родимцев, и это, я знаю, долго его мучило, — выручить батальон, окруженный еще раньше в районе центрального вокзала. Тот самый 1-й батальон 42-го гвардейского стрелкового полка, который столько дней вел упорные бои за вокзал Сталинград-I.

После вокзала его бойцам служили опорными пунктами гвоздильный завод, универмаг, другие здания за линией фронта. Два-три раза комбат Федосеев присылал донесения, звучавшие как клятвы, — в них подтверждалась решимость держаться до последнего человека. Донесения доставляли способные передвигаться раненые, которые ночью проползали по развалинам через расположение противника. А пробраться к окруженному батальону с нашей стороны, чтобы передать приказ — выходить к своим, не удавалось. Посылали дивизионных разведчиков — они не вернулись. Не пробился и тяжелый танк с десантом. Не удалась также попытка пройти кружным путем, через долину Царицы...

Вплоть до 21 сентября сохранялась надежда, что одна из удачных контратак позволит 42-му полку соединиться со своим 1-м батальоном. Но обстановка, сложившаяся 22-го, исключила такую возможность. Во всяком случае на ближайшие дни. И донесений от Федосеева больше не поступало. Беспощадная логика фактов приводила к выводу: окруженные гвардейцы, выполнив до конца воинский долг, пали в неравном бою.

Что батальон существовал и действовал дольше, чем мы тогда думали, и что не все его бойцы погибли, выяснилось не скоро. В своей книге «Начало пути» В. И. Чуйков рассказал, как спустя много лет он встретился с бывшим командиром роты Антоном Кузьмичом Драганом, заменившим убитого комбата, и только от него узнал, что остатки батальона, который считали полностью погибшим, еще около недели после этого продолжали сражаться в захваченной врагом части города. Не успевшие уйти из этого района местные жители, ютившиеся в развалинах, делились с бойцами последним куском хлеба и сообщали важные сведения о противнике. После многодневных боев, в которых против горстки советских воинов использовались и артиллерия и танки, в живых остались старший лейтенант Драган и пять красноармейцев. Все шестеро были ранены, но им все же удалось в одну из темных ночей выбраться к Волге — на участке, где уже не было наших

войск. На каких-то бревнах они незаметно отплыли от берега, и течение вынесло их к острову. Стоявшие там артиллеристы переправили гвардейцев в свой медсанбат.

Такова вкратце история последних бойцов из батальона Федосеева, которая в книге нашего командарма изложена со всеми подробностями. Люди, читавшие книгу Василия Ивановича Чуйкова, но не воевавшие в Сталинграде, спрашивали меня: как же так получилось, что о судьбе группы Драгана, о выходе ее из окружения не узнали сразу же ни командование дивизии, ни штаб армии?

Сказать на это я мог только одно: надо представить, какой тяжелой и напряженной была обстановка, какие ожесточенные шли бои, сколько уносили они жизней. Медики, к которым шестеро гвардейцев попали в огромном потоке раненых, сделали свое дело и отправили их дальше в тыл. До того ли им было, чтобы вникать в их необычную историю, кому-то специально докладывать! Сами же воины, наверное, не видели в том, что они совершили, ничего особенного, не считали нужным как-то заявлять о себе.

Положение дивизии Родимцева, хотя она и выдержала тяжкое испытание, выпавшее ей 22 сентября, вызывало большие опасения. Бои последних двух дней вновь существенно ее ослабили. Между тем ее полоса сделалась еще более ответственным участком Сталинградской обороны. Военный совет армии считал, что этот участок необходимо усиливать в неотложном порядке.

Наше мнение разделяло командование фронта. Помимо передачи 13-й гвардейской дивизии специального комсомольского пополнения (собранного по мобилизации, проведенной Сталинградским обкомом ВЛКСМ в левобережных районах области) было решено перебросить в Сталинград и оперативно подчинить Родимцеву один полк 193-й стрелковой дивизии, которая стояла на тыловом рубеже за Волгой и на островах.

Этот полк — 685-й стрелковый — переправлялся с вечера 23 сентября (часть подразделений — следующей ночью) прямо в расположение 13-й дивизии, то есть по трассе центральной переправы. Перед тем были сооружены новые причалы — несколько севернее старых, но все равно очень близко от переднего края. Лишь высокий выступ берега позволял высаживать тут войска. Делалось

это в случае крайней необходимости, когда надо было быстро перебросить свежую часть сразу туда, куда она предназначалась.

В числе раненых на пути к сталинградскому берегу оказался и командир полка. Штаб фронта сейчас же прислал из своего резерва нового — подполковника Е. И. Драгайцева. Полк, насчитывавший три тысячи бойцов, был немедленно введен в бой. Он пробыл в подчинении у Родимцева пять дней и за это время оказал 13-й дивизии существенную помощь как в отражении вражеских атак, так и в вытеснении гитлеровцев из ряда улиц и кварталов центра.

Устойчивость обороны в полосе дивизии Родимцева, надежность ее правого фланга, который немцы чуть было не обошли, возросли также и в результате того, что ее соседом стала 284-я дивизия Батюка. Впрочем, соседом в обычном смысле слова — уже потом. А с утра 23 сентября, через четыре часа после завершения ее переправы на наш берег и почти за сутки до передачи Родимцеву полка Драгайцева, дивизия Батюка значительной частью своих сил вела активные боевые действия бок о бок с 13-й гвардейской непосредственно в полосе последней.

Мы даже рассчитывали тогда, что при полном успехе предпринятых контратак удастся не только окончательно ликвидировать вчерашние вклинения противника и оттеснить его от причалов центральной переправы, но и сомкнуть фронт с 92-й бригадой. Это, однако, оказалось недостижимым: разрыв успел расшириться, немцы на берегу закрепились, а встречный удар с юга отрезанная бригада организовать не могла.

Вступление в бои дивизии Батюка ощутил и его правый сосед — Горишный, также получивший основательную поддержку на фланге. Не будет преувеличением сказать, что вся армия почувствовала себя намного увереннее оттого, что между Мамаевым курганом и центральной частью города, где наша оборона была недостаточно плотной, появилось свежее, высокобоеспособное соединение.

284-я дивизия с самого начала действовала весьма напористо. Как-то потом, не помню уж по какому поводу, Николай Филиппович Батюк говорил: «Отражать атаку можно по-разному. Можно с места, и на месте остаться, а можно так, чтобы самому продвинуться вперед». Эти

слова запомнились, должно быть, потому, что я уже знал, как настойчиво добивался комдив, чтобы его комбаты и командиры рот (командиры полков — тем более) стремились и умели, «обороняясь, наступать». Комбатов он знал превосходно, каждому мог, не задумываясь, дать исчерпывающую характеристику, испытывал потребность с ними общаться. А мог и сам, с винтовкой наперевес, пойти с любым батальоном хоть в штыковую атаку.

В первый день сталинградских боев дивизии отличился при штурме небольшого завода «Метиз» и там же погиб комбат из 1047-го стрелкового полка старший лейтенант А. Чебыкин. А «Метиз», выгодно расположенный, надолго стал важным опорным пунктом в полосе дивизии, который гитлеровцы тщетно пытались у нее отбить.

Овладение «Метизом» и прилегающими улицами, бои у оврага Долгий и на других участках явились для подразделений дивизии Батюка одновременно и школой борьбы с врагом в городских условиях, и проверкой того, насколько бойцы к этому подготовлены. Подполковник Батюк оказался исключительно восприимчивым к вырабатывавшейся у нас в армии новой тактике. Он еще за Волгой, перед переправой, как говорится, намотал на ус то, что успел узнать о сталинградской обстановке от встречавших дивизию направленцев штарма. В ротах и взводах было, например, заранее определено, каким отделениям идти в уличных контратаках впереди. И бойцов этих отделений обеспечивали двойным и тройным комплектом гранат.

В дальнейшем бойцы и командиры 284-й дивизии внесли много ценного в совершенствование методов действий штурмовых групп, в развитие «сталинградской тактики».

К концу дня 24 сентября напряжение боев в центре города стало спадать — противник явно выдыхался. Критические дни еще раз остались позади.

Ни окружить или расчленить какое-либо наше соединение на центральном участке, ни использовать свой прорыв к Волге близ устья Царицы для удара по тылам армии гитлеровцы не смогли. И даже при самой осторожной оценке потерь, которые они при этом понесли, не приходилось сомневаться, что неприятельская группировка, ведущая бои за город, основательно потрепана. У немцев

стало заметно меньше танков, и они фактически отказались от массированного их использования. Пленные из 71, 76, 295-й пехотных дивизий утверждали, что их дивизии потеряли от половины до двух третей личного состава.

Но таких сил, чтобы отбросить фашистов подальше, пока они не оправились, не подтянули резервы (как удалось это под Севастополем, когда там захлебнулся вражеский штурм в декабре сорок первого), мы не имели. Больших усилий стоило удержать Мамаев курган, за скаты и вершину которого вновь пришлось вести упорные бои, теперь — уже дивизии Батюка.

И не было никакой реальной возможности восстановить положение на левом фланге. Линия сплошного фронта упиралась в Волгу севернее устья Царицы. В южной части города сражались войска, отрезанные от наших главных сил, причем связь с ними отсутствовала. Отрывочные сведения о том, что там происходит, поступали с большим опозданием, общая картина прояснялась лишь постепенно.

Как помнит читатель, 42-я стрелковая бригада полковника Батракова, окруженная несколько дней назад на своих старых позициях на левом крыле центрального участка и вырвавшаяся из окружения в ночь на 18 сентября, была пополнена затем остатками 244-й дивизии. После этого она действовала в районе Пушкинской и других улиц, примыкающих к Царице, поддерживая гвардейцев Родимцева контратаками в направлении вокзала.

21 сентября, незадолго до того, как бригада оказалась отрезанной от 13-й гвардейской дивизии, она лишилась своего испытанного командира: Герой Советского Союза Матвей Степанович Батраков был тяжело ранен у себя на КП и эвакуирован за Волгу. Ни попрощаться с Батраковым, ни встретиться с ним когда-либо потом мне не довелось, но я знаю, что боевой путь ветерана Красной Армии на этом не кончился, что он стал еще генералом. Одновременно выбыли из строя начальник штаба подполковник Г. Е. Сазонов и несколько старших командиров. Еще раньше, о чем уже говорилось, погиб комиссар бригады С. Н. Щапин.

Потерять в разгар жестоких боев основное командное ядро — тяжелый удар для любой части, особенно в такой обстановке, какая сложилась тогда. К тому же полноценной замены выбывшим из строя сразу не нашлось. Рас-

поряжением, переданным с армейского вспомогательного пункта управления, когда еще работала связь, малочисленная 42-я бригада была подчинена командованию действовавшей рядом с нею 92-й отдельной стрелковой бригады.

Бригада Батракова представляла собой великолепный по боевым и человеческим качествам сплав солдат-сибиряков и североморских матросов. Эта часть уничтожила на подступах к Волге десятки фашистских танков, а каждый ее боец, как считали тогда, — не меньше трех гитлеровцев. С самого начала 42-я бригада зарекомендовала себя исключительно стойкой. Такой она и вошла в историю Сталинградской битвы. В составе 62-й армии бригада (с еще раз смененным командованием) оставалась в течение всей обороны города. Но с конца сентября она имела фактически один батальон, который не мог решать самостоятельных задач и придавался другим частям. Командовал этим батальоном, пока не был ранен в боях за поселок завода «Баррикады», тот самый Федор Жуков, ставший уже капитаном, с чьим именем связан сентябрьский подвиг семнадцати моряков, сделавших неприступной для врага безымянную высоту близ долины Царицы.

О боевых действиях 92-й отдельной стрелковой бригады в те сентябрьские дни, когда она сражалась за Царицей, рассказано еще очень мало. Однако существенно восполнить этот пробел вряд ли смогу и я. Новая в армии часть, только что прибывшая, очень скоро оказалась отрезанной, а затем с ней прервалась всякая связь. Это происходило в обстановке, критической для всей Сталинградской обороны, когда ее судьба и судьба 62-й армии решались прежде всего на центральном участке.

Но то, что армия в целом выстояла, зависело также и от 92-й бригады, которая оттянула на себя, сковала за Царицей крупные силы противника, превосходившие в несколько раз ее собственные.

Как уже говорилось, батальоны бригады, контратакуя гитлеровцев, доходили до вокзала Сталинград-II, хотя и не смогли там закрепиться. Ее бойцы трое суток удерживали окруженный, а затем и подожженный фашистами элеватор. Одно это здание приковывало к себе батальон немецкой пехоты и группу танков.

Изолированная от армейских переправ, бригада должна была жестко экономить боеприпасы. Разобщенные врагом подразделения сражались упорно. Сражались, как писал

мне уже во время работы над этой книгой бывший боец-связист, а ныне член совета ветеранов 92-й бригады А. Г. Зотов, с верой, что вкладывают свой кирпич в фундамент грядущей победы.

Утром 27-го мы доносили в штаб фронта: «В течение 24, 25, 26 сентября 92 и 42 сбр и 272 сп НКВД вели ожесточенные уличные бои. Части бригад дрались буквально за каждый дом, за каждое окно с численно превосходящим противником. В результате боев противнику нанесен большой урон...».

Последние изолированные «пятачки» за Царицей удерживались мелкими подразделениями 92-й и 42-й отдельных стрелковых бригад вплоть до ночи на 27 сентября.

Три дня спустя остатки этих частей, переформированные за Волгой и пополненные за счет своих тыловых служб (но все равно очень малочисленные), были вновь переправлены на правый берег и введены в бой в заводском районе: 42-я бригада — под командованием подполковника З. К. Горбачева, 92-я—под командованием майора И. И. Самодая. Из огня боев за Сталинград обе бригады вышли Краснознаменными.

Чувствую себя обязанным досказать и сталинградскую историю 35-й гвардейской стрелковой дивизии, которая в течение многих дней была краеугольным камнем нашей обороны на левом фланге армии.

К моменту прибытия 92-й бригады от дивизии гвардейцев-воздушнодесантников полковника Дубянского оставалась буквально горстка бойцов. Ее командование и штадив отзывались в распоряжение штаба фронта, а боевой состав подразделений подлежал передаче в прибывшую бригаду.

Самое крупное из подразделений насчитывало около ста бойцов и еще числилось 101-м гвардейским стрелковым полком. Командовал им по-прежнему подполковник Александр Акимович Герасимов. Полк имел на своем счету более полусотни уничтоженных фашистских танков.

Группа Герасимова оказалась отрезанной от других и от дивизионного КП. Не имея иного выхода, командир дерзко, среди бела дня, повел своих людей на прорыв по самой кромке берега. Нескольким десяткам человек с ним во главе удалось прорваться...

Командир и комиссар дивизии явиться с докладом на командный пункт армии — после того как передали свой участок 92-й бригаде — уже не смогли, и попрощаться с ними не пришлось. Они и те, кто отбывали вместе с ними за Волгу, переправились через реку ночью на сколоченных из бревен плотиках.

Полковника Василия Павловича Дубянского, вступившего в командование 35-й гвардейской после гибели генерала Глазкова, я знал какой-нибудь месяц — с той августовской ночи, когда дивизия влилась в нашу армию у Россошки. Виделись мы с ним считанные разы, общались в основном по телефону. Но этот мужественный человек, сын смоленского рабочего, ратник-ополченец первой мировой войны и кадровый командир Красной Армии со времен боев с Юденичем под Петроградом, неизгладимо остался в памяти наряду со многими, с кем довелось вместе воевать гораздо дольше.

Некоторое время спустя я узнал о присвоении В. П. Дубянскому генеральского звания. А возрожденная 35-я гвардейская стрелковая дивизия дошла до Берлина, штурмовала гитлеровскую рейхсканцелярию. Дивизия закончила войну с шестью боевыми орденами на своем Знамени, и первый из них был за Сталинград.

В те сентябрьские дни в резерв Ставки передавались 98-я стрелковая дивизия и 33-я гвардейская. Они сражались в составе 62-й армии еще на донском рубеже (а 33-я — также и за Доном) и много сделали, чтобы задержать врага на дальних подступах к Сталинграду. Теперь обе дивизии направлялись на переформирование в тыловые города, чтобы вновь обрести боевую силу.

То, что гитлеровское командование не спешило дать подкрепления своим войскам, не добившимся решающего успеха в центре города, было фактом настораживающим.

Отказаться от дальнейших попыток овладеть Сталинградом Паулюс, разумеется, не мог. И вряд ли все его резервы могли быть скованы продолжавшимися атаками наших северных соседей за коридором... Только я собрался вызвать начальника разведотдела, чтобы спросить, что думает обо всем этом он, как полковник Герман сам явился с внеочередным докладом.

Как всегда, когда дело касалось чего-то очень важно-

го и в полученных сведениях он был вполне уверен, Михаил Захарович выложил предельно кратко, в первых же двух фразах, суть того, с чем ко мне пришел:

— Товарищ генерал! Противник сосредоточивает пехоту и танки южнее Городища и Александровки, вот здесь... Надо полагать — для удара в направлении заводов.

Чего-то в этом роде следовало ожидать. За последние десять дней гитлеровцы приложили поистине отчаянные усилия, стоившие им многих тысяч солдат и многих десятков танков, чтобы овладеть центром города. Однако цели они не достигли — приволжская часть центра оставалась в наших руках. Представлялось логичным, что противник решит изменить в пределах города направление главного удара, перенести его севернее.

Хорошо, когда удается догадаться о чем-то происходящем в стане врага, но куда лучше — определенно знать. Забылась, отступила тяжелая усталость от бессонных ночей, мысль заработала быстро и четко. Слушая Германа, я прикидывал, что мы можем и должны сейчас сделать.

— Берите свою карту и идем к командующему! — сказал я закончившему доклад полковнику.

БАСТИОНЫ ЗАВОДСКОГО РАЙОНА

К западу от главных сталинградских заводов — «Красного Октября», «Баррикад», Тракторного — расположились их рабочие поселки. Вытянутые, как и весь город, вдоль Волги, они образовали между отрогами Банного оврага и долиной Мокрой Мечетки (семь-восемь километров с юга на север) почти сплошной жилой массив, окаймленный полосою молодых лесопосадок. В то время тут было еще не очень много кирпичных зданий, преобладали деревянные домики, глинобитные мазанки.

Всегда считалось, что поселки стоят позади заводов, как бы в их тылах, — потому что все в Сталинграде начиналось от Волги. Однако по отношению к фронту они находились перед заводами, на ближайших к ним подступах. И потому удар в направлении заводов — и через них к Волге (первые сведения о том, что противник его готовит, подтверждались новыми) — должен был превратить в поле боя прежде всего территорию этих поселков — уже пустынных, обезлюдевших, но еще гораздо меньше пострадавших от бомбежек, обстрела и пожаров, чем кварталы центра.

В заводских поселках давно велись инженерные работы, были поставлены минные заграждения, отрыты окопы и ходы сообщения, приспособлены под огневые точки каменные дома, подвалы, погреба во дворах. Но «обжитых», заблаговременно занятых войсками рубежей в глубине обороны мы здесь не имели, как, впрочем, и почти нигде в городе. До самых последних дней об этом просто не могло быть и речи: все наличные силы армии, кроме минимального резерва, приковывал к себе передний край.

Однако теперь, получив подкрепления, мы уже могли снять с передовой, например, 112-ю стрелковую дивизию

подполковника И. Е. Ермолкина — пусть весьма малочисленную, но сплоченную и стойкую. И Военный совет армии признал, что ее следует незамедлительно поставить на вторую линию обороны на вероятном новом направлении главного удара противника.

Командование фронта (тут требовалась его санкция) с этим согласилось, и в течение суток полки капитана Василия Асеева и старшего лейтенанта Александра Безъязыкова заняли запасной рубеж в заводских поселках, у балки Вишневая. Основу обороны здесь составила цепочка опорных пунктов — в школах, магазинах, бане и других прочных строениях разместили по взводу пулеметчиков и автоматчиков.

Одновременно части дивизий Батюка и Горишного сдвигались на переднем крае вправо — с таким расчетом, чтобы принять на себя ожидаемый удар. Полковнику Горишному было приказано создать сильный опорный пункт — с гарнизоном до батальона и с круговой обороной — на Мамаевом кургане.

Очень тревожило, сумеем ли произвести перегруппировку так, чтобы противник ее не заметил и не накрыл меняющие позиции части огневыми налетами. Но, хотя все и происходило у немцев под боком, соблюсти скрытность как будто удалось. Представители штаба армии выводили подразделение за подразделением в строго определенной последовательности на назначенные рубежи. К утру 26 сентября все эти войска изготовились к бою на новых позициях.

А так как в тот день наступления гитлеровцев не последовало и в то же время не оставалось никаких сомнений, что оно готовится, командарм решил упредить на рассвете 27 сентября действия противника контратакой из района Мамаева кургана и поселка «Красный Октябрь».

Рассчитывать, что теми силами, которыми армия располагала, удастся вообще сорвать это наступление, было, конечно, трудно. Однако помешать врагу действовать с самого начала по своему плану и тем ослабить подготовленный удар мы могли. Ну а при максимальном успехе могли, думалось, создать угрозу флангу неприятельской группировки, нацеленной на заводы.

Одновременно, как мы знали, штаб фронта планировал контрудар правым флангом 64-й армии, которой ста-

вилась задача отбить у противника Купоросное. Теперь этого было уже недостаточно, чтобы ликвидировать разрыв между двумя армиями. Но можно было надеяться, что своими активными действиями левый сосед во всяком случае свяжет часть войск, высвободившихся у немцев южнее Царицы.

В нашей контратаке участвовали бригады танкового корпуса Попова, дивизии Горишного и Батюка. Ни одно из этих соединений не должно было атаковать врага всеми своими силами и на сплошном фронте. Приказ, определявший боевую задачу, содержал принципиально важный (хотя, быть может, и шероховато сформулированный у нас в штабе из-за спешки) пункт:

«Еще раз предупреждаю командиров всех частей и соединений, что при ведении боя не допускать действий целыми подразделениями, такими, как рота и батальон. Наступление организовать преимущественно мелкими группами по типу блокирующих отрядов (9—15 человек), вооруженными автоматами, ручными пулеметами, гранатами, бутылками с «КС» и противотанковыми ружьями. Полковую и батальонную артиллерию использовать поорудийно для прикрытия блокирующих групп, ведя огонь прямой наводкой в окна, амбразуры и чердаки строений».

Я уже говорил о том, как бои, перенесшиеся непосредственно в город, потребовали новой тактики с упором на максимальное сближение с противником и на действия небольшими группами. За две недели борьбы с врагом на сталинградских улицах эта тактика прошла серьезную проверку, показала свою эффективность. Мы убедились, что в сложившихся условиях воевать иначе просто нельзя. Практическое овладение наукой городского боя сделалось для всей армии задачей каждого дня и часа.

Об этом напоминает и приведенный пункт боевого приказа на 27 сентября.

И именно с тем днем связано резкое перемещение центра тяжести событий Сталинградской обороны. Коротко можно сказать так: если в течение первых двух недель боев в городе все самое важное происходило вокруг Мамаева кургана и к югу от него, то с 27 сентября судьба Сталинграда решалась на Мамаевом кургане и севернее.

Наша контратака, начавшаяся в шесть утра, в течение двух часов имела определенный успех и задержала наступление противника. Затем инициативу стал перехватывать он. Сосредоточенные гитлеровцами силы превосходили наши, а главное — прямо-таки неистовствовала фашистская авиация. На Мамаев курган, особенно на его вершину, сбрасывалось столько бомб, что привычные очертания высоты местами изменялись на глазах. А там — об этом трудно было забыть и на минуту — находился опорный пункт дивизии Горишного...

Но даже такая поддержка с воздуха не помогла врагу продвинуть вперед — одним броском, как он рассчитывал, 100-ю легкопехотную дивизию, усиленную танками. Этот бросок сорвала наша артиллерия: Николай Митрофанович Пожарский смог сосредоточить примерно на километре фронта огонь полуторасот орудий и трех полков «катюш».

15-минутная артиллерийская контрподготовка послужила одновременно подготовкой новой контратаки дивизии Горишного. Теперь ей удалось очистить от врага южные и западные скаты Мамаева кургана. Возобновить наступление на этом участке противник смог лишь четыре часа спустя.

Однако до этого он успел нанести нам сильнейший удар севернее кургана — двумя дивизиями, одна из которых оказалась 24-й танковой, уже переброшенной из-за Царицы. Удар был в прямом смысле слова таранный — напролом через минные заграждения, не считаясь с потерями. И нашу оборону там враг прорвал.

Около 14 часов несколько десятков фашистских танков появилось в поселке «Красный Октябрь», а затем и в соседнем поселке «Баррикады». За танками туда продвинулась и пехота. Тяжелый бой разгорелся у только что занятого нашими войсками запасного рубежа.

За опасным развитием событий внимательно следили на фронтовом КП. Все чаще соединялся со мною начальник оперативного управления А. М. Досик, требуя последние данные об обстановке. А вскоре после нашего доклада о том, что противник ворвался в рабочие поселки, сам начальник штаба фронта сообщил: для усиления обороны заводского района ночью к нам будет полностью переправлена 193-я стрелковая дивизия — единственное соединение, находившееся в тот момент за Волгой вблизи

Сталинграда. Один ее полк (об этом я говорил) уже был передан 62-й армии четыре дня назад и временно подчинен Родимцеву.

Немецкая авиация продолжала бомбить наш передний край и тылы вплоть до Волги. Бомбы часто падали и в районе армейского командного пункта. Непрестанно и подчас надолго нарушалась связь с соединениями. Иногда мне нечего было доложить начоперу штаба фронта: за полчаса, истекшие после предыдущего его звонка, не удавалось получить новых сведений с самых горячих участков обороны.

Заботило, понятно, не то, как мы выглядим перед фронтовым начальством. Без непрерывной связи с основными соединениями командование армии, хоть оно и находилось в двух-трех километрах от передовой, могло утратить контроль за ходом событий. А они принимали все более тревожный оборот. Продолжая яростные атаки в заводских поселках, враг уже вновь штурмовал и Мамаев курган.

Обсудив еще раз с Гуровым и со мною обстановку, о которой мы располагали явно не полными и быстро устаревавшими данными, Василий Иванович Чуйков решительно сказал:

— Ясно одно: сидеть здесь нам нечего. Надо идти в войска, в те соединения, от которых сейчас больше всего зависит прочность обороны. К Батюку, к Горишному, в танковый корпус Попова... А тут останется за хозяина Пожарский — у него в руках вся наша огневая сила. Камынин ему поможет.

Никогда еще не бывало так, чтобы командующий армией, член Военного совета и начальник штаба одновременно отлучались с командного пункта — кроме того случая, когда мы вместе перебирались из царицынской штольни на этот новый КП. Но в сложившихся условиях мы действительно больше могли сделать, разойдясь по соединениям. Там, на месте, все яснее и легче принимать необходимые решения.

Командующий предоставил нам с Гуровым выбирать, в какое из соединений основного боевого ядра армии каждому отправиться. Кузьма Акимович назвал 23-й танковый корпус, я — дивизию Горишного, дравшуюся за Мамаев курган.

— Не возражаю, — согласился Чуйков. — Значит, я пойду к Батюку. Кстати, посмотрю, нельзя ли за его счет разжиться небольшим резервом.

Разошлись, условившись встретиться на КП через три-четыре часа. Но кто мог поручиться, что вообще встретимся?

Офицер связи от 95-й стрелковой дивизии повел меня сперва берегом Волги, потом по оврагу. Не раз приходилось прижиматься к откосам, припадать к земле — артобстрел и бомбежка всего района не прекращались. А из головы не выходила беспокойная мысль: не было ли все-таки опрометчивостью оставить командный пункт сразу всем троим?

И сколько ни убеждал себя, что поступили правильно, что сидеть и ждать, пока наладится связь, значит рисковать еще больше, избавиться от сомнений не мог. Нет, говорил я себе, этого повторяться не должно. Конечно, тут не Севастополь, где армия пользовалась кабелями флотской береговой службы, уложенными под землей еще в мирное время, и мы до последних дней обороны не знали со связью горя. Но разве это оправдание, что здесь условия иные? Нещадно ругая себя за то, что, как видно, не сделал всего возможного раньше, я давал зарок добиться вместе с начальником связи полковником И. А. Юриным, чтобы боевое управление было обеспечено без таких крайних мер, на какие пошли сегодня.

Командира 95-й дивизии Василия Акимовича Горишного застал на наблюдательном пункте в полуразрушенном каменном доме близ Мамаева кургана. Комдив был подавлен и не мог этого скрыть. Вслед за кратким официальным рапортом у него вырвались слова, полные горечи:

— Я заверил командующего, что, пока жив, кургана немцам не отдам. И вот, выходит, подвел — сам живой, а половина кургана у них. Наш опорный пункт они просто разнесли. Но никто там, на вершине, своих позиций не оставил. Отбиться не смогли, это верно, но и не ушли оттуда, — голос его дрогнул, — дрались до последнего...

— Мне нужно знать все, что тут произошло за эти два часа, — сказал я как можно спокойнее. — Доложите подробнее и по порядку.

С НП хорошо просматривался изрытый окопами и воронками курган. Бой на нем пока притих — должно

быть, гитлеровцы тоже выдохлись. В поле зрения было до десятка неподвижных немецких танков, некоторые еще дымились. Это поработали наши орудия, выдвигавшиеся в боевые порядки пехоты, на прямую наводку. А сейчас артиллерия вела из-за Волги огонь по вершине, не давая фашистам там закрепиться, и по их позициям за курганом. Дивизия Горишного удержала северо-восточные скаты, остановив там врага, когда он, вероятно, уже считал выигранным бой за всю высоту.

Слушая комдива и глядя на курган, я все лучше понимал, чего это стоило. Понимал, мне кажется, и душевное состояние полковника Горишного.

Его дивизия отличилась в утренних контратаках, заставила противника четыре часа приводить себя в порядок, прежде чем возобновить наступление на этом участке. А потом, уже значительно ослабленная, смогла сдержать новый вражеский натиск лишь на этих вот, обращенных к городу скатах огромного кургана.

Неудача еще тягостнее, если она приходит после наметившегося боевого успеха. Но потерпела ли дивизия поражение? Немцы, имея безусловное превосходство в силах, хотя и несколько продвинулись, были все-таки остановлены, всем курганом не овладели. И следовательно, лишились возможности наступать на заводские поселки более широким фронтом, а это уже значило немало.

Успокаивать этими доводами полковника Горишного я, впрочем, не собирался. Выслушав его и уточнив, что требовалось, передал от имени командующего приказ — занимаемые рубежи удерживать во что бы то ни стало и готовиться к контратакам для восстановления прежних, причем не мог обещать, что немедленно дадим подкрепление.

В общем, ничего такого, что принесло бы командиру дивизии облегчение, сказано как будто и не было. Но полковник постепенно приободрился, сбросив сковывавшую его подавленность. Наверное, ему важно было почувствовать, что командование армии по-прежнему на него полагается, верит в него. А какой у него ответственный участок, повторять не требовалось. Горишный сам — в укор себе, хотя и сделал все, что мог, — вспомнил слова командарма: «На Мамаевом кургане и сто метров решают».

Пожелав командиру дивизии боевого успеха, я ушел с ощущением, что побывал у него не напрасно. Правда, спокойнее за высоту 102 не стало.

К условленному часу на армейский КП благополучно вернулись Чуйков и Гуров. Итоги тяжелого боевого дня мы подводили, располагая кроме поступавших донесений собственными впечатлениями с самых напряженных участков обороны.

Выглядели эти итоги неутешительно. Своим ударом на новом направлении противник не достиг поставленной цели — через заводы или между ними с ходу к Волге не прорвался. Однако местами он продвинулся на два — два с половиной километра. Сделать такой рывок где-либо в полосе нашей армии немцам не удавалось уже давно. Линия фронта, проходившая, по сталинградским меркам, относительно далеко от «Красного Октября» и «Баррикад», за один день резко к ним приблизилась. И глубина нашей обороны, измеряемая расстоянием от передовой до Волги, здесь угрожающе сократилась.

Вторжение в заводские поселки, захват господствующей над этим районом высоты 107,5 обошлись врагу дорого. За считанные часы он потерял до пятидесяти танков, до двух тысяч солдат. Но и у нас потери были значительные. Особенно в танковом корпусе Попова. В тяжелейшем положении находилась и дивизия Ермолкина. Ее 385-й стрелковый полк, правда малочисленный, был попросту смят фашистскими танками.

Мы знали: весь этот день, оттягивая на себя часть неприятельских сил, вели наступательные бои в районе Купоросного правофланговые соединения 64-й армии. Но из скупой информации, переданной по телефону начопером штаба фронта генерал-майором А. М. Досиком, явствовало, что существенно продвинуться вперед нашим южным соседям не удалось.

Словом, отрадного было мало. Хмуря свои густые брови, Кузьма Акимович Гуров сказал:

— Иногда мы называли какой-то рубеж последним, хотя за ним еще оставался на крайний случай другой. Нынешние позиции наших войск — кажется, действительно последние, на которых еще можно удержаться. Надо, чтобы это понимал в армии каждый.

Эта мысль стала одним из пунктов подписанного несколько часов спустя боевого приказа:

«Разъяснить всему личному составу, что армия дерется на последнем рубеже, отходить дальше нельзя и некуда. Долг каждого бойца и командира — до конца защищать свой окоп, свою позицию...»

Приказ требовал создать на каждом участке систему жесткой обороны, круглосуточно вести работы по инженерному усилению позиций, используя все средства и материалы, какие имеются поблизости. Помогать комсоставу частей в организации этих работ были посланы наши штабисты и политотдельцы.

Особые опасения вызывало положение в поселке «Красного Октября» и на подступах к самому заводу: все говорило за то, что утром гитлеровцы возобновят там попытки пробиться к Волге.

Мы рассчитывали, однако, еще до рассвета укрепить оборону этого участка полками 193-й стрелковой дивизии, которые должны были переправиться в течение ночи. С каким нетерпением ждали их, нечего и говорить.

Первым прибыл с левого берега — на бронекатере, вместе с разведротой — командир дивизии. Катер приняли у ближайшего к нашему КП причала, и через несколько минут генерал-майор Федор Никандрович Смехотворов появился в блиндаже командующего, где находились и мы с Гуровым.

— А, старый знакомый! — обрадовался ему Чуйков. Оказывается, полгода назад служба уже сводила их в резервной армии, будущей 64-й.

О том, что представляет собой дивизия Смехотворова, мы могли судить по полку Драгайцева, который, действуя вместе с гвардейцами Родимцева в центральной части города (теперь это был левый фланг армии), показал высокие боевые качества. Комдив заверил, что два других стрелковых полка — 883-й и 895-й — подготовлены не хуже. Дивизия, сражавшаяся раньше под Воронежем, сохранила костяк обстрелянных солдат, а при доукомплектовании получила отличное пополнение — до пяти тысяч курсантов, тысячу моряков с Тихоокеанского флота. Полки были полного штатного состава.

«Только бы переправились без серьезных потерь!» — думал я, принимая все это к сведению.

Командарм показал Смехотворову на карте рубеж, ко-

торый дивизии надлежало занять в поселке «Красного Октября». Для этого надо было на ряде участков отбросить продвинувшихся здесь сегодня гитлеровцев. Чуйков подчеркнул особую ответственность за прикрытие подступов к заводу, за то, чтобы не пропустить тут врага к Волге, к армейской переправе. Затем, как обычно, я познакомил комдива с деталями обстановки и мы обговорили практические вопросы, связанные с выводом полков на позиции.

До утра предстояло сделать многое, каждая минута была на счету. Но состоялся, хотя и накоротке, также разговор об осваиваемой нашей армией тактике городского боя, об активных действиях мелкими подразделениями, о роли опорных пунктов — это относилось к самому важному, первоочередному.

На то, чтобы познакомиться как следует с командиром нового соединения, времени уже не было. Лишь позже, когда пришло личное дело, я узнал, например, что Ф. Н. Смехотворов в гражданскую войну командовал ротой в известной всей Красной Армии Самарской дивизии, что генеральское звание он получил в числе первых командиров, которым оно присваивалось в сороковом году.

Началась переправа полков. На то, чтобы провести ее скрытно, надеяться не приходилось. Над Волгой то и дело вспыхивали ракеты, стремнина реки просматривалась противником из многих точек. Суда шли под артиллерийским, а ближе к берегу — и под минометным обстрелом. Две баржи были потоплены прямыми попаданиями крупных снарядов. На одной, как вскоре доложили, погибло техническое имущество батальона связи. На другой барже переправлялось подразделение, укомплектованное в основном моряками. Большинство их добралось до берега вплавь.

Из-за усилившегося обстрела пришлось отложить на следующую ночь переправу дивизионной артиллерии. Но ее можно было и вообще оставить на левом берегу, эффективно используя оттуда. А то, что на сталинградскую землю успели высадиться два полнокровных стрелковых полка, позволяло начинать новый боевой день гораздо увереннее.

Эти полки вступали в бой практически с ходу. Командование дивизии занимало свой КП в Доме техники

«Красного Октября» под обстрелом немецких автоматчиков, пробравшихся на заводскую шлаковую горку (и вскоре оттуда выбитых).

Влившаяся в армию свежая боевая сила оправдала возлагавшиеся на нее надежды. Отражая возобновившиеся с утра атаки врага и контратакуя его, ведя в ряде случаев встречный бой, 193-я дивизия закрепилась во второй половине дня на западной окраине поселка «Красного Октября».

Попытка противника прорваться к самому заводу, а тем более выйти на этом направлении к Волге была вновь сорвана. Но, конечно, — не только полками генерала Смехотворова, хотя без них нам и пришлось бы туго. За то, чтобы переправлявшиеся подкрепления смогли выйти на более выгодные позиции, всю ночь вела активные боевые действия донельзя измотанная дивизия подполковника Ермолкина. Одну из ночных контратак возглавил и пал в ней смертью храбрых молодой командир полка капитан Василий Андреевич Асеев. Всю ночь держала под огнем районы сосредоточения войск противника, пути подхода его резервов наша артиллерия.

А днем, когда в разгоревшемся в заводских поселках бою, казалось, вот-вот возьмет верх враг, Горишный при поддержке двух батальонов дивизии Батюка начал подготовленную, как мы условились накануне, контратаку на Мамаевом кургане. В это время нам очень помогла авиация — генерал Хрюкин прислал все истребители и штурмовики, какие имел.

Успех контратаки на кургане был, правда, частичным: на склонах немцев потеснили, поднялись выше, но утвердиться на вершине не смогли. Однако и противник ею не владел: горбы кургана оказались в ничейной полосе, под заградительным огнем с обеих сторон. В упорных боях 28 сентября гитлеровцы потеряли еще двадцать девять танков и изрядное количество живой силы. Только на отбитых участках Мамаева кургана осталось около семисот трупов немецких солдат.

Основным же итогом дня следовало считать то, что мы не дали врагу развить наступление на заводы. Правильнее, впрочем, сказать: пока не дали.

Вечером обрадовал хорошими новостями штаб фронта: на подходе были еще две дивизии, предназначавшиеся в

Сталинград. Одну обещали подготовить к переправе уже через сутки.

Такие новости прибавляли уверенности, что армия выстоит. Укрепляли веру в это и самоотверженность наших людей, их новые героические дела.

О выдающемся подвиге бойца, только что ступившего на сталинградскую землю, говорилось в политдонесении из дивизии Смехотворова, которое подписал вместе с начальником политотдела сам комдив.

Совершил этот подвиг бронебойщик 883-го стрелкового полка Михаил Паникаха, моряк из того пополнения, которое дивизия получила с Тихоокеанского флота, а до войны — колхозник с Днепропетровщины.

Дело происходило на правом фланге дивизии, перед зданием школы близ перекрестка Демократической улицы и Центральной (теперь — проспект Металлургов). У бронебойщиков, преградивших путь группе фашистских танков, кончились патроны, и в ход пошли гранаты, бутылки с зажигательной смесью. Комсомолец Паникаха, готовясь метнуть бутылку, высунулся из окопа (или, может быть, пополз навстречу приближавшемуся танку), и зажатую в руке бутылку пробило пулей. Воспламенившаяся жидкость мгновенно превратила человека в живой факел.

Наверное, он мог еще попытаться спасти свою жизнь. Товарищи, находившиеся в нескольких шагах, помогли бы сорвать горящее обмундирование. Но Паникаха, поднявшись во весь рост, побежал к вражескому танку, и пулемет не смог, не успел его сразить. У бойца была еще одна, последняя бутылка, и он ударил ею, должно быть, прямо по сетке моторного люка, потому что танк тут же остановился, объятый огнем и дымом. Выскочившие из машины танкисты попали под пули наших солдат.

Остановлен был не только этот танк. Несколько других, следовавших за ним, повернули назад.

Не знаю, слышал ли тихоокеанец Паникаха, ставший защитником Сталинграда (в городе есть теперь улица, названная его именем), о том, как почти год назад, в ноябре сорок первого, пять черноморских моряков бросились с гранатами под фашистские танки, прорывавшиеся к Севастополю. Но сделал он то же самое, и эти два подвига вспоминаются мне всегда вместе. Их роднит не только

схожесть внешних обстоятельств. Они олицетворяют ту наивысшую самоотверженность, на какую способны советские воины, беззаветно преданные своему долгу.

Восемь месяцев обороны Севастополя доказали, что его защищают бойцы, которых, разумеется, можно убить, но победить, пока они живы, невозможно. Они и умирали так, что их смерть разила врага. Такие же бойцы стояли на рубежах Сталинграда. Только тут, в глубине России, ими еще сильнее владело сознание, что пустить врага дальше уже никак нельзя.

— Чтобы фашисты смогли взять Сталинград, им надо перебить нас всех до единого! — сказал однажды Василий Иванович Чуйков.

Может быть, это было сказано именно в тот вечер, когда мы прочли донесение о подвиге Михаила Паникахи.

Незадолго до полуночи 29 сентября начальник штаба фронта подтвердил, что через два часа начнет переправляться новая дивизия — 39-я гвардейская. «Использовать для укрепления обороны в районе заводов», — подчеркнул он.

Иначе и не мыслилось. За это время окончательно подтвердилось, что противник, стремящийся рассекать нашу армию на части, задался целью осуществить очередной прорыв к Волге через индустриальное ядро города.

Готовясь поставить на это направление ожидаемые дивизии, мы пока уплотняли здесь боевые порядки за счет перегруппировки наличных сил. Рядом со 193-й стрелковой уже сражалась дивизия Горишного, передавшая свой участок на Мамаевом кургане частям Батюка. А в 193-ю дивизию в ту ночь, о которой идет речь, возвращался полк Драгайцева — тот самый, что был переправлен раньше в качестве подкрепления генералу Родимцеву. Правда, один из трех стрелковых батальонов полка, закрепившийся на важной позиции в центре города, решили временно там оставить.

Сейчас вспоминалось, как я, торопясь обрадовать генерала Смехотворова, очень ждавшего этот свой полк, вызвал его по рации и сказал: «Встречайте вашего сына с двумя пальцами...» Сказал и сразу почувствовал — перемудрил. Федор Никандрович, кажется, сперва понял, что командир полка ранен в кисть руки. Бывшее тогда

в ходу примитивное кодирование такого рода мало что давало в смысле засекречивания переговоров, а к недоразумениям иногда приводило. Потом мы все чаще пренебрегали им, особенно если разговор был такой, когда важнее всего, чтобы тебя точно поняли без переспросов.

Той же ночью к поселку «Красного Октября» перебрасывались сводные батальоны 42-й и 92-й стрелковых бригад. Это был наш небольшой резерв для прикрытия стыка между дивизиями Горишного и Батюка и других уязвимых мест.

Наш танковый корпус, части которого все время выдвигались на горячие участки, теперь — Военному совету пришлось это констатировать — фактически утратил боеспособность, и его надо было отводить с передовой. Отводились, конечно, не танки (семнадцать машин, находившихся к вечеру 29 сентября на ходу, свели в одну бригаду), а остатки частей и подразделений, действовавших в пешем строю — общим числом около ста пятидесяти человек.

Расширяя фронт наступления, противник развернул активные действия и на нашем орловском выступе.

Я давно не касался положения на этом участке, как и вообще на правом фланге армии, потому что оно было там довольно стабильным. Напомню: орловский выступ, где наши передовые окопы еще находились в 12—14 километрах от Волги, был территорией, на которой, как мы долго надеялись, должна произойти встреча с войсками, пробивавшимися к Сталинграду с севера. Но тот же выступ, удерживаемый группой полковника Андрюсенко, нависал над флангом главной группировки Паулюса, сосредоточенной в районе Городище, Александровка, и, значит, мог послужить выгодной исходной позицией для контрударов в южном направлении — по тылам этой группировки, втянувшейся теперь в бои за заводские поселки. Грех было бы упустить такую возможность, появись у нас хоть одна резервная дивизия!

Неудивительно, что гитлеровское командование спешило разделаться с орловским выступом, пока мы еще не могли предпринять с него наступательных действий, не имели для этого сил. Выступ мешал врагу и тем, что прикрывал с запада поселок Тракторного завода и сам СТЗ.

Вечером 28-го Андрюсенко донес по радио: авиация противника интенсивно бомбит боевые порядки по всему обводу выступа. Бомбежка продолжалась и ночью, а с рассветом особенно усилилась. Как и следовало ожидать, это явилось подготовкой к наземным атакам. Вокруг орловского выступа располагались части двух немецких пехотных дивизий, одной моторизованной, одной танковой, и все они были введены в действие.

Батальоны 115-й отдельной стрелковой бригады Андрюсенко, составлявшей ядро его группы, оборонялись, развернутые фронтом и на юг, и на запад, и на север. Бригада насчитывала до пяти тысяч бойцов. Другие части, находившиеся в выступе, — сводный полк 196-й дивизии, остатки 2-й мотострелковой бригады — были малочисленны. Концентрическими ударами танков и пехоты, двинутых на Орловку с нескольких направлений, противник стремился расчленить наши войска. Одновременно он пытался отрезать всю орловскую группу от остальной армии.

Части группы держались стойко и на ряде участков сумели остановить врага. Однако его численный перевес был слишком велик. Общее положение в орловском выступе за одни сутки резко ухудшилось. В 115-й бригаде выбыло из строя до трети личного состава и много техники, во 2-й мотострелковой к вечеру оставалось всего 57 бойцов.

Чем было помочь группе Андрюсенко? Командарм, член Военного совета и я долго ломали над этим голову, не находя радикального решения. Артиллерией? Само собой разумеется, но этого было недостаточно. Несколькими ротами из Северной группы Горохова? Такое приказание было уже отдано, однако обеспечить сохранение орловского выступа тоже не могло.

В другом месте, при других обстоятельствах Военный совет армии, очевидно, пришел бы к выводу, что удерживать дальше этот вытянутый кусочек всхолмленной степи с пересохшей речкой и небольшим селением стало невозможно и следует отвести находящиеся там части к окраине города. Но в Сталинграде понятия «отвод», «отход» были изъяты из употребления. Если мы теряли какой-то рубеж, то лишь после того, как защищать его становилось некому. Какие-либо основания, чтобы самим оставить хотя бы клочок земли, не признавались, не существовали.

Да иначе наша прижатая к Волге армия и не могла бы держаться.

Поэтому вопрос об отводе войск из орловского выступа просто не возникал. Не подвергалось никакому сомнению, что группа полковника Андрюсенко должна оборонять Орловку до последней возможности, сковывая и изматывая атакующие ее неприятельские силы. А чтобы помешать гитлеровцам окружить группу, решили подготовить короткий контрудар со стороны поселка «Баррикады».

В районе «Красного Октября» обострялась тем временем угроза прорыва немцев к Волге. Здесь был насущно необходим крепкий второй эшелон с запасными опорными пунктами на заводской территории. Сюда и решено было поставить прибывавшую 39-ю гвардейскую стрелковую дивизию.

В ту ночь, когда началась переброска ее в Сталинград, смог переправиться только один полк — 112-й гвардейский. Переправа обошлась без потерь, что было уже редкой удачей. До прибытия на правый берег комдива полк оставался в непосредственном подчинении командования армии.

С командиром 112-го гвардейского подполковником В. А. Лещининым у меня была возможность — такой выдался час — поговорить без особой спешки. Из этого разговора я составил и первоначальное представление о всей дивизии.

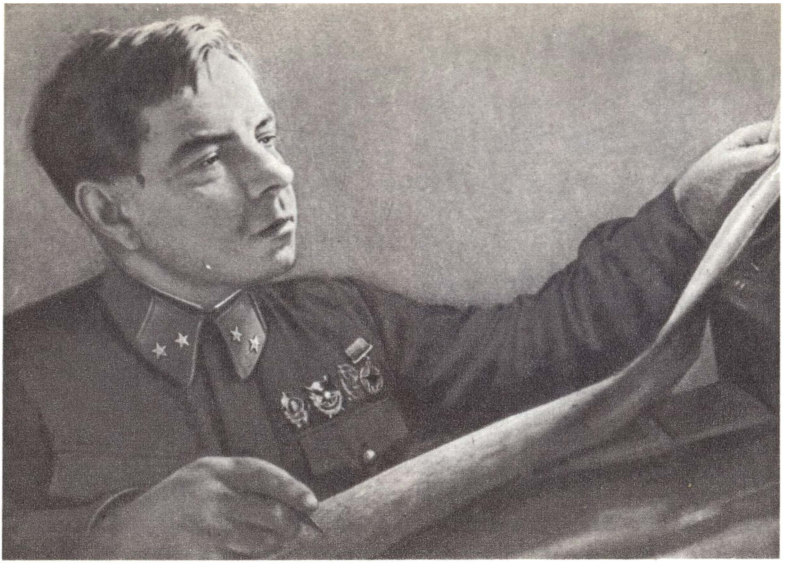
39-я гвардейская приходилась родной сестрой 33-й и 35-й дивизиям: ее также сформировали из воздушнодесантников. Переброшенная на сталинградское направление из-под Москвы еще в августе, она сражалась в составе 1-й гвардейской армии на Дону, а затем между Доном и Волгой и была выведена из боев севернее Сталинграда всего два дня назад. Дивизия дралась там неплохо, за последние недели уничтожила десятки фашистских танков. Но и сама потеряла немало людей — в ротах было по 40—50 штыков. Как затем выяснилось, в трех ее стрелковых полках и артиллерийском насчитывалось вместе с пульбатом и саперами 3800 человек.

В ходе боев дивизия получала обычное маршевое пополнение, и десантники составляли теперь в батальонах и ротах, как выразился Лещинин, «бóльшую или меньшую, но только прослойку». Однако, по его же словам,

Ф. Н. Смехотворов

С. С. Гурьев

Символом сталинградской стойкости стал Дом Павлова



Н. И. Крылов над своей рабочей картой. Куда послать последние резервы? Что еще можно сейчас сделать?..

Бой в руинах заводского поселка

В. Г. Жолудев

П. С. Ильин

В. А. Горишны˘

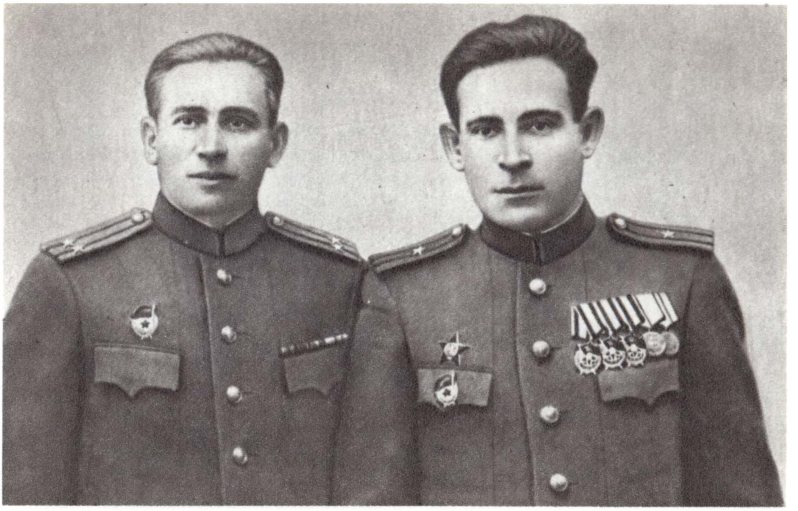
С. Ф. Горохов

А. Г. Мережко

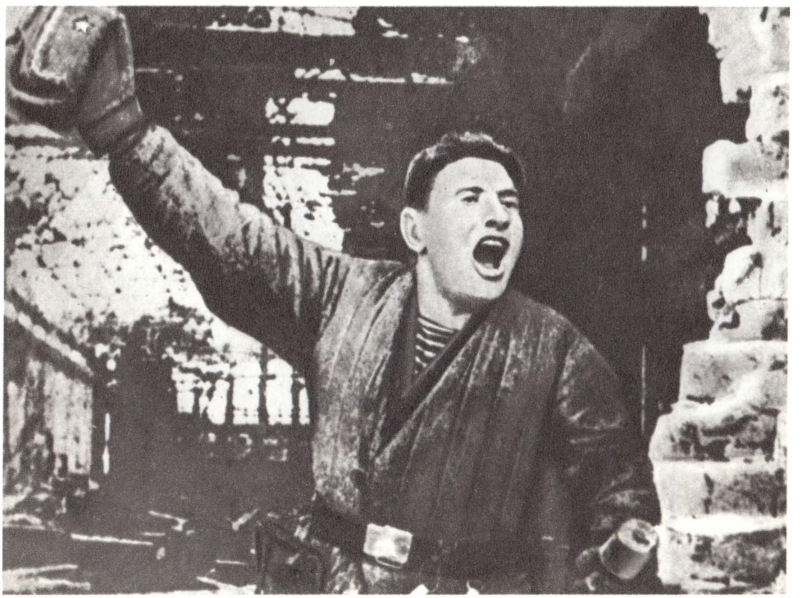
Т. Е. Калякин

А. И. Семиков

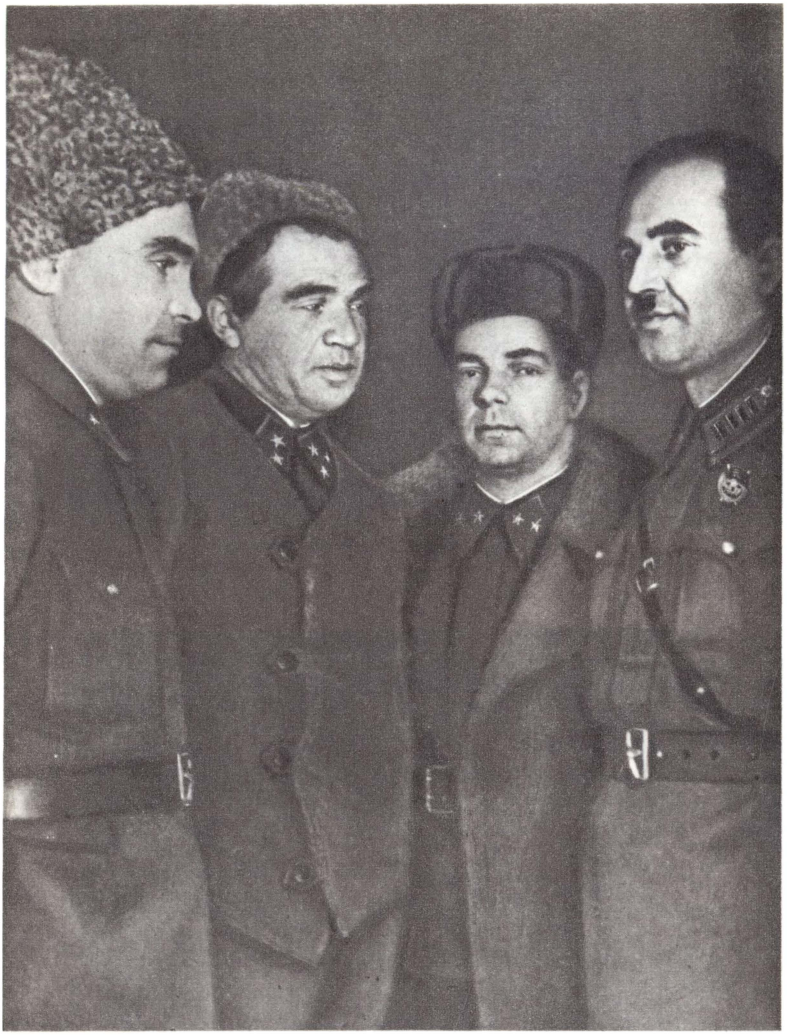
М. Г. Гладышев



Л. С. Барановский и И. Е. Велькин



Цех за цехом очищается от гитлеровцев завод «Баррикады»



Этот снимок сделан 30 января 1943 года, когда до победоносного завершения боев в Сталинграде оставалось трое суток. Слева направо: К. А. Гуров, В. И. Чуйков, Н. И. Крылов, И. И. Людников

Выстояли и победили!

Возрожденный Волгоград

Монумент Родины-матери на вершине Мамаева кургана

эта прослойка продолжала определять боевые возможности подразделений.

Подполковник был патриотом воздушно-десантных войск и гордился тем, что их питомцы держали марку и в пехоте. Про свой полк он сказал:

— Можно посылать куда угодно. Люди подготовлены воевать не только полком, но и мелкими группами.

— Рад это слышать, — ответил я. — Именно это тут и потребуется.

Следующей ночью прибыл командир дивизии генерал-майор Степан Савельевич Гурьев. Коренастый, широколицый, он производил впечатление человека очень спокойного, твердого, но не сурового, скорее даже добродушного. В юности был шахтером, в Красной Армии — непрерывно с девятнадцатого года. Целых пять лет прослужил комбатом. На Халхин-Голе командовал полком (и получил там первый боевой орден), с начала Великой Отечественной — воздушно-десантной бригадой, а затем корпусом, действовавшим уже в пехотном строю. Участвовал в битве под Москвой.

Узнав задачу дивизии, Гурьев без всякой рисовки сказал:

— Обстановка ясна — надо либо удержаться, либо погибнуть. Наши люди это понимают.

К окончанию переправы 39-й дивизии положение на краснооктябрьском участке еще более осложнилось. Гитлеровцы вклинились в расположение одного из полков Смехотворова, ослабленного большими потерями. Словом, подкрепление прибыло как нельзя более вовремя.

Командование фронта, конечно, знало, насколько срочно нужны в Сталинграде свежие силы. И еще до того, как переправились последние батальоны 39-й гвардейской, нам передали: «С 20 часов 30 сентября в состав 62-й армии зачисляется 308-я стрелковая дивизия полковника Гуртьева». Начало ее переправы назначалось на ту же ночь.

На радостях в штабе шутили:

— Это, видно, специально, чтобы немцев запутать: за Гурьевым — Гуртьев! Пока разберутся, будут считать две дивизии за одну.

Если разведчики Паулюса не ели хлеб даром, они, надо полагать, уже давно разобрались в этих схожих командирских фамилиях. Как и 39-я гвардейская, 308-я

стрелковая дивизия находилась под Сталинградом с середины августа. Еще три-четыре дня назад она действовала под Котлубанью, в каких-нибудь тридцати километрах от Орловки. Где-то за Орловкой наши части встретились бы с нею, если бы удалось соединиться с северными соседями. Но путь дивизии к Сталинграду оказался кружным, с двумя переправами через Волгу.

Заранее было известно, что дивизия Гуртьева тоже имеет значительный некомплект, насчитывая всего четыре с небольшим тысячи штыков. Известно, однако, было и другое: она принадлежит к тем дивизиям, которые на фронте уважительно называли сибирскими. В 62-й армии знали сибиряков по бригадам Батракова и Болвинова, по дивизии Батюка — это были стойкие и упорные бойцы. И потому опередившие прибытие нового соединения сведения о том, что и оно укомплектовано сибиряками, служили дивизии отличной рекомендацией.

И действительно, наша армия получила тогда одну из лучших своих дивизий, которой командовал превосходный командир. Должен сказать, что уже от первой встречи с полковником Леонтием Николаевичем Гуртьевым (через два месяца он стал генерал-майором) у меня — и, мне кажется, также у командарма — осталось чувство большого уважения к нему.

Гуртьев был старше всех остальных наших комдивов — ему перевалило за пятьдесят — и дольше кого-либо из них находился на военной службе — с девятьсот пятнадцатого года, когда студент петроградского Политехнического института стал прапорщиком-фронтовиком. Потом Гуртьев прошел в Красной Армии все строевые должности до своей теперешней, причем там, куда сейчас привел дивизию, воевал, оказывается, еще командиром взвода, участвуя в Царицынской обороне. Правда, его боевой опыт в нынешней войне ограничивался теми пятью-шестью неделями, которые 308-я дивизия провела под Сталинградом: до того как Гуртьеву поручили ее формировать, он возглавлял Омское пехотное училище. Однако и такой стаж, приобретенный на сталинградском направлении, значил немало.

Сказав об уважении, которое внушал к себе этот немолодой худощавый полковник, я имел в виду не только его годы и послужной список. Не требовалось долго разговаривать с ним, чтобы ощутить его недюжинный ум,

эрудицию, общую культуру. Несомненные волевые качества, большая сдержанность, а как потом все мы убедились, и подлинное бесстрашие сочетались у Гуртьева с какой-то особой тактичностью, прирожденной мягкостью.

Бывший командир артиллерийского полка 308-й дивизии (кстати, отлично подготовленного артполка!) Г. А. Фугенфиров, воспоминания которого лежат сейчас передо мною, отзывается о своем комдиве так: «Это исключительно хладнокровный и спокойный человек, никогда ни на кого не повысит голоса. Но ему достаточно изменить интонацию, чтобы ты понял — надо делать свое дело лучше». Я привел эти строки потому, что за ними так и встает живой Гуртьев.

Части дивизии, начавшие переправляться в ночь на 1 октября, продолжали прибывать из-за Волги следующей ночью (артиллерийский полк Фугенфирова был оставлен на огневых позициях на левом берегу). Они выдвигались в поселок завода «Баррикады», расположенный к северу от поселка «Красного Октября», на исходные рубежи для контратаки, которой мы рассчитывали помочь орловской группе Андрюсенко и вместе с тем хоть немного оттеснить противника от заводов.

Заводы... Мы продолжали так называть и «Красный Октябрь», и «Баррикады», и Тракторный, и стоявший по соседству с ними «Силикат», хотя ни одно из этих предприятий больше не действовало. На заводских территориях и вокруг все было настолько искорежено бомбежками, что тут стало почти невозможно ориентироваться по плану города.

Но если опустели разбомбленные и выгоревшие жилые кварталы, то разрушенные заводы все-таки не обезлюдели.

И после эвакуации за Волгу городских и районных партийных и советских органов в Сталинграде оставались оперативные группы райкомов партии — Краснооктябрьского, Баррикадного, Тракторозаводского. Оставались небольшие подразделения МПВО, заводской охраны, ополченцы старших возрастов. Они боролись с пожарами, оберегали невывезенное оборудование, приходили на помощь нашим минометчикам, артиллеристам, танкистам, разыскивая и подгоняя сохранившиеся на складах или в мас-

терских запасные части, детали боевой техники, найти которые не сумел бы, кроме них, никто.

На «Баррикадах» эти рабочие поддерживали в порядке железнодорожные пути, по которым маневрировала железнодорожная артбатарея — три тяжелых орудия на специальных платформах с расчетами из моряков. Если не ошибаюсь, в свое время батарея предназначалась для какого-то другого участка фронта, но не успела туда уйти. В Сталинграде это были самые дальнобойные орудия, способные поражать цели, недосягаемые для других. В каждом отдельном случае батарея вводилась в действие только по приказанию начарта армии. Произведя короткий огневой налет, она меняла позицию, оставаясь в пределах обширной заводской территории. Батарея не выходила из строя, пока не израсходовала весь свой боезапас — тысячу с чем-то снарядов.

Сталинградские заводы, даже такие, какими они стали, для остававшихся там рабочих были дороже родного дома. И они готовились их защищать вместе с войсками, вместе со своими призванными в армию товарищами. А раз враг оказался у порога заводов, не пришла ли пора считать весь состав рабочих отрядов, дружин, команд бойцами 62-й армии?

Так поставил вопрос перед Военным советом начальник поарма бригадный комиссар Васильев.

— Эти люди, сколько бы им ни было лет, фактически уже стали солдатами, — говорил Иван Васильевич. — Они готовы выполнять боевые приказы, а со своих заводов все равно никуда не уйдут. Им ли не быть сейчас в гарнизонах опорных пунктов на «Баррикадах», «Октябре», Тракторном!

Спорить тут было не о чем. Военный совет постановил зачислить в Красную Армию и поставить на все виды довольствия рабочие формирования трех заводов, а также истребительный отряд Тракторозаводского района. Каждое из этих формирований подчинялось командиру той дивизии, на которую возлагалась оборона данного завода. В постановление Военного совета был включен и такой пункт: в случае перегруппировки войск рабочие отряды оставлять в районе своих заводов, переподчиняя прибывшему туда соединению.

Речь шла не бог весть о какой силе. Ко многим тысячам сталинградцев, влившимся в армию раньше, прибав-

лялось еще несколько сотен бойцов, к тому же — непризывного возраста. Но решение зачислить их в армию, по сути дела, означало: в пролетарском Сталинграде «штатских» больше нет. Все, кто способен держать оружие, — в едином строю защитников города.

Архивные справки свидетельствуют о том, какие люди пришли в ряды нашей армии с этим последним рабочим пополнением. Был в их числе, например, механик Алексей Мпронович Иванов, участник обороны Царицына, который привел с собой и сына. Вместе с 16-летним сыном воевал и бывший красный партизан Михаил Федорович Палагушкин... По отзывам командиров дивизий, в подчинении у которых находились рабочие отряды, сражались они доблестно.

Коренные сталинградцы, знавшие в своем районе каждый двор, каждый закоулок, нередко становились добровольными помощниками войсковой разведки. Были среди них и женщины. Военный совет армии наградил орденом секретаря заводоуправления Анну Ремневу, неоднократно приносившую важные сведения из расположения противника. Отличилась как разведчица и медсестра городской больницы № 5 Леонила Заварюха. При штабе бригады полковника Горохова возникла молодежная группа зафронтовой разведки, донесения которой помогали командованию увереннее ориентироваться в обстановке. Имя одной из разведчиц бригады лаборантки СТЗ комсомолки Дуси Дмитриевой, погибшей при возвращении с боевого задания и посмертно награжденной орденом Ленина, носит теперь улица в Тракторозаводском районе Волгограда.

Как мы уже знали, к переправе в Сталинград готовилась еще одна дивизия — 37-я гвардейская.

Несмотря на все сентябрьские потери, общая численность стрелковых частей армии за этот месяц увеличилась на десять тысяч человек и составляла на 1 октября 43 тысячи бойцов и командиров. При этом у нас удвоилось число станковых пулеметов, противотанковых ружей, орудийных стволов. А так как фронт армии сократился, то плотность огня, которую мы могли создавать, возросла еще больше.

Основная артиллерия находилась за Волгой, где стояли почти все дивизионные артполки. Это было «не по правилам»: никакими тогдашними наставлениями не предусматривалось, чтобы стрелковая дивизия, переправляясь через широкий водный рубеж, оставляла свою артиллерию на другом берегу. Но в Сталинграде многое приходилось делать не так, как в обычных условиях, и мы — я имею в виду весь Военный совет армии — постепенно пришли к твердому убеждению, что в сложившейся обстановке на правом берегу Волги следует держать лишь батальонную и полковую артиллерию, и конечно — противотанковую. Дивизионная же должна быть на закрытых позициях на левом берегу, имея на правом, на переднем крае, свои наблюдательные пункты.

С тех пор как в поле боя превратился сам город, становилось все труднее размещать и эффективно использовать орудия, не предназначенные для того, чтобы бить прямой наводкой. Маневр огнем ограничивали коробки высоких зданий, маневр колесами крайне осложнялся тем, что ни на механическую, ни на конную тягу рассчитывать в Сталинграде было уже нельзя. Артиллеристы стали прилаживать к орудиям третье колесо — под лафетом. Однако и оно не очень-то помогало передвигать вручную тяжелые пушки среди развалин. Кроме того, не всегда гарантировалась доставка из-за Волги достаточного количества боеприпасов.

Размещение артполков на левом берегу имело и свои минусы. Во-первых, происходила порядочная потеря дальнобойности: батареи отдалялись не только на километровую ширину Волги, но и еще на километры, так как их надо было рассредоточить и укрыть в заволжских дубравах, а это означало, что какие-то цели в глубине расположения противника, в его тылах становились недосягаемыми. Во-вторых, нелегко было поддерживать проводную связь между артиллерийскими НП и столь далекими огневыми позициями. Однако выгод все-таки было больше. Обеспечивался широкий маневр огнем, а в случае необходимости— и быстрая смена позиций. В результате наша главная огневая сила, чья поддержка для войск являлась решающей, практически была весьма малоуязвимой для неприятельской артиллерии.

Все это, конечно, становилось более ясным по мере того, как проверялось боевой практикой. Сначала на ле-

вом берегу оставляли артполки лишь некоторых дивизий — так сказать, в виде исключения (в первый раз его сделали для дивизии Родимцева), а потом это стало у нас общим правилом.

Группировка артиллерии, сложившаяся к октябрю, мне думается, наиболее отвечала тогдашним потребностям армии, специфике ее действий в Сталинграде.

Батальонная и полковая артиллерия — обычно рассредоточенная поорудийно — находилась, по сути дела, в боевых порядках пехоты, нередко в двухстах — ста метрах от вражеского переднего края. Артогонь с таких дистанций по хорошо видимым целям бывал очень эффективным, а порой, особенно если открывался внезапно, просто ошеломлял противника. Конечно, орудия, используемые так, часто сами попадали под удары, выводившие из строя и материальную часть, и расчеты. Дальнобойная же артиллерия, стоявшая за Волгой, была приближена к пехоте тем, что ее наблюдательные пункты располагались под рукой у общевойсковых командиров и те могли направлять огонь на нужный участок.

В то же время генерал Пожарский всегда имел возможность, взяв управление на себя, сосредоточить огонь всех или почти всех дивизионных артполков, а также истребительно-противотанковых и гвардейских минометных там, где это оказывалось необходимым. С прибытием каждой новой дивизии огневая мощь армии все возрастала.

У начарта был сплоченный, четко работавший штаб, который при всех обстоятельствах умел содержать в должном порядке наше расширявшееся огневое «хозяйство». Я знал, что никогда не подведет свежая карточка-схема, лежавшая у меня на столе и показывавшая, какие артиллерийские части могут в данный момент поддержать ту или иную дивизию, нанести удар на таком-то участке фронта.

Штаб артиллерии возглавлял полковник Николай Максимович Бреховских. Но примерно в то время, о котором идет сейчас речь, он выбыл из 62-й армии, тяжело раненный осколком авиабомбы. Обязанности начштаба перешли к его заместителю подполковнику Владимиру Фомичу Хижнякову, недавнему начарту 95-й дивизии (Пожарский, познакомившись с начартом, открыл в нем прирожденного штабиста и забрал у Горишного).

Хижнякову тогда только-только перевалило за тридцать, однако он казался старше. Может быть, из-за своей обстоятельности и привычки докладывать о чем бы то ни было спокойно и неторопливо, взвешивая каждое слово. В штабе армии часто называли его по отчеству — Фомич, как величают в товарищеском кругу людей, которые уже в летах. Когда соблюдать особую официальность не требовалось, так называл его и я. Пожарский не ошибся в наклонностях Хижнякова: на штабном поприще он проявил себя отлично. Продолжая службу в артиллерийских штабах, Владимир Фомич стал впоследствии генерал-майором.

Если артиллерии и минометов у нас становилось все больше (на 25 сентября армия имела 809 стволов, а к 1 октября 881), то потери в танках пока не восполнялись. Матвей Григорьевич Вайнруб давно уже вел счет возглавляемым им бронетанковым войскам не на бригады, а на отдельные машины, помня и номер каждого «ходового» танка, и где находится, и сколько раз побывал в ремонте, производить который на правом берегу становилось все труднее. В конце сентября случались дни, когда в армии не было вовсе ни одного танка на ходу и оставались только неподвижные, используемые как доты.

Мы с нетерпением ожидали обещанную командованием фронта новую танковую бригаду. Очень ждали также усиления поддерживавшей и прикрывавшей наши войска авиации. Ее стало больше, однако господствовать в воздухе продолжал враг.

Приведенные сведения о состоянии 62-й армии позволят читателю представить, какой вступила она в тяжелые октябрьские бои.

Мне остается добавить, что к этому времени наш Юго-Восточный фронт был переименован в Сталинградский. А прежний Сталинградский, расположенный севернее нашего, стал называться Донским. При этом два соседних фронта больше уже не возглавлялись, как в предшествующие полтора месяца, одним командующим. В командование Донским фронтом вступил генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский, а нашим командующим остался генерал-полковник А. И. Еременко.

Что эти организационные мероприятия связаны с разрабатываемым в Ставке планом будущего общего контрнаступления под Сталинградом, мы тогда, естественно, не

знали. В первом полученном после переименования фронта приказе подтверждалась ближайшая задача 62-й армии — удержать Сталинград. И то, что фронт, куда входила армия, стал Сталинградским фронтом, как бы подчеркивало нашу ответственность за это.

ЕЩЕ РАЗ — КТО КОГО?

Там, куда в ночь на 18 сентября был перенесен из царицынской штольни армейский КП, саперы давно уже соорудили минимально необходимое количество блиндажей, соединили их ходами сообщения. Все это было неплохо замаскировано.

Мы находились здесь уже дольше, чем пробыли на Мамаевом кургане, гораздо дольше, чем у Царицы. К новому командному пункту успели привыкнуть, обжили его.

Высокий выступ волжского берега частично защищал расположение КП от вражеских снарядов. Но, конечно, не от авиабомб. И поскольку глубоких, непробиваемых убежищ тут не имелось, люди нередко выбывали из строя на самом командном пункте. Инструктора политотдела Круглова сразило осколком, когда он входил в блиндаж ко второму члену Военного совета армии полковнику В. М. Лебедеву. Опасными местами считались оборудованные на старой барже банька и туалет. Случалось, вылавливали мелкие осколки из принесенных с кухни мисок с супом...

И все-таки гитлеровцы били по этому участку берега не больше, чем по соседним. Хотя КП и штаб армии работали в двух километрах от переднего края, мы довольно долго были почти уверены, что точное их место противником не раскрыто.

Но все — до поры до времени... На район командного пункта обрушился вдруг удар, поставивший нас на грань потери управления войсками.

Выше на берегу стояло несколько закамуфлированных нефтебаков. Вблизи заводов их вообще было немало. При первых, августовских, бомбежках Сталинграда, когда го-

рел весь город, вокруг повреждённых хранилищ топлива возникали особенно сильные пожары, не прекращавшиеся по многу дней. Из уцелевших тогда крупных резервуаров мазут, как правило, спускали или куда-то перекачивали. Не помню, на чьи сведения мы положились, но у меня, например, не было сомнения в том, что торчавшие невдалеке баки — пустые.

На нашу беду, дело обстояло не так: в каких-то из этих баков оставался изрядный запас нефти. И вот в одно злополучное утро фашистские самолеты сильно пробомбили наш участок берега — теперь уже, по-видимому, не наугад, не случайно, а вслед за тем по нефтебакам ударила артиллерия. Хорошо еще, что баки не взорвались! Но они были пробиты осколками, вырвавшаяся наружу нефть воспламенилась и потекла вниз по береговому склону.

Как это началось, я не видел: сидел у себя в блиндаже, прикидывая что-то на карте. Разрывы бомб и снарядов от работы не отвлекали: к ним все привыкли. Однако сейчас донесся совсем необычный звук — какой-то зловещий громкий шорох, и от входа пахнуло жаром. Еще не сообразив, что происходит, я выскочил из блиндажа и остановился, ослепленный бушевавшим вокруг пламенем, едким дымом.

Потоки огня, устремившиеся к Волге, растекались по берегу, заполняли ходы сообщения, брали в кольцо блиндажи. В дыму мелькали фигуры людей. Кто-то ухватил меня за рукав, пытаясь увлечь за собой. Я вырвал руку, отмахнулся. Нужно было понять, что делать.

Василий Иванович Чуйков утверждает, что он, тоже выбежав из своего блиндажа, услышал, как я громко подаю команды. Смысл их, по его словам, сводился к следующему: никому никуда не уходить, вернуться в уцелевшие блиндажи, устанавливать связь с войсками по радио...

Этих своих распоряжений я, честно говоря, не помню. Помню только, что мною владела одна мысль: мы никуда не уйдем, уходить сейчас нельзя, тем более что нет подготовленного запасного КП. Помню, как рядом со мною оказался Чуйков и как это меня обрадовало, ободрило. Мы обменялись несколькими словами, и сразу отпали последние сомнения, потому что думали мы одинаково.

Положение было еще совершенно неясным, степень риска, на который идем, не поддавалась учету так быстро. Но что-то подсказывало — нужно оставаться на месте. Если это сработала интуиция, то она нас не подвела.

Огненная стихия унесла на командном пункте не одну жизнь. Однако не потому, что было приказано оставаться тут. Несколько человек из батареи управления штаба артиллерии и несколько бойцов роты охраны погибли в блиндажах, залитых и выгоревших в первые же минуты. А большинство блиндажей все-таки уцелело. Отчасти этому помогло то, что много траншей, ходов сообщения в расположении КП было отрыто (должно быть, из-за спешки, в которой командный пункт оборудовался) не зигзагом, а прямолинейно и нефть, не задерживаясь, стекала по ним к Волге.

Там, на воде, огонь быстро охватил еще большее пространство, чем на берегу. Горело скопление стоявших на приколе барж, полыхала поверхность самой реки — растекавшуюся по ней нефть относило все дальше течением. Над Волгой и берегом клубился черный дым. Как все это выглядело со стороны, можно было представить по пожарам вокруг первых разбомбленных нефтехранилищ — тем пожарам, что были видны из Карповки.

Если гитлеровцы действительно узнали, где находился командный пункт армии, они должны были считать его уничтоженным.

О нашей судьбе и местонахождении вновь и вновь запрашивали из штаба фронта. А получив подтверждение, что мы на старом месте, начинали требовать сведений о положении войск. Однако об этом мы сперва мало что могли доложить: телефонные провода сгорели, связаться со всеми дивизиями по радио удалось не сразу. Какое-то время не было связи даже с совсем близкой 13-й гвардейской, и генерал Родимцев, увидев над расположением армейского КП столб черного дыма, выслал по берегу спасательную партию...

Не знаю, сколько нефти вытекло из баков. Пожар, постепенно стихая, длился больше трех суток. Все это время главной нашей заботой было не потерять управления войсками, не упустить, не прозевать что-нибудь существенное.

Пришлось превратить в офицеров связи абсолютное большинство работников штаба. Они, конечно, не просто

собирали донесения. Штабисты проверяли выполнение отданных приказаний, в том числе об укреплении всеми возможными средствами занимаемых позиций, помогали организовывать эти работы. Тем же занимались политотдельцы.

То в одну, то в другую дивизию уходил командующий. Василий Иванович Чуйков всегда считал, что вовремя переговорить с командиром, даже самым опытным, и дать ему почувствовать общую обстановку столь же важно, как послать в нужный момент подкрепление. А если резервов нет или вообще положение трудное — переговорить еще необходимее.

Я почти все время оставался на КП. Тут было душно, смрадно. С неба валились тяжелые хлопья копоти. Люди вовсе забыли об отдыхе и сне. Иногда ветер дул так, что дым, поднимавшийся оттуда, где нефть еще не выгорела, закрывал решительно все вокруг. Хуже всего было, если в такой час вновь начинала прерываться связь с войсками.

— Так можно и фашиста не заметить, пока он не залезет к тебе в блиндаж... — невесело шутил Кузьма Акимович Гуров.

Облегчало положение лишь то, что бомбить этот участок берега гитлеровцы перестали: очевидно, уверились, что целей для их бомб здесь больше нет.

В общем, огненную осаду КП выдержал. Когда 5 октября к нам прибыл заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, в расположении командного пункта был уже наведен маломальский порядок. Правда, еще дымило мазутное «корыто» — открытый бетонный резервуар, устроенный в выемке берега на некотором расстоянии от баков. Что в «корыте» есть нефть, было известно и раньше, но хлынуть оттуда на КП она не могла. И дым от нее, не такой уж сильный, приносил даже известную пользу как дополнительное средство маскировки.

— А переносить отсюда командный пункт все-таки придется, — сказал, осмотревшись, Филипп Иванович. — За этим местом немцы будут следить и покоя вам тут не дадут.

Такого мнения были и мы. Командарм доложил, что помещение для КП уже подготовлено.

От Голикова, как всегда при посещениях им армии, узнали разные новости, касавшиеся фронта в целом.

После того как не удалось пробиться к Сталинграду с севера и соединиться с нами войскам, входившим теперь в состав Донского фронта, нас особенно интересовали действия южных соседей. Рассчитывать на скорое соединение с ними было еще трудно, но какую-то часть неприятельских сил, штурмовавших город, они оттягивали.

Голиков рассказал про контрудары 51-й и 57-й армий, которые за последние дни потеснили противника в нескольких десятках километров южнее Сталинграда, в районе озер Сарпа и Цаца. Вновь и вновь предпринимала контратаки своим правым флангом 64-я армия — ближайшая к нам с юга. Окажись более успешным ее последний удар в направлении Песчанки и Воропонова, нам сразу стало бы легче. Но преодолеть разделявшие нас километры пока не удавалось — не пришло время...

В полосе обороны 64-й армии находилась южная окраина Сталинграда — Кировский район. Там, по словам Филиппа Ивановича, не было таких бомбежек и таких пожаров, как в нашей полосе, и рядом с фронтом, под вражеским огнем, могла продолжаться городская жизнь, похожая на ту, которую называли нормальной в осажденном Севастополе. Бо́льшую часть населения района, конечно, эвакуировали, но оставались на своих местах райком партии и райисполком, давала ток СталГРЭС (должно быть, гитлеровцы еще надеялись захватить ее неразрушенной), работали хлебозавод и некоторые другие предприятия, ремонтировались танки, речные корабли.

Отрадно было, что есть в Сталинграде район, где не все обращено в руины, где рабочие смены встают к станкам... Но заместитель командующего фронтом подчеркивал, да мы и сами это знали: та часть Сталинграда, владение которой определяет, кто владеет городом вообще, — здесь, в расположении нашей армии. Недаром только за последние десять дней сюда были переправлены четыре дивизии.

— С боевым составом, за исключением танков у вас теперь стало получше, не то что полмесяца назад, — говорил Голиков. — Главное сейчас — создать подлинно жесткую оборону, превратить в крепость каждый стоящий на линии фронта дом.

Вместе с тем от армии требовалась постоянная готовность к частным наступательным операциям.

Перспективами скорого изменения общей обстановки у Сталинграда Филипп Иванович не обнадеживал. Только когда речь зашла о том, что нашей армии стали слишком уж скупо отпускать артиллерийские снаряды, он, не сказав, правда, ничего определенного, дал понять: на это есть основания, и жалеть об этом в конечном счете не придется.

Голикова, как и нас самих, тревожило положение правого крыла армии, где до недавнего времени фронт был наиболее стабильным, а теперь бои, разгоревшиеся в заводских поселках, начинали перемещаться на территории заводов.

Я еще не сказал, что в первых числах октября мы потеряли Орловку. Контратаки, предпринятые в помощь группе полковника Андрюсенко, переросли в тяжелые встречные бои, в которых дал себя знать численный перевес противника. Предотвратить окружение группы Андрюсенко не удалось, причем отдельные ее части были отрезаны друг от друга. Прилетавшие из-за Волги У-2 сбрасывали им боеприпасы и продовольствие, но несколько сотен бойцов, зарывшихся в землю в долине речки Орловка и примыкающих к ней оврагах, не могли долго продержаться в сжимающемся вражеском кольце. В ту ночь, когда мы переходили на новый КП, орловской группе был передан по радио приказ прорываться из окружения.

К утру штаб группы и остатки одного из батальонов 115-й стрелковой бригады пробились на окраину поселка СТЗ. В последующие дни выходили к своим и другие подразделения. Их личный состав был влит в 124-ю бригаду Горохова.

Потом мне не раз встречались в показаниях пленных немцев признания исключительного упорства защитников орловского выступа. Овладение районом Орловки стоило Паулюсу по меньшей мере двух тысяч солдат, нескольких десятков танков. Своей стойкостью в неравных боях группа Андрюсенко на неделю с лишним задержала удары противника на северном участке заводского района — по поселку СТЗ и самому Тракторному. А за это время там прибавилось наших сил.

Именно для обороны Тракторного завода предназначалась 37-я гвардейская стрелковая дивизия. Приказом по фронту ее включили в нашу армию 2 октября, а пере-

правляться она начала в ночь на 4-е. Мы получили еще одно соединение «крылатой», или «голубой», пехоты, сформированное из воздушнодесантников («голубой» потому, что они продолжали носить петлицы своего прежнего рода войск). Правда, эта дивизия, как и 39-я гвардейская, прибывшая раньше, уже далеко не полностью состояла из бывших десантников. Она тоже воевала последние полтора месяца севернее Сталинграда.

Комдив 37-й Виктор Григорьевич Жолудев оказался рослым молодым генерал-майором. Орден Красного Знамени, крупный «инструкторский» значок парашютиста с запоминающейся цифрой «100» на подвеске и золотистая нашивка за тяжелое ранение на его полевой гимнастерке говорили сами за себя. В ночь нашей первой встречи он показался мне удалым и веселым. Тогда даже подумалось, что хмуриться ему, наверное, вообще не свойственно, как бы ни было трудно.

А трудной была уже сама переправа дивизии. Не обошлось без потерь, остро не хватало плавсредств. Насколько помню, сам Жолудев и его начальник штаба майор И. К. Брушко добирались до правого берега на рыбацкой лодке. А основной состав штадива к утру еще не прибыл. Задержалась также противотанковая артиллерия — ее не на что было погрузить.

Между тем надежды на то, что дивизия сможет более или менее спокойно занять оборону на назначенном ей рубеже, не оправдались. Начав наступление на поселок СТЗ, противник потеснил малочисленную 112-ю дивизию (при последних перегруппировках она была передвинута на северный участок заводского района, став соседом группы Горохова), а также правый фланг 308-й. Обе эти дивизии должны были передать часть своих позиций 37-й гвардейской, которой отводилась полоса обороны между ними. Теперь же сюда вклинился враг, и полки Жолудева вводились в бой с задачей отбросить его назад и восстановить положение.

Не успевших переправиться дивизионных штабистов временно заменили оперативные работники штаба армии. Для поддержки дивизии выделялись два истребительно-противотанковых артполка. Вместе с зенитками, которые также годились против танков, на этот участок было выдвинуто за ночь 110 орудий.

Все пришлось делать в большой спешке, и от этого усиливались обычные тревоги, всегда связанные с вводом в бой нового, только что прибывшего соединения. Утром я убедил командарма, что мне следует самому побывать в расположении дивизии.

Командный пункт 37-й гвардейской разместился совсем недалеко от нашего, в овраге южнее Тракторного. Гитлеровцы остервенело бомбили и территорию завода и его поселок — пожалуй, сильнее, чем когда-либо после массированных августовских налетов. Но войскам, втянувшимся в ближний бой, доставалось от бомбежек меньше, чем тылам, — у переднего края немцы опасались ударить по своим.

Начав прямо с контратак, дивизия Жолудева за прошедшие часы уже кое-чего добилась. Ее правофланговый полк — 109-й гвардейский подполковника Ф. С. Омельченко — вышел к устью Орловки (она сливается с Мокрой Мечеткой примерно в трех километрах от Волги). На других участках успехи были скромнее, но во всяком случае гвардейцы нигде не давали продвигаться противнику. Молодой генерал Жолудев управлял боем увлеченно, напористо. В том, как он откликался на любые изменения обстановки, как маневрировал своими небольшими резервами, чувствовалась быстрота реакции истинного десантника.

В душе я невольно восхищался двужильной выносливостью «голубой» пехоты. Не истекло еще и пяти суток с тех пор, как эта дивизия сражалась в составе 4-й танковой армии у Дона. Затем последовали форсированный марш к Волге, две переправы, одна другой тяжелее, — на левый берег и тотчас же снова на правый, в Сталинград. А тут — с ходу, не переведя дыхания, пришлось вступить в тяжелый бой в необычных городских условиях. И пошел он так, что на неблагополучном, прорывном участке положение начало выправляться.

Создавалось впечатление, что появление нашей новой дивизии на подступах к Тракторному оказалось для немецкого командования неожиданностью, основательно спутавшей его карты. Что так оно и было, потом уже не оставалось сомнений: 6 октября противник прекратил атаки в этом районе на целые сутки, очевидно не считая возможным продолжать их, не подтянув резервы.

Вслед за 37-й гвардейской дивизией стала переправляться 84-я танковая бригада полковника Даниила Никитича Белого. К тому времени у нас почти не оставалось даже тех латаных-перелатаных танков, которыми армия обходилась последние недели. Поэтому нет нужды говорить, что́ значило получить полсотни исправных боевых машин. Половину их составляли тридцатьчетверки. Было в бригаде даже пять КВ.

Насколько дорожил этой частью фронт, явствовало из переданных нам строгих указаний: использовать танки пока только для ведения огня с места (вряд ли это было лучшим их применением, но в тогдашних условиях позволяло дольше сохранить машины в строю), заранее подготовить для каждого танка огневую позицию, назначить на каждый отдельного проводника. КВ и Т-34 разрешалось грузить на паромы лишь по одному.

Больше всех радовался танковому подкреплению, разумеется, Матвей Григорьевич Вайнруб. Вместе с командиром бригады он сам выбирал позиции для каждого танка.

Из-за трудностей с плавсредствами переправа бригады затянулась. В первую ночь мы получили только пятнадцать легких танков. Но и они, расчетливо расставленные в заводских поселках, в боевых порядках дивизий Гуртьева и Жолудева, явились ощутимой поддержкой пехоте. В том числе и моральной: если рядом стоял танк, бойцы чувствовали себя увереннее.

Эти танки прибывали в присутствии генерала Голикова. Бывая у нас в армии, Филипп Иванович всегда подробно интересовался тем, как проявляет себя такая-то часть, такой-то командир. Все дивизии и бригады, поступившие на усиление армии в сентябре и начале октября, прошли на том берегу через его руки. Непосредственно ведая отправкой к нам подкреплений, он встречал их за десятки километров от переправы, первым знакомил командиров со сталинградской обстановкой, с тем, что их тут ждет. Должно быть, еще там у него складывались определенные представления о соединениях, о людях, которые Голиков стремился потом проверить.

То октябрьское посещение Ф. И. Голиковым 62-й армии оказалось последним. Скоро стало известно, что он возвращается на Воронежский фронт, которым уже командовал раньше.

После Голикова заместителем командующего фронтом стал Г. Ф. Захаров, но он занимался главным образом армиями левого крыла, которым отводилась более активная роль в готовившемся контрнаступлении. Начальником штаба Сталинградского фронта был назначен генерал-майор И. С. Варенников, прибывший с юга, где он возглавлял штаб 37-й армии.

Должен сказать, что за те три без малого месяца, в течение которых (до передачи 62-й армии Донскому фронту) Иван Семенович Варенников был моим начальником по штабной линии, видеться нам не приходилось.

Но уже через несколько часов после вступления в должность он соединился со мною по ВЧ:

— Здравствуйте, Николай Иванович! Вашу утреннюю сводку получил, имею кое-какие вопросы. А если есть что-то новое, то с него и начинайте...

Мы стали разговаривать каждый день не по одному разу. Если армейские отчетные документы где-нибудь задерживались, Иван Семенович сам записывал основные данные об изменениях в обстановке, которые я докладывал ему по своей рабочей карте. Его всегда интересовали не только факты как таковые, но и наша оценка их, а главное — как на них реагируем. Очень дорого было, что Варенников охотно выслушивал возникавшие у меня соображения, не отказывал в совете, готов был дать, в пределах возможного, дополнительную информацию об общем положении дел. В условиях армии, действующей изолированно от остального фронта, все это имело особое значение.

Потом бывало, что телефонная связь с фронтовым КП прерывалась, и не на один день. И тогда начальник штаба фронта, не имея возможности переговорить с командармом или со мною, сам принимал и выслушивал нашего офицера связи, переправившегося через Волгу с отчетной картой и другими документами. Впрочем, нередко генерал-майор Варенников требовал к себе прибывшего из Сталинграда офицера связи и в дни, когда линия ВЧ работала: его интересовали все детали сталинградской обстановки.

Как уже говорилось, И. С. Варенников совсем недавно сам был начальником штаба армии. Мы с ним имели одинаковые звания, были примерно одних лет. Вероятно, и эти обстоятельства способствовали тому, что наши заоч-

ные отношения с новым начальником штаба фронта, не в ущерб должностной субординации, как-то сразу стали простыми и непринужденными. Но прежде всего это зависело, конечно, от общего стиля работы генерала Варенникова.

С его приходом (говорю, разумеется, о своем субъективном ощущении) словно сократилось расстояние между нами и заволжским селением Красный Сад, где размещался штаб фронта. Находясь там, общаясь со мною только по телефону, Иван Семенович Варенников стал для меня близким боевым товарищем.

После того как главные события переместились к заводам, на нашем левом фланге, у Родимцева, крупных боев не происходило. Но это не значит, что на участке 13-й гвардейской дивизии стало спокойно. Какое уж спокойствие, если от переднего края до Волги максимум 500 метров! А окопы полка Панихина местами проходили почти по самому краю обрывистого берега. При этом враг держал перед позициями гвардейцев части двух пехотных дивизий и много артиллерии.

Родимцеву не удалось, не хватило сил отбить район причалов бывшей Центральной переправы. Однако и гитлеровцы не смогли продвинуться там дальше. На полоске берега, которая выглядела на карте длинным суживающимся языком (фронт 13-й дивизии превышал 6 километров, что составляло после потери орловского выступа примерно четверть всего фронта армии), в условиях, осложнявшихся еще тем, что противник владел рядом высоких зданий, откуда все просматривалось, была создана надежная, жесткая оборона. В прочности ее фашистам пришлось еще раз убедиться, когда они 1 октября опять попытались вклиниться здесь в наши боевые порядки.

Устойчивость вытянутого левого фланга много значила для положения армии в целом. И дивизии Родимцева вновь и вновь подтверждалась задача: удерживая занимаемую часть города, укрепляя свои позиции, освобождать новые кварталы, последовательно уничтожать противника в захваченных им зданиях, действуя мелкими штурмовыми и блокирующими группами. В штадиве, в штабах полков планировали такого рода действия инициативно и изобретательно. Тон в этом задавал сам Алек-

сандр Ильич Родимцев, не забывший, надо полагать, как били фашистов в Университетском городке Мадрида.

В 13-й гвардейской дивизии проверялись и отрабатывались многие приемы городского боя, переносившиеся потом в другие соединения. Не могу не отметить: рождавшуюся в боях новую тактику активно пропагандировали вместе с командирами также и политработники, зачастую — личным примером. Участвуя в действиях штурмовых групп, были тяжело ранены начальник политотдела дивизии старший батальонный комиссар Г. Я. Марченко, военком 34-го стрелкового полка батальонный комиссар П. В. Данилов.

Памятен ночной штурм здания Госбанка. Это был один из первых успешных боев по овладению укрепленным опорным пунктом противника. Проведенный минимальными силами, он потребовал тщательной подготовки, детальнейшего плана.

Это огромное — двести с лишним метров по фасаду — четырехэтажное здание с засевшими в нем неприятельскими снайперами, пулеметчиками, артиллерийскими наблюдателями нависало над позициями стрелкового полка Елина. Толстенные каменные стены и глубокие подвалы (банк есть банк) защищали гитлеровцев от артогня. Вдобавок двери выходили на сторону противника, и с нашей стороны дом представлялся прямо крепостью. Овладеть им обычным способом, вероятно, удалось бы лишь в ходе более широких наступательных действий, для которых еще не пришло время.

Изучение конкретной обстановки подсказало выход: пробить в стенах бреши зарядами взрывчатки. В каждую из сформированных для захвата здания трех штурмовых групп включили (потом это стало обычным) саперов-подрывников. От того, смогут ли они благополучно подползти к дому со своим тяжелым грузом, зависело все последующее.

Задача, возложенная на восьмерых саперов, была, пожалуй, самой трудной. Но их сумели хорошо прикрыть автоматчики, а также расчеты орудий, бивших прямой наводкой по окнам, и саперы сделали свое дело, оставшись невредимыми.

Внезапные взрывы так ошеломили гарнизон дома, что оттуда в течение двух-трех минут не раздалось ни одного выстрела. За это время штурмовые группы ворвались в

здание. А исход боя за лестничные клетки, этажи, отдельные помещения решали в основном гранаты. Здание было очищено от гитлеровцев и превратилось из их опорного пункта в наш.

Достигнутый успех, если брать его отвлеченно, выглядит более чем скромным, особенно в масштабах армии: отбит у противника один дом... Но тогда говорили: «Целый дом! Да еще какой!» В городском бою овладение одним зданием может значить больше, чем в полевом — тактически важной высотой. А в данном случае приходилось еще помнить о ничтожной глубине обороны на левом фланге. Насколько увереннее должны были почувствовать себя бойцы, за спиной которых находилась Волга, оттого что такой дом стал нашим!

Овладеть Госбанком удалось малой кровью, что свидетельствовало о больших возможностях штурмовых групп. Штаб армии позаботился, чтобы опыт этого боя, начиная с планирования и подготовки, был изучен не только в полках 13-й гвардейской дивизии.

На участке того же 42-го стрелкового полка полковника И. П. Елина, в районе тогдашней площади 9 Января, в конце сентября появился опорный пункт, известный как «дом Павлова».

Вряд ли нужно подробно рассказывать его историю: опубликованы воспоминания и тех, кто входил в его гарнизон, и их ближайших начальников. Замечу лишь, что этот опорный пункт создавался фактически за нашим передним краем, в ничейной полосе. И то, что он продержался столько, сколько понадобилось, — до тех пор, пока не отодвинулась дальше линия фронта (а это произошло без малого через два месяца), сделало его символом сталинградской стойкости, сталинградской боевой активности.

Этот наш форпост возник в напряженнейшей обстановке, когда жесткая оборона была для дивизии Родимцева задачей, еще не решенной, а опасность расчленения дивизии и уничтожения ее по частям (не отпавшая вообще-то и потом) очень велика. Но и командиром полка, оценившим выгодное расположение четырехэтажного жилого дома, оказавшегося между неприятельскими и нашими позициями, и непосредственными организаторами опорного пункта — комбатом А. Е. Жуковым, командиром роты И. И. Наумовым (последний пал смертью храбрых на этом

участке, когда мы уже наступали, и его имя носит теперь соседняя улица) руководило одно стремление — выстоять во что бы то ни стало.

Ну а сержанта Якова Павлова, который был послан с тремя бойцами только разведать «объект», но, застав там врасплох небольшую группу гитлеровцев, сумел очистить от них дом, то же стремление выстоять побудило остаться в здании и взять на себя без всякого приказа ответственность за оборону дома, пока не подойдет подкрепление.

Разведчики обороняли дом более суток — прислать им помощь сразу не смогли из-за того, что отражалась новая попытка гитлеровцев прорваться к Волге. Потом на передовой опорный пункт были проведены и размещены там пулеметный взвод лейтенанта Ивана Афанасьева, бронебойщики, минометчики, снайперы — всего около пятидесяти человек. Связисты протянули туда телефонный провод. Но кто бы ни становился в гарнизоне дома старшим, он оставался для полка, дивизии, армии «домом Павлова». «Триста метров западнее дома Павлова...» — говорили наши операторы, докладывая обстановку.

Под таким названием дом и вошел в историю Сталинградской битвы. И это справедливо уже потому, что смелое решение сержанта — не уходить из здания, которое ему и его товарищам удалось занять почти с ходу, без потерь, позволило упредить гитлеровцев: в ближайшие же часы они наверняка сумели бы там закрепиться, создать свой опорный пункт, и тогда овладение им могло обойтись нам дорого.

Дом представлял собою весьма ценную в тактическом отношении позицию. Оттуда просматривались и простреливались захваченные врагом улицы на километр в западном направлении, а на север и юг — еще дальше. На этом участке Елин смог продвинуть передний край своего полка ближе к противнику. Легче стало удерживать расположенное поблизости высокое здание паровой мельницы с оборудованными в нем наблюдательными пунктами.

Немцы множество раз пытались отбить у нас «дом Павлова», предпринимая иногда по нескольку атак в течение дня. Но дом оброс наружными огневыми точками с системой траншей и даже подземных ходов, был приспособлен для круговой обороны, обеспечен неснижаемым запасом патронов, мин, гранат, продовольствия и воды. А главное — люди, которые несли там дежурство по сме-

нам, как на боевом корабле (часть личного состава могла в часы затишья отдыхать в подвале, где оборудовали даже ленинскую комнату), сознавали свою ответственность перед всей армией.

На отправляемой в штаб фронта отчетной карте изо дня в день обводился красным карандашом врезавшийся в расположение противника удлиненный прямоугольник, и это означало — «дом Павлова» по-прежнему в наших руках.

Он стал как бы Сталинградом в Сталинграде, сделался той частицей нашей обороны, где, может быть, особенно отчетливо проявлялись черты, присущие ей в целом. И значение этого опорного пункта не исчерпывалось связанными с ним тактическими выгодами. Скольких бойцов воодушевлял сам тот факт, что обыкновенный жилой дом превращен в бастион на переднем крае, овладеть которым фашисты не могут!

А когда впоследствии, в ноябре, попробовали хотя бы приблизительно подсчитать потери гитлеровцев на подступах к этому сталинградскому дому, получилось, что они сравнимы с потерями вермахта при захвате некоторых европейских столиц.

Чтобы была ясна обстановка во всем районе к югу от заводов и заводских поселков, надо добавить, что ни на один день не прекращались бои за Мамаев курган. К началу октября западная его сторона и вершина с водонапорными баками находились в руках противника. Восточную сторону удерживали подразделения дивизии Батюка. На командной высоте, откуда просматривался не только весь Сталинград, но и Заволжье, шла борьба за каждый бугорок, за отдельные окопчики, за мелкие ответвления ведущих наверх овражков.

В штабе у Батюка вынашивались планы — как овладеть вершиной кургана и выйти на его западные скаты. Однако пока это была еще задача не сегодняшнего, а завтрашнего дня.

Участок фронта за северной окраиной Сталинграда, где в конце августа создалось критическое положение, стал затем — после того как мы вернули поселки Спартановка и Рынок — самым стабильным в полосе армии. Оперативные сводки многих дней сентября начинались с привыч-

ной уже фразы: «На северном участке прочно удерживаются занимаемые позиции».

Группа полковника С. Ф. Горохова хорошо закрепилась на рубежах, которые отбила у врага августовскими контратаками. Имея собственную переправу, действовавшую пока даже более надежно, чем наша основная, она бесперебойно получала из-за Волги боеприпасы и прочие грузы. Потери в группе были относительно невелики, пополнений практически не требовалось. Наоборот, отсюда не раз брали то роту, то батальон на участки соседей. К исходу сентября в 124-й стрелковой бригаде насчитывалось четыре тысячи штыков, в 149-й — без малого три с половиной тысячи, примерно три четверти первоначального состава.

Стабильность фронта на северном участке не означала затишья. Хотя бои здесь некоторое время и не были такими тяжелыми, как на левом фланге и в центре армейской полосы, но шли они тут непрерывно. С этими боями связаны выдающиеся примеры солдатской стойкости, командирского мастерства.

Не могу не рассказать о 1-м стрелковом батальоне 124-й стрелковой бригады, которым командовал капитан С. П. Цибулин. Еще в начале сентября, когда я исполнял обязанности командарма, на него была возложена оборона высоты с отметкой 97,7 между долинами Орловки и Мокрой Мечетки, у кромки лесопосадок, окаймлявших окраины города. Удержанию высоты придавалось большое значение: она прикрывала на этом направлении подступы к Тракторному заводу (и была единственным тогда в расположении группы Горохова местом, где ее части оборонялись фронтом не на север или запад, а на юг). Противник изо дня в день яростно бомбил высоту, обрабатывал ее артогнем, многократно пытался овладеть ею. Но батальон капитана Цибулина — ему, естественно, обеспечивалась надлежащая огневая поддержка — все эти попытки срывал. Скромная возвышенность Ергенской гряды была превращена в серьезное препятствие на пути врага.

Безуспешные для гитлеровцев бои за высоту 97,7 велись более месяца. И Военный совет 62-й армии имел все основания представить комбата Цибулина — первым из защитников Сталинграда — к ордену Александра Невского, только недавно, в июле того же года, учрежденному Президиумом Верховного Совета СССР. Этим орденом на-

граждались командиры за личную отвагу и умелое командование. Вышло так, что капитан Степан Петрович Цибулин стал одним из двух первых кавалеров этого ордена во всей Красной Армии.

В Северной группе много времени в качестве представителя командования армии проводил мой заместитель полковник С. М. Камынин. Мне же обстоятельства не позволили побывать за Мечеткой и в сентябре. Знакомство с комбригами С. Ф. Гороховым и В. А. Болвиновым, с комиссарами бригад В. А. Грековым и Л. Г. Подольным, с начальниками штабов оставалось заочным. Но подумать, что мне так и не придется встретиться с кем-то из этих товарищей, о которых уже много знал, я не мог.

А в один из трудных октябрьских дней, когда на правом фланге, как и в центре наших позиций, все было в огне, когда к Тракторному уже выдвигались переправившиеся полки дивизии Жолудева, поступило сообщение, что фашистские танки и автоматчики отрезали наблюдательный пункт подполковника Болвинова на окраине рабочего поселка СТЗ, где находилось все командование 149-й бригады. Связь с нею прервалась.

Только через два-три часа выяснилось, что комбриг Болвинов жив и старается с помощью командования группы восстановить положение. А военком бригады старший батальонный комиссар Л. Г. Подольный и начальник штаба подполковник Н. М. Миловидов погибли у своего НП, отбиваясь от вражеских танков.

Почти одновременно у завода «Баррикады» попал под удар КП 339-го стрелкового полка дивизии Гуртьева. Ни танки, ни автоматчики противника туда не прорвались — все управление полка вывела из строя авиабомба, пробившая перекрытие блиндажа.

Доложив по телефону, что убит командир полка подполковник Михалев и еще шестнадцать человек, Леонтий Николаевич Гуртьев добавил: «Шонин погиб тоже...» Это был помощник начальника штаба полка, лейтенант, имя которого знала, наверное, вся 62-я армия. О его доблести писала наша армейская газета, сообщало Совинформбюро. Потом ему посвятила передовую статью «Комсомольская правда».

Боевые подвиги комсомольца Бориса Шонина не имели прямого отношения к штабной должности, на которую его недавно выдвинули. Просто он неоднократно — и в

Сталинграде, и под Котлубанью, где дивизия действовала раньше, — попадал в такую обстановку, когда всем находящимся на полковом КП, независимо от должностей и званий, приходилось браться за оружие. И на личном счету молодого помначштаба за короткое время появилось четыре или пять уничтоженных фашистских танков. Два из них он подбил из ПТР вблизи того блиндажа, где затем погиб от авиабомбы.

Шонин был посмертно награжден орденом Ленина. Противотанковое ружье, из которого лейтенант стрелял в последний раз, вручили лучшему бронебойщику-комсомольцу полка как оружие героя. А сейчас мне подумалось: одного того факта, что ПТР стало для полкового штабиста чем-то вроде личного оружия, пожалуй, достаточно, чтобы представить условия работы штабов в Сталинграде.

К тому времени все командные пункты и штабы располагались в непосредственной близости от переднего края.

И ни один КП или штаб, не исключая и армейского, не мог быть гарантирован от внезапного появления перед ним фашистских танков.

Новый командный пункт 339-го полка, в командование которым после гибели Михалева Гуртьев приказал вступить дивизионному интенданту майору И. А. Кушнареву, занимавшему строевые должности в гражданскую войну, оборудовали в проходившей по заводской территории широкой бетонной трубе. Некоторое время спустя пришлось отбиваться от блокировавших вход в эту трубу немецких автоматчиков. Хорошо, что на КП держали под рукой несколько ящиков гранат!

А из тех случаев, когда штабы гибли от прямых попаданий бомб, сделали вывод, что блиндажи котлованного типа (в которых долго работал и штаб армии) в сталинградских условиях малоприемлемы.

Гораздо надежнее были блиндажи, врезанные «минным способом» в склоны пересекающих город оврагов и балок или в откосы волжского берега: их защищали несколько метров плотной, иногда даже скальной, породы. Ни один такой блиндаж не был пробит бомбой или засыпан. Наши инженерные подразделения сооружали их добротно — с запасными выходами, с вентиляцией. Но, конечно, не сразу командные пункты и штабы всех соеди-

нений и частей могли быть обеспечены такими убежищами.

Как бывало и в Севастополе, мне подчас очень недоставало личных впечатлений о том или ином участке фронта, живого общения с комдивами и комбригами.

На армейском КП они появлялись только в исключительных случаях, и то лишь из ближайших соединений. А выбираться к ним мне удавалось куда реже, чем командарму или Гурову, — такова уж доля начальника штаба. Подолгу не видя многих командиров и дивизионных штабистов, я помнил и различал их по голосам в телефонной трубке.

Вот и сейчас, столько лет спустя, подумав о 308-й дивизии, словно опять слышу молодой, бодрый голос начальника ее штаба подполковника Михаила Ивановича Тарасова. Он был, наверное, только немногим старше Бельского из 13-й гвардейской, самого молодого среди начальников штабов дивизий, и обладал неистощимой работоспособностью. Казалось, просто невозможно не застать его бодрствующим в какое бы то ни было время суток. Мне нравились в Тарасове активность мысли и прямота суждений, беспощадная честность в анализе собственных промахов.

Вообще, если 308-й стрелковой, как мы считали, повезло на комдива, то самому Леонтию Николаевичу Гуртьеву посчастливилось на ближайших помощников.

Спокойного, уравновешенного комдива хорошо дополнял горячий, темпераментный и такой же близкий к людям военком Афанасий Матвеевич Свирин (вскоре, в соответствии с Указом об установлении полного единоначалия и упразднении института военных комиссаров, он перешел на положение заместителя командира по политической части). Дивизия имела опытнейшего, хваткого в своем деле начальника разведки — Владимира Евгеньевича Ленчевского, чьи данные о конкретных намерениях противника не раз сослужили службу всей армии. Уже потом я узнал, что в гражданскую войну Ленчевский состоял в разведчиках у Чапаева.

Дивизия Гуртьева, прибывшая в Сталинград со значительным некомплектом личного состава, после недели кровопролитных боев находилась в тяжелом положении.

Стрелковых полков в ней было уже только два. Остатки третьего, понесшего наибольшие потери, поделили между ними еще 4 октября, когда был тяжело ранен его командир майор Маркелов. А теперь требовалось переформировать ряд батальонов, пополнить их хотя бы за счет дивизионных тылов.

Серьезные потери понесла и 37-я гвардейская дивизия Жолудева, прибывшая из-за Волги последней. А все имевшиеся у нас сведения подтверждали, что противник накапливает силы именно перед правым крылом армии, особенно — на подступах к Тракторному. Для уплотнения боевых порядков на наиболее угрожаемых участках стало необходимым передвинуть ряд частей слева направо по фронту обороны.

Перегруппировка, уже спланированная штабом армии, представлялась, однако, почти неосуществимой при такой напряженности на переднем крае (и учитывая слишком малую глубину нашей обороны). Позарез нужны были хоть два-три относительно спокойных дня. И мы их все-таки получили, вырвали у врага!

Как уже говорилось, еще 6 октября противник оказался вынужденным приостановить наступление на Тракторный. Удары с воздуха, особенно по боевым порядкам дивизии Жолудева, которая перекрыла участок назревавшего прорыва, не ослабевали, но наземные атаки здесь прекратились. Однако тогда — лишь на один этот день.

7 октября противник предпринял попытку врезаться танками и пехотой в поселок СТЗ с юга — со стороны поселка «Баррикады». Этот натиск пришлось принять на себя опять-таки дивизии Жолудева, и немцам удалось на 300—400 метров вклиниться в ее позиции. Вражеские атаки на других участках были безуспешными. За день защитники Сталинграда уничтожили 16 фашистских танков и, по примерным подсчетам, до четырех батальонов пехоты.

Запись, сделанная вечером в армейском журнале боевых действий, констатирует: «Несмотря на безраздельное господство в воздухе, превосходство в танках и живой силе, противник несет исключительно большие потери и не может развить наступление».

Очевидно, и в штабе Паулюса поняли, что продвинуться дальше не удастся, не перегруппировав атакующие нас силы и не подтянув свежие. Так или иначе, новых атак,

к отражению которых наши войска, как обычно, приготовились за ночь, утром 8 октября в заводском районе не последовало.

Не возобновлялись они тут и еще в течение пяти дней. Перед Тракторным заводом, в поселках «Баррикады» и «Красный Октябрь» гитлеровцы были остановлены героическими дивизиями Жолудева, Гуртьева, Горишного, Смехотворова, Гурьева, оперативными группами Андрюсенко и Горохова.

Пехоте помогла выстоять артиллерия. Ее у нас все прибавлялось, увеличивались и возможности массировать огонь.

Когда были получены достоверные сведения о том, что на окраине поселка СТЗ и в районе завода «Силикат» противник сосредоточил и готовится двинуть в наступление до двух дивизий с танками, удалось — с помощью штаба фронта, который ввел в действие свои артгруппы,— организовать артиллерийскую контрподготовку небывалой еще в полосе нашей армии силы: в ней участвовало более 300 стволов и — сверх того — пять полков «катюш».

40-минутная артиллерийская контрподготовка сделала свое дело — сосредоточенные на этом участке неприятельские части в наступление не двинулись. Пожарский ходил именинником.

О том, как воспринималась эта боевая работа артиллеристов у нас на переднем крае, рассказывает в своих неопубликованных воспоминаниях В. Г. Белугин — тогда политработник, а затем командир 347-го стрелкового полка:

«И вот началось, раздались первые залпы. Даже както не верилось, что они — с левого берега, из-за Волги. Артиллерийского огня такой силы я еще никогда не видел. Все впереди заполыхало, вместе с клубами дыма в воздух взметнулись пыль и щебень. Наши бойцы поднялись из своих щелей, широко и радостно улыбались. Мы торжествовали победу сегодняшнего дня — боевые порядки врага были разбиты...»

Конечно, значение урона, нанесенного противнику на том или ином участке, нельзя было переоценивать. «Несмотря на большие потери, способен вести активные наступательные действия» — так оценивалось его состояние в выводах декадной разведсводки для штаба фронта, ко-

торую мы с полковником Германом подписали 10 октября.

По нашим данным, непосредственно перед фронтом армии находились пять немецких пехотных дивизий (71, 94, 100, 295 и 389-я) и две танковые (16-я и 24-я) плюс еще не менее ста танков неустановленного подчинения. Все это — только в первом эшелоне. Имелось много свидетельств того, что дивизии противника интенсивно пополняются, что усиливается поддерживающая их артиллерия. Из Германии перебрасывались по воздуху саперные батальоны (номера нескольких из них наш разведотдел успел установить), специально обученные действиям в условиях города.

Так что не приходилось сомневаться: надо ждать нового натиска, еще одного штурма, который гитлеровское командование наверняка будет рассматривать как последнее усилие, необходимое для овладения всем городом.

Затишье было весьма относительным. Над нашими позициями то и дело появлялись фашистские бомбардировщики — правда, сейчас небольшими группами. Разрывы бомб и снарядов не смолкали. Продолжалась борьба за здания, участки улиц. На левом фланге дивизии Родимцева пришлось отбивать еще одну попытку гитлеровцев прорваться к Волге.

И все же армия смогла, как говорится, перевести дух, подготовиться к новым тяжелым боям. Были ускорены работы по инженерному оборудованию позиций. Сделать требовалось еще много, особенно на участках, где изменялась линия фронта. Но, обсудив вечером 8 октября ход работ, Военный совет назначил жесткий срок завершения всего намеченного — к утру 10-го.

Немалую сложность представляло создание противотанковых и противопехотных минных заграждений в ничейной полосе, ширина которой часто не превышала нескольких десятков метров. Тут не могло быть и речи, например, о том, чтобы пробивать для мин ямки в уличном асфальте. Саперы приспособились ставить мины «по-городскому». Где можно — зарывали в щебень, подсовывали под камни или клали прямо на асфальт, маскируя тем же щебнем, разными обломками. И все это саперы делали в темноте, лежа, передвигаясь только ползком... Саперы-охотники — так мы их называли — из армейского батальона инженерных заграждений пробирались с противотан-

ковыми минами и в кварталы заводских поселков, занятые противником.

Одновременно осуществлялось решение командующего о перегруппировке войск на правом фланге и в центре армейской полосы. В ночь на 9 октября вся 95-я дивизия полковника Горишного была снята со своих позиций между заводом «Красный Октябрь» и Мамаевым курганом (оборона склонов высоты полностью передавалась Батюку) и выведена берегом на участок между Тракторным и «Баррикадами» — в стык дивизий Жолудева и Гуртьева.

Перед «Красным Октябрем» 193-я дивизия Смехотворова, имевшая большие потери, передавала часть своих рубежей гвардейцам Гурьева. А 112-я дивизия Ермолкина, старейшая в списках 62-й армии и давно уже единственная из тех, что входили в ее состав на Дону (она оборонялась теперь на небольшом участке фронта у Мокрой Мечетки, между 37-й гвардейской Жолудева и группой Горохова), пополнилась своим же 524-м стрелковым полком. От него после сентябрьских боев остался фактически один штаб, который был отправлен за Волгу, где и укомплектовал полк заново в дивизионных тылах. Правда, по числу штыков он соответствовал не более чем батальону. Но для Ивана Ефимовича Ермолкина и такое подкрепление было существенно. Полк этот выдвигался на подступы к Тракторному.

Из своих тылов — и дивизионных и армейских — мы взяли в те дни, кажется, всех, без кого там могли как-то обойтись. Между тем тыловые службы работали очень напряженно. Наши склады были разбросаны по разным селениям на том берегу. К пунктам погрузки на суда все доставлялось исключительно ночью. Сама переправа производилась почти всегда под вражеским огнем, теперь уже не только артиллерийским, но и минометным. А то, что благополучно выгружалось на правый берег, все реже можно было доставить в войска каким-либо транспортом и все чаще приходилось переносить (даже в далекие от пристаней части) на руках — и продовольствие, и ящики с патронами, гранатами, снарядами.

Недалеко от причалов «переправы-62», в подвале бывшего детского тубдиспансера и его саду, действовала армейская артлетучка—главный «перевалочный пункт» боепитания на правом берегу. Место это было выбрано как будто удачно, и, судя по всему, гитлеровцы пока не зна-

ли, что небольшой приволжский сад изрыт котлованами — расположенными в шахматном порядке и хорошо замаскированными, — где складываются боеприпасы, не отправленные в войска прямо с причала.

Летучку возглавлял заместитель начальника артснабжения армии военный инженер Проталион Николаевич Соколов, человек уже в летах, старый коммунист. Подчиненные ему команды часто работали прямо-таки в бешеном темпе, особенно если груз запаздывал и близился рассвет. Как-то фашистская авиация потопила только что разгруженную и еще стоявшую у причала самоходную баржу. Баржи было жалко: их становилось все меньше. Но боеприпасы уже успели убрать и укрыть.

На правый фланг, в группу Горохова, снабжение попрежнему шло через отдельную, хорошо налаженную переправу, и это было большим облегчением для армейской летучки. Оборонявшаяся на левом фланге дивизия Родимцева использовала для сообщения с левым берегом рыбацкие лодки и могла частично обеспечить подвоз для себя самого необходимого, эвакуацию раненых.

Нужно было и на центральном участке иметь вспомогательные линии снабжения — хотя бы на случай возможных перебоев в работе армейской переправы. За это дело энергично взялись — стоило только подсказать — в дивизии Гуртьева. Сформированная из бойцов саперного батальона команда разыскала и отремонтировала лодки, и 7 октября вступила в действие дивизионная переправа. Так как огибать большой остров Зайцевский гребным ладьям было слишком долго, грузы транспортировались с двумя перевалками: через остров их переносили на руках. Место подхода к сталинградскому берегу — под откосом перед заводом «Баррикады» — обозначалось световыми сигналами из блиндажа. На день лодки прятали и маскировали в щелях.

Волжские рыбачьи челны были достаточно прочными, а для большей устойчивости к ним привязывали по паре бревен. На таких лодках перевозили даже легкие орудия, а также и лошадей. Животные отчаянно сопротивлялись, когда их пытались уложить в лодку связанными, но спокойно вели себя, стоя рядом с людьми на положенных для ровности досках. Потом освоили буксировку теми же лодками небольших плотов, на которых перевозили и людей и грузы.

В наступившие скоро самые трудные дни Сталинградской обороны гребная переправа 308-й стрелковой выручала и свою дивизию, и соседей. Другие соединения также стали обзаводиться собственными лодочными командами — нельзя было пренебрегать никакими средствами и способами сообщения с тылами.

При всех осложнениях обстановки на переправах в армии никогда не иссякали боеприпасы, включая артиллерийские снаряды необходимых калибров. Однако хочу напомнить, что на правом берегу находилась лишь батальонная, полковая и противотанковая артиллерия, а дивизионная, потреблявшая самую большую долю боеприпасов,— за Волгой.

Конечно, поддерживать через Волгу проводную связь с артполками — наиболее удобную для управления огнем — стоило немалых усилий. Тем более что наши связисты сперва не имели специального речного кабеля (потом его доставили из Москвы на самолетах), а обычный полевой, которым приходилось пользоваться, служил в воде недолго — уже через несколько дней требовалось заменять его новым. Часто вызывали обрывы на линиях падавшие в Волгу бомбы и снаряды, да и движение судов. Но связь восстанавливалась, как правило, быстро.

Перед глазами встает такая картина. На стремнину освещенной солнцем Волги — днем обычно пустынной — из-за берегового выступа выходит небольшая лодка. За нею тянется разматывающийся провод, гребец изо всех сил наваливается на весла. Вот лодка уже там, где она видна наблюдателям противника, и вокруг нее начинают плюхаться в воду мины. Еще минута — и гребец бросает весла, падает на дно лодки. Убит? Ранен?.. Выпустив еще сколько-то мин, немцы прекращают обстрел. Неуправляемую лодку подхватывает течением...

У берега уже готовят другую с новой катушкой. А ту лодку поднесло между тем близко к острову. И вдруг скрывшаяся было из поля зрения фигурка гребца вновь поднимается над бортом. Несколько сильных взмахов веслами — и он выскакивает с катушкой на островную отмель. Боец-связист, успевший изучить особенности течения, верно рассчитал, где можно, притворившись убитым, бросить весла и довериться огибающей остров стремнине.

Разумеется, мы полагались не только на такую вот находчивость бывалых бойцов. Связь с левым берегом дуб-

лировалась запасными каналами, и общее число пересекающих Волгу линий было доведено в октябре до семи. Наконец, на том берегу существовал вспомогательный пункт управления артиллерией, с которым имелась устойчивая радиосвязь.

Немало было сделано к этому времени также для повышения надежности боевого управления в самом Сталинграде. Основу связи нашего КП с войсками составляли две параллельные кабельные линии, протянутые вдоль всей армейской полосы: одна — по самой круче волжского берега, другая — по кромке воды (на ряде участков она потом проходила под водой, по дну). Ответвления от этих линий, ведущие в дивизии и бригады, проложили, где можно, по канализационным трубам, по подвалам. Для быстроты устранения повреждений устроили множество (через каждые 200—400 метров) контрольных постов.

Связью приходилось заниматься много. Не раз мы с начальником связи армии полковником Иваном Алексеевичем Юриным просиживали ночи, отыскивая самые подходящие варианты использования наличных технических средств, разрабатывая более надежные схемы, обсуждая, как лучше расставить самых опытных специалистов.

Готовясь к новым боям, мы спешили переправить за Волгу остававшихся на правом берегу раненых. В журнале боевых действий фиксировалось: 7 октября эвакуировано 773 человека, 8-го — 630...

В отличие от Одессы и Севастополя, где долгое время могла работать широкая сеть госпиталей, в Сталинграде подлежали эвакуации в тыл в принципе все раненые, кроме совершенно нетранспортабельных и тех, кто был ранен совсем легко. Обстановка заставила перевести на левый берег даже вторые эшелоны дивизионных медсанбатов. А оставленный в городе полевой госпиталь № 689 — его возглавлял майор медицинской службы Н. И. Черных — разместили по соседству с «переправой-62», и он рассматривался как нечто неотделимое от нее. Здесь производились неотложные хирургические операции. Для раненых оборудовалось все больше блиндажей, однако принимались все меры, чтобы никто из них не задерживался на этой стороне сверх абсолютно необходимого срока.

Как правило, каждое судно, пересекшее Волгу, будь то бронекатер или баржа, обратным рейсом забирало ра-

неных. Перевозили их и на гребных лодках. Пока существовали пешеходные мостики до острова Зайцевский, переправляли кого можно и по этим мостикам. Но иногда неэвакуированные раненые все-таки задерживались на нашем берегу. Так получилось и в начале октября, после первых жестоких боев за заводские поселки.

Разгрузить госпиталь у переправы требовалось даже по причинам практического порядка: ему предстояло принимать других раненых. Да и нельзя было допустить, чтобы бойцы и командиры, пролившие свою кровь на сталинградской земле и не способные сейчас сражаться, оставались тут, когда вот-вот должен был начаться новый штурм.

Отправить их в тыл мы успели.

За несколько отвоеванных у врага относительно спокойных дней вообще было сделано многое. Наши инженерные и саперные батальоны и сама пехота подготовили к обороне, приспособили под опорные пункты (конечно, не только за эти дни) многие десятки зданий, в том числе и на территориях трех главных сталинградских заводов. Однако на то, чтобы превратить каждый завод в узел сопротивления особой прочности, в своего рода крепость — комплексы заводских сооружений в принципе позволяли сделать это, — нам недоставало и сил, и инженерных средств, и главное — времени.

Что и говорить, хорошо было бы взяться за это на несколько недель раньше. Но тогда первейшей инженерной задачей были работы на внутреннем, а затем на городском обводе, которые мы не успевали завершить до подхода к ним врага. И легко ли было тогда представить, что заводы, стоящие у самой Волги, заслоненные всем городом, окажутся на переднем крае?

А в те октябрьские дни, когда в сводках отмечалось: «Армия занимает прежние позиции, атак пехотой и танками противник не предпринимает», на заводы, особенно на Тракторный, не переставали падать бомбы, сокрушая стены и перекрытия. Вести там фортификационные работы можно было только ночью.

11 октября у нас имелись основания считать, что перегруппировка сил для нового штурма у Паулюса скоро закончится. Настало время сделать последнее, чем мы могли в какой-то мере ослабить надвигавшийся натиск врага, — самим прервать грозную паузу, заставив гитле-

ровцев возобновить бои раньше, чем предусматривалось их планами.

Контрудара требовало от армии и командование фронта. Но принять конкретное решение командарму было нелегко: имея дело с превосходящими, вновь пополненными за эти дни силами противника и предпринимая активные действия там, где ожидались главные атаки с его стороны, мы, понятно, шли на риск.

В контрударе, начатом утром 12 октября в районе поселка СТЗ (если говорить точнее, это была просто относительно крупная контратака), участвовали весьма ослабленная 37-я гвардейская дивизия Жолудева и частично (ставшая теперь ее соседом) 95-я дивизия Горишного, а также один полк 39-й гвардейской, переброшенный сюда с временным подчинением Жолудеву.

Силы были не такие, чтобы ждать от контрудара слишком многого. И все же мы надеялись отбить кварталы, которыми враг завладел несколько дней назад, когда потеснил 37-ю дивизию, а это означало бы реальное улучшение наших позиций.

Гитлеровцы сопротивлялись ожесточенно, введя в бой свежие части, в том числе и прибывшие из Германии специальные саперные батальоны. «90-й стрелковый полк продвинулся на 50 метров», — донес на исходе дня Горишный. Только немногим больше было продвижение у Жолудева.

Ночью, в результате новых усилий, гвардейцы 37-й стрелковой заняли группу выгодно расположенных зданий, именовавшихся в сводках шестиугольным кварталом. Жолудеву было приказано закрепиться там поосновательнее, превратив квартал в опорный пункт с гарнизоном не меньше батальона и артиллерией.

В конечном счете наши контратаки, многократно возобновлявшиеся в течение суток с лишним, отодвинули в этом районе линию фронта и, следовательно, исходные рубежи ближайших наступательных действий противника на 200—300 метров. Добиться большего было нельзя.

Тем временем командный пункт армии перешел в штольню за заводом «Баррикады», служившую раньше бомбоубежищем дирекции. Затем там помещался штаб 10-й дивизии НКВД. От пяти ее полков к октябрю остались лишь небольшие отряды, и полковник Сараев получил приказ отбыть со своим штабом на переформирование.

Штольня была невелика — восемь тесных отсеков. В них могли разместиться Военный совет, основная группа оперативных работников, узел связи. Для тех, кому места не хватало, по соседству оборудовались блиндажи.

Перенести КП именно сюда побудило то, что это был самый центр заводского района. Управление армией еще более приближалось к решающим участкам обороны, к соединениям, от которых сейчас больше всего зависела судьба Сталинграда. Командные пункты ряда дивизий находились в радиусе одного километра.

Так как вспомогательного пункта управления, на который можно было бы временно переключить связь, мы на правом берегу теперь не имели, перебирались на новый КП постепенно, в течение почти всей ночи. С первыми группами штабистов отправились туда (пешком по изрытому воронками берегу — других путей и способов передвижения не было) командующий и член Военного совета. Незадолго до рассвета, когда подтвердилось, что они благополучно прибыли и командный пункт действует, со старого места ушел и я с остальными товарищами.

В штольне, врезанной в откос волжского берега за разбитыми корпусами завода «Баррикады», нас встретил Василий Иванович Чуйков.

— Ну вот и все в сборе, — сказал он. — Я уже малость передохнул. Теперь твоя очередь, Николай Иванович!

Последние ночи были такими напряженными, что все мы забывали о сне. А тут остаток сил иссяк у меня как-то разом. Их едва хватило на то, чтобы сделать еще несколько шагов в глубину штольни...

ЕСЛИ ВЫСТОИМ ТЕПЕРЬ...

Ныне, когда пишутся эти строки, мне известно об общем ходе минувшей войны многое такое, чего я не мог знать во время описываемых событий. И, собираясь рассказать о четырнадцатом октября — самом грозном дне Сталинграда, я вспоминаю, что именно в тот день Гитлер вынужден был отдать приказ о переходе на восточном фронте к обороне.

Узнай мы об этом сразу, было бы, наверное, все-таки легче. Как-никак, высшее командование противника расписывалось в том, что его планы на летнюю кампанию сорвались...

Впрочем, на Сталинград переход немецко-фашистских войск к обороне не распространялся. Гитлер еще раз объявил и берлинское радио раструбило на весь мир, что вот-вот эта «большевистская крепость» будет полностью в его руках.

Территория, обороняемая нашей армией, представляла к тому времени узкую полосу, протянувшуюся вдоль Волги на двадцать с небольшим километров. От передовых окопов до берега только в отдельных местах было два — два с половиной километра, а во многих других — лишь сотни метров. Эта полоска не имела ни фортов, ни бастионов, ни чего-либо на них похожего. Передний край проходил большей частью просто по городским улицам. Враг простреливал и все расположение армии, и все водное пространство, связывавшее ее с тылом. Примеров того, чтобы столь невыгодные для обороны позиции были удержаны, когда на них наваливались превосходящие силы противника, в военной истории, пожалуй, не найдешь.

Ну а Паулюс, готовясь к «генеральному штурму», сделал все, что мог, чтобы увеличить и без того значительный численный перевес своей ударной группировки.

Как установил разведотдел, к Сталинграду выдвигалась еще одна немецкая пехотная дивизия. Вернулась в первый эшелон отводившаяся в резерв 14-я танковая. У противника заметно прибавилось артиллерии. Его наземные войска по-прежнему поддерживала воздушная армада Рихтгофена — до тысячи «юнкерсов», «хейнкелей», «мессершмиттов».

Были основания считать, что враг, не достигнув решающего успеха атаками на относительно широком фронте, постарается теперь сосредоточить максимум сил на более узком участке. Наши контратаки 12—13 октября, которые в известной мере сыграли роль разведки боем, подтверждали: противник нацеливает свой удар на Тракторный и «Баррикады».

Точными данными о дне и часе нового наступления гитлеровцев мы не располагали. Но вполне отдавали себе отчет, что готовится натиск, какого еще не бывало.

13 октября, когда выяснилось, что с плавсредствами на переправе опять трудно, командующий распорядился:

— Перевозить только боеприпасы. Хлеба не хватит — бойцы нам простят, а если завтра не хватит патронов и гранат, некого будет ни прощать, ни обвинять.

Сталинградцев ждало тягчайшее испытание. Однако где-то в глубине сознания зрела уверенность: если выстоим теперь, то врагу нас уже не одолеть.

Незадолго перед тем под Сталинградом побывал Дмитрий Захарович Мануильский, видный деятель нашей партии, член ЦК, секретарь Исполкома Коминтерна. Послушать, что скажет такой человек о положении на фронтах, в стране, в мире, хотелось, конечно, всем. Но посещению Д. З. Мануильским частей 62-й армии на правом берегу наш командарм решительно воспротивился: здесь никому нельзя было обеспечить безопасность. Да и не могли мы в тех условиях собрать мало-мальски значительную аудиторию, особенно командирскую. Зато Военный совет позаботился, чтобы за Волгой Мануильского послушали представители всех соединений.

Отправился туда и начальник политотдела армии И. В. Васильев. Вернулся Иван Васильевич воодушевленный и поделился услышанным прежде всего с теми, кто находился в штабе. Мануильский говорил о значении событий на южном крыле советско-германского фронта для общего хода войны, о том, насколько возросли бы

трудности борьбы с врагом, если бы гитлеровцам удалось, как они рассчитывали, в июле — августе захватить Сталинград и кавказскую нефть. Он подчеркнул, что упорное сопротивление, оказанное фашистам под Сталинградом, где они топчутся уже три месяца, неся огромные потери, сорвало вражеские планы и позволило нашим армиям на других фронтах лучше укрепиться, подготовиться к решительным схваткам. Запомнились мне слова Мануильского о том, что сталинградцам сейчас тяжелее, чем кому бы то ни было на фронте и в тылу, что ЦК партии и Советское правительство знают об этом, что партия и весь народ гордятся защитниками Сталинграда. «Могу вас заверить, — сказал Д. З. Мануильский, — что скоро вы получите ощутимую поддержку...»

За этим «могу заверить» чувствовалось что-то очень значительное.

В ночь на 14 октября на всем фронте армии противник вел себя необычно тихо. Почти прекратился привычный методический обстрел нашего плацдарма, с переднего края редко доносились пулеметные и автоматные очереди. Даже осветительных ракет немцы пускали мало. Такой тихой и темной ночи не было в Сталинграде давно.

Необычная тишина не сулила ничего доброго. Ранним утром, в 5.30, ее оборвал рев моторов и грохот разрывов: немцы начали авиационную и артиллерийскую подготовку.

Неглубокую штольню, где размещался наш КП, зашатало словно от землетрясения. У выхода сплошной гул разрывавшихся бомб и снарядов уже не давал расслышать человеческий голос. Снаружи врывались гарь и смрад, от которых скоро стало трудно дышать.

Командарма, вышедшего осмотреться, прямо втолкнуло обратно взрывной волной. Когда чуть позже за дверь высунулся я, то разглядеть что-либо смог не сразу. Дымная мгла гасила разгоравшуюся на востоке зарю, закрывала клубившийся над волжской ширью молочный туман. А едва появился просвет в небе, там сразу же показались заходящие на бомбежку самолеты. Неистовый вой бомб и грохот разрывов совершенно оглушали. Где-то в стороне Тракторного рушились стены...

Что греха таить, в те минуты думалось: «Уцелеет ли в этом кромешном аду хоть что-нибудь живое?»

Какое-то время частично действовала телефонная связь. Затем с дивизиями и полками соединялись только по радио: с одними — напрямую, с другими — через заволжский запасной узел, где стояли более мощные передатчики. Кодировать было некогда, и переговоры шли открытым текстом с вставлением кое-каких условных обозначений — как по полевому телефону.

Везде были потери (были они уже и в расположении армейского КП — в двух разбитых прямыми попаданиями блиндажах близ основной штольни), о размерах которых пока никто не мог доложить точно. Однако за первые несколько десятков минут вражеский огневой шквал не вывел из строя ни одного командного пункта от полкового и выше. Все командиры подтверждали: войска готовы отражать штурм.

Но где штурм начнется? Там ли, где мы ожидали, или, может быть, на других участках? Знать это еще до того, как фашистские танки и пехота двинутся в атаку, не спутать отвлекающий или вспомогательный удар с главным было важнее всего.

Чуйков накоротке обсудил с Гуровым и со мною те данные об обстановке, которые успели поступить. Ничто не указывало на то, что главный удар может последовать где-то в неожиданном для нас месте. Поэтому командующий приказал Пожарскому накрыть залпами гвардейских минометов район стадиона и завода «Силикат»: там, вероятнее всего, должны были накапливаться сейчас неприятельские войска. Тем временем наша дальнобойная артиллерия пыталась хотя бы частично подавить вражескую.

Но наибольший урон наносила нашим частям и укреплениям авиация противника. Чуйков связался с командующим 8-й воздушной Хрюкиным, попросил поскорее помочь «ястребками». Хрюкин и сам видел, что у нас творится. Он сказал, что помог бы и без просьбы, однако истребители подняться пока не могут: аэродромы заблокированы сильными группами «мессеров»... А одними зенитками отразить такие массированные налеты было невозможно.

Авиационная и артиллерийская подготовка длилась два с половиной часа. В каком напряжении прошло это

время, рассказывать не берусь — этого не передашь. На командном пункте каждый внешне спокойно делал свое дело, и каждый сознавал: в Сталинграде настал день решающий из решающих.

Помню, как Кузьма Акимович Гуров, взглянув в который уж раз на часы (наверное, все мы смотрели на них непомерно часто) и шевельнув в волнении бровями, сказал:

— В Москве уже знают...

Он не думал, конечно, ни о какой особой, экстренной помощи: прийти немедленно она не могла. «В Москве знают» означало, что в Ставке Верховного Главнокомандования сейчас следят за происходящим тут, у Волги, еще пристальнее, чем обычно, и, тревожась за нас, надеются и верят, что сталинградцы выдержат новые испытания. А через полсуток, когда выйдет в эфир вечернее сообщение Советского информбюро, эту тревогу, надежду и веру разделят миллионы и миллионы людей во всей нашей стране, да и не только в нашей.

Враг перешел в наступление в восемь утра. Как и ожидалось — прежде всего с небольшого выступа, образовавшегося к северо-востоку от завода «Силикат» (срезать этот выступ контратаками двух последних дней не удалось), а также на соседних участках — севернее и южнее. Общая ширина фронта атак достигала пяти километров. Удар наносился по той части заводского района, где находились Тракторный и «Баррикады», а между ними — наш КП. Где-то здесь гитлеровцы рассчитывали прорваться к Волге.

Натиск врага приняли на себя 37-я гвардейская дивизия В. Г. Жолудева, 95-я В. А. Горишного, 308-я Л. Н. Гуртьева, 112-я И. Е. Ермолкина, танковая бригада Д. Н. Белого. Все дивизии понесли большие потери в прошлых боях, и к утру 14 октября ни в одной из них не насчитывалось даже трех тысяч штыков. У Ермолкина было всего около тысячи, у Жолудева некоторые батальоны имели меньше ста бойцов. Совсем малочисленные формирования представляли собой находившиеся здесь же остатки 42-й и 92-й стрелковых бригад, подчиненные командирам соседних дивизий.

Противник вряд ли переоценивал численность наших войск, стоявших на пути его ударной группировки. И конечно, имел основания считать, что сегодня они уже по-

несли значительный урон от его артиллерии и авиации. Каков этот урон, еще не знали мы сами. На запросы из штаба фронта приходилось пока отвечать стереотипной фразой: «Потери армии не установлены...»

Но если Паулюс надеялся, что уж на сей-то раз его танки и пехота смогут врубиться в нашу оборону с ходу, то он обманулся снова.

Первая атака, первая волна «генерального штурма», была отбита на всем фронте наступления. Ценою усилий поистине неимоверных, но — отбита! При этом гитлеровцы потеряли не меньше двадцати танков.

На армейском КП оставались Военный совет и небольшая группа штабных работников. Остальные были посланы в войска — прежде всего для практической помощи командирам соединений. И конечно, наши товарищи отвечали за то, чтобы до штаба армии любым способом доходила информация о положении на соответствующих участках. Передача донесений облегчалась лишь тем, что наш КП находился в самом центре заводского района, который штурмовал враг.

Через полтора часа после того, как сорвалась первая атака, противник предпринял вторую. Как и следовало ожидать, еще большими силами. Как потом установили, его общий численный и огневой перевес в полосе штурма был 10—12-кратным. Еще раз отбросить назад всю эту вражескую лавину наши ослабленные части не смогли.

Около десяти часов утра немцы врезались в боевые порядки 109-го полка 37-й гвардейской дивизии, а вскоре прорвались и на левом фланге 112-й.

Оба соединения сделали все, что могли, ни один их батальон не дрогнул. Там, где прошли фашистские танки, а следом и пехота, задержать врага было уже просто некому. А рядом уцелевшие подразделения и группы бойцов, оставаясь на своих позициях, в укрепленных зданиях и опорных пунктах, продолжали сражаться в окружении.

Гвардейцы генерала Жолудева еще раз показали, на что способны воздушнодесантники. Когда перед началом атаки налетали бомбардировщики, бойцы быстро передвигались по развалинам вперед, к неприятельским позициям, и «юнкерсы» бомбили пустое место. А с прорывавшейся за танками фашистской пехотой схватывались врукопашную, пуская в ход штыки и приклады, свои де-

сантные ножи. Многие подробности (конечно, далеко не все) героических действий отдельных групп бойцов, оказавшихся в тылу врага, были выяснены только потом. Но о том, что они ведут бой за линией фронта, мы знали: на неподавленные очаги сопротивления в захваченных гитлеровцами кварталах заводских поселков вновь и вновь налетали «юнкерсы». Фашисты использовали там и огнеметы.

Из рук в руки переходил отбитый у противника сутки назад шестиугольный квартал восточнее «Силиката». Находившийся в этом опорном пункте с одним из своих батальонов (и отрезанный от других) командир 109-го гвардейского стрелкового полка подполковник Ф. С. Омельченко сам водил бойцов в контратаки. На несколько групп был рассечен и 114-й гвардейский полк майора Ф. Е. Пуставгара. И каждое подразделение, большое или малое, продолжало сдерживать продвижение врага упорной обороной своей позиции.

Остановить гитлеровцев на направлении главного удара мы не могли. Однако они продвигались не так уж быстро. Примерно полтора километра отделяли утром неприятельский передний край от ворот Тракторного завода на площади Дзержинского, но нацеленные туда группы танков не преодолели этого расстояния и к полудню.

В двенадцать с минутами я разговаривал по телефону с начальником штаба 37-й гвардейской майором Брушко. Затем связь с КП дивизии прервалась. Овраг южнее Тракторного, где он располагался, в тот момент сильно бомбила фашистская авиация. Это было недалеко от нашей штольни, и довольно скоро выяснилось: командный пункт Жолудева засыпан обвалом склона оврага.

Командующий приказал переключить управление частями дивизии непосредственно на штарм (это не представляло особой сложности, так как наши операторы все время слушали радиопереговоры полков со штадивом). Выручать Жолудева и его штаб послали команду из армейского инженерного батальона — мы не были уверены, найдутся ли люди для спасательных работ на месте.

Минут через сорок поступило донесение: в засыпанный блиндаж просунута труба для притока воздуха и голосовой связи. Саперы торопились, понимая, что их может опередить прорыв сюда немецких танков. Но на раскопку глубокого завала ушел еще час с лишним.

Спасенного генерал-майора Виктора Григорьевича Жолудева доставили на армейский КП. Его трудно было узнать, лицо осунулось и посерело.

— Товарищи Военный совет! — с трудом выговорил он. — Тридцать седьмая гвардейская дивизия не отступила... — И, не успев попросить разрешения сесть, опустился на земляной пол штольни.

Это дало себя знать крайнее перенапряжение душевных и физических сил. К счастью, Жолудев не имел ни ранения, ни серьезной контузии и скоро смог отправиться к своим частям. К тем, куда можно было добраться. Его дивизия действительно не отступила под бешеным напором врага, но была расчленена, и многие подразделения дрались в окружении.

Шла вторая половина дня. Даже не имея мало-мальски точных сведений о потерях противника (как, впрочем, и о наших), не приходилось сомневаться, что они сравнимы с уроном, нанесенным врагу лишь в немногие из прошлых дней. Однако натиск его не слабел. Беспрерывно наносились особенно тяжелые для нас, практически — неотразимые, удары с воздуха. Число самолето-вылетов, произведенных фашистской авиацией с утра, перевалило уже за две тысячи, в расположение армии было сброшено до десяти тысяч крупных фугасок. А до сумерек, когда налеты бомбардировщиков если и не прекратятся, то, во всяком случае, не смогут быть такими массированными, было еще далеко.

Хотя бой гремел совсем рядом, оценивать положение становилось все труднее. Данные об обстановке, попадавшие на рабочую карту, были неполными. Крайне усложнилось определение целей для артиллерии. Особенно — на полуторакилометровом участке между «Баррикадами» и Тракторным, где позади прорвавшегося врага в разных местах держались наши приспособленные к круговой обороне опорные пункты, а связь с большинством из них отсутствовала.

Окруженные и закрепившиеся в развалинах группы и группки бойцов продолжали оттягивать часть неприятельских сил, оказывая неоценимую помощь тем, кто встречал удар противника дальше. Но если гитлеровцы и не овладели еще пространством между двумя заводами полностью и на нем там и тут кипели очаговые бои, то контролировать эту территорию мы уже не могли.

Когда ветром относило дым, с откоса над нашей штольней были хорошо видны разрушенные корпуса Тракторного. Однако добираться туда офицерам связи больше не удавалось.

В этих корпусах и вокруг них тоже шел бой — еще засветло враг ворвался на СТЗ.

К исходу дня, продвигаясь по территории завода и южнее его, немцы достигли нижних береговых террас. Наша полоса обороны и сама 62-я армия оказались рассеченными на две неравные части. Северная группа полковника Горохова была отрезана от основного ядра армии.

Таким тяжелым положение армии не было еще никогда. Гитлеровское командование давно уже сосредоточивало свои усилия на том, чтобы дробить, расчленять наши войска новыми прорывами к Волге, и вот противнику удался сквозной удар, направленный в самую сердцевину заводского района. Никаких реальных возможностей восстановить прежний, сплошной фронт обороны, заделать образовавшуюся брешь мы не имели. А враг мог наносить отсюда удары на север и на юг, угрожал нашим тылам и переправам. Вероятнее, чем когда-либо, становилась попытка высадки гитлеровцев на волжских островах в целях полной блокады наших войск в Сталинграде.

Но больше всего нас тревожила судьба изолированного теперь северного участка обороны.

У полковника Горохова насчитывалось — в двух стрелковых бригадах и перешедших к нему в подчинение мелких частях — около семи тысяч бойцов. К ночи на 15 октября они удерживали пригороды Рынок и Спартановка, северную окраину рабочего поселка СТЗ и северную часть заводской территории. Противник находился со всех сторон, кроме восточной, волжской, и назавтра же можно было ожидать концентрических атак с нескольких направлений.

В памяти было еще слишком свежо то, что произошло три недели назад на другом, южном нашем фланге, где отрезанная за Царицей 92-я бригада недолго продержалась под натиском превосходящих неприятельских сил. Верилось, однако, что у Горохова даст себя знать устояв-

шаяся за полтора месяца организация обороны. Верилось и в самого Горохова, командира опытного и привыкшего к большой самостоятельности с первых своих сталинградских боев, когда армейский КП находился за десятки километров от его бригад. Наконец, Северная группа имела свою особую линию снабжения, до тех пор довольно надежную, — через остров Зайцевский, соединенный с правым берегом пешеходным мостиком на бочках и якорях. Но сможет ли действовать эта переправа теперь?

Горохову было дано «добро» перенести свой КП и штаб (помещавшиеся в подвале Дома культуры СТЗ) в Спартановку. До утра ему было необходимо перегруппировать наличные силы и заново организовать оборону с юга, где еще вчера был нормальный стык с соседом, а теперь — тоже передний край. На южный участок предназначалась бригада Болвинова. Но ее подразделения, выходившие с захваченной врагом территории Тракторного, надо было еще привести в порядок. В Северную группу спешно отправились через острова полковник С. М. Камынин и батальонный комиссар Л. П. Николаев из политотдела армии.

Под вражеский удар на Тракторном попала и малочисленная дивизия Ермолкина. Выводя ее штаб с отрезанного противником КП, геройски погиб заместитель комдива подполковник Н. И. Годлевский. О судьбе разобщенных подразделений, продолжавших сражаться на СТЗ, мы узнавали не сразу. Бойцы, выходившие в расположение Северной группы, становились теперь ее резервом.

Продолжать наступление ночью противник не пытался. Это говорило о том, что чувствовал он себя на захваченной днем территории не слишком уверенно. А мы смогли привести войска в порядок, наладить прерванную связь, организовать эвакуацию раненых, которых на правом берегу было уже более трех тысяч.

От нашей штольни до переднего края оставалось теперь всего несколько сотен метров. После рассечения армейской полосы надвое КП оказался на правом фланге ее южной части. Такое расположение никак не назовешь удобным для управления армией в целом. Однако не время было удаляться от тех дивизий, которые утром готовились вновь принять на себя главные вражеские уда-

ры. Поэтому вопрос о перенесении командного пункта той ночью и не возникал.

Уже работая над этой книгой, мне довелось познакомиться с краткими воспоминаниями о Сталинграде, которые успел оставить (их застенографировали приезжавшие в 62-ю армию сотрудники Института истории Академии наук) командир 308-й дивизии Л. Н. Гуртьев, погибший несколько месяцев спустя. Говоря о начале тех октябрьских боев, Леонтий Николаевич счел нужным отметить: «Большое значение имело то, что командование армии было рядом с нами». Гуртьев был замечательным командиром, одним из достойнейших комдивов, каких я знал, и это его суждение, дошедшее до меня много лет спустя, не скрою, очень мне дорого.

Скоро стало известно, что командующий фронтом передает нашей армии 138-ю Краснознаменную стрелковую дивизию полковника И. И. Людникова. Она предназначалась для усиления обороны завода «Баррикады» и должна была облегчить положение измотанных в боях дивизий Горишного и Жолудева.

Для Василия Ивановича Чуйкова это было двойной радостью: Людникова и его дивизию он знал по 64-й армии, по августовским боям в придонских степях. И знал, как мы сразу поняли, с самой хорошей стороны.

Выведенная недавно в резерв фронта, 138-я стрелковая доукомплектовывалась в одном из заволжских поселков. В каком она в данный момент состоянии, было еще неизвестно. Затем выяснилось, что через сутки будет готов к переправе только один полк, и Людникову был направлен через штаб фронта первый приказ командарма: обеспечить прибытие этого полка на западный берег не позднее 5 часов утра 16 октября.

— Верят, что выстоим... Надо не подвести! — размышлял вслух Кузьма Акимович Гуров, шагая взад и вперед по тесной выгородке штольни.

Да, включение в 62-ю армию дивизии Людникова, которая могла полностью высадиться на правый берег лишь через двое суток, очевидно, означало также и это: в нас верят. Старшие начальники, посылавшие нам новую дивизию (а это наверняка решалось в самых высоких инстанциях), рассчитывали, что наши позиции в Сталинграде и переправа будут удержаны.

Утром 15-го все началось сначала — неистовая бомбежка, огневые налеты по всей глубине обороны, атаки пехоты и танков... Не овладев еще целиком территорией Тракторного, продолжая бои и на ней, враг спешил расширить вчерашний прорыв, продвинуться на север и на юг от завода вдоль Волги. При этом его ударная группировка пополнилась, как вскоре было установлено, 305-й пехотной дивизией, которая во вчерашних боях не участвовала.

При всей сложности положения главных сил армии не ослабевала тревога за группу Горохова. На нее гитлеровцы навалились с трех сторон: с юга, от Тракторного, атаковала отрезанные от армии бригады 94-я пехотная дивизия немцев, с запада, вдоль Мокрой Мечетки на Спартановку, наступала 389-я пехотная, с севера, на поселок Рынок,—16-я танковая. А помочь отрезанным бригадам армия сейчас могла лишь огнем артиллерии.

Донесения от Горохова (они поступали кружным путем, через заволжский запасной узел связи) иногда запаздывали. Но каждое подтверждало: Северная группа держится стойко. Если враг, имея огромный перевес в силах, и теснил некоторые ее подразделения, особенно с юга, то прорвать свою оборону она не давала нигде.

Прошло, однако, еще несколько дней, прежде чем части Горохова, сохранив сплошной фронт, прочно закрепились на северном берегу Мокрой Мечетки (один батальон бригады Болвинова оставался на ее южном берегу, в районе кирпичного завода). После этого территория, удерживаемая группой, составила около восьми квадратных километров, а разрыв между нею и позициями основных сил армии достиг двух с половиной километров.

Смотрю на старую рабочую карту, запечатлевшую все это, и невольно думаю о том, что обе Мечетки — и Мокрая, и Сухая, речки, раньше мало кому известные кроме местных жителей, стали памятными рубежами великой Сталинградской битвы.

На Сухой Мечетке, которая в жаркую летнюю пору даже и не речка, а просто глубокая, с обрывистыми склонами балка, в августе, когда от Дона к Волге внезапно прорвался корпус фон Виттерсгейма, рабочие отряды, зенитчики, танкисты из учебного центра преградили фашистам путь в город с севера, а подоспевшие стрелковые бригады затем отбросили их оттуда за Рынок.

Неширокая же долина в устье Мокрой Мечетки, куда враг подступил со стороны города, с юга (чего в августе, конечно, никто не мог бы себе представить), явилась чертой, которую те же бригады группы Горохова не дали гитлеровцам пересечь в октябре.

После захвата Тракторного завода штабисты Паулюса, как стало потом известно, отводили на ликвидацию советских войск, изолированных на северной окраине Сталинграда, еще одни сутки. По истечении этих суток командование группы армий «Б» поспешило, не дожидаясь донесения от Паулюса, сообщить в ставку фюрера, что отрезанные от нашей армии части уже уничтожены. На деле же гитлеровцы, хотя и окружили с суши Спартановку и Рынок, овладеть этими поселками полностью не смогли никогда.

Однако 15 октября, о котором сейчас идет речь, никто не мог поручиться, что левофланговым батальонам группы Горохова, оттесняемым с последних позиций на Тракторном заводе к Мокрой Мечетке, удастся закрепиться на этом рубеже.

В это время враг продвигался — медленно и не везде, но все-таки продвигался — также и южнее Тракторного, к заводу «Баррикады».

Ни у Жолудева, ни у Горишного уже не хватало людей, чтобы держать сплошной фронт, и потому все возрастала опасность выхода гитлеровцев в тылы дивизии Гуртьева. А на исходе дня фашистские автоматчики появились в 500—600 метрах от командного пункта армии, и в бой была введена охрана штаба.

Вопрос о перенесении командного пункта по-прежнему не поднимался. В Военном совете существовало единое мнение, что с этим следует повременить (как представлялось лично мне — во всяком случае, до прибытия на правый фланг свежей дивизии). Не было разных мнений также насчет того, что сейчас нельзя укреплять правый фланг за счет ослабления левого или центра: может быть, немцы только и ждали этого, чтобы начать концентрические удары.

— Не прозевайте подготовки противника к атакам на новых направлениях! — повторял командарм начальнику разведотдела Герману.

Активнее вести разведку мы требовали и от Родимцева, Батюка, Смехотворова.

Как уже было сказано, из включенной в армию дивизии Людникова в ночь на 16-е мог переправиться один стрелковый полк. Но давно на нашем КП не ждали подкрепления из-за Волги с таким напряженным нетерпением.

Спешно доукомплектованной дивизии не хватало оружия. Оно было где-то на подходе, однако до вечера поступить не могло. Чтобы снабдить всем положенным полк, который отправлялся в Сталинград первым, собирали винтовки и пулеметы в двух остальных.

Об этом рассказали командир переправившегося 650-го стрелкового полка майор Ф. И. Печенюк и прибывший с полком заместитель командира дивизии полковник И. И. Куров. Что касается самой переправы, то полку, учитывая обстановку на Волге, просто повезло. Все перевозившие его баржи, понтоны, катера дошли практически без повреждений. Потери полка составляли семь раненых, убитых не было.

Пока штаб дивизии находился еще на том берегу, полк Печенюка подчинили комдиву 37-й Жолудеву. Наши направленцы вывели его на позиции севернее завода «Баррикады». Это были уже не те позиции, куда мы рассчитывали поставить полк несколько часов назад, а более близкие к заводу: положение успело измениться не в нашу пользу. Скоро рассвело, и подкрепление, едва осмотревшись, вступило в бой.

Вспоминая дни октябрьского «генерального штурма», ветераны Сталинградской битвы обычно называют самым тяжелым из них первый. Что и говорить, в тот день гитлеровцы рассчитывали покончить с нами разом. Однако на третий день штурма, 16 октября, выстоять было не легче.

Противник потерял десятки танков и тысячи солдат, но еще отнюдь не выдохся. При этом он занимал позиции несравненно более выгодные, нежели двое суток назад. Прорвавшись к Волге в центре заводского района и отрезав от главных сил нашей армии Северную группу, гитлеровцы, видимо, считали, что теперь они ближе, чем когда-либо, к своей цели — овладению всем городом. У нас же за эти двое суток сил не прибавилось. Прибытие одного полка никак не могло компенсировать почти полное истощение двух дивизий, большие потери в других частях.

Словом, утром 16-го было так же трудно предсказать, чем кончится в Сталинграде день, как и утром 14-го. Ясным оставалось одно: отходить нельзя и некуда.

Хочется привести еще несколько строк из воспоминаний командира 308-й дивизии Л. Н. Гуртьева, на которые я уже ссылался. Будучи истинным военным, Леонтий Николаевич отличался сдержанностью, и от этого сказанное им приобретает еще большую силу. В его словах выражено, думается, то, что могли тогда сказать о себе все наши командиры, в том числе и я сам.

«В самые тяжелые минуты, когда казалось, что уже нет выхода, мы все брали свои автоматы и были наготове драться до конца. Ни у кого и в мыслях не было, что отсюда можно уйти. Если смотрели на Волгу, то только в ожидании оттуда пополнения, боеприпасов...»

В том, что 16 октября на центральном участке (так продолжали мы его называть и после рассечения армейской полосы надвое) в основном удалось удержать прежние позиции, сыграли немалую роль танкисты.

Все «танковые войска» армии состояли из прибывшей две недели назад бригады полковника Белого. Как я уже говорил, командование фронта разрешило использовать ее боевые машины лишь для ведения огня с места, с заранее подготовленных позиций. Мы иногда досадовали на эти ограничения, однако теперь пришло время их оценить: вряд ли без этого сохранилось бы достаточно танков, чтобы устроить засаду на пути вероятной и весьма опасной танковой атаки противника — со стороны захваченного им Тракторного в направлении завода «Баррикады».

Практически гитлеровцы могли двинуть здесь свои танки с севера на юг лишь по связывающему оба завода отрезку главной продольной магистрали города. С учетом этого были расставлены наши противотанковые батареи, выдвинуты группы бронебойщиков. Там же командарм решил врыть в землю по башни десять или двенадцать Т-34. Вайнруб и Белый присмотрели для них подходящую позицию в районе парка Скульптурный и Трамвайной улицы.

Все успели сделать вовремя. Машины тщательно замаскировали, и, как показало дальнейшее, об их присутствии тут немцы не догадались. И наши тридцатьчетверки, когда настал их час, смогли внезапно открыть по фа-

шистским танкам кинжальный огонь с дистанции двести — сто метров.

Несколько головных танков было подбито и подожжено буквально за две-три минуты. Они загородили дорогу остальным. А за танками двигалась на машинах пехота — как видно, враг решил, что сейчас он с ходу сомнет нашу ослабленную оборону перед «Баррикадами» и легко прорвется к этому заводу...

И все сразу застопорилось. Уцелевшие танки начали пятиться назад. А наши артиллерийские наблюдатели не замедлили вызвать на скопление неприятельской живой силы и техники огонь заволжских батарей. Но до того немецкого штаба, откуда управляли этим броском, почему-то долго не доходило, что тут происходит. Запущенный механизм продолжал действовать — со стороны Тракторного на ту же магистраль выходили новые подразделения. Наша артиллерия накрывала их. После того как Пожарский направил сюда еще и залп «катюш», у гитлеровцев началась паника.

— Вот это называется зарвались! — шумно радовался Кузьма Акимович Гуров.

Действительно, немного знали мы пока случаев, когда противник, чрезмерно уверовав в свой успех, так подставлял сам себя под удар.

В наших сводках значится, что в тот день в Сталинграде уничтожено 37 немецких танков. За точность этой цифры не поручусь. И конечно, только часть подбитых и подожженных танков могли занести на свой боевой счет наши танкисты. Но именно с их удара из засады началось успешное, по сути дела разгромное, отражение той атаки, которой гитлеровское командование, надо полагать, в своих планах на 16 октября отводило особое место.

До наступления темноты (и вновь — следующим утром) вражеская авиация неистово бомбила на подступах к заводу «Баррикады» все, что могло оказаться вкопанным в землю и замаскированным танком. Однако наши танкисты продержались на той своей позиции еще довольно долго.

В ночь на 17-е мы ждали остальные полки Людникова и самого комдива. Но еще раньше, едва стемнело, в расположение армии из-за Волги прибыл командующий фронтом.

О том, что он к нам направляется, мы, разумеется,

были предупреждены. Командарм пытался, но безуспешно, убедить генерал-полковника Еременко отложить посещение армии, считая, что переправляться сейчас через Волгу, да еще дважды, слишком большой риск.

Чуйков и Гуров заблаговременно ушли к тому причалу, довольно далекому от КП, где предполагалось принять бронекатер. Между тем на Волге становилось все тревожнее. Не сумев прошлой ночью помешать переправе полка Печенюка, противник еще с ранних сумерек пристреливал обычные пути судов и районы причалов. Надсадно ревели бившие по реке и берегу немецкие шестиствольные минометы. Над Волгой то и дело взвивались ракеты.

Командиру бронекатера надо было думать прежде всего о том, как проскочить между разрывами снарядов и мин (легчайшая броня защищала это суденышко лишь от мелких осколков). И он, получив, очевидно, разрешение действовать по обстановке, подвел катер к правому берегу не там, где его ждали.

Конечно, и тут нашлось кому провести командующего фронтом дальше. Порядочно пройдя по изрытому воронками, непрерывно обстреливаемому врагом берегу, генерал-полковник Еременко и сопровождавшие его командиры явились к нам на КП раньше, чем успел вернуться разминувшийся с ними командарм. Встречать начальство пришлось мне.

Андрея Ивановича Еременко я не видел с тех пор, как два месяца назад представлялся ему, прилетев в Сталинград с Кавказа. Командующий фронтом и теперь держался без особой официальности, но был хмурым. Оно и понятно: прибыл в армию, которая за последние дни потеряла — в тяжелейших, неравных боях, но все-таки потеряла — важные для всего фронта позиции.

Ждал даже, что командующий прямо с порога спросит: «Так как же все-таки отдали немцам Тракторный?» И что смог бы я ответить сверх уже изложенного в наших донесениях и сводках — не знаю.

Однако о Тракторном Еременко не спросил.

— Пришел поглядеть, как вы тут живы,— сказал он, входя в штольню. И добавил с прямотой и откровенностью, немного меня удивившими: — Товарищ Сталин приказал самому у вас побывать и доложить, что здесь творится.

Еременко представил сопровождавшего его генерал-лейтенанта М. М. Попова, бывшего командующего 40-й армией, назначенного заместителем командующего нашим фронтом. Оба они сразу же направились к карте. Мне было приказано, не дожидаясь командарма, докладывать обстановку.

Естественно, командующий фронтом и так ее знал. Кроме сведений о том, что произошло за последние часы, от меня потребовалось в основном уточнение деталей. Но это были не мелочи, и касались они прежде всего положения в районе завода «Баррикады», ставшего теперь главным объектом вражеских атак.

Я доложил о состоянии 95-й дивизии Горишного и 37-й гвардейской Жолудева. К исходу этого дня потери той и другой достигли 85 процентов личного состава, и дивизии из последних сил держали несплошную, очаговую оборону. Тем не менее с отводом их на переформирование — после того как они сегодня ночью передадут свои позиции частям Людникова, — очевидно, следовало повременить. Представлялось целесообразным, чтобы остатки двух дивизий заняли опорные пункты на территории завода. Генерал-полковник Еременко с этим согласился.

Особо шла речь о 308-й дивизии Гуртьева. Сражалась она доблестно, но остро нуждалась в пополнении. Подчиненные недавно Гуртьеву остатки 42-й и 92-й стрелковых бригад уже не приходилось принимать в расчет: согласно последнему донесению, в них осталось сорок два штыка...

На КП наконец вернулись Чуйков и Гуров, о которых я начинал всерьез беспокоиться. Разговор у карты продолжался. Пользуясь первой за долгое время личной встречей с командующим фронтом, наш командарм энергично доказывал, что армии нужно больше маршевого пополнения, больше снарядов. С боеприпасами для артиллерии нас стали здорово «прижимать», на что, очевидно, имелись серьезные причины, но от этого было не легче.

Еременко обещал добавить снарядов, дав, однако, понять, что особенно большой добавки пока не будет. Он сообщил, что 64-я армия на юге и Донской фронт на севере снова готовят контрудары, которые в ближайшие дни должны оттянуть часть навалившихся на нашу армию немецких войск.

Обсуждение положения и нужд армии не раз прерывалось срочными докладами, в том числе о ходе перепра-

вы частей 138-й дивизии. Переправа, несмотря на все усилия врага, пытавшегося ее сорвать, шла успешно.

В двенадцатом часу ночи в отсек командарма, где мы сидели, вошел высокий темнобровый полковник. Это был комдив 138-й Иван Ильич Людников. Выслушав его доклад о прибытии, командующий фронтом сказал, что задачу дивизии поставит генерал Чуйков, но важно усвоить главное — отступать здесь некуда, отступать нельзя.

— Это вам ясно? — спросил он.

— Ясно,— ответил Людников.

Частный боевой приказ, определявший ближайшую задачу дивизии, у нас был уже подготовлен. Чуйков кивнул мне, и я с разрешения командующего фронтом увел комдива к себе объяснять эту задачу и вводить его в обстановку.

Людников производил впечатление человека волевого, твердого. В кадрах Красной Армии он находился с гражданской войны, Великую Отечественную встретил, уже командуя дивизией. Иван Ильич имел тяжелое ранение, за участие в первом, прошлогоднем, освобождении Ростова был награжден орденом Красного Знамени.

На более обстоятельное знакомство времени, как обычно, не хватало. Согласно боевому приказу, который я вручил Людникову, полкам его дивизии (представители штарма уже выводили их в районы сосредоточения) к четырем ноль-ноль надлежало занять назначенные позиции.

— А свой командный пункт,— сказал я комдиву, когда были обговорены все прочие практические вопросы,— развертывайте тут, в этой штольне. Штаб армии пока потеснится, а через сутки мы отсюда уйдем, и вы останетесь полными хозяевами.

Перенести армейский КП южнее по берегу было уже решено. Командующий фронтом посоветовал не откладывать этого дальше следующей ночи.

К концу нашей недолгой беседы с Людниковым подоспел начальник штаба дивизии подполковник Василий Иванович Шуба. С командирами переправившихся этой ночью полков: 344-го стрелкового — полковником Д. А. Реутским (еще недавно он был преподавателем тактики на курсах «Выстрел», где в свое время довелось учиться и мне) и 768-го стрелкового — майором Г. М. Гунягой — комдив познакомил меня заочно.

Остаток ночи прошел быстро. На КП по вызову командующего фронтом побывали командиры дивизий Горишный и Жолудев, которым до нашей штольни было недалеко (с Гуртьевым, Родимцевым и другими комдивами он говорил по телефону). С Жолудевым разговор затянулся: должно быть, Еременко хотел лучше представить, как было дело на Тракторном. Дивизия Жолудева завода не удержала, но там почти вся и полегла...

Незадолго до рассвета командующий фронтом отбыл из Сталинграда. Распрощался он с нами сердечно. Заверений и клятв не требовал. Что выстоять надо во что бы то ни стало, разумелось само собой.

«Вводом в бой 138-й стрелковой дивизии задержать дальнейшее продвижение противника на рубеже Волховстроевская, завод «Баррикады», парк Скульптурный...» — так формулировалось решение командарма на 17 октября, так виделась задача наступавшего дня. Короче говоря, надо было не дать гитлеровцам прорваться на обширную территорию второго из трех главных сталинградских заводов.

Однако стабилизировать фронт перед «Баррикадами» не удалось.

Противник возобновил атаки раньше, чем полки Людникова успели полностью занять назначенные им рубежи, а сменяемые ими остатки двух дивизий — перейти на новые позиции. Требовалось не просто заменить одни части другими, а восстановить сплошную оборону там, где небольшие подразделения и группы бойцов удерживали отдельные здания и траншеи, организовать систему огня. Времени на это не хватило. У прибывших ночью частей не было его даже на то, чтобы толком осмотреться на своих участках. Рассветный час осеннего утра пришел к ним в дыме и грохоте начатой противником авиационной и артиллерийской подготовки.

С севера и с запада на «Баррикады» наступали две немецкие пехотные дивизии и одна танковая. Они начали оттеснять к заводу незакрепившиеся еще части 138-й дивизии.

Грань между сутками 17 и 18 октября совсем не ощутилась: бои продолжались и ночью, и эти два донельзя напряженных дня как бы слились воедино, вместив очень многое.

Был час, когда на участке, где оборонялся полк майора Печенюка, гитлеровцы появились у самого берега Волги. Но смелый и решительный командир не растерялся, люди его не дрогнули, ринулись в рукопашный бой и уничтожили прорвавшихся фашистов.

А два часа спустя мы оказались перед фактом прорыва обороны дивизии Гуртьева, еще раньше обойденной с флангов. От Волги это было дальше, однако к западной части завода «Баррикады» немцы смогли подойти вплотную. Сибиряки 308-й стрелковой отбили за эти дни десятки атак, их стойкость и упорство им не изменили. Враг прорвался там, где в строю оставалось слишком мало бойцов.

Общее положение характеризует такая запись, сделанная в тот день в журнале боевых действий: «Части центрального участка израсходовали все свои резервы, плотность боевых порядков резко сократилась, образовались промежутки внутри полковых порядков...»

Опаснейший разрыв возник к исходу дня между дивизиями Гуртьева и Смехотворова (последняя обороняла вместе с 39-й гвардейской район завода «Красный Октябрь»). Вероятно, только из-за наступления темноты противник не успел им воспользоваться, и надо было во что бы то ни стало успеть ликвидировать этот разрыв за ночь. Между тем у Гуртьева не хватало сил и на ликвидацию брешей внутри фронта своей дивизии.

Оставалось одно — оттянуть к северу, в сторону «Баррикад», правый фланг 193-й дивизии Смехотворова. Приняв такое решение, командарм возложил на комдива 193-й ответственность и за восстановление локтевого контакта с соседом.

Но где сейчас этот соседский локоть, штаб армии сообщить Смехотворову не мог: связь с командным пунктом Гуртьева у нас нарушилась. После того как в направлении «Баррикад» безрезультатно ходили разведчики 193-й дивизии, генерал-майор Федор Никандрович Смехотворов попросил командующего разрешить ему отлучиться с КП, чтобы самому восстановить связь с соседом.

При иных обстоятельствах подобная просьба командира дивизии показалась бы странной. Но Чуйков сразу же дал «добро»: нельзя было терять времени.

Генерал Смехотворов не собирался самолично разыскивать ближайшую роту соседней дивизии, занявшую где-то в развалинах круговую оборону. Взяв с собой нескольких автоматчиков, он дошел по берегу до КП полковника Гуртьева, познакомился с ним (встретиться раньше не было случая), сообщил, какое имеет приказание насчет своего правого фланга, и комдивы договорились, как практически восстановить стык. Людников, у которого было все же больше людей, им помог.

К утру разрыв успели перекрыть. Ночная рекогносцировка Смехотворова помогла это ускорить.

Тем временем сколачивался заслон на подступах к причалам армейской переправы — на Перекопской, Машинной, Мостовой и соседних улицах. Занять здесь оборону сделалось неотложной необходимостью: противник был угрожающе близко.

Прикрытие района переправы возлагалось на два малочисленных полка дивизии Жолудева, усиленные противотанковым артдивизионом и кое-какими мелкими подразделениями. В строй встал и весь личный состав дивизионных тылов, легкораненые служили резервом. Один из этих полков — 109-й гвардейский подполковника Омельченко — был последней частью, сражавшейся на территории Тракторного завода. Его остатки выходили отдельными группами к Волге, вывозились катерами и лодками на остров Зайцевский и, спешно переформированные, перебрасывались оттуда на новый рубеж.

Третий полк жолудевской дивизии — 118-й гвардейский подполковника Колобовникова — удалось пополнить прибывшим маршевым батальоном, и командарм подчинил его Людникову, с тем чтобы оставить на прежней позиции северо-западнее «Баррикад» — на Волховстроевской улице. Воздушнодесантники дрались за этот рубеж геройски, не раз контратаковали врага. Потом стало известно: одну из контратак возглавил и пал в ней смертью храбрых находившийся с полком военком штадива И. М. Сутырин. Он был коренной волгарь, до войны — первый секретарь Костромского горкома партии.

А дивизию Горишного (пополнить ее сейчас было нечем) пришлось свести пока в один условный полк, соответствовавший скорее батальону. Высвободившиеся штабы двух полков отправились за Волгу, чтобы принять там

новый личный состав. Укомплектование было обещано быстрое, без исключения дивизии из списков армии.

До боя за причалы армейской переправы дело не дошло. Но в пределы завода «Баррикады» гитлеровцы вторглись — помешать этому у нас не хватало сил. У врага же не хватало их на то, чтобы продвигаться дальше напролом, полностью овладеть заводом. Здесь, на «Баррикадах», сказалось, как измотали мы противника за эти дни, здесь наступил кризис «генерального штурма».

По нашим подсчетам (вероятно, не вполне точным, но, думаю, близким к истине), за 17 октября немцы потеряли еще до двух тысяч солдат, еще до сорока танков. Да и не танки уже решали исход боя, когда борьба переносилась в коробки полуразрушенных цехов, в загроможденные металлом заводские дворы. Тут и свою авиацию, без которой они наступать не привыкли, фашисты могли использовать весьма ограниченно — вступил в свои права ближний бой.

Завод, названный «Баррикадами» в память и в честь пролетарских революционных битв, сделался баррикадами в прямом, буквальном смысле слова. Фронт обороны прошел изломанной линией через его корпуса и остановился, перестав наконец сдвигаться к Волге. До береговых круч на этом участкє оставалось где восемьсот — девятьсот метров, где меньше пятисот...

Бой не кончился, вражеские атаки продолжались. Но уже разрозненные и какие-то осторожные, рассчитанные, очевидно, на выявление наших слабых мест. И как ни поредели наши части, как ни устали люди, отбивались эти атаки все увереннее. В штабе армии стали прикидывать, как вернуть захваченную противником часть завода.

К тому времени в основном стабилизировался и фронт группы Горохова, отрезанной за Мечеткой. Там, правда, осложнилось дело со снабжением войск: плавучий мостик через протоку Денежная Воложка, оказавшийся под перекрестным огнем — и сверху по течению, и снизу,— вышел из строя, и грузы от острова начали перевозить на лодках. Общие выводы в радиограммах полковника Камынина, находившегося в Северной группе, сводились к тому, что положение трудное, но держаться можно.

19 октября в армию поступило датированное минувшим днем обращение «Товарищам красноармейцам и ко-

мандирам Сталинградского фронта», подписанное генерал-полковником А. И. Еременко. Такие документы фронтового командования, подлежавшие доведению до каждого бойца, мы не раз получали и в самые тяжелые дни, и в дни чем-то знаменательные.

В этом обращении были такие слова:

«Наши доблестные войска, защищающие Сталинград, сбили спесь фашистским мерзавцам, сорвали их планы захвата Сталинграда».

Так оценивались — лестно для нас и, я бы сказал, смело — итоги жарких боев последних дней. Помню, подумалось: не поторопились ли сказать — «сорвали»? Ведь враг-то нажимать не перестал и от своих целей у Волги вряд ли отказался. Или с фронтового КП кое-что виднее?..

Пять дней, с 14 по 18 октября (или шесть, включая и 19-е,— четкую грань тут провести трудно), явились как бы вершиной Сталинградской обороны. Снова предпринять натиск такой же силы противник был уже не в состоянии. Но ясно это стало не сразу, не так скоро. Тогда мы ощутили лишь провал этого, еще не отгремевшего, но явно выдохшегося и не сокрушившего нашу армию «генерального штурма».

Что позволило и помогло его сорвать? В этом надо было дать отчет прежде всего самим себе, для завтрашнего дня. Ведь не численный же перевес — он был не на нашей стороне. И уж, конечно, не выгодность занимаемых армией позиций: оставшаяся в наших руках территория — еще более сократившаяся в глубину, разрезанная в начале штурма надвое, вся просматриваемая с захваченных врагом высот — никаких выгод обороняющимся войскам не давала. Так что же тогда?..

Можно было назвать многое, без чего пришлось бы совсем туго. Помогло выстоять то, что инженерная служба и моряки Волжской флотилии обеспечили, несмотря ни на что, переправу дивизии Людникова. Помогла авиация фронта, которая самоотверженно и дорогой для себя ценой (это особенно относится к штурмовикам) поддерживала наши войска. Неоценимую роль сыграла отличная работа артиллерии, в том числе легкой, находившейся в боевых порядках пехоты, а также зенитной, бившей и по наземным целям и давно ставшей резервом противотанковой.

Все это, повторяю, было насущно необходимо, чтобы отбить штурм. Однако главным, решающим оставались стойкость и боевое упорство самой пехоты. Они и определили — в еще большей степени, чем когда бы то ни было прежде,— исход боев.

Чем дальше, тем меньше было у нас возможности для перегруппировок, для маневра. Днем, в светлое время, как правило, вовсе исключалось не только передвижение даже небольших подразделений, но и эвакуация с переднего края раненых. Стойкость сделалась понятием абсолютным, безоговорочным: нужно было удержаться там, где стоишь, или погибнуть. К этому было уже морально подготовлено и подкрепление, прибывавшее из-за Волги,— люди знали, что идут на последний рубеж, откуда пути назад нет. А вся сталинградская атмосфера укрепляла в них такой настрой духа.

Положение можно было оценить и так, что все висит на волоске. Мне известно, однако, с какой настойчивостью добивались именно в те дни бойцы и командиры, заканчивавшие лечение после ранений в заволжских госпиталях, отправки обратно в Сталинград, и обязательно— в свою прежнюю часть. Знаю, как радовался вернувшимся ветеранам командир 308-й дивизии Леонтий Николаевич Гуртьев. И, конечно, не только потому, что люди у него были наперечет. В такое время сам факт возвращения бывалого солдата или опытного санинструктора, сумевших добраться на правый берег с какой-нибудь оказией, воодушевлял их товарищей.

С чувством глубочайшей признательности сослуживцам вспоминаю обстановку на нашем КП, в штарме.

Работали фактически на переднем крае. Охрана штаба, вводившаяся в бой еще на второй день штурма, так и сидела в окопах. За четыре дня в расположении командного пункта армии, в разбитых блиндажах и около них, погибло больше тридцати человек. Не отступала острая тревога за группу Горохова, за переправы, за то, как бы не упустить что-то существенное у себя под боком, в заводском районе. Трудно было со связью, с ряда участков донесения доставлялись только посыльными, которые могли и не дойти. Но сплоченность, самоотверженность штабного коллектива прибавляли сил каждому.

С усложнением обстановки расширялись практические задачи и возрастала ответственность наших офицеров

связи. Теперь еще чаще, чем раньше, по докладу капитана или старшего лейтенанта, побывавшего там, откуда не поступало никаких других сведений, по его оценке положения принимались важные решения. И я не помню случая, чтобы кто-то из направленцев оперативного отдела подвел командование неточными данными.

Обычно их доклады по возвращении из войск выслушивал комбриг Елисеев. Но когда обстановку в том или ином квартале требовалось уточнить особенно срочно, я предупреждал Николая Сергеевича: «Офицера связи, как только явится,— прямо ко мне!»

Так предстал предо мною в один из трудных октябрьских дней старший лейтенант Анатолий Мережко — небольшого роста, худенький, с медалью «За отвагу» на пропотевшей и пропыленной гимнастерке. Медаль он заслужил в боях у Дона, командуя пулеметной ротой курсантского полка. А в штаб армии был взят совсем недавно («Штабной подготовки почти не имеет, но общевойсковая хорошая, и человек развитый, смышленый»,— отозвался тогда о нем Елисеев) и мне докладывал впервые. Не помню, на какой участок обороны, в какую дивизию он посылался. Запомнилось, однако, с какой уверенностью излагал он установленные им факты, детали обстановки. Чувствовалось, что за точность своего доклада двадцатилетний лейтенант готов отвечать головой. А чего стоило в тот день выяснить подробно положение дел на многих участках фронта, да и донести добытые сведения до КП, я знал. И как-то сразу поверилось в нового, самого молодого работника оперативного отдела, в то, что и он под стать другим, уже испытанным.

Не время было давать волю чувствам, и я не обнял, не расцеловал этого отважного парня. Просто пожал ему руку, налил немного водки из припрятанной для особых случаев бутылки, дал бутерброд из своего завтрака: «Подкрепись вот, и разрешаю два часа поспать. Скоро, наверное, опять понадобишься...»

Анатолий Григорьевич Мережко стал в дальнейшем одним из лучших офицеров штаба. Менее чем через год он был уже армейским направленцем по стрелковому корпусу, а ныне — штабной работник крупного масштаба, давно уже генерал.

Говоря о штабном коллективе, я имею в виду не только тех, кто непосредственно обеспечивал управление вой-

сками. В штабе много людей подчас незаметных, с самыми скромными обязанностями. Их работа насущно необходима, но ее не назовешь боевой в прямом смысле слова, когда штаб армии размещен «нормально» — относительно далеко от переднего края — и доступен воздействию лишь неприятельской авиации. У нас же все находилось теперь под огнем врага, в нескольких сотнях шагов от него — и штабная канцелярия, и узел связи, и кухня.

Персонал штабного медпункта (в системе фронтовой медицины это «звено» почти тыловое) — младший лейтенант медицинской службы М. И. Жевлакова и ее помощник старшина П. Т. Силантьев выносили раненых из-под минометного обстрела, оказывали первую помощь штабистам, которых удавалось извлекать из завалов. Немолодой старшина Виктор Васильевич Решетняк, делопроизводитель строевой части АХО, едва ли не каждую ночь переправлялся через Волгу с документами для штаба фронта. Самоотверженно работали наши телефонистки и телеграфистки Зоя Колесова, Нина Голубь, Валентина Волошина, Марина Вострикова, Александра Огирева, повар Мария Даниловна Пасечник, официантка столовой Военного совета красноармеец Мария Мустафинова. И многие-многие другие.

А заботливый Леонтий Ипатович Носков (в октябре он стал моим заместителем по политической части и получил звание майора, но я еще не отвык называть его комиссаром штаба) не обходил своим подлинно отеческим вниманием ни одну из наших служб. И что бы ни творилось вокруг, не забывал выяснить, все ли на командном пункте накормлены и нельзя ли дать кому-то немного отдохнуть.

Такие дни, какие все мы пережили в середине октября, теснейше сближают людей, связанных общим делом и общей судьбой. Так вышло и у нас с Василием Ивановичем Чуйковым, с Кузьмой Акимовичем Гуровым. Если мы и до того были хорошими боевыми товарищами, успевшими и узнать друг друга, и сработаться, то, пожалуй, именно с тех переломных октябрьских дней стали друзьями навек.

Чуйков мог быть и резок, и вспыльчив, но друг ведь не тот, с кем всегда спокойно. С нашей первой встречи на Мамаевом кургане я считал, что мне посчастливилось

быть в Сталинграде начальником штаба у такого командарма — чуждого шаблонов (в той обстановке приверженность к ним могла бы погубить все), до дерзости смелого в принятии решений, обладавшего поистине железной волей. А непоколебимо принципиальный, страстный и в то же время глубоко сердечный Гуров олицетворял партийную совесть нашей армии. То, что эти два человека постоянно находились рядом, значило для меня очень много.

Когда армия отбивала «генеральный штурм», было не до официальных, по всей форме, заседаний Военного совета. По существу же он собирался, пусть без протоколов, но многу раз в сутки — то у командарма, то у Гурова, то у меня. Была необходимость быстро реагировать на всякое изменение обстановки, и мы испытывали потребность немедленно делиться друг с другом возникавшими соображениями и тем самым проверять их. Вместе нам было легче. Сообща порой удавалось находить решение, выход там, где его, казалось, и вовсе нет.

Я ловил себя на том, что и тогда, когда ломал голову над картой один, мысленно разговаривал с Чуйковым и Гуровым — это получалось непроизвольно. Раз, додумавшись до чего-то путного, заговорил, сам того не замечая, вслух:

— А если вот так, товарищ командующий? Попробуем, Василий Иванович?

И тут же услышал:

— Что «вот так»? Что «попробуем»? — Оказывается, Чуйков, незаметно вошедший, стоял рядом.

Дело касалось усиления одного из участков обороны. Когда вопрос был решен, командарм сказал:

— Послушай, Николай Иванович, может быть, тебе перебраться на какое-то время на тот берег? Хоть думать там сможешь спокойнее. Возьмешь с собой кого найдешь нужным из операторов. А с нами — прямая связь.

Почувствовав, должно быть, что я могу не так истолковать мотивы его предложения, он нарочито грубовато добавил:

— Да я не о твоей персоне пекусь! Это для пользы дела. Чтобы надежнее управлять армией. Ты же сам понимаешь — для начальника штаба место тут стало неподходящим.

Если представить все отвлеченно, так сказать «академически», в том, что предлагал Чуйков, очевидно, был резон. Но там, в Сталинграде, сама мысль о том, что я отправлюсь за Волгу, а командарм и Гуров останутся на правом берегу, не укладывалась в сознании. И я ответил:

— Нет, товарищ командующий, пока вы здесь, никуда не уйду и я. А на крайний случай пистолет у меня всегда при себе.

Чуйков понял, что меня не убедить, и больше к этому не возвращался. Как мне известно, командарм в тот же день предлагал перейти на левый берег или на остров начальнику артиллерии генерал-майору Пожарскому, с тем чтобы управлять огнем оттуда. Николай Митрофанович категорически отказался.

Вспоминая тот разговор, я думаю и о смелости Василия Ивановича Чуйкова, и о русской широте его души. На перевод меня или Пожарского за Волгу он наверняка не имел еще согласия фронтового командования и готов был взять это на свою ответственность. И руководило им наряду с заботой о пользе дела — одно от другого тут не отделить — конечно же, и стремление сохранить нам жизнь.

Василий Иванович принадлежит к людям, которые выражают доброе отношение к товарищу прежде всего своими поступками, действиями, а не словами. Но когда после Сталинграда меня назначили в другую армию и пришло время прощаться, он при всем нашем штабе сказал, что расстается с братом. Одно это слово вместило все.

Девятнадцатое октября застало нас на новом КП. Его развернули близ устья Банного оврага, напротив Мамаева кургана — почти в самом центре расположения армии, если считать по берегу Волги. От передовых окопов он был только на несколько сотен метров дальше, чем прежний. Не отдалился КП и от «Красного Октября» — главного оплота обороны в заводском районе, только теперь этот завод находился не слева от нас по фронту, а справа.

Как и при прошлых переселениях, оперативный состав штарма перебрался сюда ночью пешком вместе с охраной и бойцами обеспечивающих подразделений. Документы и прочее штабное имущество тащили на себе.

Устье оврага было вымощено, как улица, булыжни-

ком — очевидно, сюда когда-то завозили прибывавшие по реке грузы. Крутые склоны изрыты нишами. Настоящий армейский командный пункт, каким ему положено быть, оборудовать еще предстояло. Узел связи обслуживали пока передвижные рации. Военный совет, оперативный отдел, разведчики на первых порах разместились на КП 1047-го стрелкового полка дивизии Батюка под пересекавшим овраг мостом. Полевая кухня штаба полка временно приняла нас на довольствие.

Полком, штаб которого пришлось потеснить, командовал подполковник И. И. Метелев. Это был один из лучших в армии командиров полков и самый старший по возрасту, солдат первой мировой войны. Метелева часто ставили в пример за понимание тактики городского боя. Полк славился своими снайперами, здесь служил и знаменитый Василий Зайцев.

Невдалеке, под обрывом волжского берега, располагался 19-й гвардейский минометный полк полковника А. И. Ерохина — единственный полк «катюш», оставленный на правом берегу, да и то не в полном составе. Здесь была его постоянная огневая позиция. Боевые машины укрывались в нишах вроде огромных ласточкиных гнезд, а чтобы дать залп, выдвигались назад, заходя колесами в воду. Полк Ерохина являлся нашим драгоценным резервом для массирования огня на важнейших участках и много раз выручал пехоту. Но второй такой поставить в Сталинграде было уже негде.

Близкое соседство с «катюшами», как и со всем, что привлекает особое внимание противника, вообще-то для КП и штаба армии нежелательно. Однако с этим считаться не приходилось — на правом берегу у нас стало тесновато.

Новое место армейского командного пункта было пятым непосредственно в городе (считая первым Мамаев курган). И оказалось последним: отсюда уже не понадобилось никуда перебираться до конца боев в Сталинграде.

ПОСЛЕДНИЕ РУБЕЖИ

Войска, несколько дней отражавшие самый сильный и яростный с начала Сталинградской обороны натиск врага (это не коснулось лишь левого фланга армии), острейше нуждались в передышке. Необходимо было закрепиться на изменившихся позициях, привести в порядок донельзя измотанные и поредевшие части, а некоторые перегруппировать, укрепить ослабленные стыки. Но этому-то и старался всячески помешать противник. Не достигнув своих целей «генеральным штурмом» и будучи не в состоянии его повторить, он продолжал атаки на ряде участков. При этом мы знали — резервы у Паулюса еще есть.

У нас с резервами обстояло неважно. Маршевое пополнение прибывало, однако не в таком количестве, чтобы возместить потери последних дней. Все части, действовавшие в заводском районе, потеряли много командного состава, политработников, штабистов. И неудивительно: они все чаще сражались в общем строю, особенно если приходилось отбивать атаки на командные пункты и штабы.

Трудно стало с командным составом уже и в дивизии Людникова, провоевавшей в Сталинграде считанные дни. Выбыл из строя тяжело раненный командир 344-го стрелкового полка Реутский, недавний преподаватель тактики на курсах «Выстрел». Людников смело вверил полк старшему лейтенанту Коноваленко из штаба дивизии. Только попросил побыстрее дать ход представлению того к званию капитана, сообщив, что «шпалы» ему уже вручил.

138-я дивизия оборонялась активно, переходила в контратаки, брала трофеи и пленных. Но выбить гитлеровцев из захваченной части завода «Баррикады» — а Людникову ставилась именно такая задача — ей не удавалось.

Тем временем вновь появилась надежда, что положение армии облегчат контрудары соседей. Начали наступательные действия северо-западнее Сталинграда войска Донского фронта, а южнее — 64-я армия.

Из штаба 64-й, от Ивана Андреевича Ласкина, прибыл майор-оператор, чтобы подробно проинформировать нас о готовящемся у них наступлении, договориться о возможном взаимодействии. Контрудар на юге опять планировался в направлении Купоросного, Зеленой Поляны, Песчанки, весьма близких к нашему левому флангу, и на этот раз более значительными силами, чем прежде.

Ударная группа 64-й армии атаковала противника 22 октября. Когда вокруг становилось потише, наши штабисты выходили из блиндажей и прислушивались к орудийному гулу, который доносился с юга. Бои шли в каких-нибудь пятнадцати километрах от нас, в южных пригородах Сталинграда... Полковник Герман докладывал, что гитлеровцы, по-видимому, перебрасывают туда некоторое количество танков и 100-ю легкопехотную дивизию.

Но ни южные наши соседи, ни северные, перешедшие в наступление несколько раньше, и на этот раз не смогли достигнуть сколько-нибудь существенного территориального успеха. Как и при прошлых контрударах, враг оказал и тем и другим ожесточённое сопротивление. Тем не менее одновременные активные действия против обоих флангов фашистских войск, осаждавших Сталинград (а 64-я армия вскоре возобновила их вновь), задержали предпринятую Паулюсом перегруппировку, помогли нам собраться с силами.

Из тяжелых боев первой половины октября были сделаны и некоторые практические выводы, касавшиеся управления армией. Что наш КП и штаб должны находиться и впредь на правом берегу, рядом с войсками, сомнению не подвергалось. Однако следовало все же иметь и запасной пункт управления армией, менее уязвимый для противника. И мы создали его на базе уже существовавшего (и столько раз выручавшего нас!) заволжского узла связи, имевшего к тому времени, помимо мощных радиостанций, систему проводных линий, радиально расходившихся — через Волгу, под водой — ко всем основным соединениям армии. Туда перевели небольшую группу оперативных работников штаба во главе с комбригом Н. С. Елисеевым, которая держала с нами непрерывную

связь, была в курсе всех изменений обстановки, вела параллельные рабочие карты.

Насколько помню, мы не называли эту группу запасным КП, однако фактически имели там подготовленных дублеров заместителя начальника штаба, начальника оперативного отдела. И уверен: если бы наш КП на правом берегу попал под вражеский удар и вышел из строя, Елисеев и его помощники обеспечили бы новому командованию возможность принять управление армией, так сказать, «на ходу», без опасной в подобных случаях заминки.

Комбриг Елисеев оказался весьма подходящим для этой работы. Вскоре Н. С. Елисееву было присвоено звание генерал-майора. После завершения Сталинградской битвы Николая Сергеевича отозвали из армии на прежнюю, преподавательскую работу, но уже не в Академию имени М. В. Фрунзе, из которой он ушел на фронт, а в Академию Генерального штаба.

С 23 октября главным объектом вражеских атак (при неослабевающем нажиме на группу Горохова) стал завод «Красный Октябрь» — старейший из трех сталинградских промышленных гигантов и последний, на территорию которого еще не ступала нога гитлеровского солдата.

Что противник, застряв на «Баррикадах», попытается пробиться к Волге на соседнем участке, представить было нетрудно. На подступах к «Красному Октябрю», расположенному южнее «Баррикад», появилась 79-я пехотная дивизия графа фон Шверина, действовавшая до того против войск Донского фронта. Было известно, что это кадровая немецкая дивизия, недавно пополненная, что в ее составе есть полки имени Гитлера, имени Гинденбурга...

Для нас удержаться на «Красном Октябре» означало, помимо всего прочего, удержать переправу, без которой армия не могла существовать. Основной силой, оборонявшей этот завод, была 39-я гвардейская дивизия генерал-майора Степана Савельевича Гурьева. Прикрывала «Красный Октябрь» своим левым флангом и 193-я стрелковая дивизия генерал-майора Федора Никандровича Смехотворова, сохранившая к тому времени не более трети своего боевого состава.

Дивизия Гурьева держала здесь оборону уже три недели. Ведя бои на подступах к заводу, она готовила к обороне его цеха, «врастала» в них. К слову сказать, дивизия, вобравшая в свои ряды всех оставшихся на «Красном Октябре» рабочих и сражавшаяся здесь до конца, до победы, накрепко «вросла» и в историю славного завода. Недаром в Краснооктябрьском районе нынешнего Волгограда, рядом с улицей, носящей имя сталевара Ольги Ковалевой, есть улица, название которой — 39-я Гвардейская.

Гурьев и Смехотворов знали, что от противника следует вот-вот ждать не таких атак, как в последние три-четыре дня, а посильнее: и штарм предупреждал, и собственная разведка доносила о том же. В 39-й дивизии успели провести делегатское партийное собрание. Начальник политотдела Я. И. Дубровский послал всех своих людей в передовые подразделения. И — вовремя!

Наступление на «Красный Октябрь» гитлеровцы начали с ночных атак, похожих на разведку боем. Все они были отбиты. Утром же, но не на рассвете, а в 10 часов, после мощной артиллерийской подготовки, подверглись атакам пехоты и танков сразу несколько участков на правом крыле армии. И вскоре определилось, что основной удар направлен на «Красный Октябрь». Вдоль Центральной и Карусельной улиц немцы двинули в бой свою свежую дивизию, усиленную танками.

В некоторые часы 23—24 октября все выглядело снова почти так, как восемь—десять дней назад. Так же массированно действовала фашистская авиация, и от бомбежек и штурмовок с воздуха у нас было больше всего потерь. Досталось и новому командному пункту армии, хотя ничто не давало оснований считать, что его место раскрыто,— просто бомбился весь район. В расположении КП погибло пятнадцать человек, было разбито несколько раций. Телефоны вышли из строя вовсе. Но «Красный Октябрь» был близко, и с частями Гурьева и Смехотворова без особых перебоев поддерживалась живая связь.

Гвардейцы Гурьева дрались доблестно — иначе не скажешь. Подразделения, которые оказывались отрезанными от батальонных и полковых КП, держались с прежней стойкостью. Командные же пункты оставались на прежних местах, даже если гитлеровцы подступали к ним вплотную. И наседавший враг отбрасывался назад.

Командир полка Василий Андреевич Лещинин потом рассказывал:

— Перед КП второго и третьего батальонов мы насчитали по сорок—пятьдесят трупов фашистских солдат. Прорывались сюда и танки. Но и с танками справлялись, подрывали их. Отбившись, комбаты первым делом принимались выяснять, что стало с передним краем, где он теперь. А он — там, где и был, все роты выстояли.

Да только ли до батальонных КП прорывался враг! Связываюсь по радио с генералом Гурьевым и узнаю, что бой идет у командного пункта дивизии, до штольни, где он помещается, долетают немецкие гранаты... Помощи Степан Савельевич не просит, ему известно: резервов у нас нет. Все же ему послали на подмогу единственное, что могли,— поднятую по тревоге роту батальона охраны штаба. С ней пошел и мой ординарец Владимир Ковтун.

Дивизия Гурьева удержала рубежи перед «Красным Октябрем». Выйти к заводской территории напрямик, с запада, противнику не удалось. Однако он прорвался к заводу в обход, с северной стороны,—через еще более поредевшие боевые порядки 193-й дивизии. «Красный Октябрь» — вслед за Тракторным и «Баррикадами» — стал полем боя.

Ворвавшись на территорию «Красного Октября», где гвардейцы Гурьева удерживали основные цеха, немцы одновременно продвинулись севернее завода к Волге. Преодолей они оставшиеся до берега последние сотни метров — и дивизии Гуртьева и Людникова оказались бы отрезанными, как раньше группа Горохова...

У Горохова положение тоже ухудшилось: враг возобновил попытки расколоть фронт наших бригад. Тяжело было и на «Баррикадах», особенно в юго-восточном углу заводской территории, где на позициях, господствующих над Волгой, важных для прикрытия переправы, оборонялись совсем обескровленные части Гуртьева. «В полку майора Чамова 36 активных штыков»,— доносили из штаба 308-й дивизии.

Об ожесточенности разгоревшихся с новой силой боев, о том, чего стоило сдерживать очередной натиск противника, дает представление такая цифра: за 23 и 24 октября мы эвакуировали на левый берег 1894 раненых. И это были еще не все раненые, часть оставалась в убежищах на нашем берегу.

Сама транспортировка стольких раненых через непрестанно обстреливаемую, всю ночь освещаемую ракетами Волгу являлась непростым делом. Перевозили их главным образом небольшие речные пароходы. Счастливым считался у эвакуаторов пароходик «Ласточка», который с 18 по 25 октября благополучно вывез больше тысячи раненых.

Я не сказал еще, что 20 октября была выведена в резерв фронта давно знакомая читателю 112-я стрелковая дивизия подполковника И. Е. Ермолкина, остатки которой после прорыва немцев у Тракторного оказались в расположении Северной группы. За Волгу убыли, правда, фактически одни штабы и совсем немного строевых командиров. Отрадно было, что хоть эта горсточка ветеранов останется под знаменем дивизии, призванной возродиться для новых боев. А двух способных молодых офицеров — капитана Николая Скляренко и старшего лейтенанта Александра Безъязыкова, которым в тяжелейшей обстановке было вверено по полку, представилась возможность послать прямо из огненного Сталинграда на ускоренный курс военной академии.

Теперь, 25 октября, Военный совет армии вынужден был констатировать, что 193-я дивизия Смехотворова, 308-я Гуртьева и особенно 37-я гвардейская Жолудева исчерпали свои боевые ресурсы и нуждаются уже не в маршевом пополнении, а в замене целиком (напомню: две последние прибыли к нам в составе менее половины штатного). Командарм Чуйков передал по телеграфу просьбу командующему фронтом сменить эти соединения двумя полнокровными дивизиями с противотанковой артиллерией.

Вышло так, что наша просьба встретилась с принятым уже решением включить в состав 62-й армии 45-ю стрелковую дивизию, которая незадолго до того была передана Сталинградскому фронту из резерва Ставки и предназначалась сперва (как в свое время дивизия Смехотворова) для обороны островов и левого берега.

Что касается второй дивизии, то нам дали понять: рассчитывать можно только на Горишного, на свою 95-ю. Ее управление и штабы полков принимали за Волгой новых бойцов. На доукомплектование дивизии требовалось еще пять-шесть дней. Этим и определялось, сколько надо

выстоять частям, которые она сменит, вернувшись на правый берег.

45-я дивизия полковника В. П. Соколова начала переправляться уже в ночь на 27 октября. Но это только начала! Пока она вся сосредоточилась в Сталинграде, прошло еще трое суток. Условия переправы крайне осложнились, трасса ее растянулась на много километров. Суда шли теперь к сталинградским причалам от стоявшего на отдаленной протоке поселка Тумак.

Положение же в заводском районе было таково, что перед командованием армии снова стоял вопрос: как продержаться до ввода в бой подкрепления, которое уже на подходе?

На «Красном Октябре» и в прилегающих к заводу кварталах сложились условия, необычайные даже по сталинградским понятиям. Расстояние до противника здесь подчас измерялось несколькими шагами, иногда — всего-навсего толщиной кирпичной стены: по ту сторону вплотную к ней — немцы, по эту, тоже вплотную,— наши. Тут личное мужество, боевое умение, находчивость каждого человека имели совершенно особое значение.

В оперсводках штадива 39-й гвардейской в течение ряда дней упоминалась фамилия старшины роты Шульги, который с шестью бойцами оборонял здание школы у отрога Банного оврага. Шульга был интересный человек: уже в годах, воевал еще в гражданскую, до мобилизации — председатель сельсовета на Украине... Удержав школу, старшина вскоре заменил убитого командира роты.

Мы везде старались подкреплять боевые порядки пехоты выдвигаемой к переднему краю артиллерией, но кое-где в районе «Красного Октября», например на участке 112-го полка Лещинина, поставить самые легкие орудия было теперь уже негде. Тем большую роль в системе огня играли минометы, в том числе ротные, для которых место находилось всегда. Ни в Одессе, ни в Севастополе 50-миллиметровый ротный миномет не был в таком почете, как в Сталинграде. В уличных боях, когда противник рядом, он стал незаменим.

А противопехотные мины саперы закладывали даже в домах, где занимали оборону наши подразделения (и тогда уж вход — только с дежурным проводником). Ставили у себя под боком и фугасы бризантного типа — на тот случай, если нельзя будет остановить прорывающе-

гося врага ничем другим. Право взрывать их, укрыв своих людей, принадлежало командиру роты.

К той ночи, когда началась переправа дивизии Соколова, особенно напряженным было положение между «Красным Октябрем» и «Баррикадами», где противник мог прорваться к Волге у последних действующих пристаней.

Оборонявшаяся между заводами 193-я дивизия Смехотворова была ослаблена уже до крайнего предела: в стрелковых полках насчитывалось по нескольку десятков бойцов. На Машинной и Стальной улицах оборону держали разрозненные боевые группы, маленькие гарнизоны опорных пунктов. Промедлить с усилением этого участка было, как говорится, смерти подобно.

Поскольку из состава новой дивизии в первую ночь переправлялись всего два батальона, командарм решил подчинить их пока генерал-майору Смехотворову, подтвердив ему прежнюю задачу: любой ценой удерживать занимаемые позиции, не пропустить врага в район причалов.

Вводить в бой новое соединение хотелось бы не так, не по частям с временным подчинением другому комдиву. Однако выбора у нас не было. Авангард 45-й дивизии пришлось использовать для обеспечения самой возможности высадить в Сталинграде остальной ее контингент.

В прибывших батальонах было больше полутора тысяч человек, 36 противотанковых ружей, 53 станковых пулемета. Командира 10-го стрелкового полка, которому принадлежали эти батальоны, ранило, едва он ступил на берег, и командование принял замполит А. Д. Кругляков. К рассвету батальоны заняли указанный генералом Смехотворовым участок — в тот момент самый угрожаемый.

В течение дня он многократно подвергался бомбежкам с воздуха и шесть раз фашистская пехота и танки пытались прорваться тут к Волге. Пытались, но не смогли. А кое-где даже удалось отодвинуть наш передний край на несколько десятков метров дальше от берега. Позже в одном месте вновь продвинулся противник и в конечном счете был там остановлен в трехстах метрах от реки.

Далось все это нелегко. За сутки два батальона потеряли убитыми и ранеными больше половины своих людей. Так было предотвращено новое расчленение армии и

удержаны пристани, на которые ночью высаживался следующий эшелон 45-й стрелковой дивизии.

Но продержаться до ввода в бой всех ее полков означало выстоять не только здесь. Враг усиливал нажим на заводских территориях «Баррикад» и «Красного Октября», подтягивал подкрепления к Мамаеву кургану, не прекращал атак, правда теперь частных, уверенно отражаемых, против нашего левого фланга. Армия в целом остро ощущала помимо невосполненных октябрьских потерь в личном составе значительную убыль боевых средств (особенно легких орудий, действовавших с переднего края).

Практически мы опять остались без танков, и противник об этом знал. И все же в один из этих дней была осуществлена танковая контратака! Ее подготовило непосредственно командование армии — в поддержку пехоте на самом тяжелом участке и в расчете на то, что удастся хоть ненадолго ошеломить, сбить с толку гитлеровцев.

Командарм Чуйков потребовал от подполковника Вайнруба сделать все возможное, чтобы ввести в строй хотя бы три танка. И Матвей Григорьевич обеспечил это. Два легких танка вернули к жизни мастера восстановительного отряда, который был создан в свое время на Тракторном заводе. Теперь этот отряд состоял из небольшой группы рабочих, ремонтировавших в одном из оврагов вручную, без станков, единичные машины. Третий — подбитый танк-огнемет надо было, прежде чем ремонтировать, вытащить тягачом с ничейной полосы. Вайнруб организовал и это. А в стрелковое подразделение для атаки вместе с танками набрали (поскольку снять с переднего края было некого) около пятидесяти бойцов из служб, находившихся при штабе, и из выздоровевших легкораненых.

Эту группу и двинули по Самаркандской улице на стыке дивизий Смехотворова и Гурьева. Контратаке предшествовала короткая артподготовка дальнобойными орудиями из-за Волги, дали залп и «катюши» полковника Ерохина с нашего берега. Танки, а за ними и стрелки, преодолев две траншеи, ворвались в расположение противника, вызвав там немалый переполох. Хорошо сработал танк-огнемет, успевший, до того как был вновь подбит сам, сжечь три выскочивших ему навстречу фашистских танка.

Контратака столь малыми силами, при всей ее дерзости, не могла, понятно, существенно изменить положение даже на ограниченном участке обороны. И все же она разрядила обстановку там, где гитлеровцы были ближе всего к Волге, помешала им закрепиться у берега.

10-й стрелковый полк, который первым из дивизии Соколова переправился в Сталинград, со времен гражданской войны именовался Донецким. За ним следовали еще более известные Богунский и Таращанский. Все три полка были сформированы в восемнадцатом году из красногвардейцев и партизан Николаем Щорсом и прославились под его командованием. Вот какой дивизией пополнялась наша армия.

С июня сорок первого дивизия побывала уже во многих сражениях, несла тяжелые потери, возрождалась почти заново. Но и при последнем переформировании люди подбирались так, чтобы в дивизию, как и раньше, попало побольше черниговцев, донбассцев, тех, кому близки традиции ее знаменитых полков. Родом с Черниговщины был и комиссар дивизии Н. А. Гламазда, только что перешедший на положение замполита. Перед отправкой на Сталинградский фронт во всех полках побывала вдова Н. А. Щорса.

Дивизию укомплектовали до полного штата военного времени, хорошо вооружили. Она насчитывала без малого тысячу коммунистов, две с половиной тысячи комсомольцев. Правда, лишь треть нового состава уже знала войну. Остальные принимали у Сталинграда свое боевое крещение.

О состоянии 45-й дивизии доложил прибывший на армейский КП полковник В. П. Соколов. Он перебрался на правый берег с группой дивизионных штабистов на рыбацкой ладье.

Василия Павловича Соколова привело в кадры Красной Армии быстрое расширение и укрепление ее в 30-е годы в связи с нараставшей угрозой войны. В военное училище он пошел с третьего курса университета, потом досрочно окончил Академию имени М. В. Фрунзе. Проявив склонность к штабной работе, в основном на ней и находился, в том числе в финскую кампанию. Минувшей зимой, на Воронежском фронте, он командовал некото-

рое время полком в 13-й гвардейской, у Родимцева. И там же, под Воронежем, получил приказ принять 45-ю дивизию, тогда малочисленную, недавно вырвавшуюся из окружения с большими потерями в командном составе и вскоре выведенную в резерв.

Словом, комдив был молодой. Верилось, однако, что в сложной сталинградской обстановке Соколову поможет его основательный штабной опыт.

Одна свежая дивизия не восполняла потерь, понесенных с 14 октября. И все же мы надеялись, что, получив ее, 62-я армия сможет не только окончательно остановить выдыхавшегося противника, но и начать постепенно расширять свой плацдарм. Это стало насущно необходимым для устойчивости самой обороны — слишком уж узкой была во многих местах полоска волжского берега, на которой держались наши войска.

Дальнейшее показало — в этих надеждах мы не обманулись. Если переломным моментом Сталинградской обороны явилось отражение октябрьского штурма, то реально ощутимым этот перелом стал для нас после прибытия дивизии Соколова (кстати — последней, переданной в нашу армию до конца боев в Сталинграде) и возвращения на правый берег доукомплектованной дивизии Горишного.

Обращаясь к штабным документам, видишь, как именно с этого времени все чаще удавалось, пусть пока на отдельных участках, перехватывать у врага боевую инициативу. И хоть немного, хоть кое-где оттеснять его от Волги.

К рассвету 30 октября 45-я дивизия, переправлявшаяся дольше, чем какая-либо другая (не одному судну пришлось, преодолев три четверти маршрута, возвращаться обратно), находилась наконец вся на правом берегу. Вместе с последним эшелоном дивизии прибыла рота новеньких танков. Одна рота, но как нельзя более вовремя.

Уже сутки спустя, 31 октября, армия смогла нанести противнику удар, на какой давно не была способна. Масштабы его, в сущности весьма скромные, представлялись в тот момент настолько значительными, что в наших оперативных документах говорилось о переходе армии частью сил в контрнаступление.

Под «частью сил» имелись в виду 253-й Таращанский полк дивизии Соколова (другие его поддерживали), весьма малочисленная 39-я гвардейская дивизия Гурьева и прибывшая танковая рота. Штаб армии тщательно готовил контрудар, добиваясь, чтобы командир каждого подразделения хорошо уяснил, что конкретно надо сделать и что ждет бойцов на ближайших десятках и сотнях метров местности. Фронт обеспечивал поддержку своей артиллерией и авиацией.

Артподготовка началась в полдень. Через полчаса поднялась в атаку пехота. Гитлеровцы, по-видимому, не ожидали от нас такой активности, тем более в необычный час, среди дня, однако от некоторого замешательства оправились быстро и оказали яростное сопротивление. Сломить его у нас не хватило сил, и выйти между «Баррикадами» и «Красным Октябрем» на линию железнодорожной ветки, как было намечено, нашим частям не удалось.

Но все же мы существенно — по сталинградским, конечно, меркам — потеснили врага в районе Новосельской улицы и особенно на территории «Красного Октября». Там были очищены от гитлеровцев самые крупные цеха — мартеновский, сортовой, калибровый — и склад готовой продукции. Это значительно улучшило наши позиции.

Снова завладеть этими цехами немцы уже не смогли. На их планах прорваться через завод «Красный Октябрь» к Волге в тот день был поставлен крест.

В утреннем сообщении Совинформбюро за 1 ноября, начинавшемся, как обычно, с положения в районе Сталинграда, появились такие слова: «На другом участке наши части вели активные боевые действия и несколько продвинулись вперед». Таких новостей из Сталинграда не сообщалось давно.

Надо ли говорить, как поднял настроение у наших бойцов и командиров достигнутый 31 октября успех — пусть совсем небольшой, но ведь первый после критических дней и недель!

В тот же день, 31 октября, бронекатера Волжской флотилии высадили десант на правый берег, севернее рас-

положения группы Горохова. Высадка готовилась непосредственно командованием фронта.

В десант был назначен усиленный батальон из 300-й стрелковой дивизии полковника И. М. Афонина, находившейся во фронтовом резерве. Предполагалось, что десантники овладеют Латошинкой, которая с августа была в руках противника, а затем соединятся с группой Горохова, в результате чего занимаемая ею территория существенно расширится и получит надежную переправу.

Выполнить этот план, однако, не удалось. Несмотря на обработку места высадки дивизионной и корабельной артиллерией, десант встретил очень сильное сопротивление. До берега добрались лишь разрозненные подразделения, положение которых еще более осложнилось гибелью командира и штаба батальона, потерей раций. Гитлеровцы же быстро подтянули подкрепления, бросили против десанта до трех десятков танков. Около половины их десантники уничтожили, но в конечном счете высадившиеся бойцы были отрезаны от Волги, а катера со вторым эшелоном враг к берегу не подпустил.

Высадившиеся подразделения сражались под Латошинкой около трех суток. Среди погибших при высадке был командир Северной группы речных кораблей капитан 3 ранга С. П. Лысенко. Его хорошо знали в частях Горохова, которым моряки изо дня в день помогали «флотским огоньком» с канонерских лодок и катеров, оснащенных реактивными установками.

Октябрьский десант под Латошинкой — трагическая, но и славная страничка в истории Сталинградской битвы. Десантники не только нанесли урон врагу на месте высадки. Сам факт появления десанта насторожил противника и вынудил его по-прежнему держать в этом районе части своего 14-го танкового корпуса. Готовившиеся же тогда удары советских войск были предприняты далеко от этих мест.

Быть может, кто-нибудь из читателей упрекнет меня в том, что я редко вспоминаю сражавшихся на Волге моряков, наших славных боевых товарищей. Вероятно, так получается оттого, что в Сталинграде, в отличие от Одессы и Севастополя, мне мало приходилось с ними встречаться. За то время, о котором я успел рассказать, не довелось познакомиться лично ни с командующим Волж-

ской военной флотилией контр-адмиралом Д. Д. Рогачевым, ни с начальником ее штаба капитаном 1 ранга М. И. Федоровым: их КП был на том берегу. Но я, как, вероятно, и любой человек в 62-й армии, не представлял себе протекавшую у нас за спиной Волгу без Волжской флотилии.

Артиллерия ее кораблей включалась в общие схемы огня. Хочу заметить, что канонерские лодки — переоборудованные гражданские речные суда — имели дальнобойные морские орудия и могли стрелять с закрытых, замаскированных позиций в протоках. Корабельные же корпосты выдвигались на передний край.

Бронекатера, тоже оснащенные неплохими орудиями (до 76-миллиметровых), могли быстро появляться там, где требовалось поддержать с реки пехоту. Они же, несмотря на ограниченную грузоподъемность, были незаменимы как самые маневренные транспортные средства.

А скромные речные тральщики (часть их была оперативно подчинена непосредственно начинжу армии — он же начальник переправы) вместе с плавсредствами гражданского пароходства перевозили в Сталинград и любую новую дивизию, и маршевое пополнение. В ряде случаев на переправе и для ее прикрытия использовались все наличные военные корабли.

Довольно редко встречаясь с командирами Волжской флотилии, мы в штабе армии часто поминали ее добрым словом. Чувствовалось, что там на должной высоте и штабная служба—взаимодействие с речными соединениями, координируемое командованием фронта, поддерживалось без каких-либо осложнений. А уж боевой доблести, решимости выполнить свою задачу, чего бы это ни стоило, морякам было не занимать.

В 62-й армии высоко ценили моряков, воевавших на суше. У нас не было, как в соседних армиях, например в 64-й, бригад морской пехоты, но тысячи матросов, переодетых в красноармейские шинели, а некоторые и в своей флотской форме, сражались в составе армейских стрелковых соединений.

Я уже говорил об отличившихся в сентябрьских боях моряках-североморцах из бригады Батракова. В дивизию Батюка вошло много тихоокеанцев (из их числа был и известный всей армии снайпер старшина Василий Зайцев), немало моряков сражалось в дивизиях Смехотворо-

ва и Горишного. Батальон матросов, переправленный к нам в дни «генерального штурма» и переданный генералу Жолудеву, помог выстоять подразделениям 37-й гвардейской. А в бригаде Горохова создали отдельную роту морской пехоты из оставшихся в строю бойцов того краснофлотского отряда, который высадился в августе с волжских кораблей защищать Тракторный завод.

В конце октября в наши заволжские тылы прибыло новое пополнение с Тихоокеанского флота, предназначавшееся для возрождения 92-й стрелковой бригады.

Наступал ноябрь. Резко похолодали ночи. В этих степных краях сильные морозы приходят внезапно, и никто не мог точно предсказать, когда они начнут сковывать Волгу. Уроженцы здешних мест предупреждали лишь, что никакой мороз не может справиться с ней сразу, ледостав обычно затягивается, и в иной год Волгу долго нельзя ни переплыть, ни перейти. Да я и сам знал об этом с юности.

Надо было заранее думать, конечно, и о том, как изменится положение армии, когда река окончательно станет, какие, например, понадобятся меры, чтобы не допустить обхода противником наших флангов по льду, но прежде всего — о том, как обеспечить нужды обороны во время самого ледостава, когда сообщение с левым берегом, и без того трудное, может прерваться и армия будет на неопределенный срок отрезана от баз снабжения. Чтобы чувствовать себя увереннее, нужно было накопить побольше боеприпасов и постараться создать хоть какой-то людской резерв. Что и как можно для этого сделать, не раз обсуждалось на Военном совете.

Мы рассчитывали, что кроме дивизии Горишного скоро вернется на правый берег доукомплектованная 92-я бригада. Прибыл к нам — вторично, с новой материальной частью — 502-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк майора Бабаева. Переправа его далась нелегко, а еще труднее было протащить на огневые позиции в районе «Красного Октября», по косогорам и через развалины, можно сказать — пронести на руках, 76-миллиметровые орудия. В прошлый раз, почти два месяца назад, когда Бабаев представлялся мне на Мамае-

вом кургане, боевую технику полка еще могли передвигать по Сталинграду тягачи...

Каждое утро, получив сведения о доставленных ночью снарядах, минах, гранатах и данные о расходе их за истекшие сутки, подсчитывали, насколько увеличился наш запас. Завозилось, понятно, и продовольствие, но боеприпасы — в наипервейшую очередь: на все сразу перевозочных средств не хватало. В октябре от бомбежек и артобстрела погибло несколько пароходов, паромов, буксиров. Часть судов военной флотилии ушла на ремонт в Астрахань.

Почти все наши дивизии обзавелись собственными лодочными «флотилиями». Сейчас они особенно пригодились. Сотни тонн разных грузов перевезли для себя на лодках гвардейцы Родимцева. С эвакуацией раненых они справлялись сами полностью. Свою лодочную переправу сразу же организовали и в артиллерийском полку Бабаева.

С 26 октября действовал лодочный отряд при штабе инженерных войск армии — «отряд особого назначения», как стали называть его. Он предназначался для срочных нужд штарма, на случай, когда не окажется бронекатера, но перевозил также и боеприпасы и раненых. Отряд делился на несколько групп. Сохранился список их командиров: лейтенанты Борисов, Чабан, Хубеев, старшина Воробьев... На день часть лодок оставляли на острове Зайцевский или на левом берегу, часть зарывали в песок на правом.

Какими незаменимыми окажутся эти простейшие средства переправы, какую службу способны они сослужить, мы по-настоящему оценили неделю-полторы спустя.

В первых числах ноября завершилась перегруппировка наших войск в заводском районе, начатая с прибытием дивизии Соколова. За счет этой дивизии общий боевой состав стрелковых частей армии увеличился почти в полтора раза. Отсюда уже ясно, насколько поредело большинство других соединений.

Читатель, вероятно, помнит, как рота из батальона охраны штарма посылалась выручать осаждаемый гитлеровцами командный пункт генерал-майора Гурьева. Эта рота так и осталась в 39-й гвардейской дивизии. А к ночи на 2 ноября Гурьеву снова потребовалась помощь.

Позволю себе привести документ, подписанный мною по поручению командующего, — он отражает всю тогдашнюю обстановку.

«Боевое распоряжение № 229. 2.XI.01.05.

Батальон охраны штарма со 2.11.42 расформировать. Весь личный состав, а также все вооружение и имущество батальона передать на доукомплектование частей 39-й гвардейской сд...

Крылов».

Батальон этот, оставшийся от бывшего учебного полка, долгое время являлся последним и единственным резервом командарма.

В ту самую ночь с левого берега переправлялся первый из доукомплектованных полков Юришного, но ему уже был назначен ответственный участок обороны. Словом, без батальона охраны на переднем крае было не обойтись.

Тогда же в 39-ю гвардейскую дивизию, начальником ее штаба был назначен один из лучших работников штаба армии — заместитель начальника оперативного отдела Петр Иосифович Зализюк. Это был не единственный случай, когда мы укрепляли штадивы армейскими штабистами. В оперативном отделе Зализюка заменил подполковник И. М. Кеда, взятый из фронтового резерва.

193-я дивизия Смехотворова передала свои прежние позиции между «Баррикадами» и «Красным Октябрем» 45-й стрелковой, однако ее остатки еще могли быть использованы для прикрытия непосредственных подступов к «переправе-62», и командарм приказал Смехотворову занять оборону на набережной имени Бакинских комиссаров.

37-я гвардейская дивизия Жолудева уже не была в состоянии выполнять и такую задачу. Она выводилась в резерв, но за Волгу убывали только ее командование, штадив и штаб одного полка. Остальные люди вливались в 118-й гвардейский стрелковый полк, еще раньше подчиненный Людникову.

В дивизию Людникова переходили также бойцы, сержанты и средний комсостав 308-й стрелковой Гуртьева. Артполк дивизии, зарекомендовавший себя отменной точностью огня, оставался на своих позициях на левом берегу (а его командир подполковник Фугенфиров — на на-

блюдательном пункте на правом) и переключался на поддержку дивизии Горишного.

Лишь месяц находились дивизии Жолудева и Гуртьева в Сталинграде. Но это был месяц, когда выстоять было особенно трудно и в то же время все сильнее чувствовалось, что каждый день, который мы продержались, готовит почву для завтрашней победы.

О любом комдиве или комбриге судили тогда в 62-й армии в огромной мере по тому, насколько понимал он специфику сложившейся обстановки, целесообразность и прямую необходимость действовать зачастую совсем иначе, чем в полевых условиях, смело отходя от привычных представлений и норм. Как Жолудев, так и Гуртьев принадлежали к командирам, умевшим творчески применять тактику городского боя.

В 37-й гвардейской, например, с первых боев на подступах к Тракторному стали создавать в батальонах, а также и в ротах, пока те еще были не слишком малочисленны, резервные подвижные группы. И это позволяло в одном случае вовремя поддержать частную контратаку, в другом — быстро превратить в действующий опорный пункт то или иное здание, где не хватало людей на постоянный гарнизон.

А разве смогла бы 308-я дивизия, сократившись до двух совершенно условных полков, удерживать свои рубежи у «Баррикад» и на самом заводе, если бы эти полки не состояли к тому времени из небольших боевых групп, способных обороняться не только упорно, но и чрезвычайно активно и гибко управляемых?

В разгар октябрьских боев был день, когда участок 347-го стрелкового полка удерживали немногим больше полусотни бойцов. Командовал ими — после того как был убит третий за два месяца командир полка — политработник В. Г. Белугин.

Об этих бойцах, о том, как они смогли выстоять, он потом сказал:

— Люди знали цену не только метру земли, но и вершку. И почти каждый мог быть стрелком и пулеметчиком, бронебойщиком и минометчиком, а также и снайпером. Выручало еще то, что научились пристально следить за противником. Огнем из всех видов оружия старались упредить любую перегруппировку в его боевых порядках, любую попытку сосредоточить солдат в каком-нибудь до-

ме или за углом дома, пресекали всякое выдвижение их вперед. Реагировали даже на перебежку единичных гитлеровцев, на каждый замеченный в расположении врага сигнал, немедленно принимая необходимые решения и меры...

Добавлю к этому несколько слов о самом Василии Георгиевиче Белугине. Он был комиссаром еще в гражданскую войну, имел орден Красного Знамени за участие в ликвидации антоновских банд. Находясь на руководящей работе в Наркомтяжпроме, мобилизации не подлежал, однако в сорок втором добился через Московский комитет партии направления в армию. В дивизию Гуртьева, комплектовавшуюся в Сибири, прибыл вместе с дочерью: та пошла на вокзал провожать отца и самовольно села в поезд... А в Сталинград Белугин попал, только что поправившись после ранения под Котлубанью, где с поля боя его вынесла родная дочь, ставшая санинструктором.

Ныне, когда война ушла в далекое прошлое, кое-кому, наверное, думается, что так бывает только в романах или фильмах о ней. Нет, так было в жизни.

От 308-й дивизии, отвоевавшей свое на сталинградском плацдарме (после нового укомплектования она сюда уже не вернулась), осталась тут память о ее героях. Таких, как лейтенант Борис Шонин — о нем я рассказывал. Таких, как красноармеец-связист Матвей Путилов. Смертельно раненный, он дополз до того места, где был перебит телефонный провод, и, не сумев соединить концы его раздробленной рукой, последним усилием воли зажал их зубами и восстановил связь. Не забыли на рубежах Сталинграда и песню 308-й стрелковой, которую знали и пели не только в этой дивизии.

После того как штабы выводимых в резерв соединений, передав соседям свои позиции и оставшихся в строю бойцов, убыли за Волгу, после законченной к утру 4 ноября перегруппировки оборону на основном плацдарме армии держали (от правого фланга к левому): 138-я дивизия И. И. Людникова, 95-я В. А. Горишного в составе двух полков (третий еще находился на том берегу), 45-я В. П. Соколова, 39-я гвардейская С. С. Гурьева, 284-я Н. Ф. Батюка, 13-я гвардейская А. И. Родимцева. Сводный полк 193-й дивизии Ф. Н. Смехотворова, находясь во втором эшелоне, прикрывал район переправы.

В приказе командарма, отданном в связи с перегруппировкой, повторялась и подчеркивалась первейшая задача каждой дивизии — не допустить на своем участке выхода противника к Волге, надежно обеспечивать стык с левым соседом. Вместе с тем все командиры ориентировались на то, чтобы частными операциями последовательно расширять обороняемый плацдарм, стремиться изо дня в день выдвигать свой передний край на запад, прочно закрепляя всякое, пусть самое незначительное, продвижение вперед.

Был брошен лозунг: продвигаться на сто метров каждые сутки! Замахиваться на большее пока не приходилось. Ближайшей целью виделось вытеснение гитлеровцев с территории заводов «Баррикады» и «Красный Октябрь» с выходом наших войск (на участке между Волховстроевской улицей и Банным оврагом) на рубеж железной дороги, проходящей по городу западнее заводов. Добиться этого очень хотелось к 7 ноября.

Планирование боевых действий нельзя, конечно, подчинять праздничным датам. Но надо вспомнить то тяжелое время, чтобы представить, каким подарком к годовщине Великого Октября явился бы для страны, для всех советских людей новый боевой успех в Сталинграде.

Должен сразу же сказать: то, что имелось тогда в виду, в те дни оказалось еще недостижимым. «Баррикады» и «Красный Октябрь» были полностью очищены от немцев гораздо позже. Больше того — через несколько дней продвинуться в заводском районе еще раз удалось противнику.

Предвижу вопрос: не рано ли было вообще нацеливаться на расширение плацдарма, требовать от войск наряду с готовностью отражать ожидавшиеся атаки врага постепенно, шаг за шагом, отбрасывать его назад? Нет, такая задача назрела, да фактически уже и решалась армией. На многих участках мы вынудили гитлеровцев перейти к обороне, и они, находясь в каких-нибудь сотнях метров от Волги, к которой так рвались, теперь отгораживались там от нее спешно сооружаемыми укреплениями. Частные контратаки, вылазки мелких боевых групп держали противника в напряжении, сковывали и распыляли его силы, а в ряде случаев лишали выгодных позиций, упреждали и срывали его намерения. Хотя враг и не утратил еще окончательно способности наступать, имел

для этого некоторые резервы, действия наших войск в первых числах ноября принимали все более и более активный характер. В сущности, они в это время были оборонительными уже только относительно.

Приказ, о котором я упомянул, свидетельствует, что мы отнюдь не собирались отказываться от активной тактики и с приближением осеннего ледохода. Сейчас она была даже еще важнее. Мы понимали: чем крепче захватим боевую инициативу, тем увереннее будем держаться на территории, отрезанной от левого берега, тем меньше неожиданностей сможет преподнести нам враг.

Нельзя было исключить и такого (вообще-то маловероятного) поворота событий, при котором максимальная боевая активность потребовалась бы от армии для того, чтобы не позволить гитлеровцам беспрепятственно уйти из Сталинграда, например к Дону. Ведь неприятельское командование могло признать это целесообразным, будь оно в состоянии отказаться от соображений престижно-политического порядка и руководствоваться чисто военными. В условиях, когда на всем остальном фронте (кроме районов Туапсе и Нальчика) немцы перешли к обороне, полное овладение Сталинградом уже не давало им тех стратегических выгод, какие сулило раньше, а каждый день борьбы за сталинградские руины приносил немалые потери.

Военный совет армии не был посвящен в планы готовившегося контрнаступления советских войск. Поэтому мы не могли знать и о возникшей тогда необходимости несколько отодвинуть его сроки. А это заставляло командование фронта особенно пристально следить за любыми изменениями в расстановке неприятельских сил. Потом-то стало понятно, почему штаб фронта необычно часто запрашивал свежие данные о противнике, требовал вновь и вновь проверить: не маскируют ли разрозненные, местного значения атаки, которыми с некоторых пор ограничивались гитлеровцы, отвода или подготовки к отводу их главных сил? Отход немцев от Волги, обнаружься он тогда, мог означать и раскрытие планов советского командования...

Мы проверяли и перепроверяли... И уверенно докладывали: из неприятельских войск, противостоящих 62-й армии, никуда не отведено ни батальона. Все дивизии Паулюса, с которыми мы имели дело во второй половине

октября, были налицо — три танковые и семь пехотных (включая 79-ю и 305-ю, действовавшие раньше против Донского фронта, а также 44-ю, стоявшую сейчас в резерве у Городища, откуда она могла быть быстро выдвинута в любой район Сталинграда). Многие дивизии противника получали пополнение. Наша разведка установила прибытие новых штурмовых саперных батальонов — такого же типа, какие перебрасывались в 6-ю армию из тыла месяц назад.

В справке, составленной для штаба фронта по данным разведотдела армии на 4 ноября, делался такой вывод: «Противник производит перегруппировку и готовится к повторению решительных атак...» А там, в штабе фронта, на основании этих данных приходили, очевидно, и к другому, еще более важному выводу: планов нашего командования враг не разгадал, грозящей ему катастрофы не видит.

Прежде чем рассказать о последнем наступлении обреченной уже армии Паулюса, я должен еще немного задержаться на предшествовавших ему днях. Они прошли в Сталинграде без крупных боев, но вообще бои не прекращались ни на час, и с этими днями связаны по-своему значительные, заслуживающие упоминания события, к которым потом было бы трудно вернуться. С ними связана память о павших товарищах.

2 ноября 62-я армия потеряла одного из самых отважных и способных старших командиров — Василия Александровича Болвинова, командира 149-й отдельной стрелковой бригады.

Встретиться с Болвиновым мне так и не довелось. Представление о нем складывалось по отзывам тех, кто видел его в деле, а больше всего — по результатам боевых действий бригады, которой выпало, особенно в последние недели, много испытаний. Вкратце это представление сводилось к тому, что бригадой командует человек незаурядный, инициативный и бесстрашный, отличный тактик.

Личные качества командира послужили весомым аргументом в пользу сохранения бригады, когда решался вопрос, как с нею быть после тяжелых потерь, понесенных 14—16 октября.

Бригада стойко обороняла южную и западную окраины Спартановки, не пустила врага за Мокрую Мечетку.

Болвинов создал сильную систему инженерных заграждений, смело выдвигал на передний край артиллерию. В трудный час комбриг обычно сам находился на решающем участке, управляя боем с КП одного из своих батальонов. Но смерть настигла Болвинова на командном пункте бригады. В тот день возобновился, после короткой паузы, натиск на Спартановку с запада. Атакам только что пополненной 389-й пехотной дивизии немцев, которую поддерживала 16-я танковая, предшествовала кроме сильной артподготовки многочасовая методическая бомбежка. Одна из бомб и попала в блиндаж комбрига, расположенный в трехстах метрах от передовых окопов.

Болвинова, смертельно раненного осколками, откопали еще живым. Зная, что умирает, он до последнего дыхания жил тревогой за исход боя. Как раз в это время двинулись в атаку фашистские танки, а бригада оказалась фактически без командования: в том же блиндаже были тяжело ранены начальник штаба и начарт, несколько штабистов убито.

Бригада, однако, выстояла. Комбрига временно заменил начальник политотдела Скворцов. Стойко держалась и соседняя 124-я бригада. Северная группа Горохова отбила за день пять атак пехоты и танков противника, нигде не дав ему вклиниться в ее позиции. К утру в 149-ю стрелковую бригаду прибыл новый командир, назначенный из фронтового резерва, — майор Иван Дмитриевич Дурнев.

Похоронить Болвинова решено было за Волгой — посмертная почесть, которая могла быть оказана тогда лишь немногим из павших сталинградцев. Кузьма Акимович Гуров порывался сам выступить на траурном митинге, но отправиться на левый берег не позволила обстановка. На митинге у могилы Болвинов в первый раз был назван полковником. Узнать, что ему присвоено очередное воинское звание — второе за три месяца, — он не успел.

6 ноября, в канун Октябрьской годовщины, немцы вновь зашевелились на Мамаевом кургане, атаковав боевые порядки дивизии Батюка. Однако это, как и усилившиеся опять налеты вражеской авиации, еще не было началом того наступления, которого мы ждали. Просто фашисты, как они делали это всегда и везде, старались досадить нам под праздник.

В ночь на 7 ноября они, не пожалев своих солдат,

предприняли бессмысленную «психическую» атаку: после интенсивного минометного обстрела несколько десятков автоматчиков, отчетливо различимых в свете ракет, зашагали в полный рост к окопам одной из рот дивизии Горишного. Эта рота, как и ряд других подразделений 95-й дивизии, «оморячилась» при недавнем доукомплектовании за счет пополнения с Тихого океана, и ею временно командовал флотский старшина Трушкин. Подпустив гитлеровцев поближе, матросы встретили их гранатами, а окончательный исход боя решила в нашу пользу рукопашная.

В политдонесении поарма указывалось, что старшина Трушкин и несколько отличившихся бойцов его роты были в числе тех, кто в день 25-й годовщины Октября подал заявления с просьбой о приеме их в партию.

Ночь на 7-е была морозной. Утром запорхали в воздухе снежинки. По Волге шла и быстро густела шуга. Пока на переправе еще могли действовать гребные лодки, мы спешили доставить на правый берег всеми наличными плавсредствами побольше боеприпасов, а с правого берега вывезти как можно больше раненых. 8 ноября только лодочный отряд, обслуживавший штарм, переправил через Волгу 360 человек.

За те сутки на эвакоприемники в районах переправ поступило 1050 человек, раненных в дни, обошедшиеся без крупных боев и считавшиеся по сталинградским понятиям довольно спокойными.

Позволю себе привести попутно еще две цифры из документов санитарной службы: из 76 тысяч раненых, зарегистрированных в 62-й армии с начала обороны Сталинграда до 10 ноября, к тому времени более десяти тысяч бойцов и командиров вернулись из госпиталей и медсанбатов в строй. Учтены здесь лишь вернувшиеся в нашу же армию, как правило — в свои прежние части. А тысячи и тысячи легкораненых, находя в себе силы сражаться дальше, вообще не покидали Сталинграда.

Сколько раз выручали эти бойцы и командиры поредевшие подразделения и части! Разве забудешь, как в середине октября, в самую тяжкую боевую страду, удалось сохранить на передовой полк жолудевской дивизии в значительной мере благодаря влитым в него добровольцам из легкораненых? Подобных примеров можно вспомнить немало.

В Сталинграде не было места для батальонов выздо-

равливающих, которые существовали на одесском и севастопольском плацдармах и служили для армии резервом при крайних обстоятельствах. Тем не менее возвращение в строй людей, уже проливших на сталинградских улицах свою кровь, становилось массовым.

Но закончу рассказ о дне Октябрьской годовщины. Мало где у нас его можно было отметить торжественными собраниями. Однако у Родимцева собрание состоялось, и Гуров вручил 13-й гвардейской дивизии орден, заслуженный ею еще до Сталинграда.

Та Октябрьская годовщина памятна ощущением близкого перелома в ходе войны. Позади лежал год, может быть, самый тяжелый во всей истории Советского государства, год ни с чем не сравнимых испытаний. Как ни трудно было в ноябре сорок первого, кто из нас тогда представлял, что события на фронтах примут такой оборот, какой они приняли летом сорок второго? Но теперь уже можно было сказать себе, что Страна Советов и ее Красная Армия все это вынесли, выдержали. Крепла уверенность: труднее, чем было, уже не будет, и перелом, который, казалось, завиднелся еще почти год назад, наконец действительно близок.

Такому настрою духа очень способствовал переданный 7 ноября по радио и напечатанный в нашей армейской газете приказ Наркома обороны. В нем содержались такие слова:

«Враг уже испытал однажды силу ударов Красной Армии под Ростовом, под Москвой, под Тихвином. Недалек тот день, когда враг узнает силу новых ударов Красной Армии. Будет и на нашей улице праздник!»

Последняя фраза была у всех на устах. Выражение «на нашей улице» сталинградцы относили непосредственно к себе.

О заканчивавшейся тогда на Сталинградском и двух соседних фронтах подготовке к переходу в наступление никто в 62-й армии, в том числе и Военный совет, не имел никакой официальной информации. Но командующий и начальник штаба фронта при телефонных разговорах с командармом и со мною делали кое-какие намеки. Да и еще по разным признакам чувствовалось приближение важных событий. Наши офицеры связи, ежедневно переправлявшиеся за Волгу с отчетными картами, и другие бывавшие там работники штарма не могли не заме-

чать нараставшего напряжения, в котором, как обычно бывает перед крупными операциями, жил штаб фронта. Всякими окольными путями доходили сведения о выдвижении к Волге и Дону новых соединений...

Мы знали, чувствовали: враг выдыхается. Но оборона Сталинграда еще не закончилась.

В 6 часов утра 11 ноября на наши позиции обрушился такой артиллерийский огонь, какого не бывало уже недели две. Опять оглушающий грохот разрывов поглотил все другие звуки и заходила под ногами земля. С первых же минут стало совершенно ясно: это — артподготовка нового штурма.

В 6.30 началась атака пехоты и танков. Примерно на пятикилометровом фронте, между Волховстроевской улицей на севере и Банным оврагом на юге, наступали пять немецких пехотных дивизий (79, 100, 295, 305 и 389-я) и 24-я танковая — всего шесть из восьми, непосредственно противостоящих нашей армии. По документам убитых гитлеровцев потом было установлено, что в наступлении участвовали батальоны еще двух дивизий, переброшенные сюда на самолетах.

Паулюс сделал напоследок все, что мог. И должно быть, еще раз уверовал, что собранный им кулак с исключительной плотностью боевых порядков на фронте атаки, при мощной артиллерийской и авиационной поддержке наступающих войск, сокрушит оборону 62-й армии. Ведь расстояние, которое нужно было для этого преодолеть, на многих участках составляло меньше километра.

Натиск врага отбивали дивизии Людникова, Соколова, Гурьева, Батюка, ослабленные в предыдущих боях, и дивизия Горишного, не успевшая полностью переправиться на правый берег после доукомплектования. Наступающий противник имел большой численный перевес и в пехоте, и в танках (у нас на 11 ноября было девятнадцать танков, а у противника — до двухсот), и еще больший — в авиации.

Выручала армию, как и прежде, артиллерия. Атакующих нас гитлеровцев поддерживало до тысячи орудий. Однако и мы располагали восьмьюстами орудиями и минометами калибром от 76 миллиметров и крупнее. Артполки дивизий, выведенных за последнее время в резерв,

оставались в распоряжении начарта армии на прежних огневых позициях за Волгой.

Усилившийся ледоход практически свел на нет сообщение с левым берегом. Вероятно, этого момента и ждал Паулюс, чтобы начать новый натиск.

Но победа у Волги — столько раз ускользавшая от него, а теперь, очевидно, опять казавшаяся близкой — была уже в любом случае призрачной. Даже если бы гитлеровцы достигли целей своего ноябрьского наступления, этот их успех больше не мог существенно повлиять на общий ход событий на советско-германском фронте. И что бы ни произошло в ноябре с остатками нашей 62-й армии, судьба немецкой 6-й армии была предрешена неотвратимо.

Все это, впрочем, куда виднее и яснее из нынешнего далека. Тогда мы не слишком много знали о положении за пределами Сталинграда. И до «масштабных» ли было размышлений, когда враг снова пошел напролом, снова стремился расколоть и смять нашу армию, сбросить ее в Волгу. Надо было еще раз сорвать его замыслы. Еще раз выстоять!..

Переносясь мысленно в этот трудный день, сопоставляя то, что сохранила о нем память, с данными штабных документов, я еще раз убеждался в том, что решающее значение имели первые его часы. Если бы немцам удалось вклиниться в нашу оборону всего на триста — пятьсот метров одновременно на нескольких участках — скажем, у Мамаева кургана, в районе «Красного Октября» и еще где-нибудь севернее, — положение всей армии могло стать катастрофическим.

Но этого не произошло. Хотя сильнейшая артподготовка и бомбежка с воздуха и нанесли нашим частям серьезный урон, обрушившийся на них шквал огня не расчистил путь противнику. Первые атаки не принесли ему ни на одном участке ничего похожего на решительный успех и, по существу, остались безрезультатными. Гитлеровцы ворвались на небольшой завод «Метиз», служивший опорным пунктом на правом фланге дивизии Батюка, однако были там же и уничтожены. Другие части Батюка навязали фашистам встречный бой на склонах Мамаева кургана. Гвардейцы Гурьева уверенно держались на «Красном Октябре». Стойко и активно обороняли свои рубежи дивизии Соколова, Горишного, Людникова.

А группа Горохова (на ее участке в этот день противник особой активности не проявлял) сама атаковала гитлеровцев своим левым флангом — в направлении Тракторного завода. Эта частная операция была запланирована командованием фронта, которое специально переправило к Горохову полнокровную роту из резервной дивизии, обеспечило поддержку атаки авиацией и двумя полками «катюш». Цель этой атаки, реальный результат которой мог свестись к некоторому улучшению позиций, видимо, состояла в том, чтобы вновь (как, вероятно, и высадкой десанта десятью днями раньше) привлечь внимание врага к району между Латошинкой и СТЗ и отвлечь тем самым от каких-то других мест.

Тогда, впрочем, думалось лишь о том, что непредвиденное совпадение этой заранее подготовленной атаки с наступлением врага на соседних участках очень помогло нам — боевые действия группы Горохова оттягивали, сковывали некоторую часть неприятельских сил.

Ничего не добившись за утренние часы, после некоторой паузы и новой артподготовки противник возобновил атаки незадолго до полудня. Подтянутые к этому времени резервы он ввел в бой в основном на участке южнее завода «Баррикады», нанося главный удар по оси Мезенской улицы. На два оборонявшихся в этом районе полка дивизии Горишного навалились части двух немецких дивизий. Правофланговый 241-й стрелковый полк был смят на своих позициях.

Разъединив здесь 95-ю и 138-ю дивизии и заняв южную часть заводской территории «Баррикад», гитлеровцы достигли Волги. Ширина прорыва по фронту, или вернее — по волжскому берегу, потому что с нашей стороны фронта тут больше не было, составляла около полкилометра.

Так боевые порядки нашей армии в третий раз оказались рассеченными на всю их глубину. Через два без малого месяца после прорыва у Царицы, через четыре недели после того, как была отрезана группа Горохова, врагу удалось отделить от удерживаемой армией территории еще одну частицу. На этот раз — совсем небольшую. Изолированный «островок», образовавшийся между главными силами армии и Северной группой, имел метров 700 по берегу и 400—500 в глубину. Он включал северо-восточную часть «Баррикад», несколько примыкавших к это-

му краю завода улиц и изрезанный оврагами склон со спускающимися к Волге садами. На этом «островке» находились позиции 138-й Краснознаменной стрелковой дивизии полковника Ивана Ильича Людникова.

Сперва была еще надежда, что Людников отрезан ненадолго. На подкрепление 95-й дивизии, развернувшейся фронтом на север, спешно выдвигался сводный полк дивизии Смехотворова — тот, что прикрывал переправу, и два успевших прибыть с левого берега батальона 92-й стрелковой бригады, заново укомплектованных моряками-дальневосточниками — наш резерв для готовившихся контратак на Мамаевом кургане и у «Красного Октября». Всем этим частям ставилась задача оттеснить немцев от Волги, восстановить на участке прорыва сплошной фронт.

Однако это оказалось недостижимым. Перевес в силах был на стороне противника, и он быстро закреплялся на берегу. Принятыми мерами удалось лишь остановить расширение прорыва на юг — в наши тылы и к пристаням армейской переправы.

Некоторое время с командным пунктом Людникова сохранялась проводная связь. Ее обеспечивала знаменитая потом, вошедшая в историю Сталинградской битвы промежуточная телефонная станция «Ролик», располагавшаяся в нише крутого обрыва. Там оставались на своем посту три красноармейца во главе с младшим сержантом Н. Н. Кузьминским. Они продержались до конца обороны, но потом имели связь только со 138-й дивизией, а провода, шедшие в другую сторону, на юг, гитлеровцы перерезали. Помню свой разговор с Людниковым на исходе дня, когда положение уже в какой-то мере стабилизировалось. Голос Ивана Ильича звучал спокойно и твердо. Доложив обстановку и ответив на мои вопросы, он сказал, что дивизия стоит на «Баррикадах», а с баррикад не уходят.

В мужестве и стойкости защитников возникшего на волжском берегу «острова» сомневаться не приходилось. За минувшие часы они уже отбили шесть вражеских атак, последовавших одна за другой и, безусловно, рассчитанных на то, чтобы покончить с отрезанными от армии частями, не дав им опомниться. Но это стоило 138-й дивизии, и без того уже совсем малочисленной, новых потерь. К концу дня она имела около шестисот штыков.

Помочь Людникову мы могли пока только огнем ар-

тиллерии. Кроме группы управления собственного артполка, стоявшего на огневых позициях за Волгой, в расположении 138-й дивизии находился наблюдательный пункт взаимодействовавшего с нею и раньше 397-го истребительно-противотанкового полка капитана Н. С. Кошелевича — одного из лучших среди наших иптапов. Имея в дивизии своих корректировщиков с рацией, он весьма эффективно поддерживал ее. Подключались на поддержку дивизии и другие артиллерийские части.

Иван Ильич Людников любил артиллерию, гордился дивизионным артполком, а также и отличным начартом С. Я. Тычинским. Теперь, как стало известно начарту армии Пожарскому, комдив 138-й установил для своих артиллеристов специальный сигнал, означавший вызов огня на его командный пункт, и потребовал: если сигнал будет подан, действовать без промедления и колебаний, обеспечить безусловное накрытие цели.

При ничтожной площади «пятачка», на котором держалась дивизия, прорыв гитлеровцев к ее КП, находившемуся в 200—250 метрах от переднего края, был, разумеется, возможен при любой очередной атаке.

Атаковать с разных направлений «остров Людникова» противник не переставал и ночью. Не затихал бой также на «Красном Октябре». Утром 12 ноября, но не с рассвета, а значительно позже, возобновился штурм наших позиций и на других участках, где немцы пытались вклиниться накануне.

Отбивая эти новые атаки, мы пытались закрыть вчерашнюю брешь и восстановить локтевой контакт между разобщенными частями хотя бы по кромке берега. Части Горишного и приданные его дивизии батальоны 92-й бригады упорно сражались за выгодную позицию около группы бензобаков над береговым откосом. Однако закрепиться там им не удавалось — фашисты сопротивлялись яростно, и баки переходили из рук в руки.

Что удалось, так это предотвратить еще один прорыв врага к Волге — через «Красный Октябрь». А повторись здесь то, что произошло вчера у «Баррикад», последствия для всей армии были бы гораздо более тяжелыми.

Документы, ставшие известными позже, рассказали, как намеревался противник осуществить этот прорыв силами 79-й пехотной дивизии фон Шверина с приданными ей штурмовыми саперными батальонами, которым поруча-

лось проложить с помощью взрывчатки путь пехоте через мартеновский цех. Не зная тогда этих подробностей неприятельского плана, мы имели, однако, достаточно разведданных, чтобы считать краснооктябрьский участок особо угрожаемым.

Была изыскана возможность уплотнить боевые порядки на левом фланге и в центре позиций гвардейской дивизии Гурьева, где следовало ожидать (что и оправдалось) наиболее сильного натиска противника. Артиллеристы за Волгой находились в готовности поставить заградительный огонь на хорошо пристрелянных рубежах и так же быстро перенести его куда потребуется.

При этом для дивизии Гурьева отнюдь не отменялась, а, наоборот, подтверждалась прежняя задача — вытеснять гитлеровцев с завода, шаг за шагом очищать его территорию. И надо отдать должное комдиву 39-й: он сумел поддержать в своих людях не просто стойкость, но и решимость контратаковать, стремление захватывать инициативу где только можно. Командный пункт генерал-майора Гурьева был по-прежнему на заводе, фактически — в центре боя.

Выстоять, продержаться 12 ноября и на «Красном Октябре», и на других участках было не легче, чем накануне. Половина 92-й бригады и полк дивизии Горишного, на которые мы рассчитывали, находились еще за Волгой: суда, обслуживавшие переправу, не смогли справиться с ледоходом. Вскоре лед оборвал где-то кабель, оставив нас без телефонной связи с левым берегом. Записи о событиях этого дня в армейском журнале боевых действий заканчиваются так:

«Отсутствие пополнения и запаздывание с переброской батальонов 92 осб и 90 сп поставили армию в крайне тяжелое положение. Только исключительный героизм личного состава и стойкость в бою позволили удерживать ныне занимаемые позиции, сорвать наступление значительно превосходящих сил противника и нанести ему большой урон...»

11 ноября стоило Паулюсу трех тысяч солдат и десяти танков. К исходу дня 12 ноября сведений об уроне, нанесенном в тот день противнику, еще не было. Однако уже определилось кое-что более важное, чем ожидавшиеся цифры. Командиры дивизий один за другим докладывали, что, судя по всему, враг выдохся и продолжать

завтра штурм не сможет. К такому выводу, оказавшемуся правильным, приходили и в штабе армии. Ноябрьское наступление гитлеровцев уже можно было считать сломленным. Не помог Паулюсу и ледоход.

Но у врага было достаточно сил, чтобы сокрушить «остров Людникова». Положение там осложнялось. Немцы наседали то в центре «острова», то на флангах, пытались отрезать его гарнизон от Волги. 13 ноября группа фашистских автоматчиков почти добралась до штаба дивизии. В бой с ними вступили все, кто находился на КП.

У Людникова оставалось совсем мало продовольствия, таяли боеприпасы, увеличивалось число невывезенных раненых. А добраться к «острову» было не на чем. Мы испытывали острую тревогу за боевых товарищей.

Передо мною фотокопия донесения командарма Чуйкова Военному совету фронта, отправленного вечером 14 ноября: «...Боюсь за 138 сд. Противник жмет на нее крупными силами. Реально помогаем ей артиллерией, «катюшами», больше сил нет...»

Василий Иванович просил начать сбрасывать в расположение дивизии патроны, гранаты и шоколад с самолетов и приказать гарнизону острова Зайцевский подготовить там посадочную площадку (от Зайцевского «пятачок» Людникова отделял неширокий волжский рукав Денежная Воложка, замерзающий раньше основного русла).

На бланке донесения, принятого на КП фронта, размашистая резолюция генерал-полковника А. И. Еременко в характерном для него стиле: «Нужно не дать противнику съесть 138 сд...» Далее следовали распоряжения об усилении поддержки отрезанной дивизии фронтовой артиллерией и других мерах помощи ей.

Оставалось четверо суток до начала великого перелома в Сталинградской битве. Что он близится, чувствовали, наверное, уже все — это, как говорится, висело в воздухе. Но никто в нашей армии еще не представлял, какое грандиозное контрнаступление развернут советские войска между Волгой и Доном. И тем более никто не мог знать его срока.

Рассеченная на три части 62-я армия отстаивала свои последние рубежи. Когда-то мы называли так те рубежи, которые потом не удержали. Но эти были последними безоговорочно, никаких других позади них быть уже не могло.

ПРАЗДНИК НА НАШЕЙ УЛИЦЕ

Поздно вечером 18 ноября, суммировав оперсводки штадивов и подготовив вчерне боевой приказ на завтра, я, как обычно, пошел к командарму. У него в блиндаже уже собрались Гуров, Пожарский, Вайнруб, начальник политотдела Васильев.

В таком составе (часто — с участием также Камынина, если он находился на КП, начиная Ткаченко и других товарищей, чье присутствие оказывалось необходимым) мы обсуждали обычно в этот час итоги дня и положение армии, обменивались мыслями о том, чего можно ждать ночью и завтра от противника и что следует сделать нам. Затем командующий окончательно определял задачи соединений, и приказ или боевые распоряжения отправлялись в войска.

В тот день наиболее напряженные бои вела группа Горохова.

Накануне, 17 ноября, гитлеровцы, не предпринимавшие почти две недели крупных атак против нашего изолированного северного форпоста, еще раз попытались ликвидировать его. Что цель врага именно такова, подтверждали показания захваченных пленных. При этом в отличие от прошлых попыток покончить с Северной группой, когда атаки велись одновременно с разных направлений, на сей раз удары частей своей 16-й танковой дивизии противник сосредоточил на ограниченном участке в районе поселка Рынок. Там оборонялись батальоны старшего лейтенанта В. Я. Ткаленко и капитана А. Г. Графчикова, но основной вражеский натиск пришелся на позиции Ткаленко. Батальон Ткаленко поддерживали артполки, стоявшие за Волгой, и корабли флотилии. Однако усилить за счет других участков боевые порядки пехоты полков-

ник Горохов не мог. На передний край были посланы последние резервы — разведчики, саперы, личный состав тыловых служб.

Положение создалось трудное. Немцы продвинулись в поселке Рынок, а их танки прорвались долиной Сухой Мечетки до берега Волги. Но реализовать свой замысел до конца гитлеровцы не смогли. Встречая стойкий отпор, их натиск постепенно слабел. И 18 ноября группа Горохова контратаками уже начала выбивать фашистов из захваченных кварталов поселка.

Тревожиться за северный участок мы, однако, не переставали. К исходу того дня в двух оборонявшихся там бригадах оставалось 1220 штыков — меньше чем когда-либо с тех пор, как они были отрезаны от главных сил армии. Переправить же с левого берега маршевое пополнение мешал ледоход. Приходилось к тому же жестко экономить боеприпасы: расход патронов и гранат не восполнялся тем, что сбрасывали самолеты. В какой-то мере выручал сбор боеприпасов, своих и немецких, в собственном расположении — в поисках их обшаривались пядь за пядью места боев, переходившие в разное время из рук в руки.

Мы не могли еще знать, что атаки, отбитые 17—18 ноября, окажутся для Северной группы последним натиском врага. И что совсем скоро, намного раньше остальной нашей армии, она соединится с войсками Донского фронта.

Почему гитлеровцы тогда, буквально накануне нависавшей над ними катастрофы, навалились именно на группу Горохова? Не потому ли, что видели в нашем северном участке за Мокрой Мечеткой исходную позицию для развертывания каких-то активных действий советских войск, которые стремились упредить? И ведь не где-нибудь, а здесь они продолжали держать части единственного в армии Паулюса танкового корпуса...

Этот факт, думается, уже сам по себе может служить свидетельством того, в каком заблуждении пребывал противник относительно направлений готовившихся с нашей стороны ударов. Ввести опытного врага в такое заблуждение — немалая военная удача. Вероятно, наряду со многим другим, что оставалось вне моего поля зрения, на это могли «сработать» и латошинский десант, и та контрата-

ка, которую командование фронта организовало с рубежей Северной группы 11 ноября.

Возвращаюсь, однако, к вечеру 18-го. Что касается дивизии Людникова, то ее положение, оставаясь тяжелым, стало, по крайней мере, ясным. А бывало за минувшие дни и так, что штаб армии не имел о ней никаких конкретных сведений. Телефонный кабель гитлеровцы перерезали, рация штадива выходить в эфир перестала — сели батареи.

В ночь на 16 ноября политрук Михаил Зуев из редакции дивизионной многотиражки, хороший спортсмен, доплыл, расталкивая шугу, до острова Зайцевский (ни одной лодки в расположении 138-й дивизии не оказалось) и передал оттуда по телефону донесение комдива. Полковник Людников докладывал: дивизия продолжает отбивать атаки превосходящих сил противника на прежних рубежах. Но из грузов, которые сбрасывали ей прилетавшие из-за Волги У-2, мало что попадало по назначению: слишком узка была полоска берега, где держались наши бойцы, а спуститься пониже самолетам не давал вражеский огонь. За первую ночь их работы дивизии досталось всего четыре пакета с продовольствием и четыре с боеприпасами, остальные попали к немцам или в Волгу.

Комдив резко сократил дневной паек. Но особенно нужны были патроны и гранаты. Часть бойцов уже воевала трофейным оружием, боеприпасов к которому тоже было в обрез. Не хватало медикаментов, перевязочных материалов — число невывезенных раненых доходило до четырехсот.

Требовались срочные меры. Решили попытаться доставить самое необходимое на гребных лодках с острова Зайцевский. Собрали десятка два рыбацких лодок, снабдили их баграми и шестами — расталкивать лед. Гребцами пошли добровольцы из саперно-понтонной роты инженерного батальона, те же отважные и сноровистые ребята, которые обслуживали штабную переправу (уже не действовавшую с тех пор, как усилился ледоход).

В том, что лодки смогут преодолеть забитую шугой Денежную Воложку, особых сомнений не было. Артиллерийское прикрытие им организовали и с острова, и с нашего берега. Однако эта транспортная операция прошла не слишком удачно. Лодки попали под очень сильный

огонь противника, несколько из них было разбито, на других убиты или ранены гребцы, и лодки понесло течением вместе со льдом. Где-то за Бекетовкой их перехватывали бойцы 64-й армии.

Но шесть лодок все же прорвались к «острову Людникова», доставив хоть немного боеприпасов. Были доставлены и батареи для радиопередатчика. Связь с отрезанной дивизией восстановилась.

К тому времени гитлеровцы, по-видимому, уже поняли, что дивизия закрепилась прочно, как ни мал участок берега, оставшийся за нею. (Потом Иван Ильич Людников говорил: «Немцы потому и не смогли нас уничтожить, что «пятачок» был такой маленький. Ни авиация, ни тяжелая артиллерия против нас не годились — неизбежно попадало бы и им самим».) Во всяком случае, противник изменил тактику. Не предпринимая больше крупных атак, он подолгу, целыми часами, бил прямой наводкой по какой-нибудь группе строений на переднем крае Людникова, а затем старался захватить их развалины, оторвав от плацдарма дивизии хоть несколько десятков квадратных метров.

Из расположения основных сил армии не прекращались попытки соединиться с Людниковым и восстановить по берегу сплошной фронт, оттеснив врага от Волги в районе Мезенской улицы. Не раз казалось, что это вот-вот удастся. Правофланговые подразделения 95-й дивизии Горишного закрепились наконец на участке с бензобаками, их отделяли от «острова Людникова» всего несколько сотен метров. Но оттуда, с «острова», продвигаться навстречу не могли, не хватало сил.

В тот вечер полковнику Горишному была вновь подтверждена задача — восстановить локтевую связь с правым соседом. Решение командующего армией на 19 ноября, уже занесенное в журнал боевых действий, гласило: «...Частью сил контратаковать противника и соединиться с 138 сд».

«Часть сил», имевшаяся в виду (и включавшая решительно все, что могло участвовать в дальнейших контратаках на этом участке), была, правда, невелика. За последние сутки дивизия Горишного потеряла убитыми и ранеными до четырехсот человек. К исходу дня три ее стрелковых полка насчитывали 212, 91 и 330 штыков, а приданный батальон 92-й бригады — 44. Немногим боль-

ше людей было в сводном полку, оставшемся от дивизии Смехотворова. Все эти части, естественно, могли действовать лишь мелкими боевыми группами, на что и делался упор.

Как всегда, мы старались дать малочисленной пехоте максимальную поддержку артиллерией. Существовал особый, изо дня в день корректируемый, план артиллерийского обеспечения действий 95-й дивизии по соединению со 138-й.

Совещание у командарма заканчивалось, когда позвонили из штаба фронта. Кто-то из оперативного управления предупреждал, что скоро будет передан телеграфом важный приказ.

Мы посмотрели друг на друга, и, наверное, с минуту все молчали. Таких предупреждений раньше не бывало. О чем мог быть приказ? Думаю, каждый из нас об этом уже догадывался, только не решался высказать свою догадку вслух: слишком горько было бы обмануться...

Молчание нарушил Кузьма Акимович Гуров. Взволнованно поднявшись с места, он сказал, что это должен быть приказ о переходе наших войск в контрнаступление.

Горячая убежденность члена Военного совета передалась и нам. Догадки превращались в уверенность. Я почувствовал, что тоже уже нисколько не сомневаюсь — важный приказ будет об этом, ни о чем другом!

Возбужденные, охваченные нетерпением, мы все перешли в соседний блиндаж узла связи. Около полуночи застучал наконец аппарат. Василий Иванович Чуйков стал читать прямо с ленты приказ командующего фронтом.

Не обмануло Гурова доброе предчувствие, оправдались наши надежды!

...В контрнаступление переходили три фронта: недавно вновь образованный Юго-Западный и Донской (пока своим правым крылом) — утром 19 ноября, а на следующий день — также и Сталинградский. Войска его левого крыла — соединения 57-й и 51-й армий — наносили удар из района Сарпинских озер и должны были при поддержке 64-й армии двигаться оттуда, с юго-востока, на Калач, на соединение с войсками, наступающими с северо-запада, от Серафимовича, Иловлинской, Клетской. Замысел операции предусматривал прорыв и разгром флан-

гов противника за Доном и между Доном и Волгой, окружение и расчленение неприятельских сил, притянутых к Сталинграду.

Не все это мы узнали сразу, в ту незабываемую ночь. Но и того, что узнали, было достаточно, чтобы понять: начинается нечто грандиозное, вряд ли сравнимое по масштабам, размаху, поставленным задачам с какими-либо другими операциями Красной Армии за почти полтора года войны. Вот что оно значило — «праздник на нашей улице»!

То, чему предстояло теперь свершиться, как бы заново подводило итог сталинградским боям с самого их начала. Защитники Сталинграда всегда сознавали, что отстаивают не просто город, а тот последний, крайний рубеж, отойти с которого немыслимо. Это и давало людям силы держаться на поливаемой огнем, рассеченной на куски узкой полоске волжского берега. Эта сталинградская стойкость и помогла Верховному Главнокомандованию собрать могучие силы для разгрома зарвавшегося врага.

Мы всегда верили — придет в конце концов срок оттеснить, отбросить его от Волги. Теперь же практической боевой задачей советских войск становилось большее: не просто очистить волжские берега от фашистских захватчиков, а здесь и покончить с 6-й армией Паулюса, ликвидировать на месте всю группировку гитлеровского вермахта, проникшую в глубь России.

Позади было много ночей, когда никто на нашем КП не смыкал глаз, потому что с ходу вводилась в бой переправлявшаяся дивизия, назревал где-нибудь прорыв противника или оказывалась в критическом положении вся оборона. А в эту ночь стало не до сна от радостного волнения, от одной той мысли, что близится час, когда можно будет сказать: «Все-таки выстояли!» Армейские штабисты и политотдельцы спешно расходились по соединениям и частям.

Утро 19 ноября выдалось туманное. И берег, присыпанный уже снежком, и Волгу, на которой продолжала шуршать густая шуга, заволокло белесой мглой.

Нелетная погода обычно приносила сталинградцам облегчение, защищая от вражеских ударов с воздуха. Но сейчас она была некстати: наверняка мешала подняться

в воздух нашим бомбардировщикам, которые должны были расчищать путь переходящим в наступление войскам. Да и для управления артподготовкой нужна хорошая видимость.

Туман не рассеивался почти до полудня. И все время думалось: а как там, на соседних фронтах? Смогли ли начать?.. Артподготовки мы не услышали. В ней участвовало небывалое количество орудий и минометов — около трех с половиной тысяч стволов, и длилась она целых 80 минут, но это происходило за десятки километров, а у нас отнюдь не царила тишина.

Только в 16 часов полковник Горохов сообщил, что у них в Спартановке слышен далекий орудийный гул на северо-западе. В воздухе давно уже прояснилось, небо было чистым, однако над Сталинградом фашистские самолеты не появлялись.

В остальном все пока шло как обычно. Четвертая с утра атака противника отражалась на «Баррикадах», у Людникова. Гитлеровцы пытались, но безуспешно, потеснить нас также на других участках. После новых ожесточенных схваток в районе береговых бензобаков положение там не изменилось: занимаемые позиции удерживались, а продвинуться дальше на соединение с Людниковым опять не удалось. К исходу дня в дивизии Горишного вместе с приданными ей частями насчитывалось 708 человек.

Ледоход совсем парализовал основную армейскую переправу. Только группе Горохова были доставлены ночью — впервые после значительного перерыва — 20 тонн боеприпасов и 12 тонн продовольствия. На «остров Людникова» попало из сброшенного самолетами 10 тысяч патронов.

Все это излагалось в вечерней оперсводке штарма, подписанной мною в 19 часов. Сводка заканчивалась такой констатацией, относившейся уже не только к данному дню: «В результате длительных боев части армии понесли значительные потери, которые до сих пор не восполнены, в силу чего боевые порядки резко ослабли».

Мы считали необходимым отметить это, потому что силы армии действительно были на исходе. О том, началось ли утром контрнаступление соседних фронтов, еще не было известно ничего определенного. В самом Сталинграде пока ничто, кроме отсутствия неприятельской

авиации, не говорило о каких-либо переменах. Решение командарма на следующий боевой день требовало: «Привести части в готовность к отражению возможного нового наступления противника и не допускать дальнейшего его продвижения».

Позднее вечером с Чуйковым соединился по телефону генерал-полковник Еременко, находившийся на фронтовом вспомогательном пункте управления в Райгороде, в полосе 57-й армии. Он сообщил, что Донской и Юго-Западный фронты контрнаступление начали (хотя из-за тумана пришлось обойтись без авиационной подготовки). Для Сталинградского фронта сохранялся в силе прежний срок, до которого оставались считанные часы.

На исходе ночи пробившийся через шугу бронекатер доставил приказ войскам фронта, уже отпечатанный в виде листовки. Это был приказ-воззвание, начинавшийся такими словами:

«Товарищи красноармейцы, командиры и политработники! Настал час грозной, но справедливой расплаты с подлым врагом — немецко-фашистскими оккупантами...»

Далее в приказе говорилось:

«Врагу удалось дойти до Сталинграда. У стен волжской твердыни мы остановили его... Теперь на нашу долю выпала честь начать мощное наступление... За время войны мы с вами закалились в борьбе, получили большой военный опыт. К нам на усиление фронта прибыли новые части. Мы имеем все условия для того, чтобы наголову разбить врага, и мы это сделаем обязательно... Какой радостной будет для нашего народа каждая весть о нашем наступлении, о нашем продвижении вперед, об освобождении нашей родной земли!»

И наконец — многозначительные заключительные строки:

«Приказываю: войскам Сталинградского фронта перейти в решительное наступление...»

Это касалось всех армий фронта, кроме нашей 62-й — ее час еще не настал. Но мог ли кто-нибудь в Сталинграде, читая или слушая приказ, чувствовать себя непричастным к событиям, которые развертывались за пределами наших рубежей? Ведь для успеха всего, что там начиналось, было необходимо, чтобы мы продолжали сковывать вражеские силы, осадившие город, втянувшиеся в него.

И наверное, каждый говорил себе: теперь-то уж осталось продержаться недолго! Но хуже всего оплошать напоследок. И было как-то особенно тревожно за наши наиболее уязвимые участки. Больше всего — за «остров Людникова», где сражалась тающая горстка бойцов: по названию — дивизия, фактически — неполный батальон...

Той ночью на левом фланге 138-й дивизии в руки противника перешли развалины еще нескольких строений. Но была и хорошая новость — на девятые сутки после того, как дивизия оказалась отрезанной, к ее расположению наконец прорвались (пройдя несколько сотен метров на расстоянии броска гранаты от берега, занятого врагом) бронекатера с боеприпасами, продовольствием, медикаментами. Доставлено было не так уж много, но все же больше, чем сбросили до тех пор самолеты. А обратным рейсом бронекатера вывезли сто пятьдесят раненых. Это, однако, тоже стоило крови и жизней: при разгрузке катеров Людников потерял двадцать человек, в том числе двух руководивших ею офицеров штадива.

Нескольким небольшим судам удалось подойти и к причалам армейской переправы у «Красного Октября». Через густой движущийся лед их провел буксир «Кочегар Гетман», только что прибывший с низовьев Волги (а прошлой ночью он, принимая сталинградское боевое крещение, обеспечил доставку грузов группе Горохова). С помощью этого буксира пароходики «Пугачев» и «Спартаковец» совершили даже по два рейса, чего давно не бывало, и перевезли остававшиеся на левом берегу подразделения 92-й стрелковой бригады.

Во льду суда двигались медленно, а обстрел переправы все усиливался. На исходе ночи на буксире вспыхнул пожар. «Кочегар Гетман» был самой заметной целью на реке и, как потом выяснилось, получил шесть прямых попаданий снарядов. Но экипаж (командовал судном волжский капитан Е. В. Маслиев) справился и с пробоинами и с пожаром. Подоспевшие бронекатера увели поврежденный буксир в Тумак.

К утру вновь поднялся туман. Затем повалил снег. Армиям Сталинградского фронта тоже приходилось начинать контрнаступление без участия авиации. Из-за очень плохой видимости командующий фронтом отодвинул на более поздний час и артподготовку. Участок прорыва был и на этом направлении далеко от нас, но глу-

хой гул орудий с юга все-таки донесся — должно быть, помогли степные ветры. Около полудня гул стал явственнее: к этому времени часть тяжелой артиллерии была передвинута из полосы 57-й армии в полосу 64-й, переходившей в наступление позже, «уступом».

Настал момент, когда в штабе Паулюса — даже если там не догадались об этом накануне, после того как началось наше наступление с севера, — должны были понять, что немецким войскам у Волги грозит окружение.

С фронтового КП начали запрашивать, нет ли признаков отхода противника из Сталинграда, не снимает ли он с переднего края какие-нибудь части. Получая отрицательный ответ, требовали проверить это всеми возможными средствами, установить точно и доложить снова.

Я соединялся с командирами дивизий и наказывал следить за немцами в оба, не упустить начало возможного отхода. Вызвав по радио Людникова, передал это условным языком и ему. Людников ответил, что пока на отход что-то непохоже — гитлеровцы продолжают атаковать.

О том же докладывали и с других участков. Дивизия Горишного и приданные ей части, отбивая вражеские атаки в районе нефтебаков и Мезенской улицы, потеряли с утра убитыми и ранеными до двухсот человек. Почти все расположение армии находилось под методическим артиллерийским и минометным огнем. Бóльшую часть дня противник вел себя перед фронтом нашей армии так, будто у него на флангах и в тылах не происходит ничего особенного и все остается как прежде.

А мы уже знали, хоть и без особых подробностей, — контрнаступление трех фронтов, в том числе и Сталинградского, развивается успешно. Впору было подумать, что неприятельское командование утратило чувство реальности. Могло ли оно, в самом деле, все еще не видеть надвигавшейся катастрофы? Или, может быть, перед фронтом нашей армии, в стороне от главных сегодняшних событий, по инерции действовали приказы, отданные еще в иной обстановке и просто не отмененные?

Так или иначе, атаки противника 20 ноября, везде нами отбитые, но стоившие обеим сторонам новых потерь, явились последними наступательными действиями фашистов в Сталинграде. Это были бессмысленные уже

с любой точки зрения, судорожные попытки окружаемой армии Паулюса достичь накануне собственной гибели того, что не далось ей и тогда, когда она была во всей силе.

Только ночь на 21 ноября показала, что от дальнейших попыток полностью овладеть Сталинградом противник как будто отказывается. Прекратив атаки в городе (кроме участка Людникова, где они продолжались и днем 21-го, и даже 22-го), он начал снимать отсюда отдельные части. Прежде всего — танковые.

Той ночью обнаружился отвод 16-й немецкой танковой дивизии, действовавшей против группы Горохова (вот только когда решился Паулюс снять ее отсюда!) Это уже существенно меняло обстановку на нашем северном участке, чем мы не замедлили воспользоваться. Полковнику Горохову был передан приказ командарма — утром 22-го перейти в наступление с ближайшей задачей очистить от гитлеровцев западную окраину Спартановки.

Трудно выразить, что значила сама возможность отдать такой приказ. Пять недель наша Северная группа сражалась, отрезанная от остальной армии, почти окруженная. Бóльшую часть этого времени она получала крайне ограниченное снабжение с самолетов или на гребных лодках. Всего трое-четверо суток назад ее положение было критическим. Лишь позапрошлой ночью удалось переправить туда первое за много дней маршевое пополнение, доставить двадцать тонн боеприпасов. И вот — выстоявшие бригады группы Горохова начинали наступать!

А двое суток спустя из района Ерзовки севернее Сталинграда двинулись на юг войска левого крыла Донского фронта — 66-я армия генерала А. С. Жадова. И неприятельский коридор, разъединивший нашу армию с северными соседями еще в конце августа, был наконец преодолен на его восточном, приволжском участке.

Успев своими силами освободить занятые немцами кварталы Спартановки и продвинуться немного дальше, группа Горохова в 15 часов 24 ноября сомкнула фронт с войсками, наступающими с севера. Северный форпост Сталинградской твердыни воссоединялся с Большой землей.

Однако прежде чем случилось то, о чем я сейчас рассказал, забежав тут немного вперед, произошли события еще более важные и значительные.

Вечером 22 ноября в штабе армии стало известно: ударные группировки Юго-Западного фронта и нашего Сталинградского, которые третий день, преодолевая сопротивление врага, продвигались друг другу навстречу, достигли с одной стороны Калача-на-Дону, а с другой — находящейся примерно в десяти километрах от него станции Кривомузгинская. Кольцо вокруг фашистских войск, задействованных под Сталинградом, смыкалось...

Прошло еще несколько часов, и вся страна услышала специальное сообщение Совинформбюро «Успешное наступление наших войск в районе гор. Сталинграда». То самое сообщение, которое многие люди старшего поколения поныне вспоминают как первую счастливую весточку о великом переломе и в Сталинградской битве, и в ходе всей войны. В нем еще не говорилось об окружении армии Паулюса. Но было уже сказано, что наши войска, наступающие с северо-запада и с юга от Сталинграда, продвинувшись за три дня напряженных боев на 60—70 километров, перерезали обе железные дороги, снабжающие войска противника восточнее Дона. Приводились внушительные, необычные для того периода войны результаты боев: за три дня полностью разгромлены шесть неприятельских пехотных дивизий и одна танковая, еще одиннадцати дивизиям нанесен большой урон, захвачено 13 тысяч пленных, 360 орудий...

Для отображения всего, что касалось действий непосредственно нашей армии, давно уже было достаточно крупномасштабного плана Сталинграда. Теперь же вновь понадобилось держать под рукой и карту всего Волго-Донского междуречья. Наносимые на нее данные, правда, не отличались пока особой точностью и могли отставать от событий: исчерпывающей оперативной информации о положении трех фронтов мы не получали, а обстановка в первые дни контрнаступления изменялась быстро. Тем не менее общая картина вырисовывалась все отчетливее.

Территория, на которой были блокированы вражеские войска — 23 ноября окружение их завершилось окончательно, — измерялась вдоль и поперек десятками километров (а если взять с северо-запада на юго-восток,

то получалось более ста). Она вместила кроме большей части Сталинграда и его пригородов много селений, станиц, городков. А сколько в этом котле гитлеровцев, не знал достоверно еще никто.

Однако и не представляя, что их там окажется более трехсот тысяч (это выяснилось значительно позже), можно было не сомневаться: окруженный враг располагает силами не только для упорного сопротивления, но и чтобы попытаться вырваться. Именно поэтому мы напряженно следили также за движением «внешнего» фронта окружения, пересекшего задонские степи, где 62-я армия сражалась в июле — августе. Радовались каждому доходившему до нас известию о том, что он постепенно удаляется на запад. Чем дальше уходил «внешний» фронт от «внутреннего», обращенного там на восток и непосредственно сжимавшего окруженные войска противника, тем было надежнее!

Внутренний фронт окружения тоже не оставался неподвижным. Как ни трудно это было советским войскам, только что сомкнувшим его у Калача, они уже 24 ноября перешли к ликвидации окруженной вражеской группировки. Одновременно включилась в контрнаступление левофланговая на Донском фронте, ближайшая к нам с севера 66-я армия Жадова, с частями которой и соединилась в тот же день группа Горохова.

66-я армия имела задачу наступать дальше на юг, на Гумрак. Если бы все шло по плану, с ней должно было вскоре соединиться и основное ядро нашей 62-й. Но появившаяся было надежда вот-вот ощутить локоть соседа хотя бы на одном фланге, сомкнуться с общим фронтом, перестать быть зависимыми от едва действовавшей переправы еще раз оказалась преждевременной...

В наступление против окруженных фашистских войск перешла и 62-я армия.

Историки обычно числят ее наступающей, а не обороняющейся с 24 ноября, и это вполне согласуется с приказами фронта. Но фактически наша армия перешла к наступательным действиям раньше. Причем развертывала их постепенно — по мере того как создавались для этого условия на различных участках наших сталинградских рубежей.

Если и прежде, до начала контрнаступления соседних армий и фронтов, мы старались не упустить возможности потеснить противника хоть на несколько метров, отбить у него где дом, где колено овражка или просто окоп, то после 19 ноября частные наступательные операции (пусть со скромными целями, сводившимися к улучшению своих позиций) стали день ото дня расширяться.

— Спать, что ли, будем, когда наши немцев окружают? — будоражил командиров дивизий Василий Иванович Чуйков, требуя активизировать действия штурмовых групп, наращивать удары мелкими подразделениями, пока армии не по силам большее.

Гитлеровцы, только что пытавшиеся прорваться к Волге в новых местах, сбросить сталинградцев с последних перед нею рубежей, теперь спешили укрепить собственные позиции, создать жесткую оборону. И мы видели смысл своих безотлагательных активных действий как в том, чтобы помешать врагу закрепляться на занимаемых позициях, так и в том, чтобы сковывать его силы, не давать куда-либо их перебрасывать или отводить.

21 ноября — за сутки до того, как сомкнулся фронт окружения у Калача, — два полка дивизии Батюка и батальон 92-й стрелковой бригады начали наступать на вершину Мамаева кургана с задачей овладеть им полностью, включая и западные скаты. Противник сопротивлялся отчаянно. Понадобилось три часа упорных атак только на то, чтобы выбить его из первых траншей. Но ведь на склонах высоты 102 нам давно не удавалось продвинуться ни на шаг.

А на следующий день подразделения дивизий Гурьева и Соколова уже вели наступательные бои на «Красном Октябре». Там перешел в наши руки цех № 3. Тем временем Горишный доложил, что его бойцы овладели несколькими домами на Машинной улице.

В вечернюю сводку вошел перечень взятых за день трофеев: 113 винтовок, 8 автоматов, 15 ручных и один станковый пулемет, 10 тысяч патронов... Цифры, конечно, скромные. Но тогда они служили еще одним подтверждением того, что дела в Сталинграде начинают идти по-иному.

Оттеснение фашистов назад — трудное, медленное, в лучшем случае на десятки метров — продолжалось на

ряде участков армейской полосы и 23-го. Впервые смог немного продвинуться даже один полк 138-й дивизии, хотя там, на «острове Людникова», особенно не хватало людей.

Словом, приказ перейти 24 ноября вместе со всеми войсками, развернутыми по внутреннему фронту окружения, к ликвидации взятой в кольцо неприятельской группировки застал 62-ю армию практически уже наступающей.

Про то, как смогли наши части, едва отбив последние натиски гитлеровцев, без всякой передышки, не получив еще значительных подкреплений, развернуть наступательные действия, хочется сказать так: к бойцам и командирам пришло второе дыхание. Известия об успехах других армий, о том, что они теснят окруженные фашистские войска, а за Доном продвигаются все дальше на запад, рождали просто непередаваемый подъем духа.

Помню, как наблюдательный начальник поарма Иван Васильевич Васильев, побывав в одной из дивизий и зайдя ко мне поделиться впечатлениями, сказал:

— Встречаюсь с людьми и который уж раз ловлю себя на такой мысли: все будто прибавили в росте, распрямились, расправили плечи! Не хотят больше гнуться даже там, где вообще-то не мешало бы...

Сталинградцы переживали дни великой гордости. Давно я не видел вокруг столько счастливых лиц. Пусть осунувшихся, с воспаленными от недосыпания глазами, но — счастливых.

В центральных газетах (если переправа действовала, они доходили до нас довольно быстро) появилось сообщение «В Народном комиссариате обороны». В нем говорилось, что Наркомат вошел в Президиум Верховного Совета СССР с ходатайством об учреждении специальных медалей для награждения всех участников обороны четырех городов, которые стали называть городами-героями, — Ленинграда, Одессы, Севастополя, Сталинграда. И там, где шла речь о Сталинграде, подчеркивалась особая роль 62-й армии, отразившей главные удары противника на город. Отмечались заслуги в этом нашего командарма Чуйкова, командиров дивизий и бригад Горохова, Родимцева, Гурьева, Болвинова, Гуртьева, Сараева...

— Выходит, ты сразу три медали получишь, — весело сказал, входя ко мне со свежей газетой, Кузьма Акимович Гуров. — Повезло! Во всей шестьдесят второй столько медалей будет причитаться, наверное, только тебе да Попелю.

Полковник интендантской службы Михаил Федорович Попель, сменивший не так давно генерал-майора А. И. Лобова в должности заместителя командарма по тылу, был при обороне Одессы и Севастополя арминтендантом Приморской.

А о том, как мне «повезло», посчастливилось, я думал уже не раз. Посчастливилось, пережив оборону двух героических городов, которыми враг все же завладел, попасть в третий, выстоявший до конца. Посчастливилось оказаться в рядах армии, сыгравшей, как теперь всенародно отмечалось, главную роль в обороне этого города...

Прошло еще несколько дней, и мы получили «Красную звезду» с передовой статьей, озаглавленной «62-я армия». Насколько помню, такая передовица — целиком посвященная одной армии — была первой за всю войну. Ее читали и перечитывали, и не было, вероятно, бойца, командира, который не стремился раздобыть ее для себя, чтобы сохранить на всю жизнь, послать домой.

Сейчас я снова держу в руках пожелтевший от времени, отпечатанный на грубой, шершавой бумаге номер «Звездочки». Строки памятной передовицы волнуют, как и много лет назад, заставляя вновь пережить былое, и сами просятся в эту книгу.

«В молодой Красной Армии 62-я армия — одна из самых юных по возрасту и уже самых заслуженных по своему воинскому умению...

Она пришла к Сталинграду в те дни, когда лишь тоненькая цепочка наших войск преграждала вражеским дивизиям путь в город... Армия умело затыкала бреши, в которые уже готова была хлынуть вражья сила, ломала клинья неприятеля, заставляла его лихорадочно метаться по всем направлениям перед только еще создававшейся линией городской обороны. Немцы, уверенные в том, что они возьмут Сталинград с ходу, вынуждены были остановиться... В первую очередь благодаря 62-й армии город стал подлинным щитом против наступления немцев, закрывшим им путь к нашему волжскому и уральскому тылу...

Армия осуществляла подлинно активную оборону... Отражая атаки противника, части 62-й армии сами атаковали его, делали смелые вылазки, забирали инициативу в свои руки и принуждали врага к обороне. 62-я армия навеки оставила в истории военного искусства не только образцы ведения активной обороны, но и саму себя в целом как необычайный воинский организм, выработавший совершенные, еще никогда не применявшиеся формы уличных боев. Она довела до степени высокого воинского класса защиту зданий, полуразвалившихся стен, отдельных этажей, комнат и даже лестничных ступеней, используя при этом все виды технических средств борьбы. Проходя суровую школу военного опыта, молодая армия одновременно создала своими действиями университет городских боев...

Стойкость 62-й армии, поразившая весь мир, дала возможность нашему командованию собрать силы, перейти в наступление и нанести немецко-фашистским войскам тяжелое поражение».

А заключительные строки статьи переносили в далекое тогда мирное будущее:

«Пройдут годы. Зеленой травой зарастут развороченные снарядами поля сражений, новые светлые здания вырастут в свободном Сталинграде, и ветеран-воин с гордостью скажет:

— Да, я сражался под знаменами доблестной шестьдесят второй!»

Мы были глубоко благодарны «Звездочке» за эту передовую статью. Она позволила бойцам и командирам взглянуть на себя как бы со стороны, дала почувствовать, какое место успела занять 62-я армия в летописи войны, в сознании народа.

К исходу ноября территория, удерживаемая окруженными фашистскими войсками, сократилась вдвое, но составляла еще примерно полторы тысячи квадратных километров. Противник, создав жесткую круговую оборону, повсюду оказывал сильное сопротивление.

Отнюдь не ослабевало оно и перед фронтом нашей армии. За неделю удалось потеснить противника лишь на Мамаевом кургане и на «Красном Октябре». Постепенно становилось очевидным, что мы не можем наличными

силами очистить от гитлеровцев заводской район и выйти к западной окраине города в те сроки, на которые начали было ориентироваться.

Передо мною боевые распоряжения штаба армии, предусматривавшие, например, отрезать к утру 26 ноября от остальных войск Паулюса засевшую на «Красном Октябре» 79-ю немецкую пехотную дивизию. Эта задача оказалась тогда невыполнимой, хотя для охвата заводской территории, находившейся в руках врага, надо было продвинуться всего на несколько сотен метров. По-прежнему не удавалось преодолеть и те сотни метров, которые отделяли наши главные силы от дивизии Людникова. Есть все-таки предел тому, на что способны малочисленные, измотанные тяжелыми боями части, даже если люди воодушевлены происшедшим на фронте общим переломом и рвутся вперед.

Чтобы читатель видел реальное положение вещей, я неоднократно давал справки о том, что представляла собой в определенный момент та или иная наша дивизия. Вероятно, надобно, может быть в последний раз, дать подобную справку и сейчас. Вот боевой состав полков 45-й стрелковой дивизии полковника Соколова на 1 декабря: в 253-м Таращанском — 160 человек, в 61-м Богунском — 152, в 10-м Донецком — 62. А в стрелковых полках 39-й гвардейской дивизии генерала Гурьева насчитывалось к тому дню от 207 до 284 бойцов и командиров.

Обе дивизии стояли насмерть на «Красном Октябре» и примыкающих к нему улицах, не дали врагу захватить завод полностью, выйти через него к Волге. Теперь они же вели здесь наступательные бои, и пока в том составе, какой я только что назвал. Удивительно ли, что они продвинулись не слишком далеко?

Перейдя к жесткой обороне, противник опирался на развитую, мощную систему огня. Серьезного недостатка в боеприпасах он, по-видимому, еще не испытывал. Но вырваться из окружения — чего, казалось бы, давно следовало ожидать — до сих пор не пытался.

Гитлер — тогда об этом можно было только догадываться — приказал Паулюсу оставаться на месте, обещав «своевременно» деблокировать 6-ю армию действиями извне. В фашистской ставке все еще рассчитывали удер-

жать район Сталинграда, с тем чтобы следующим летом развернуть отсюда новое наступление.

А советское командование все еще не знало, что численность неприятельских войск в сталинградском котле не 80—90 тысяч человек, как тогда считали, а в три-четыре раза больше. И это, между прочим, означало, что армии, действовавшие на внутреннем фронте окружения, предполагаемого численного перевеса над противником фактически не имели.

При всей ограниченности доходившей до нас информации о положении других армий Сталинградского и Донского фронтов (их действия — это было известно — координировал в качестве представителя Ставки А. М. Василевский) чувствовалось, как операция по ликвидации окруженной группировки противника теряет темп. А 1 декабря сведений о продвижении наших соседей — как ближайших, так и более дальних — не поступило совсем. Фронт окружения, обозначенный на карте Волго-Донского междуречья, остановился. Это, как мы понимали, говорило о том, что войска, взявшие в кольцо армию Паулюса, сделали все, что могли сделать с ходу, и нуждаются в передышке.

Та пауза, правда, длилась недолго. Через два дня наступление на внутреннем фронте окружения было возобновлено теми же силами (точнее — даже несколько меньшими, ибо обстановка потребовала перебросить кое-какие части на рубежи внешнего фронта). В полосе нашей армии главный удар наносили дивизия Батюка и 92-я стрелковая бригада в районе Мамаева кургана.

Поскольку и в дивизии и в бригаде людей оставалось мало, реально их удар означал атаки небольшими подразделениями, которым обеспечивалась максимальная поддержка артиллерией. Результаты наших атак и на этот раз были скромными. Овладение дотом, блиндажом уже считалось успехом. Причем каждую отбитую нами позицию гитлеровцы пытались вернуть контратаками.

Не очень многого смогли достичь за эти дни и армии, располагавшие бóльшими силами, чем наша. Рассечь, расчленить окруженную вражескую группировку, как это было задумано, пока не удавалось. Войска Паулюса, существенно потесненные с тех пор, как кольцо вокруг них замкнулось, сохраняли возможность внутреннего маневра. Владели они и аэродромами для приема транс-

портных самолетов. И оборону организовали весьма плотную.

Словом, все оказалось сложнее, чем представлялось (во всяком случае, нам в Сталинграде) на первых порах, под впечатлением блестящего успеха самого окружения.

Как известно, в конце первой декады декабря Верховное Главнокомандование пришло к выводу, что для полного разгрома армии Паулюса необходимо перегруппировать и усилить наши войска на внутреннем фронте окружения. Готовилась новая крупнейшая операция — «Кольцо».

Тем временем гитлеровская ставка сформировала в районе между Вешенской и рекой Маныч, к юго-западу от Сталинграда, группу армий «Дон» (часть вошедших в нее соединений была взята с Северного Кавказа, переброшена из Германии, из Франции). На группу возлагалась задача деблокирования войск Паулюса. Возглавлял ее генерал-фельдмаршал фон Манштейн. Тот самый, с которым мы имели дело в Крыму.

12 декабря Манштейн начал контрудар танковыми соединениями вдоль железной дороги Тихорецк — Котельниково — Сталинград. Положение на этом участке внешнего фронта окружения, на рубежах у Аксая и Мышковы, резко осложнилось. Чтобы сорвать планы врага, потребовалось двинуть туда свежие силы. Операцию «Кольцо» пришлось отложить.

Что касается непосредственно наших задач, то они оставались неизменными: сковывать и истреблять противника, разрушать его оборону, последовательно очищать от него заводской район и центральную часть города.

И никаких пауз и передышек в своих активных боевых действиях 62-я армия больше не знала.

ХОТЬ НА ШАГ, НО ВПЕРЕД!

Волга долго не замерзала и в декабре. Прогноз, обещавший завершение ледостава к 28 ноября, не оправдался. Наоборот, наступила оттепель, плавучего льда убавилось. На короткое время с переправой стало легче. Даже лодки нашего гребного отряда вновь были введены в действие для перевозки грузов и людей.

Затем опять пошел густой лед. Там, где его сжимало, возникали непреодолимые для большинства судов преграды. «Кочегара Гетмана» в строю уже не было, и в иные дни к нам пробивался лишь буксирный пароход «Узбек». Необходимое армии снабжение поступало с перебоями. Задерживались за Волгой выделенные нам маршевые батальоны.

Все ждали установления зимней дороги. Она была нужна не только для удовлетворения каждодневных потребностей сражающихся войск. Наставало время взять на правый берег часть нашей заволжской артиллерии. Рассчитывали мы и на пополнение танками.

Ждать зимнего пути через Волгу пришлось до середины декабря. Затянувшееся беспутье, когда ее ни переплыть, ни перейти, наверное, продлилось бы еще несколько дней, если бы не помогла случайность. То ли в результате очередного обстрела острова Зайцевский противником, то ли сама по себе оторвалась державшаяся за ним огромнейшая льдина — целое ледяное поле. Громадину развернуло поперек течения, ей стало тесно между наросшим у берегов припаем, и она начала крушить, подминать под себя и этот припай, и другие плавучие льдины.

Грохот поднялся отчаянный. Командарм, Гуров и я оторвались от обеда, за который только что сели, и вышли посмотреть, что творится на Волге.

Как ни могуча была льдина, снести на своем пути все преграды она не могла. У нас на глазах движение ее стало замедляться. Становилось все вероятнее, что она вот-вот застрянет. И тогда мы получили бы готовый мост через Волгу, который не замедлит скрепить мороз — погода стояла студеная.

— Ну хватит! Ну стоп! — заклинал льдину генерал Гуров. (Я еще не сказал, что в первых числах декабря в связи с присвоением политсоставу общевойсковых званий член Военного совета армии Гуров стал генерал-лейтенантом, а начальник политотдела Васильев — генерал-майором.)

Исчерпав свою пробивную силу, льдина как по заказу остановилась напротив Банного оврага. Прямо перед армейским КП!

Какое-то время еще брало сомнение: крепко ли держится, не двинется ли дальше? Но льдина, кажется, нашла у обоих берегов достаточно прочную опору, и лед, двигавшийся за ней, столкнуть с места эту махину не мог. Забивая все выемки и щели, он расширял возникшую перемычку. А мороз крепчал и тоже делал свое дело.

Произошло все это 16 декабря. Когда уже стемнело, группы саперов-разведчиков, соблюдая все меры предосторожности, добрались по льду до левого берега и благополучно вернулись обратно. Решено было немедленно, не дожидаясь утолщения льда, прокладывать через Волгу первые тропы, чем и занялись наши понтонно-мостовые батальоны. Необходимое количество дощатых щитов они уже имели под рукой.

К утру 17-го два параллельных настила были готовы для движения пешеходов. А невдалеке еще держались незамерзшие разводья.

Весть о том, что проложена дорога на левый берег, мгновенно облетела армию. Люди поздравляли друг друга с тем, что этого дождались.

Дня три-четыре грузы возили с левого берега на легких ручных санках. Затем пустили на лед и гужевой транспорт, и автомашины. Инженерная служба армии оборудовала восемь пешеходных троп и семь «усиленных» трасс, способных выдерживать бóльшую нагрузку.

На Волге, понятно, не воцарились тишина и покой. Сообщение нарушалось и подвижкой льда, и артобстре-

лами. Но восстановление поврежденных участков ледовых дорог было уже обычной зимней работой саперов, и серьезных перебоев в перевозках не возникало. С «островным» положением 62-й армии было покончено.

Ледостав изменил обстановку и на нашем малом «острове» — у Людникова. Протока Денежная Воложка покрылась прочным льдом раньше основного русла, еще в первых числах декабря, после чего 138-я дивизия уже не была изолирована по крайней мере от собственных тылов на острове Зайцевский. А через этот длинный, вытянутый остров обеспечивалась и связь с соседями.

Разумеется, замерзанием Денежной Воложки могли воспользоваться и немцы — для полного окружения дивизии Людникова. Если бы ледовый покров в протоке образовался до того, как противник сам попал в окружение, думается, попытка к этому была бы предпринята им наверняка. Однако считаться с такой опасностью следовало и теперь.

Задача не дать врагу зайти Людникову в тыл возлагалась прежде всего на островные подразделения 156-го укрепрайона, на его артиллеристов и пулеметчиков. Для координации действий командованию УРа было приказано направить офицеров связи с рациями и к Людникову, и к Горохову, и к Горишному.

Но выйти на волжский лед гитлеровцы не пытались — им, видно, было уже не до того, хотя за те участки берега, которые сумели в свое время захватить, они держались, что называется, зубами. Поэтому восстановить локтевой контакт с Людниковым на суше было и теперь непросто. Как это все-таки удалось, я расскажу немного позже.

Осознав, что мы выстояли и противник окружен, пережив вслед за днями критическими дни, когда полная победа у Волги казалась уже совсем близкой, в декабре пришлось привыкать к мысли, что борьба в Сталинграде предстоит, как видно, еще длительная. Это, надо сказать, не сразу укладывалось в голове даже у некоторых штабистов.

Но факты, как известно, вещь упрямая. Перед фронтом 62-й армии, в непосредственном соприкосновении с нею, оставались пять неприятельских дивизий (из двад-

цати двух, оказавшихся в конечном счете в сталинградском котле). Перед нами по-прежнему были и 295-я пехотная, с которой армия имела дело еще на Дону, и 100-я легкопехотная с ее четырьми егерскими полками (солдаты одного из них имели особый нарукавный знак за то, что в сороковом году полк первым вступил в Дюнкерк), и 305-я, введенная в городские бои в разгар «генерального штурма», и 79-я, двинутая Паулюсом на прорыв к Волге через завод «Красный Октябрь», где она и застряла... Разведка подтверждала, сверх того, присутствие частей 389-й пехотной дивизии и некоторых других. И было уже совершенно ясно, что отходить из Сталинграда гитлеровские войска не собираются.

После получения нами последнего крупного подкрепления — дивизии Соколова прошло полтора месяца, и к началу второй декады декабря в боевом строю 62-й армии насчитывалось всего 17 тысяч человек. Поэтому активные боевые действия, развернутые армией, могли пока преследовать ограниченные цели и означали прежде всего активность мелких подразделений — штурмовых групп.

В передовой «Красной звезды», где речь шла о сделанном нашей армией до декабря, было сказано, что она стала университетом городских боев. Если так, то, вероятно, можно считать, что в декабре нам удалось перейти на следующий курс этого университета. Во всяком случае тактика штурмовых групп, как и опыт управления ими, существенно обогатилась, в результате чего их боевые возможности расширились. И ряду декабрьских частных операций, скромных по масштабам (задача, как правило, сводилась к овладению одним укрепленным зданием), суждено было попасть потом в учебники по истории военного искусства.

Несколько успешных операций, ставших во многом образцом для других, было проведено уже в начале месяца штурмовыми группами гвардейской дивизии Родимцева.

Там, на левом фланге армии, линия фронта стабилизировалась давно, и противник создал в приволжской части городского центра сильную систему взаимосвязанных опорных пунктов. Среди них особое место занимали Дом железнодорожника на Пензенской улице и стоявший метрах в 70—80 от него шестиэтажный Г-образный дом.

Оба здания были основательно повреждены, но их толстые, крепкие стены не рухнули. Эти дома господствовали над местностью, немецкие минометчики могли обстреливать оттуда расположение двух родимцевских полков, а также дивизионную переправу. Гарнизоны домов (в каждом — до роты) имели легкую артиллерию, огнеметы, много пулеметов. Дома соединялись между собой и с тылами ходами сообщения, подступы к ним прикрывались проволочными заграждениями, минными полями.

Попытки выбить врага из этих опорных пунктов, очень связывавших нас, предпринимались еще в ноябре. Насколько серьезными они были и каких стоили усилий, дает представление уже то, что к Г-образному дому саперы подвели подземную минную галерею длиною около 40 метров. Прокладка ее ручным способом заняла две недели.

Однако даже после того, как взрыв тола разрушил часть здания, овладеть им тогда не удалось. Этому помешали некоторые просчеты: не предусмотрели одновременного подавления огневых средств соседних опорных пунктов, упустили самое выгодное мгновение для броска основной штурмовой группы...

Готовя операцию заново, учли, кажется, все, что мыслимо учесть. Признав необходимым максимально приблизить к объекту штурма исходный рубеж броска, сумели отрыть за две ночи 130-метровую подходную траншею, маскируя ее днем. Штурм неоднократно проигрывали на схеме. У Волги, под прикрытием обрывистого берега, организовали тренировки участников предстоящего боя и приняли от них практический зачет.

Делалось все это в 34-м гвардейском полку подполковника Д. И. Панихина, но подготовкой операции занимался и сам комдив. Командовать сформированным для захвата дома штурмовым отрядом поручили заместителю комбата старшему лейтенанту Седельникову.

В его распоряжении находилось около 60 человек. Из них 36 человек составляли три штурмовые группы, возглавляемые офицерами. Каждая из них имела совершенно конкретную задачу. Особая группа закрепления должна была двигаться вслед за штурмовыми. Она включала пулеметчиков, минометчиков, бронебойщиков, снайперов, саперов. Была также обеспечивающая группа — для пе-

рехвата ходов сообщения между атакуемым домом и другими.

Седельников имел возможность вызвать себе на поддержку огонь специально выделенных орудий и тяжелых минометов. Однако начинать штурм решили на сей раз без какой-либо предварительной огневой обработки дома, дабы обеспечить внезапность. О том же заботились, выбирая время для атаки. Назначили ее на 6.40 утра, когда только-только рассветает, но ночь уже позади. Противник в это время, если даже и ждал штурма, должен был успокоиться: обычно мы атаковали ночью. А тут расчет был на то, чтобы штурмовые группы, выведенные на исходный рубеж под покровом темноты, ворвались в здание при первом утреннем свете.

Бой подтвердил реальность смелого плана. Оправдала себя и предусмотрительность в разных мелочах. Каждая штурмовая группа имела, например, по два железных лома, обойтись без которых было бы трудно. Если в любом захватываемом доме путь бойцам расчищала граната, то внутри этого огромного здания иногда приходилось ломом прокладывать путь самой гранате — пробивать отверстия в стенах.

При всей тщательности подготовки бой, однако, затянулся. Особенно упорное сопротивление оказали гитлеровцы, засевшие в подвалах. Штурм дома, начатый на рассвете 3 декабря, был завершен лишь к утру 4-го.

Гитлеровцы оставили в здании около 80 трупов своих солдат и офицеров и всю боевую технику опорного пункта (уцелевшим фашистам удалось в последний момент уйти). Вообще, конечно, не столь уж существенно, сколько гитлеровцев убито в одном взятом доме. Однако в данном случае эта цифра довольно примечательна. Не часто бывает, чтобы потери обороняющих укрепленный объект превышали численность всего личного состава атакующих. Между тем в боевой практике штурмовых групп это становилось довольно характерным.

У нас считалось как бы само собой разумеющимся, что потери в такого рода операциях должны быть минимальными. Без этого наступательные действия мелкими подразделениями теряли смысл — там, где люди наперечет, выход из строя даже одного бойца уменьшал шансы на общий успех. За неоправданные потери, в ка-

ких бы малых цифрах они ни выражались, взыскивали строго.

В разгар борьбы за этажи Г-образного дома небольшой отряд из другого полка 13-й гвардейской дивизии — 42-го стрелкового полковника И. П. Елина начал штурм Дома железнодорожника. В этой атаке участвовало 50 человек, разбитых на восемь групп, половина которых составляла второй, закрепляющий эшелон. План штурма тут, естественно, был уже иным, но подготовка столь же тщательной. Генерал-майор Родимцев, следивший за боем с ротного командного пункта, находившегося в нескольких десятках метров от объекта атаки, прямо оттуда и доложил в штаб армии, что дом взят.

Одновременный штурм двух смежных опорных пунктов врага облегчил захват каждого в отдельности. В тот день наш передний край продвинулся здесь сразу на двести с лишним метров. Зона прицельного огня гвардейцев Родимцева распространилась на ряд новых кварталов. Дивизионная переправа впервые смогла действовать и в светлое время (Волга тогда еще не замерзла, но это в равной мере относилось и к передвижению по льду).

В задачу дня встало на этом участке овладение следующим укрепленным зданием — школой № 38. Выбив из нее гитлеровцев, можно было обеспечить благоприятные условия для дальнейших атак в центре города. Но этот «орешек» оказался еще покрепче тех двух. На подготовку штурма школы ушло полмесяца. И захватить ее удалось не с первой попытки.

Активность штурмовых групп вызывала серьезные контрмеры противника, и тактический прием, принесший нам успех однажды, во второй раз часто уже не срабатывал. Требовалось постоянно придумывать что-то новое. И этим занималось в армии увлеченно, даже с азартом, множество людей — от старших командиров и штабистов до рядовых солдат. У людей обострялось чувство личной ответственности за результат боя, развивались инициатива, способность дерзать, бойцы приучались мыслить по-командирски (а нередко и становились командирами).

Обобщение опыта действий штурмовых групп стало повседневной заботой штабов, и прежде всего — штаба армии. Его работники проводили специальные занятия с командным составом дивизий, полков, а иногда и в ро-

тах. И всюду, где выбивали гитлеровцев из крупного дома или с укрепленной позиции, представитель штарма, как правило, находился там, откуда управляли действиями штурмовой группы: судить о новых приемах боя надо было не только по отчетам.

Очень много внимания уделял штурмовым группам наш командарм. Анализируя поучительную частную операцию, он стремился сделать очевидными для всех конкретные предпосылки достигнутого успеха.

«Быть готовыми к штурмам, искать их!» — так формулировал Чуйков требование ко всему командному составу. От Василия Ивановича исходили и запоминающиеся наставления-лозунги, адресованные всем сражающимся в городе: «Чем ближе к противнику — тем лучше», «Твою задачу никто за тебя не выполнит», «Саперу — почетное место в штурмовой группе» и ряд других.

Многие воины знали наизусть изложенный в нескольких коротких фразах наказ бойцу, штурмующему занятое врагом здание:

«Врывайся вдвоем с гранатой. Оба налегке: ты без вещевого мешка, граната — без рубашки. Граната — впереди, ты — за ней. Так проходи весь дом!»

Эти наставления составили как бы памятку участнику городского боя. Сперва — устную, передававшуюся от командиров к бойцам и от бойца к бойцу. Потом они вошли в статью В. И. Чуйкова о тактике штурмовых групп, появившуюся в декабре в армейской газете.

Статья эта сжато подытоживала весь опыт 62-й армии в области городского боя и обосновывала ряд новых положений.

Речь шла о том, что условия городского боя (который в основе своей есть не уличный бой, как представлялось многим, а прежде всего бой за отдельные здания и в самих зданиях) зачастую исключают возможность наступательных действий крупными подразделениями. Только штурмовая группа, детище ближнего боя, — гибкая, предельно маневренная, позволяет шаг за шагом отвоевывать здания, кварталы, узлы сопротивления. Задача ее здесь иная, чем, скажем, при штурме в полевых условиях дзота, который требуется только уничтожить. В городе главное — суметь превратить неприятельский опорный пункт в свой, немедленно использовать его для дальнейших активных действий.

Пока противник не закрепился в захваченных им районах города, пока его оборона разобщена, мелкие штурмовые группы способны успешно действовать самостоятельно. Но когда враг засядет в городе прочно, создаст сильную оборону, укрепленную инженерными средствами, мелкие группы сами по себе многого сделать уже не смогут. В этой ситуации их целесообразно использовать для действий на острие тщательно спланированных ударов, поддерживаемых и обеспечиваемых другими силами.

На таком этапе (а в Сталинграде он и наступил) особое значение имеют детальнейшая подготовка каждого штурма, досконального изучение объекта, продуманный выбор путей подхода и благоприятного времени для атаки. В зависимости от конкретных условий получают в плане операции свою задачу артиллерия (причем она воздействует не обязательно на сам атакуемый объект), огнеметчики, саперы, а иногда и танкисты (если, например, танковая пушка может надежнее других средств подавить огневые точки в амбразурах укрепленного дома).

У нас в армии сложилось проверенное боевой практикой мнение о целесообразной внутренней структуре штурмовой группы. В ее составе кроме одной или нескольких групп, захватывающих здание, предусматривалась и группа закрепления. Подчиненная тому же командиру, она вступала в бой по сигналу «Ворвались». В отличие от групп захвата, вооруженных лишь гранатами, автоматами да ножами, группа закрепления имела ручные и станковые пулеметы, легкие минометы, противотанковые ружья, взрывчатку. Ликвидируя остатки неприятельского гарнизона, занимая огневые точки и создавая новые, обращенные в сторону противника, эта группа с ходу осваивала отвоеванный дом в качестве опорного пункта. Нужен был при штурме и резерв командира.

Так что штурмовая группа в целом была, по существу, уже отрядом, насчитывающим несколько десятков человек.

Никаких штатных штурмовых подразделений мы не создавали. Вопрос был поставлен так: уметь штурмовать должен каждый! Обучать этому надо было и поступавшее в части пополнение. Ведь до полного очищения Сталинграда от фашистских захватчиков воевать нам предстояло в городе. И штурмовым группам, вызванным к жизни спецификой городского боя, еще когда армия

находилась в активной обороне, теперь отводилась первостепенная роль в наших планах наступательных действий.

В одну группу старались подбирать людей, уже сражавшихся вместе, обычно — из одной роты. Причем существовало неписаное правило: без коммунистов не формировалась ни одна штурмовая группа, ибо вдохновляющий пример мужества и самоотверженности, который бойцы-коммунисты подавали повсюду, был здесь необходим вдвойне и втройне. Одновременно с командиром назначался в штурмовую группу и парторг.

Вопросы подготовки штурмовых групп, их использования и управления ими постоянно обсуждались на заседаниях Военного совета армии, а еще чаще — без заседаний: у командарма, у Гурова, у меня. На суть дела мы смотрели одинаково, и это позволяло находить решения, которых требовала жизнь.

Конечно, Военный совет и штаб армии не навязывали одну и ту же тактику всем без разбора. То, что было приемлемо в центре города, в кварталах с крупными зданиями, не всегда подходило для боя, допустим, на участке Горохова, в поселках, негусто застроенных небольшими домиками. Методы выполнения боевых задач командиры дивизий или бригад выбирали сами.

В совершенно особых условиях, не сравнимых ни с каким другим участком, велись наступательные бои на территории «Красного Октября».

Вспоминается в связи с этим, как в первых числах декабря, когда линия фронта, пересекшая в свое время заводские дворы и цеха, была кое-где отодвинута назад на считанные метры, из-за Волги прибыло несколько руководящих работников предприятия — посмотреть, не пора ли начинать его восстановление. Этих товарищей провели до полковых КП сражавшейся на заводе 39-й гвардейской дивизии, и они убедились, что делать им тут пока нечего. А общая картина, открывшаяся им, некоторых просто потрясла. Один начальник цеха, эвакуированный еще в сентябре, удрученно повторял, что таких разрушений он не мог себе представить.

Территория завода действительно выглядела хаотически. Обвалившиеся стены и куски рухнувших труб (их

было пятнадцать, а устояла одна), искореженные стальные конструкции, разметанные взрывами бомб вагоны и платформы с металлом и шлаком... Ни проехать, ни пройти, даже если бы вдруг прекратился огонь. Нетрудно было понять чувства хозяйственников, инженеров: восстанавливать завод означало создавать его почти заново.

Но сперва нужно было выбить отсюда врага. А он успел основательно забаррикадироваться в этих руинах, оборудовал огневые точки, отрыл траншеи и переходы, загородился многорядной проволокой и минами.

На таком вот поле боя и действовали штурмовые группы гвардейской дивизии генерал-майора Гурьева. Первым их серьезным успехом в декабре стало взятие листоотделочного цеха, занимавшего важнейшее место в неприятельской обороне на «Красном Октябре». Брал этот цех батальон капитана Василия Васильевича Горячева (вскоре он, как и еще несколько лучших комбатов армии, был удостоен ордена Александра Невского).

Готовясь атаковать огромный — до двухсот метров в длину, до семидесяти в ширину — полуразрушенный корпус цеха, Горячев сформировал три собственно штурмовые группы и группу закрепления. В них вошло 86 человек. Для поддержки выделялось две батареи тяжелых минометов и батарея полковой артиллерии, а в определенный момент предусматривалось, в целях отвлечения внимания противника, ввести в действие все находящиеся на переднем крае огневые средства дивизии.

Фактически бой за цех начала — это было уже не по плану — горстка разведчиков. Посланные туда за двое суток до штурма, они преодолели ночью все заграждения, захватили и переправили в батальон «языка», но затем немцы отрезали им обратный путь, и разведчики, засев за грудами металла, отбивались до следующего вечера. Когда стемнело, они добрались все-таки к своим, потеряв двух человек. А противника заставили окончательно раскрыть всю систему огня.

Капитан Горячев смог существенно уточнить план атаки, и, когда она началась, штурмовые группы ворвались в цех без потерь. Половина его была очищена от гитлеровцев очень быстро. Но вторую половину и подвалы пришлось отвоевывать целых семь суток. Медленно, по кусочку, заштриховывалась красным шестиугольная фигура цеха на карте. «Как в листоотделочном?» — интере-

совался при каждом телефонном разговоре начальник штаба фронта Иван Семенович Варенников.

Затянувшийся бой был упорным, внутри цеха отражались контратаки. Однако велся он до конца малыми силами. Ввести тут в дело больше людей означало бы лишь увеличить потери. Кстати, потери оборонявшегося врага только убитыми превысили вдвое общее число бойцов, которые здесь наступали, — соотношение еще более красноречивое, чем было при штурме Г-образного дома.

Овладев листоотделочным цехом, можно было продвигаться на «Красном Октябре» уже быстрее. Но каждая новая частная операция требовала новых решений. Не раз и по-разному использовались крупные заряды взрывчатки. Еще более серьезными препятствиями, чем каменные стены, нередко были штабеля стальных болванок, чугунные изложницы, вагранки и прочее массивное оборудование: укрывшегося за ним врага подчас не доставали ни граната, ни снаряд. Выручали в таких случаях огнеметы, но не легкие, а тяжелые, бьющие на десятки метров.

При захвате ряда цехов оправдали себя — при надлежащей огневой поддержке — совсем малые штурмовые группы по пять — семь человек во главе со смелым и находчивым командиром. В подразделениях гурьевской дивизии оставались лишь единичные бойцы-воздушнодесантники из ее первоначального кадрового состава, но тут они были неоценимы. На их десантную хватку и ориентировались командиры, ставя конкретные задачи.

В группах закрепления понадобилось больше саперов: гитлеровцы насовали на заводе мин разных типов куда только смогли. Заминированы были все подвалы, все уцелевшие двери. Валявшаяся под ногами консервная банка тоже иногда оказывалась ловушкой. Случалось, взрывался труп немецкого офицера, когда расстегивали карман кителя, чтобы взять документы...

Выбивали фашистов с «Красного Октября» напористо, днем и ночью. Завод полыхал огнем, когда по пятнадцать — двадцать залпов подряд давали тяжелые огнеметы. А в мартеновском цехе, который в самые трудные дни был тут нашим оплотом, главным опорным пунктом дивизии Гурьева, теперь готовили людей к атакам на других участках заводской территории. «Партийные собрания, инструктажи штурмовых групп, где давалось

персональное боевое задание каждому человеку, проводили в мартенах, в самих печах, — рассказывает в своих неопубликованных воспоминаниях политработник 120-го гвардейского стрелкового полка В. Г. Белых. — Это было наиболее спокойное место».

Врубившись в неприятельскую оборону на заводе, подразделения 120-го полка майора Гумарева и 112-го подполковника Лещинина продвигались сперва в одном направлении, параллельно, а затем — друг другу навстречу, охватывая не подавленные еще очаги сопротивления. 25 декабря они встретились у механического цеха, взятого в ожесточенном ближнем бою. При этом мы имели все основания считать, что от 79-й немецкой пехотной дивизии фон Шверина, с которой наши части два месяца дрались за «Красный Октябрь», уже мало что осталось.

Дивизия Гурьева достигла важного рубежа — проходящей за заводами железной дороги. Дальше начинались кварталы рабочих поселков. А за ними — господствующая над заводским районом высота 107,5. В общем направлении на нее должно было развиваться наступление всего правого крыла армии.

Тремя днями раньше был наконец срезан у Волги тот неприятельский клин, который появился 11 ноября, при прорыве гитлеровцев у завода «Баррикады», и с тех пор отделял от остальных наших войск дивизию Людникова. Собравшись с силами, уже регулярно снабжаемая по льду (но по числу бойцов соответствовавшая примерно батальону), дивизия сумела продвинуть свой левый фланг навстречу частям Горишного, возобновившим атаки. Отвоевывая дом за домом на Таймырской, Прибалтийской и соседних улицах, полк майора Печенюка оттеснил здесь противника метров на двести. У Горишного поднажал правофланговый полк, и две дивизии восстановили локтевой контакт.

Так закончилась 40-дневная эпопея «острова Людникова». Его защитники основательно потрепали две фашистские дивизии — 305-ю и 389-ю, которые тщетно пытались сбросить их в Волгу. Наша армия снова держала сплошной фронт от «Баррикад» до центра города, почти до устья Царицы. Разъединенной с нашими главными силами оставалась только Северная группа, но прежние тревоги за нее отпали с тех пор, как до Спартановки дошли части Донского фронта.

Удостоверившись, что «пятачок» Людникова воссоединен с нашими основными позициями прочно, командарм приказал командиру 138-й дивизии прибыть на КП армии. Были вызваны также Родимцев, Гурьев, Батюк, Соколов, Горишный.

Долгое время возможность собирать командиров соединений была совершенно исключена. Да и поодиночке вызывались лишь те, кто располагался совсем близко, и лишь при крайней необходимости. В сталинградской обстановке даже кратковременное отсутствие командира могло обойтись дорого, и командующий, как и член Военного совета, чаще ходил к комдивам сам. Теперь же, когда мы держали боевую инициативу в своих руках и начали, хоть и очень медленно, теснить врага, а над головой уже не висела, как прежде, его авиация, можно было провести без особого риска командирское совещание армейского масштаба.

Как уже говорилось, мы придавали большое значение передаче накапливавшегося опыта городских наступательных боев, и было, конечно, лучше всего, чтобы сами комдивы рассказали друг другу о проведенных частных операциях, о том, чему они научили, что подсказывают на будущее. В этом, собственно, и заключался смысл той встречи на армейском КП.

Да и вообще пора было командирам-соседям, столько вместе пережившим и сделавшим, но до сих пор почти не встречавшимся (не все они знали друг друга в лицо), поближе познакомиться перед заключительными боями. На это был рассчитан и назначенный после деловой части товарищеский обед в столовой Военного совета.

Полковника Людникова чуть не половина присутствующих видела в первый раз, а остальные, в том числе и я, — впервые по крайней мере за полтора месяца. Но всех долго волновала судьба его отрезанной дивизии (кто поручился бы месяц назад, что посидим еще за одним столом!). И теперь он, естественно, оказался «именинником», привлекавшим общее внимание.

Людникова расспрашивали о разных подробностях трудных недель, проведенных в жесткой блокаде на плацдарме-«островке». А он охотнее всего рассказывал о своих бойцах.

С сердечной теплотой говорил Иван Ильич о старом солдате, участнике Царицынской обороны в гражданскую

войну, которого называл «дядя Карпов», мудром наставнике молодых, необстрелянных, с отцовской горечью — о погибшем несколько дней назад сержанте из дивизионной разведки, исключительно хладнокровном и находчивом, неоднократно проникавшем в занятые немцами цеха «Баррикад», доставлявшем и «языков», и точнейшие сведения о расположении неприятельских огневых точек.

Фамилию разведчика я тогда не запомнил, но потом легко выяснил: в дивизии его не забыли. Это был Николай Петухов, москвич девятнадцати лет. Знаю, что начальник штадива подполковник Шуба хранил и после Сталинграда его аккуратные чертежики — графические отчеты об увиденном в разведке.

Перед тем как отпустить Людникова, командарм спросил, нет ли у него личных просьб к Военному совету. Таких вопросов в Сталинграде раньше не задавали, но время пошло уже другое, да и Людников как-никак провел полтора месяца в условиях совершенно особых.

Иван Ильич не растерялся и попросил разрешить ему сходить по ледовой дорожке на левый берег — попариться в настоящей бане. Чуйков, переглянувшись со мною, дал «добро». Теперь можно было позволить и это, благо за комдива оставался испытанный начальник штаба подполковник Шуба.

Два-три дня спустя 138-й дивизии была дана возможность чуть-чуть передохнуть, привести себя в порядок. В дальнейшем, приняв небольшое пополнение, она действовала уже на другом участке заводского района.

После Сталинградской победы полковник Людников стал генералом, ему вверили корпус, затем и армию. Когда он командовал 39-й армией, а я — 5-й, мы были соседями по фронту в Белоруссии, под Кенигсбергом, в Маньчжурии... Однако вспоминается мне Иван Ильич больше всего по Сталинграду. Наверное, потому, что, сколько ни пришлось пережить и испытать всякого потом, в обстановку столь тяжелую и сложную мы все-таки уже не попадали, а она-то и выявляла главное в человеке.

Я рассказывал, как вводились в бой прибывшие в Сталинград дивизии — почти всегда с ходу, прямо с переправы. Редко бывала возможность задержать нового комдива

в штабе армии дольше, чем необходимо для постановки ближайшей боевой задачи. То персональное знакомство, с которого обычно все начинается, откладывалось до лучших времен. Но знакомили с командиром, давали о нем представление с первого же часа его практические действия.

Личное дело приходило иногда много времени спустя, да и раскрывать его уже никто не спешил: командира знали и так. А когда раскрывали, биография человека, события прошлой его службы представали как бы в свете того, что он уже успел сделать здесь. И нередко помогали понять — как смог сделать.

У большинства командиров соединений 62-й армии были яркие, запоминающиеся биографии. Вместе взятые, они заставляли думать о том, как богат наш народ дарованиями, в том числе военными, о богатырских его силах, раскованных Великим Октябрем. В этих командирских биографиях отражался путь, пройденный всей Страной Советов.

Людников, сын азовского портового грузчика, нанявшийся одиннадцатилетним мальчонкой на шахту, был прирожденным военным по натуре. И сама революция указала ему его призвание. В пятнадцать лет он стал красногвардейцем, а затем бойцом регулярной Красной Армии. «С этого, — говорил Иван Ильич, — и началась моя родная военная жизнь». Он был кавалеристом, моряком Азовской флотилии, пулеметчиком на тачанке. Мечтал поступить после гражданской войны в артиллерийское училище, но со своими тремя классами сельской школы едва попал в пехотное. Зато окончил его одним из первых по списку. А в Академии имени М. В. Фрунзе зарекомендовал себя так, что его оставляли там преподавателем. Однако Людников предпочел вернуться в строй.

У Родимцева, росшего в оренбургской степной глуши, военные способности проявились не так рано. Рассказывая о детстве, он вспоминал, как его вечно ругали за то, что стаптывает слишком много лаптей — далеко было ходить в школу... До самого призыва в армию он был батраком. Только новобранцем увидел в первый раз железную дорогу. А десять лет спустя возвращался Героем Советского Союза из Испании. Еще через три года стал генералом.

«Карьера» стремительная, с крутым взлетом. И в то же время закономерная у нас, отнюдь не исключительная.

Батюк, сверстник Родимцева, в один с ним год начавший срочную службу, почти так же быстро прошел путь от красноармейца до командира дивизии. И комдив он был талантливый, смелый в решениях и действиях. Батюк принадлежал к командирам, особенно глубоко понимавшим специфику городского боя, его природу. Комдив-боец, он в критические дни, случалось, сам водил солдат в контратаку — обстановка оправдывала и это.

Гурьев, как и Людников, пошел сражаться за Советскую власть с донецкой шахты, принадлежавшей до революции бельгийскому капиталисту. Семнадцатилетний забойщик был одним из тех, про кого потом пели: «Уходили комсомольцы на гражданскую войну...» На двадцать втором году жизни, уже давно кадровый красный командир, он стал коммунистом ленинского призыва.

И остальные — это характерно для них всех — встали в ряды большевиков очень молодыми. Они гордились, что партия посылала их туда, полагалась на них там, где дело защиты Родины требовало особых усилий. Гурьев и Родимцев были в числе коммунистов, направленных (один — из мотострелковой части, другой — из любимой своей конницы) в создававшиеся воздушно-десантные войска. А Соколов, командовавший в Сталинграде 45-й дивизией, в ту пору перешел в военное училище из университета: так было нужно — над страной нависала грозная опасность.

Июнь сорок первого большинство их встретило близ западной границы. Некоторые, в том числе Людников, уже тогда командовали дивизиями, другие, такие, как Батюк, — полками. Их части принимали на себя удары чудовищной силы, редели в неравных боях, вырывались из окружений, спешно переформировывались, чтобы стать насмерть на новых рубежах. Одно то, что выпало им между Доном и Волгой, на подступах к Сталинграду и в самом городе, казалось, должно было до конца исчерпать любые человеческие силы. Но если бы меня спросили, чем определялось после этих тяжелейших боев состояние духа наших комдивов, я бы ответил: жаждой активного боевого действия, неуемным, нетерпеливым стремлением бить врага.

Это отражало общее настроение их подчиненных, всей армии. Командирам дивизий, разумеется, было известно, что такими силами, какие оставались у них, наступательных действий вообще-то не ведут. Но о том, чтобы наступление в Сталинграде обошлось без нас, вряд ли кто мог и помыслить.

Никаким обычным представлениям не соответствовало ведь и то, что такими силами были удержаны наши последние оборонительные рубежи. А на что способны люди сверх этого, комдивы не просто знали, а ощущали всем сердцем.

В сталинградской обстановке было немало такого, что постигалось и выверялось обостренным внутренним чувством, доходило до сознания через сердце. Если нашим комдивам, командирам полков, комбатам порой удавалось совершать невозможное, то, убежден, большое, горячее сердце значило для этого не меньше, чем железная воля и ясный ум.

Задумаешься о том, что сделали тогда, что осилили основные соединения 62-й армии, измотанные до крайнего предела и все же боеспособные, и вновь встают перед глазами их доблестные командиры. Ныне, многие годы спустя, сознаешь еще отчетливее, что к великому сталинградскому испытанию подготовила этих людей вся прежняя их жизнь. Наверное, только такие командиры — поднятые на свои посты революцией из самых недр народа, закаленные большевистской партией, кровно причастные ко всему, что пережила и совершила за четверть века Советская страна, — наверное, только они и могли это испытание выдержать.

Все эти мысли, навеянные воспоминанием о первой за долгое время встрече командиров дивизий на армейском КП, относятся, конечно, и к тем, кого уже не было в тот день в Сталинграде. И к Леонтию Николаевичу Гуртьеву, отбывшему за Волгу переформировывать, а по сути дела — комплектовать заново свою 308-ю стрелковую. И к Виктору Григорьевичу Жолудеву, геройскому комдиву 37-й гвардейской, которая приняла на себя главный натиск врага на Тракторном, а потом, передав соседям немногих оставшихся в строю бойцов, была — чисто символически, потому что дивизии, как таковой, не существовало, — выведена в резерв. И к другим командирам, кто,

отвоевав уже в Сталинграде, исполнил именно здесь, может быть, самое большое и значительное в своей жизни.

В двадцатых числах декабря мы расстались с командиром 193-й стрелковой дивизии — она также выводилась в резерв Ставки — Федором Никандровичем Смехотворовым.

Мне очень редко удавалось отлучаться с КП, и вышло так, что, познакомившись с генералом Смехотворовым той сентябрьской ночью, когда его дивизия к нам прибыла, я вновь увидел Федора Никандровича только через три месяца, когда пришла пора прощаться. Но голос его я слышал в телефонной трубке каждый день, часто — по нескольку раз. Даже если бывало отчаянно тяжело, этот голос оставался спокойным, сдержанным, не слишком громким, и человек, которому он принадлежал, стал для меня олицетворением надежности, «прочности». А возглавляемую им дивизию мы числили таковой до конца, хотя ее остатки давно уже были сведены в один небольшой полк, прикрывавший подступы к переправе. Из Сталинградской битвы 193-я стрелковая вышла Краснознаменной.

О каком комдиве ни подумаешь, сразу представляется и его начальник штаба. У Родимцева — полковник Тихон Владимирович Бельский, у Гуртьева — подполковник Михаил Иванович Тарасов, у Людникова—подполковник Василий Иванович Шуба, у Соколова — подполковник Иван Васильевич Малеев, у Смехотворова — майор Александр Павлович Чумаков... Видеться с ними мне случалось редко. Еще реже, чем с комдивами. Но каждый из начальников штабов дивизий, как и я, почти круглые сутки находился у своих телефонов, и за день, за ночь нам приходилось переговорить не раз. Понимать друг друга научились с полуслова.

Штабы соединений работали напряженно. Обстановка требовала анализировать, осмысливать все происходящее не только глубоко, но и быстро, напористо — иначе любые оценки и выводы могли устареть. Ведь изменение положения в каком-нибудь одном доме, через который проходил передний край, часто таило в себе угрозу для большого участка обороны или открывало возможность нанести действенный удар противнику. Мы очень на-

стойчиво добивались, чтобы штабная информация была оперативной, точной и вполне достоверной. Такая информация помогала разгадывать намерения врага, не опаздывать с ответными мерами.

Штабы предельно приблизились к боевым порядкам войск — все они размещались в нескольких сотнях шагов от передовых окопов. Штабисты — и не только дивизионные, но и армейские — доходили до роты, до штурмовой группы, до гарнизона укрепленного дома.

Испытания решающих недель Сталинградской обороны еще крепче сплотили коллектив оперативного отдела штарма. Там царила атмосфера высокого товарищества и молодой, немножко задорной отваги. На наиболее трудные задания всегда находились добровольцы.

Наши офицеры связи были первыми, кто сумел проползти в белых маскхалатах под носом у немцев к «острову Людникова», как только на протоке Денежная Воложка начал образовываться ледовый припай. А те, на кого возлагалась доставка отчетной карты в штаб фронта, добирались на левый берег и тогда, когда считалось, что сообщения через Волгу практически нет.

Карту готовил обычно Барановский, а отвозил за Волгу, на фронтовой КП, Семиков. Ко мне он являлся, уже снарядившись по-походному, с трофейным парабеллумом на ремне. Внизу, под откосом, его ждала лодка (говорю о времени, когда Волга еще не стала), на том берегу — машина. Карту мы отправляли после двадцати трех часов, а возвращался офицер связи часам к двум ночи. Если, конечно, не задержит где-то бомбежка, не попадет в свежую воронку машина, не застрянет человек, как было однажды с Семиковым, на плавучей льдине...

Наверное, в оперативном отделе подобрались люди не просто смелые, но и удачливые. Из скольких переделок выходили они невредимыми! Случалось, и «воскресали» друг для друга. Как-то потребовалось срочно выяснить действительное положение флангов двух соседних частей — в донесениях концы не сходились с концами, и я поручил это ветеранам отдела Барановскому и Семикову. Часа через три передо мною лежал оттиск плана города — помятый, запачканный землей и гарью, но с точным обозначением фактической обстановки, сделанным прямо на месте. Семиков, явившийся с этим планом, доложил, что Барановский, с которым они разошлись по

ходу работы, бесследно пропал во время сильного огневого налета и, вероятнее всего, погиб. С тем и отправился Семиков на следующее задание: повез отчетную карту в штаб фронта. Однако Барановский все же сыскался, и даже не раненный, только оглушенный. Надо было видеть, как кинулись они друг другу в объятия, когда Семиков вернулся ночью из-за Волги!

Ко второй половине декабря наш КП у Банного оврага был уже неплохо оборудован. В блиндажи командования провели даже электричество от движка вместо светильников из снарядных гильз (а фитили — из зимней портянки), которыми все обходились на первых порах. Офицеры связи, недавно еще жившие в земляных норах, нередко ими самими и вырытых, переселились в отдельную большую штольню оперативного отдела. Как и другие, она глубоко врезалась в береговой откос. Вход прикрыт от осколков защитным козырьком, по бокам тесного коридорчика — выгородки для начальника отдела и его заместителя, дальше — довольно просторное помещение для всех остальных. Тройные нары с соломенной подстилкой, покрытой брезентом, рабочие столы на шатких козелках, вдоль свободной стены — земляная лавка, похожая на завалинку... А уютным все это казалось, должно быть, оттого, что жили и работали тут очень дружные люди.

Если где-то вновь начинал активничать противник или по другим причинам требовалось непрерывно следить за каким-нибудь участком фронта, я часто сам перебирался к операторам. Работать рядом с ними было удобно: все доходит до тебя быстрее, нужные люди под рукой без всяких вызовов, связь с дивизиями — непрерывная... Но меня, не стесняюсь в этом сознаться, тянуло сюда и в самые спокойные минуты, когда можно было ненадолго оторваться от дел.

Любил заглянуть в эту штольню «просто так» и Николай Митрофанович Пожарский. (Кстати — уже не начарт, а командующий артиллерией армии. Его должность стала называться по-новому как раз с того знаменательного дня, когда тысячи советских орудий возвестили о начале нашего контрнаступления у Волги, со дня, который сделался после войны ежегодным праздником артиллеристов, а затем и ракетчиков.) Генерал-майор Пожарский был желанным гостем в любом блиндаже штаба.

Живой, общительный, остроумный, он мог, появившись на четверть часа, дать людям чудесную душевную разрядку. Сколько сердечной теплоты вкладывал он в любимое свое обращение: «Эх, голуба ты моя!»

Иногда мы с Пожарским, присев на земляную лавку-завалинку, вспоминали Дальний Восток, где служили в одни и те же годы, события, связанные с конфликтом на КВЖД... А иногда кто-нибудь из присутствующих делился известиями, полученными от семьи — хорошо, если добрыми, или тревогой о том, что известий долго нет.

Чего не отдал бы, чтобы у подчиненного, которого посылаешь в огонь, не болела душа за самых близких людей! И горько бывало, если не в твоих это силах.

Не забуду, как перед последним штурмом Севастополя направленец штаба нашей Приморской армии майор Харлашкин узнал, что в эвакуации, в Средней Азии, погибла при несчастном случае его жена. Командование армии направило местным властям просьбу позаботиться об осиротевших детях. Но отпустить в такую даль для устройства семейных дел самого майора мы тогда не могли. Да Харлашкин и не заговаривал об этом. Вскоре он пал смертью храбрых. И хотя мне не в чем было себя упрекнуть, эта потеря воспринялась еще тяжелее оттого, что майор не успел даже узнать, как устроены его дети.

Все это вновь вспомнилось, когда мне стало известно о беде в семье капитана Николая Величко: умерла его мать, жену свалил тиф, маленькая дочка осталась одна. И не за тридевять земель от Сталинграда, а в приволжском поселке, куда можно было добраться с попутными оказиями за сутки с небольшим. Было это еще в октябре, в очень трудное для армии время. Но все-таки я решил дать Величко короткий отпуск, знал, что это за ним, как говорится, не пропадет. Вызвал капитана, спрашиваю:

— Пять суток вам хватит, чтобы для семьи что-то сделать? Если хватит, собирайтесь. Консервов возьмите, я прикажу.

Человек он был волевой, мужественный. Посылая его на такие участки, куда даже добраться непросто, я привык не сомневаться: и дойдет, и все, что надо, сделает. И каково бы там ни было, доложит спокойно и обстоятельно, ничего не упустив и не сгущая красок.

А тут, не услышав немедленного ответа, взглянул на

него и впервые увидел растерянным: не рассчитывал капитан на отпуск... В долгу перед службой он не остался.

Прошло время, когда все жили одним — не дать врагу сбросить нас в Волгу. Теперь мы переживали, что медленно продвигаемся вперед.

Показания пленных свидетельствовали: солдаты Паулюса теряют надежду вырваться из котла, им все больше известно о провале попыток деблокировать окруженную группировку. Имея еще много боеприпасов, фашистские войска испытывали возрастающие трудности с продовольствием. В немецких частях варили раз в день суп из конины, норму хлеба сократили сперва до трехсот, а затем до ста граммов. И все же враг сопротивлялся ожесточенно, предпринимал контратаки, расчетливо перегруппировывал огневые средства. Потеснить его где бы то ни было стоило огромных усилий.

Из рук в руки переходили выгоревшие домики, а иногда и целые поселковые кварталы за «Красным Октябрем», где действовали гвардейцы Гурьева и дивизия Соколова. Батюк смог с начала наступления продвинуть свой правый фланг на 700 метров, а левый — только на 300.

Смириться с такими темпами очищения Сталинграда от фашистских захватчиков труднее, чем кому-либо из нас, было, наверное, горячему по характеру Василию Ивановичу Чуйкову.

Напряженно думая над тем, как ускорить дело, он еще в середине декабря выдвинул идею нанести противнику удар из расположения нашей Северной группы, из района поселка Рынок, в направлении Разгуляевки и Городища, западных сталинградских пригородов, иными словами — попробовать обойти с тыла позиции немцев в заводском районе и в центре города, за которые те дрались с таким отчаянным упорством.

Нанести удар имелось в виду, конечно, не силами самой Северной группы, насчитывавшей к тому времени меньше тысячи бойцов. Однако взять из основного боевого ядра армии тоже было нечего. Поэтому все зависело от того, сможет ли фронт дать нам примерно 20 тысяч пополнения, что позволило бы возродить две дивизии — допустим, 37-ю гвардейскую Жолудева и еще одну из

тех, штабы которых, выведенные за Волгу, еще числились тогда в составе 62-й армии. Артиллерии было достаточно, и соответствующая ее перегруппировка проблемы не представляла. Докладывая эти свои соображения командующему фронтом (две телеграммы, где они излагались и уточнялись, лежат сейчас передо мною), Чуйков просил разрешить ему отбыть в Рынок и развернуть там вспомогательный пункт управления.

Ответ генерал-полковника Еременко поступил быстро: «В Рынок Вам выезжать нельзя. Пополнения немного дадим». Это следовало понимать как отклонение предложения Чуйкова.

Нет смысла гадать о возможных результатах предлагавшейся операции (сопряженной, несомненно, со многими трудностями, степень которых не учтешь заранее). Раз командование фронта не могло выделить необходимые подкрепления, вопрос отпадал. А «немного дадим» немного и означало.

Когда упомянутое предложение еще вынашивалось, я и Н. М. Пожарский по поручению командарма побывали в расположении Северной группы. Добирались туда через волжские острова и по молодому, но уже окрепшему льду. Выйдя снова на правый берег, ощутили себя на Большой земле: наши правофланговые бригады уже две недели как сомкнулись с частями 66-й армии и бок о бок с ними вели наступательные бои. Настроение у людей было отличное.

По привычке мы еще говорили «группа Горохова», хотя самого его здесь уже не было. Несколькими днями раньше Ставка назначила полковника Сергея Федоровича Горохова заместителем командующего 51-й армией. Он первым из наших командиров соединений пошел на повышение, получил звание генерал-майора.

Начальник штаба 124-й бригады подполковник П. В. Черноус и другие товарищи рассказали нам немало интересного, поучительного, чему не всегда находилось место в донесениях и оперсводках. Тогда же я более подробно узнал и о делах группы разведчиков из местных комсомольцев, о которой уже упоминал, познакомился с их начальником младшим лейтенантом Даниловым.

Во второй половине декабря наши потери были относительно невелики, однако и они не восполнялись. Боевой

состав армии продолжал сокращаться и к концу месяца дошел до 8300 человек (без артиллеристов на левом берегу). Но боевая активность частей и подразделений росла. Стремление истребить как можно больше гитлеровцев, раз они не желают капитулировать, сделать для этого все мыслимое и немыслимое было всеобщим.

Тысячи бойцов — отнюдь не только снайперы — имели специальные карточки, куда заносились и скреплялись подписью командира роты достоверные данные о числе фашистов, уничтоженных этим красноармейцем или сержантом. Что касается снайперов, то их подготовили уже больше, чем имелось винтовок с оптическим прицелом, и в декабрьских боях они действовали исключительно активно. Свои Зайцевы появились во всех дивизиях, причем кое-кто — например, сержант Анатолий Чехов в 13-й гвардейской — догонял в боевом счете самого Василия Зайцева, истребившего уже больше двухсот неприятельских солдат и офицеров. Хорошим снайпером, помню, стал даже один военфельдшер, настойчиво просились в снайперы кое-чьи адъютанты... А если говорить об общем уроне, нанесенном ими врагу, то меткие стрелки, уничтожавшие фашистов внезапными одиночными выстрелами, еще до начала нашего наступления выбили у Паулюса, по меньшей мере, полдивизии.

Насколько тревожили сталинградские снайперы гитлеровское командование, свидетельствовал тот факт, что в 6-ю немецкую армию был откомандирован руководитель берлинской школы снайпинга майор Конингс, довоенный чемпион Европы по пулевой стрельбе. Об этом мы узнали из показаний двух пленных. Они же сообщили, что Конингс не только занимается обучением снайперов, но и сам выходит на огневую позицию где-то в районе Мамаева кургана. Командир 284-й дивизии полковник Батюк — это был его участок — поставил лично Василию Зайцеву задачу: убрать берлинского «гостя».

Появление у противника особо меткого стрелка, искусно маскировавшегося в ничейной полосе, не обошлось для нас без потерь. Не буду рассказывать, как обнаружили его позицию — ячейку, вырытую почти на ровном месте под листом железа, и как лучший сталинградский снайпер вступил в борьбу с немецким «асом». Это описал в своих воспоминаниях Герой Советского Союза Василий Григорьевич Зайцев. Скажу лишь, что их дуэль длилась че-

тыре дня. Зайцев со своим напарником Куликовым в конце концов перехитрили гитлеровского майора, заставили высунуться на мгновение из укрытия, а этого хватило, чтобы уложить его точным выстрелом. Ночью труп Конингса доставили в наше расположение. Вместе с документами, удостоверявшими его личность, из кармана майора извлекли пачку специальных талонов, которые выдавались немецким снайперам за убитых советских офицеров.

В Севастополе, где снайперское движение тоже было очень развито, крупные портреты лучших истребителей фашистов выставлялись на щитах у Приморского бульвара. В Сталинграде не было подходящего места для такой галереи, но имена и боевой счет передовых снайперов знала и тут вся армия.

Из командиров дивизий кроме Батюка особенно много занимался снайперами Родимцев. Его дивизия долго имела наименьшую в полосе армии глубину обороны, и было время, когда снайперы противника просто не давали здесь никому высунуться из окопа. А затем, когда в каждой роте появились свои снайперы, наступило нечто обратное: высунуться, пока не стемнеет, не смел ни один немец. Именно у Родимцева, в 13-й гвардейской, состоялся первый дивизионный слет снайперов, посвященный обмену опытом.

Боевая практика показала, что выгодно располагать группы снайперов на участках ожидаемых вражеских атак. Снайперам отводилась ответственная роль во многих операциях штурмовых групп. Отнюдь не уменьшилось (вопреки представлениям, существовавшим на этот счет прежде) значение боевой работы снайперов и после перехода к наступательным действиям всей армии. В ряде случаев оказалось целесообразным размещать их на флангах атакующих подразделений — с задачей выводить из строя расчеты неприятельских огневых средств и попадавших в поле зрения командиров.

Все это относится к наступлению в специфических условиях, в городе. Но вести его в Сталинграде пришлось достаточно долго. А впереди лежали другие города, которые предстояло очищать от врага. С учетом этого мы и подходили к накапливавшемуся опыту — проверяли его, осмысливали, брали на вооружение прочно.

В армейских оперсводках за последние дни 1942 года отмечалось, что наши войска, отбившие у противника «Красный Октябрь» (кроме нескольких зданий в северо-западном углу заводской территории), оттеснили гитлеровцев за проходящую по городу железную дорогу. Севернее Банного оврага их отбросили на рубеж Рабочей улицы... Эти успехи, если измерять их отвоеванным пространством, были невелики. Бóльшая часть города еще оставалась в руках врага. 62-я армия продолжала действовать изолированно, отделенная справа пятикилометровым коридором от 66-й, а слева восьмикилометровым — от 64-й.

Мы говорили себе: хоть на шаг, но вперед! И делали эти трудные шаги, переживая, что продвигаемся так медленно и, по существу, лишь сковываем фашистские дивизии, закрепившиеся на нашем отрезке фронта окружения.

Наверное, только время могло помочь каждому из нас до конца понять, сколь важно было до определенного момента выполнять эту задачу активного сковывания противника малыми силами, позволяя тем самым направлять резервы на другие участки. А тогда порой бывало все-таки обидно, что армия, выдержавшая в Сталинграде главные удары врага, пока не в состоянии сделать большего для полного его разгрома.

РАЗВЯЗКА

Судьбу окруженной группировки Паулюса окончательно и бесповоротно решили события, развернувшиеся во второй половине декабря на котельниковском направлении и на Среднем Дону.

Со стороны Котельниково наступала армейская группа «Гот» — ударный кулак неприятельских сил, собранных для деблокирования армии Паулюса. И были дни — 22—23 декабря, когда ее авангарды находились всего в 35—40 километрах от края сталинградского котла. Но неделю спустя остатки группы «Гот», которой наши войска нанесли сокрушительное поражение, оказались отброшенными далеко в Сальские степи. Так завершились тяжелые бои юго-западнее Сталинграда, куда Ставка вовремя повернула 2-ю гвардейскую армию генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского, предназначавшуюся сперва для усиления внутреннего фронта окружения, для операции «Кольцо». Сорвалась спланированная гитлеровскими стратегами «Зимняя гроза», не прогремел задуманный ими «Удар грома» (эти кодовые обозначения прорыва к Сталинграду от Котельниково и намечавшегося встречного удара из котла стали известны потом).

Не могу не упомянуть, что в числе войск, преградивших путь группе «Гот», была и знакомая читателю 87-я стрелковая дивизия полковника А. И. Казарцева, доблестно сражавшаяся на дальних и ближних подступах к Сталинграду в составе нашей армии. Доукомплектованная после вывода в резерв, но с прежним костяком командиров, она вошла в 51-ю армию и вот — вновь показала отменную стойкость. Особенно отличился 1378-й стрелковый полк подполковника М. С. Диасамидзе, который, отбив в течение пяти суток десятки вражеских атак у хутора

Верхне-Кумский, помог тем самым выиграть время для подтягивания мощных резервов. Подробности этих боев дошли до нас позже, но буквально через несколько дней в газетах появился Указ о присвоении Диасамидзе звания Героя Советского Союза.

Почти одновременно подверглась разгрому опасная по ее расположению неприятельская группировка в районе городка Термосин севернее Котельниково. А в результате завершенной, тоже к концу декабря, крупной наступательной операции Юго-Западного и Воронежского фронтов на Среднем Дону, известной под названием «Малый Сатурн» («Малый» — потому, что сперва готовилась операция еще более широких масштабов), фактически перестали существовать две армии гитлеровских союзников — 8-я итальянская и 3-я румынская и внешний фронт окружения, обращенный на запад, отодвинулся от внутреннего на 200 и больше километров.

Все это означало, что фашистские войска, взятые в кольцо у Сталинграда, изолированы надежно и никакой реальной возможности пробить к ним коридор у немцев больше нет. Уплотнялась и блокада армии Паулюса с воздуха. Внутри котла оставалось еще достаточно посадочных площадок, однако все меньше самолетов с грузами могло туда прорваться.

Что касается Сталинградского фронта, то он, как таковой, закончил свое существование вместе с уходившим в историю грозным 1942 годом. На его базе, с тем же командованием и штабом, был образован Южный фронт, и первейшей его задачей стало наступление на Ростов.

А ликвидация окруженной неприятельской группировки полностью возлагалась на Донской фронт. В связи с этим в его состав передавались с 1 января 1943 года армии, блокировавшие войска Паулюса с юга и востока, — 57, 64 и наша 62-я.

Едва эта новость успела до нас дойти, как командующий Донским фронтом генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский и член Военного совета генерал-майор К. Ф. Телегин прибыли в расположение армии. Чтобы добраться к нам, им пришлось дважды пересечь Волгу, пройдя часть пути пешком (машины могли проехать не везде) в сопровождении проводника и саперов, имевших при себе доски и веревки, — ледовая дорога обстреливалась вражеской артиллерией, и там случалось всякое.

Ни Василию Ивановичу Чуйкову, ни мне не доводилось раньше встречаться с Рокоссовским. Но мы слышали, конечно, о его огромном росте и узнали издали: Рокоссовский был на голову выше своих спутников. Обратили внимание и на довольно необычную при таком росте легкость походки. А вблизи заметили рано побелевшие виски.

Константин Константинович Рокоссовский обладал большим человеческим обаянием, и оно ощутилось с первых минут общения с ним. Располагали к нему простота, с которой он держался, открытый взгляд, вдумчивая внимательность ко всему, что он видел и слышал, мягкая сдержанность жестов и речи, непредвзятость суждений, да и многое другое. Некоторая скованность, обычная при встрече с незнакомым начальником, исчезла как-то сразу. Очень понравилась мне и манера анализа Рокоссовским обстановки, изложения боевых задач и иных распоряжений — немногословно, глубоко, исчерпывающе четко. Было ясно, что над всем высказываемым он много думал.

Забегая вперед, хочу сказать, что стилю командующего вполне соответствовал стиль работы штаба Донского фронта, с которым у нас быстро установилась — несмотря на трудности сообщения — хорошая связь. Возглавлял штаб фронта генерал-майор М. С. Малинин, человек с широким оперативным кругозором и сильным характером, воевавший вместе с Рокоссовским с лета сорок первого. А руководители армейской артиллерии Пожарский и Хижняков были тронуты заботливым вниманием со стороны командующего артиллерией фронта генерала В. И. Казакова.

К моменту перехода в состав Донского фронта в списках 62-й армии числились шесть стрелковых дивизий — 13-я гвардейская А. И. Родимцева, 39-я гвардейская С. С. Гурьева, 45-я В. П. Соколова, 95-я В. А. Горишного, 138-я И. И. Людникова, 284-я Н. Ф. Батюка — и три стрелковые бригады (две из них, составлявшие Северную группу нашей армии и все еще разъединенные с ее главными силами, 3 января были переданы в 66-ю армию, с частями которой они уже больше месяца действовали бок о бок).

Если говорить о количестве людей в строю, то все наши дивизии были таковыми лишь по названию. Далеко

не из каждой получился бы полнокровный стрелковый полк. Но артиллерии (располагавшейся по-прежнему в основном за Волгой) они имели немало, близко к штатным нормам. Кроме дивизионных артполков в армии было четыре противотанковых.

Как мы поняли, Рокоссовский таким и представлял себе состояние армии. Располагал он, конечно, и данными о занимаемой нами территории, о том, насколько узка полоска берега, где 62-я армия выстояла и откуда теперь атаковала врага. Но одно дело просто знать, а другое — увидеть собственными глазами. К тому же командующий фронтом, уже побывав в двух других армиях, переходивших в его подчинение, имел возможность сравнить положение там и у нас, начиная с того, как выглядели армейские КП.

Своих впечатлений об этом К. К. Рокоссовский тогда, впрочем, не высказывал. Лишь много времени спустя я прочел в его книге «Солдатский долг»:

«Здесь все резко отличалось от обстановки, виденной нами в 64-й армии. Мы сразу почувствовали, что находимся на боевой позиции.

Командный пункт армии размещался у самой реки, его землянки были врыты в обрывистый песчаный берег. Стены и потолок блиндажа, в который мы зашли, были облицованы досками и фанерой, и все же песок просачивался отовсюду.

Конечно, не было здесь ни ковров, ни дорожек... Обстановка в полном смысле спартайская... КП находился от переднего края всего в нескольких сотнях метров. От разрывов бомб, снарядов и мин содрогалась земля, и песок, сыплясь сквозь щели, попадал нам за воротник».

А мы-то считали свой командный пункт у Банного оврага уже довольно прилично оборудованным... Давно ли обходились совсем примитивными землянками, размещали часть штаба на полузатопленных баржах! Тут же даже крохотной банькой обзавелись, где любители попариться отводили душу.

Рокоссовский и Телегин детально интересовались положением на различных участках армейской полосы, нашими нуждами, нашей оценкой противника. Все это подчинялось основной теме разговора с Чуйковым, Гуровым и мною — предстоявшим решительным действиям по лик-

видации окруженной неприятельской группировки. Наставало время для операции «Кольцо».

Первоначальные ее планы, естественно, претерпели изменения, поскольку менялись и обстановка, и состав привлекаемых сил. Неизменной оставалась общая идея — рассечь, расчленить окруженные фашистские войска, лишить их возможности внутреннего маневра и получения помощи по воздуху, что облегчило и ускорило бы все дальнейшее.

В операции должны были участвовать все семь армий Донского фронта (включая три, переданные из Сталинградского). Главный рассекающий удар наносила с запада 65-я армия генерал-лейтенанта П. И. Батова при поддержке соседних 21-й и 24-й армий. Вспомогательные удары планировались и с южной стороны котла, где его охватывали 57-я и 64-я армии, и с севера — в полосе 66-й армии.

Наша задача на первом этапе операции состояла в том, чтобы, продвигаясь навстречу 66-й, соединиться с нею и отсечь таким образом гитлеровские войска в северо-восточной части котла, куда входила территория Тракторного завода и «Баррикад» с их рабочими поселками.

Когда обсуждали возможные варианты развития событий, у командования фронта возникал и такой вопрос: а что будет, если под натиском наших главных сил, атакующих с запада, вся масса окруженных немецких войск шарахнется на восток, к Волге? Сможет ли 62-я армия их сдержать?

На это мы отвечали твердо: если уж Паулюс не сбросил нас в Волгу в сентябре или в октябре, то теперь ему не продвинуться на восток и на десять шагов. Помнится, Василий Иванович Чуйков привел бывшее тогда в ходу определение, что перед нами уже не армия на позициях в обычном смысле, а скорее огромный, надежно оцепленный лагерь пленных. Только пока еще вооруженных...

В этих словах не было бахвальства. Просто существовала общая уверенность, что гитлеровцам не вырваться из котла ни так, ни этак. А насчет того, что враг еще способен на яростное сопротивление, мы не заблуждались.

Кстати, сложившаяся раньше оценка численности окруженных войск противника вызывала все большие сомнения. Об этом в штабе много спорили. Мнения, что гит-

леровцев в котле может оказаться гораздо больше, придерживался начальник разведотдела полковник Герман. К сожалению, доказательно подтвердить свою точку зрения он еще не мог.

Штаб Донского фронта исходил пока из того, что окруженная группировка насчитывала в начале января 75—90 тысяч солдат. Действительный ее состав, как потом выяснилось, превышал это число примерно втрое. Спасти армию Паулюса это не могло. Но чтобы довести дело до конца, понадобилось больше времени, больше усилий, чем тогда думалось.

Операция «Кольцо» была еще раз ненадолго отсрочена: перенесена с 6 на 10 января. Как дошло до нас — из-за задержки со средствами усиления для войск, наносивших главный удар.

В первых числах января отпустили на несколько дней стоявшие уже давно сильные морозы. Стало пасмурно, сыро, по утрам туманно. Дни эти, если просмотреть данные о наших потерях, могут показаться затишными и в боевом отношении: за иные сутки убитых бывало всего десять — пятнадцать человек.

Но борьба за отдельные здания, опорные пункты и другие выгодные позиции не прекращалась ни на час. О новых успехах своих штурмовых групп не раз докладывал командир 284-й стрелковой дивизии Батюк. Продвинулись его подразделения не намного, но ведь это на Мамаевом кургане! То, что противник лишился там нескольких наблюдательных пунктов с широким обзором, ощутила вся армия.

А севернее, на участке 45-й дивизии Соколова, перешло в наши руки массивное четырехэтажное здание главной конторы «Красного Октября» с примыкающими к нему строениями.

Бои за заводскую контору велись с конца декабря. Ни минометы, ни гранаты, ни бутылки с зажигательной смесью не помогли проложить путь внутрь здания, а подложить взрывчатку противник не давал. Нужны были два-три прямых попадания в стены тяжелыми снарядами и не слишком высоко от земли. А артиллерия за Волгой, и по законам рассеивания получалось, что для обеспечения этих попаданий с такого расстояния надо выпустить чуть

ли не полторы сотни снарядов. Как ни укрывай своих людей, риск большой... А отвести их подальше означало потерять отвоеванные уже позиции.

Однако полковник Соколов верил, что можно свести риск к минимуму. Он советовался и со мною и с командармом, детально обсуждал задачу с командиром батареи, которому решил ее доверить. И тот обошелся семнадцатью выстрелами, положив два снаряда точно в цель. Этого хватило, чтобы штурмовые группы ворвались на первый этаж здания. С остальных этажей фашистов выбили уже довольно быстро.

Это произошло 8 января. В тот день советское командование, завершая подготовку к штурму котла с окруженными немецкими войсками и стремясь избежать напрасного кровопролития, направило Паулюсу ультиматум — прекратить бессмысленное сопротивление и капитулировать.

В документе, который подписал вместе с К. К. Рокоссовским находившийся на Донском фронте в качестве представителя Ставки генерал-полковник артиллерии Н. Н. Воронов, сдавшимся офицерам и солдатам противника гарантировались жизнь и безопасность, нормальное питание (раненым и обмороженным — немедленная медицинская помощь), а после окончания войны — возвращение на родину. Пленным сохранялись военная форма, знаки различия и ордена, личные вещи, а высшему командному составу, кроме того, и холодное оружие. Словом, было проявлено такое рыцарское благородство и предоставлялись такие льготы, на какие гитлеровцы, честно говоря, не имели никакого права рассчитывать.

Советские парламентеры — смелые офицеры-добровольцы — дважды, на севере и на юге фронта окружения, пытались передать это послание в руки представителей командования 6-й немецкой армии. В одном случае их обстреляли, не дав приблизиться к немецким позициям, в другом — встретили, разговаривали с ними, но принять пакет отказались.

Впрочем, содержание ультиматума дошло не только до командования окруженной группировки, но и до многих ее солдат — через листовки, сброшенные с самолетов, и радиопередачи. Отвергнув гуманное предложение, которое спасло бы жизнь многим тысячам его подчиненных, Фридрих Паулюс показал, что к принятию разумного са-

мостоятельного решения он не готов и ослушаться своего фюрера еще не смеет.

И события пошли так, как они должны были после этого пойти. 10 января в 8.05 утра начальник связи доложил, что радистами принят условный сигнал «555» (он передавался по всем радиосетям Донского фронта). Одновременно аппараты полевого телеграфа отстукали пароль «Родина». Операция «Кольцо» началась.

Армии, переходившие в наступление, насчитывали 39 стрелковых дивизий и 10 стрелковых бригад, имели более шести с половиной тысяч орудий и минометов (без 50-миллиметровых), свыше 250 танков. С воздуха пехоту могли поддержать триста боевых самолетов.

В ударную группу нашей армии были включены дивизии Батюка, Гурьева, Соколова, Горишного и 92-я стрелковая бригада. Их поддерживали восемь артиллерийских полков и два гвардейских минометных. Переправленные по ледовой дороге из-за Волги истребительно-противотанковые артполки РГК заняли огневые позиции на территории «Красного Октября», на Черноморской и Стрелковой улицах.

Прибыл на правый берег также еще один дивизион «катюш», поставленных на шасси легких танков Т-60. За их переправу пришлось поволноваться: дорога была ненадежной, лед местами проламывался. Но саперы очень быстро перекрыли самый опасный участок 30-метровым мостом.

Мы готовились ввести в наступление и две остальные наши дивизии — Родимцева и Людникова. Однако все соединения были малочисленными, армия в целом имела в боевом строю всего около шести тысяч человек. Это означало, что и теперь предстоит атаковать противника главным образом небольшими штурмовыми отрядами.

Котел с окруженными фашистскими войсками, основательно поджатый за семь недель, в начале января был все еще большим. От его восточного края до западного, от Волги до Казачьего кургана, где размещался командный пункт Батова, — не меньше 45 километров по прямой. С запада советским танкам и пехоте расчищали путь две тысячи орудий, много полков «катюш». Они обрабатывали полосу прорыва 55 минут. Сделала свое дело и авиация.

После этого ударные группы 65, 21 и 24-й армий без задержки преодолели первую линию неприятельской обороны. К исходу дня армия Батова врезалась в расположение противника на глубину до пяти километров. И значит, на столько же приблизилась к нам.

Об этом мы узнали, впрочем, не сразу. И я, как и раньше, не пытаюсь дать читателю полную картину событий на всем фронте окружения. О действиях других армий говорю лишь то, о чем не сказать нельзя.

Наша же ударная группа смогла продвинуться за день всего на сотни метров. Да и это далось тяжело. Горишный вышел на улицу Стендаля, Гурьев продвинулся по Угольной, Соколов вел бои на Самаркандской и Дарьяльской. На Мамаевом кургане подразделения дивизии Батюка отвоевали лишь 75—100 метров, но эти метры были особенно дороги: тут оставалось сделать еще одно, буквально последнее усилие, чтобы добраться до водонапорных баков.

Борьба за высоту 102 шла уже четыре месяца. Немцам никогда не удавалось овладеть ею полностью. Ни на один день не прекращались бои на ее скатах. Мы сохраняли армейские НП и на северном плече кургана, откуда просматривался весь заводской район, и на южном — для наблюдения за центром города. До одного было от командного пункта километра полтора, до другого — почти вдвое ближе. На эти НП, прикрытые дотовскими защитными колпаками, которые изготовлялись в свое время на Тракторном, частенько поднимался командарм. Ходил туда и я, когда для понимания обстановки начинало не хватать карты и появлялась потребность сличить ее с натурой. Редкий день не забирался туда, надев поверх генеральского кителя солдатский ватник, командующий артиллерией Пожарский.

Но наблюдательные пункты противника находились пока выше наших, и это давало ему немалые выгоды. А в двух массивных баках-башнях, господствовавших над западными склонами, немцы долго сидели как в маленьких крепостях.

Николай Филиппович Батюк как-то признался, что баки не дают ему покоя даже во сне. Особенно после того, как он чуть не взял их в конце ноября (в один врывалась тогда штурмовая группа, однако закрепиться там не смогла). Но теперь-то уж терпеть немцев в баках и вообще

на вершине Мамаева кургана — на фланге наших войск, наступающих с территории «Красного Октября», было больше нельзя. И Батюку не требовалось этого объяснять.

Из водонапорных баков гитлеровцев выбили подразделения 1043-го и 1045-го стрелковых полков на второй день январского наступления. Как и при овладении большинством неприятельских опорных пунктов, дело решил жестокий гранатный бой. До конца дня противник предпринял шесть безуспешных контратак. Баки остались у нас, и уже окончательно. Это открывало путь на западные скаты огромного кургана.

Однако за самую его вершину, за главный из двух венчавших ее горбов, пришлось драться еще несколько дней — до 16 января, когда со всех рубежей армии (а в бинокли, вероятно, и из-за Волги) увидели водруженный там красный флаг.

Штурма вершины в обычном смысле не было. Двинуть здесь в атаку батальон или даже роту означало бы иметь лишние потери. Багюк, обуздав свое нетерпение, проявил спокойную расчетливость. Вершину отвоевывали у врага пядь за пядью, окоп за окопом сорок бойцов, одетых, как разведчики, в белые маскхалаты и разделенных на мелкие штурмовые группы. Приданные им пять орудий вступали в действие по условным сигналам и, меняя позиции, подавляли неприятельские огневые точки прямой наводкой. А последнее слово, как всегда, оставалось за гранатой.

Долгий упорный бой шел под ледяным ветром, на морозе, вновь достигавшем почти тридцати градусов, но передышки тут быть уже не могло. В числе тех, кто последними пали на вершине кургана, был комбат старший лейтенант Жидких. Его преемник стал пятым по счету командиром этого батальона за время боев на высоте 102.

Но курган курганом, а по общему плану операции «Кольцо» наша ударная группа, наступавшая из района «Красного Октября», уже должна была соединиться с продвигавшимися с севера частями 66-й армии, что сначала входило даже в задачу первого дня январского наступления.

Однако ни в первый день, ни в течение ряда последующих выполнить эту часть задачи не удалось. И ныне, доподлинно зная, какими силами располагал окружен-

ный противник, вряд ли можно сомневаться в том, что она была невыполнимой в такие сроки и при тогдашнем состоянии обеих армий — и нашей и 66-й.

К ударной группе присоединились дивизии Родимцева и Людникова. Армия, таким образом, участвовала в наступлении уже вся целиком. Но продвижение вперед попрежнему шло медленно — на двести — триста метров за день в центре вбиваемого во вражескую оборону клина, а на флангах — и того меньше. Немцы не переставали контратаковать, особенно на подступах к высоте 107,5, а также на западных склонах Мамаева кургана.

Контратаки ротой-двумя при поддержке одного танка (из семи фашистских танков, появлявшихся за эти дни на различных участках, пять мы подбили), конечно, ничего уже не могли изменить. Однако сдерживать наше наступление, ведущееся столь ограниченными силами, гитлеровцы еще были в состоянии.

Пополнение начало поступать и с ходу распределялось по дивизиям, но едва покрывало вновь возросшие потери.

Вот так — не рывком, который очень хотелось бы сделать напоследок, а отбивая у немцев дом за домом, квартал за кварталом, части 62-й армии стали выходить в заводском районе на западную окраину города.

Первыми достигли ее на узком участке Жмеринской улицы подразделения 45-й дивизии Соколова. Через деньдва, 17—18 января, на западную окраину Сталинграда пробились дивизия Родимцева и 92-я стрелковая бригада.

Вероятно, следует пояснить: речь идет лишь о южной части заводского района, где вслед за заводом «Красный Октябрь» был в основном очищен от врага жилой массив его рабочего поселка вплоть до загородной полосы лесопосадок. Севернее гитлеровцы удерживали и Тракторный, и бóльшую часть «Баррикад», а по другую сторону Мамаева кургана — основные кварталы центра.

И все-таки это значило немало — хоть в одном месте, примерно на трех километрах фронта, дошли от Волги до края города! Чтобы понять это, надо вспомнить, с каких исходных позиций армия начала наступать, какая узенькая, да и то не сплошная, полоска берега оставалась в наших руках в октябре — ноябре. Но все равно мучило, что не удается сделать большего.

На многих участках могли бы ускорить продвижение танки, но их у нас практически не было (и естественно, что фронт посылал их не туда, где выкуривали фашистов из городских развалин, а в поле, на оперативный простор). Артиллерии на правом берегу, правда, прибавилось. Как только плацдарм армии немного расширился, сюда взяли из-за Волги по дивизиону из артполка каждой дивизии. Выдвижение батарей на позиции в городе маскировали дымами. А чего стоило протащить тяжеловесные орудия по хаотическим руинам!

Когда артиллерия близко, пехоте веселее. Поддерживая ее, все калибры где только можно били прямой наводкой. Однако счет пройденному за день все еще велся на сотни метров, а иногда — только на десятки. С 10 по 20 января наша ударная группа продвинулась немногим больше чем на километр.

Не припоминается, однако, чтобы командование Донского фронта слишком ругало нас за то, что не имеем в наступлении бóльших успехов. Напротив, даже давали понять: тем, что сковали изрядную часть неприятельских сил, неплохо помогаем другим.

На остальных участках фронта окружения события развивались куда быстрее Срезав западный выступ занятой противником территории, советские войска отбросили его затем за Россошку, а на юге — за Червленую. Освобождены были уже и Карповка, и оба Рогачика — Старый и Новый, и Басаргино...

Из того, какие большие изменения вносила в обозначенную на карте обстановку каждая доходившая до нас сводка штаба фронта, явствовало, что местами наступление перерастает в преследование откатывающегося врага (откатывались фашисты на восток тем же путем, по которому так рвались к Волге, ибо никаких шансов прорваться на запад уже не имели). За семь-восемь дней площадь котла сократилась с 1400 до 600 квадратных километров — больше чем вдвое.

Только на линии бывшего внутреннего сталинградского обвода, иными словами — уже на ближних подступах к городу, гитлеровцы, успев организовать там оборону, смогли ненадолго задержать армии, наступавшие с запада и с юга. Дня три положение фронта почти не изменялось.

Производилась перегруппировка, подтягивались средства усиления для нового сокрушительного удара по упорствующему врагу. А 22 января мы узнали: наши уже в Воропонове! Это вторая от Сталинграда пригородная станция по направлению на Лихую. Читатель, вероятно, помнит, как четырьмя месяцами раньше, в сентябре, мы пытались не пустить туда немцев...

Бои шли под Александровкой, у Городища, у Гумрака... Пространство, удерживаемое противником, приняло форму неровно вытянутой полосы. Пока еще довольно длинная (с севера на юг — до тридцати километров), эта полоса местами настолько сузилась, что командование фронта отдало распоряжение прекратить налеты бомбардировщиков дальней авиации: с большой высоты легко было ошибиться и ударить по своим. А грузы, сбрасываемые с самолетов немецким войскам, начали попадать в наше расположение. В трофейных тюках были боеприпасы, продовольствие, канистры с горючим.

Из других армий Донского фронта мы должны были сомкнуться прежде всего с 66-й, продвигавшейся с севера. Потом обстановка стала складываться так, что первая встреча предполагалась с наступавшей с запада 65-й. Но на заключительном этапе операции «Кольцо» ближе всех к нам оказалась вырвавшаяся вперед (и усиленная к тому времени новыми соединениями) 21-я армия генерал-лейтенанта И. М. Чистякова.

Когда расстояние, разделявшее нас с нею, сократилось до трех с половиной километров, командующий фронтом К. К. Рокоссовский (несколько дней назад он стал генерал-полковником) приказал командармам 21-й и 62-й рассечь эту перемычку встречными ударами с запада на восток и с востока на запад. Это означало — рассечь надвое и окруженную группировку противника.

К тому времени существовали уже более правильные представления о том, сколько гитлеровцев было в котле. Только в плен сдалось уже больше, чем числили мы не так давно во всей окруженной армии Паулюса. А сколько потеряла она убитыми!.. И еще десятки тысяч немецких солдат — так считали теперь фронтовые разведчики, и это оказалось верным — оставались в строю.

По мере того как все это выяснялось, у штаба фронта еще не раз возникал вопрос, который задавался нам при посещении армии Рокоссовским: а что, если сохранившие

боеспособность части противника, не выдержав натиска превосходящих сил с запада, ринутся на восток? Удержит ли их ослабленная, малочисленная шестьдесят вторая?

Мы, как и прежде, отвечали уверенно: свои позиции удержим при любых обстоятельствах, с них нас не сбить никому.

А вот что касается нашего встречного удара с востока для соединения с армией Чистякова, то он не мог, конечно, идти в сравнение с ее ударом с запада. Оттуда прокладывали путь пехоте десятки советских танков. С нашей же стороны вгрызались во вражескую оборону, отвоевывали дом за домом штурмовые группы. Из трех с половиной километров они смогли пройти совсем немного. Остальное преодолели авангарды 21-й армии.

Встреча произошла утром 26 января. Отпустив кого можно на Мамаев курган (кажется, не было человека, который в то утро туда не рвался), сам я остался на КП.

Штабисты 284-й дивизии Батюка уже находились на наблюдательных пунктах высоты 102 круглые сутки. На переднем крае у Батюка и у Родимцева, дивизия которого после январской перегруппировки стала уже не левым, а правым соседом 284-й, держали наготове опознавательные знаки. В обусловленный час разожгли костры. В ответ прорезали сумрак серенького зимнего утра красные ракеты — видят, поняли!

Атаку с западной стороны части 21-й армии начали на рассвете без артподготовки. Не вели ее и мы — слишком малое расстояние разделяло сближающиеся войска. Родимцев двинул в последнюю атаку 34-й гвардейский полк подполковника Панихина. Потом Александр Ильич Родимцев рассказывал: «Все комбаты — в первых шеренгах. Разве тут удержишь?» В те дни нашим частям редко где удавалось сделать даже небольшой рывок с ходу. Но здесь удалось. Гвардейцы ворвались в неприятельские траншеи...

С НП на Мамаевом у меня была прямая связь. Доклады о том, что оттуда наблюдается, поступали непрерывно. И вот наконец я услышал:

— Видим наши танки! Тридцатьчетверки!.. На головной машине красный флаг!

За танками двигалась пехота. Это были подразделения двух стрелковых полков 52-й гвардейской дивизии полковника Н. Д. Козина. Как после выяснилось, в атаке участвовали даже офицеры полковых штабов, много бойцов тыловых служб — конечно, добровольцами. А тридцатьчетверки, возглавившие атаку, принадлежали 121-й танковой бригаде подполковника М. В. Невжинского, приданной армии Чистякова из фронтового резерва.

Атакуемые с двух сторон, гитлеровцы заметались, не зная, видно, куда податься — на север или на юг, хотя и там и тут их ждало одно и то же.

В 9.30 по московскому времени на участке 34-го стрелкового полка 13-й гвардейской дивизии — между поселком «Красный Октябрь» и отрогами Банного оврага, примерно в полутора километрах севернее Мамаева кургана — две армии сомкнулись. И минута, зафиксированная штабными операторами, перешла с рабочих карт на страницы самой истории, чтобы уже никогда не забыться.

Почти одновременно еще один полк дивизии Родимцева, действовавший севернее, встретился с другой наступавшей нам навстречу дивизией — 51-й гвардейской. Немного позже, в 11.30, на западных склонах Мамаева кургана сомкнулась с частями 21-й армии и дивизия Батюка. В честь этого у водонапорных баков (совсем недавно отбитые у гитлеровцев и еще сегодня служившие опорным пунктом близ переднего края, они оказались уже почти в тылу) состоялся митинг.

Митингами, часто стихийными, отмечались и другие встречи. В районе поселка «Красный Октябрь» дивизии Родимцева и Гурьева вступили в контакт с авангардом 65-й армии — с ее 233-й дивизией, командир которой генерал-майор И. Ф. Баринов начинал Сталинградскую битву в нашей шестьдесят второй (я писал о том, в какой обстановке мы познакомились в августе у Дона). За два-три часа участок, где перед нашими войсками больше не было противника, расширился до нескольких километров.

Митинги были короткими. Обстановка требовала форсировать дальнейшие действия по ликвидации фашистских войск, расчлененных теперь на две изолированные группы. В 12 часов мы, согласно приказу фронта, начали разворачивать свои основные силы (практически — всю армию, кроме дивизии Батюка) против северной неприя-

тельской группы, которую с других направлений сжимали 65-я и 66-я армии.

Как уточнилось потом, северная группа состояла из остатков двенадцати фашистских дивизий. Она занимала территорию, включавшую Тракторный завод, бóльшую часть завода «Баррикады», их рабочие поселки, местность по правому берегу Мокрой Мечетки.

Вторая, южная группа (остатки девяти дивизий, с которыми находилось командование 6-й немецкой армии) была блокирована теснее, в основном в пределах центра города — зацарицынские районы уже очистила от врага 64-я армия М. С. Шумилова. Ликвидация южной группы возлагалась на 64, 57 и 21-ю армии. В помощь им поворачивалась фронтом на юг наша 284-я дивизия с задачей продвигаться от Мамаева кургана к центру Сталинграда.

За полмесяца, прошедшие с начала операции «Кольцо», окруженные фашистские войска потеряли убитыми, ранеными и пленными не менее 100 тысяч человек. Положение двух разобщенных групп армии Паулюса, сколько бы солдат там ни оставалось, было абсолютно безнадежным. Даже снабжение по воздуху, не игравшее, впрочем, решающей роли, теперь должно было окончательно прекратиться. Но Гитлер требовал от Паулюса держаться до последнего солдата, и тот продолжал обманывать остатки своих войск вымыслами о будто бы идущей откуда-то помощи. Наши повторные предложения о капитуляции отвергались.

В таком же духе, по-видимому, намеревался действовать и командир 11-го армейского корпуса генерал пехоты Штреккер, которого Паулюс (это вскоре стало нам известно) назначил командующим отрезанной северной группой.

Приказы гитлеровских генералов, правда, уже не везде и не для всех имели прежнюю силу. Еще до рассечения окруженной группировки надвое армиям Донского фронта начали сдаваться, прекращая бессмысленное сопротивление, отдельные части противника — организованно, с ведома или по инициативе своих командиров. Так капитулировали 20-я румынская дивизия, остатки 297-й, а затем 44-й немецких пехотных дивизий, армейский полк связи...

Первый случай такого рода, хотя и меньших масштабов, имел место и в полосе нашей армии. Разведчики из дивизии Батюка захватили немецкого комбата, направлявшегося на передовой наблюдательный пункт, и тот без долгих уговоров согласился подать команду о капитуляции своим подчиненным: стал махать им белой тряпкой. Вместо одного «языка» разведчики привели несколько десятков немцев. Потом этот комбат охотно позировал нашим кинооператорам, маршируя во главе колонны пленных (к солдатам его батальона присоединили сдавшихся на других участках) по берегу Волги.

Понадобилось полтора года войны, чтобы в гитлеровском вермахте появились такие комбаты.

Все чаще я слышал, особенно от офицеров, занимавшихся по долгу службы опросом пленных: «Теперь немцы пошли не те...» Однако соглашаться с этим все-таки не спешил. Конечно, сталинградская катастрофа, наступавший ее финал должны были заставить о многом призадуматься всех тех в стане врага, кто не утратил еще способности думать. Да и сидеть на голодном пайке, терпеть невзгоды окружения гитлеровские вояки, как видно, не привыкли. При всем этом оставалось непреложной реальностью: окончательно сломить сопротивление противника могли лишь новые удары, новые героические усилия наших войск.

О самых последних днях Сталинградской битвы написано уже много, и я стараюсь не повторять общеизвестное. Быть здесь кратким позволяет мне и то, что главную силу, завершавшую разгром врага, представляли другие армии Донского фронта. Но сказать о том, как сражались в эти славные и трудные дни знакомые читателю дивизии нашей шестьдесят второй, я обязан.

После поворота основного ядра армии фронтом на север нашим полем боя стала прежде всего территория завода «Баррикады» и его поселка с парком Скульптурный. Обстановка здесь была такая же, как раньше на «Красном Октябре», а сопротивление противника, пожалуй, еще ожесточеннее. Бой — за каждый пролет, враг — за каждым станком и агрегатом. Во многих местах выручали только огнеметы. А очистив какой-нибудь цех, надо было еще выбивать фашистов из подвалов.

27 января штурмовые группы только начали вгрызаться в оборону противника на «Баррикадах». 28-го продвинулись уже более ощутимо — на 300—700 метров. Бойцы дивизии Горишного ворвались в крупный, выгодно расположенный цех № 32 в юго-восточной части завода, отбили в нем две неприятельские контратаки, а при третьей не удержались. Однако следующей ночью овладели этим цехом снова, и теперь уже прочно.

Такая же напряженная борьба шла за хлебозавод, за школу в полосе дивизии Гурьева, за другие опорные пункты. Гвардейцы Родимцева пядь за пядью отвоевывали северные склоны высоты 107,5. Крайне упорный характер носили бои и на нашем «южном направлении», где наступала дивизия Батюка.

На ряде участков нам существенно помогла авиация. В Сталинграде — и это относится, конечно, не только к тем дням, о которых я веду речь сейчас, — питали особенно теплые чувства к летчикам-ночникам. Из общего числа вылетов на поддержку 62-й армии на их долю приходилась добрая половина, а иногда и больше. И даже когда противник господствовал в воздухе — так было еще совсем недавно, — ему редко удавалось не подпускать к цели легкие ночные бомбардировщики.

Прилетали они и поодиночке, и парами, и звеньями (тогда два самолета бомбили основную цель, а третий подавлял зенитки и прожектора). Чтобы сбросить бомбы точнее, снижались, планируя, до нескольких сотен метров. Причем приспособились брать бомб втрое больше того, что считалось нормой.

В наиболее напряженное время маленькие У-2 (в 8-й воздушной армии ими командовал полковник Кузнецов) совершали за ночь по 10—12 боевых вылетов. Мы знали, что уставших или раненых летчиков нередко заменяли командиры авиаполков Столяров, Овидов, политработники. Превосходно ориентируясь в сталинградских руинах, экипажи ночных бомбардировщиков взаимодействовали с наземными частями настолько тесно, что, по существу, превращались из поддерживающей силы в прямых участников городского боя.

Они могли полоснуть врага пулеметной очередью, могли «подвесить» САБы именно над тем кварталом или заводским цехом, который требовалось в данный момент осветить. Подобно бойцам штурмовых групп на земле,

пилоты и штурманы У-2 запасались ручными гранатами: запихивали их куда только можно в своих кабинах, засовывали в карманы. Гранаты летели на головы гитлеровцев вслед за бомбами.

В январе 8-я воздушная армия действовала уже на другом фронте. Нас, как и остальные армии Донского фронта, поддерживала 16-я воздушная под командованием генерал-лейтенанта Сергея Игнатьевича Руденко, бывшего заместителя Т. Т. Хрюкина. Советских самолетов давно уже стало у Волги гораздо больше, в том числе новейших. Наша авиация сыграла большую роль в срыве всех попыток противника деблокировать армию Паулюса, не позволила доставлять ей питание по «воздушному мосту». Под конец операции «Кольцо» у летчиков появилась еще такая забота: не допустить, чтобы ускользнули воздушным путем из котла сам Паулюс и его штаб. Но как ни изменилась обстановка в целом, как ни подорваны были силы врага, не утрачивала значения и непосредственная авиационная поддержка пехоты, штурмующей удерживаемые гитлеровцами кварталы.

Неприятельская оборона оставалась жесткой, плотной. Фашисты цепко держались за каждый укрепленный дом, и, чтобы сломить это отчаянное сопротивление обреченных, требовалось и выдвижение тяжелых орудий на прямую наводку, и пламя огнеметов, и новые бомбовые удары с воздуха.

Артиллерию, нашу главную огневую силу, использовали в эти дни так: перед началом атак — сильный 30-минутный налет по всей занимаемой противником площади завода «Баррикады», а затем — поддержка артогнем пехоты в пределах участков, предназначенных к очищению от врага сегодня. И тут уж управление огнем, как и всем боем, — обязательно с переднего края. На «Баррикадах» наступали три дивизии, и важно было не помешать соседу, не допустить никакой путаницы, неточности. Все комдивы, а тем более командиры полков находились на передовых НП.

— Да когда ж они, черти, начнут сдаваться? Кажется, пора бы! — вырывалось то у одного, то у другого в нашем штабе.

Действительно, немцам, во всяком случае тем, кто хотел остаться в живых, пора было складывать оружие. Однако пленных мы имели пока мало (с 10 по 27 января —

всего 139 человек), во много раз меньше, чем другие армии Донского фронта.

Наверное, в этом была своя логика. Борьба, которая месяцами шла на наших сталинградских рубежах, доходила до крайней ожесточенности. Удивительно ли, что гитлеровцы боялись сдаваться бойцам шестьдесят второй, не смели ждать от них пощады? Хотя истреблять неприятельских солдат или офицеров после того, как они подняли руки, никто, разумеется, не собирался.

При продолжавшемся сопротивлении основной массы гитлеровцев (кое-где оно обеспечивалось, как установила наша разведка, присутствием на переднем крае и в опорных пунктах полевой жандармерии), мы начали в конце концов сталкиваться с явлениями довольно необычными. Думается, их в равной мере обусловили как наш нажим на врага, так и активная пропаганда с использованием всех наличных технических средств.

Чтобы быть точнее, сошлюсь на хранящиеся в отделе рукописных фондов Института истории Академии наук СССР воспоминания начальника отделения политотдела армии А. П. Шелюбского, у которого концентрировались все сведения об этих примечательных фактах. Он рассказывает о таком, например, случае.

Однажды ночью на голос нашего «рупориста» лейтенанта Гурвича вышел ефрейтор из 100-й немецкой легкопехотной дивизии. «Рус, я плен!..» — произнес он. Однако ефрейтор хотел сдаться не только сам. Он объяснил: если его отпустят обратно и он сможет доверительно сообщить кое-кому из товарищей, что побывал у русских и остался невредимым, то придут и другие.

Ефрейтору поверили: риск был невелик. По его просьбе установили пароль: «Харьков» — чтобы знать, кто придет «от него». Следующей ночью приползли два немецких солдата, потом еще четверо. Последним — это было уже 30 января — воспользовался тем же паролем офицер в чине капитана. Ему, как он заявил, стало известно, что один ефрейтор «вербует в русский плен», и капитан признал за благо, пока не поздно, «завербоваться» тоже. Сам ефрейтор больше не появлялся. Можно предположить, что кто-то его выдал и последовала расправа...

Александр Павлович Шелюбский вспоминает еще нескольких немецких солдат, ставших «проводниками в плен». Один привел за четыре «рейса» десятерых своих

товарищей. Другой — шофер командира пехотного полка — переходил линию фронта туда и обратно десять раз, неизменно возвращаясь с очередной группой сагитированных им солдат и офицеров.

Те гитлеровские солдаты, которые, попав в сталинградскую катастрофу, искали спасения не только для себя, но и для своих соотечественников, вели себя как люди в какой-то мере прозревшие...

Из двух изолированных групп, на которые были расколоты 26 января окруженные фашистские войска, покончить удалось сперва с южной.

Утром 31-го там произошло событие, известие о котором, опережая официальное сообщение, очень быстро дошло до нас, как, очевидно, и до остальных армий Донского фронта: сдался со своим штабом сам Фридрих Паулюс!

Пленение командования и штаба 6-й немецкой армии обеспечила 38-я мотострелковая бригада. О ней и ее командире Иване Дмитриевиче Бурмакове я говорил в предыдущих главах. Бригада, доблестно сражавшаяся в составе нашей армии, находилась после доукомплектования в резерве у командарма 64-й, который и ввел ее в бой 27 января как свежую ударную силу. Наступая от Царицы, Бурмаков пробился к площади Павших борцов и блокировал здание универмага, в подвале которого, как было уже выяснено, обосновался КП Паулюса. Отрезанный Бурмаковым от остатков своих войск, тот согласился наконец на переговоры о капитуляции...

Принять эту капитуляцию от имени советского командования выпало начальнику штаба 64-й армии генерал-майору Ивану Андреевичу Ласкину, моему дорогому товарищу по севастопольской осадной страде. Вот как обернулось-то дело! Полгода назад он с горсткой бойцов, оставшихся от его дивизии, стоял насмерть на Мекензиевых горах, надеясь, наверное, уже только на то, что сможет истребить еще сколько-то фашистов. А теперь ему сдавалось командование неприятельской армии, одной из сильнейших в германском вермахте.

Я был рад за Ласкина. И в то же время, не скрою, разделял какой-то частицей души испытанное многими у нас ревнивое чувство к этой удаче соседей. Кому в шесть-

десят второй не хотелось, чтобы армия, выдержавшая в Сталинграде главные удары врага, сама и захватила тут гитлеровских генералов, коль уж до этого дошло!..

Последнее убежище Паулюса находилось там, где наша армия вела бои в критические дни сентября. Теперь сюда продвигались с севера полки Батюка. Они достигли площади Девятого января и вокзала Сталинград-I. 21-я армия — сосед справа — поддержала Батюка пятью тяжелыми танками, но в самих полках 284-й дивизии было всего по нескольку сотен бойцов. Когда брали Центральную гостиницу, одну из штурмовых групп прикрывал с пулеметом начальник штаба полка капитан Питерский. Сражался и пал как герой агитатор полка капитан Ракитянский — в прошлом секретарь горкома партии из Сибири.

Та гостиница явилась последним в центре города крупным опорным пунктом врага, который пришлось штурмовать. Около полудня, когда Ласкин уже увез Паулюса в Бекетовку, в штаб 64-й армии, южная группа противника начала организованно складывать оружие.

— Подсчитываем пленных, — докладывал на исходе дня Николай Филиппович Батюк. — Сегодня наберем больше, чем за все время, сколько тут воюем. Сейчас один лейтенант со своим связным привели сразу целую сотню...

Но ни Батюк, ни кто другой не знали, что до конца дня будут у нас и пленные генералы — хватило их все-таки и на нашу армию!

...Комсорг полка связи Михаил Портер обследовал территорию, считавшуюся уже очищенной от противника, — хозяйственные связисты не упускали случая запастись трофейным кабелем. Его внимание привлек показавшийся из-под снега ярко-красный провод, который и вывел к замаскированному блиндажу.

С комсоргом были два бойца. Приказав им оставаться снаружи, он рывком отдернул полотнище, закрывавшее вход в блиндаж. Оттуда показался ствол автомата, но комсорг успел открыть огонь первым, и гитлеровец, появившийся перед ним, упал. Рядом кто-то щелкнул затвором, однако Михаил упредил короткой очередью и того. Больше стрелять не понадобилось — все, кто еще уцелел в блиндаже, подчинились команде «Хенде хох!».

Михаил Портер, рассказавший потом в штабе армии эти подробности, признавался, что у него в первое мгно-

вение зарябило в глазах: в блиндаже горела электрическая лампочка, очевидно от аккумулятора, а вставшие перед ним офицеры и генералы были в парадных мундирах, при орденах. Самый старший на вид генерал остался сидеть, держа в руках чашечку кофе.

Это оказался командир 51-го армейского корпуса генерал артиллерии фон Зейдлиц-Курцбах. Связисты набрели на штабной блиндаж входившей в его корпус 295-й пехотной дивизии. Командир дивизии генерал-майор Корфес и начальник штаба полковник Дессель также были тут. Почему-то занесло сюда и командира 4-го армейского корпуса генерала артиллерии Пфеффера.

Кто есть кто, выясняли, понятно, уже у нас в штабе. У комсорга полка связи была одна забота — отконвоировать всю эту компанию: с адъютантами и денщиками 16 человек. Между тем из соседних развалин грянули выстрелы — там еще сидел какой-то фашист. Один наш боец был убит, другой ранен...

Комсоргу пришлось построить пленных в круг и встать вместе с раненым бойцом посередине, прикрывшись таким образом от пуль. После этого выстрелы прекратились. Затем он приказал двум пленным нести раненого, а тому — не выпускать из рук оружия и глядеть в оба. Сданные генералами и офицерами пистолеты комсорг и раненый боец запихали себе за голенища. Денщики и адъютанты подхватили чемоданы с генеральскими пожитками, взяты были также собранные в блиндаже документы, карты.

Выбравшись из руин и овражков, где могли скрываться недобитые и невыловленные гитлеровцы, шли дальше по волжскому льду, вдоль берега. Уже в темноте прибыли в расположение армейского КП.

После того как разобрались, кого привел комсомолец-связист, и рассортировали пленных, старшие по рангу — три генерала и два полковника — предстали перед командармом Чуйковым.

В блиндаже у командующего находились Гуров, я, Васильев, в качестве переводчика — Шелюбский. Захват штаба неприятельской дивизии, кстати одной из тех, с которыми мы имели дело в течение всей Сталинградской битвы (да еще с командирами двух корпусов в придачу!), явился, разумеется, приятной новостью. Тем более что еще никому из нас не приходилось видеть сдавшихся в

плен гитлеровских генералов. И уже то, что дожили, довоевали до этого, кое-что значило.

Однако, честно говоря, само это зрелище особого удовольствия не доставило. Мундиры и ордена (у всех генералов были рыцарские кресты, а у Зейдлица — и с дубовыми листьями) не вязались с небритыми лицами, с растерянностью в глазах. Впрочем, наверное, иначе и не могли выглядеть военачальники, теперь уже — бывшие, которые, когда рухнула их оборона, а войска сдались, продолжали, неизвестно на что рассчитывая, сидеть в своем убежище.

И сами собою напрашивались слова, вырвавшиеся у Василия Ивановича Чуйкова:

— Какие ж вы генералы, если скопом сдаетесь одному нашему бойцу?

Ответа не последовало, да никто его и не ждал. Разговор, занявший около часа, вообще не был допросом пленных в обычном смысле. Ничего, что имело какую-либо ценность в оперативном отношении, эти генералы и полковники сообщить нам не могли: соединения, которыми они командовали, больше не существовали, вся территория, которую еще утром занимала южная группа фашистских войск, теперь была от них очищена... Наши вопросы касались того, что уже осталось позади. И если отвечать кто-то из них не хотел, мы не настаивали.

Из всех пятерых довольно словоохотливым оказался лишь генерал-майор Отто Корфес — «доктор Корфес», как он себя отрекомендовал. Другие отвечали односложно.

Нетрудно было заметить, насколько подавлен бывший командир 51-го армейского корпуса Зейдлиц. Впоследствии стало известно (сам он об этом ничего не сказал), что генерал Зейдлиц пытался еще в середине января убедить Паулюса принять предложение о капитуляции. Несколько месяцев спустя Вальтер фон Зейдлиц-Курцбах согласился возглавить возникший среди военнопленных «Союз немецких офицеров», который присоединился к антигитлеровской программе и манифесту образовавшегося еще раньше Национального комитета «Свободная Германия».

Под конец Чуйков разрешил пленным задать вопросы ему. Кто-то спросил, что их ждет дальше. Получив краткое разъяснение условий содержания в плену, все удовлетворенно и, кажется, с облегчением закивали.

Потом генерал Пфеффер (старшим из пленных оказался он, прослуживший в вооруженных силах Германии сорок с лишним лет) попросил, если это возможно, сообщить, где находился командный пункт 62-й армии до 19 ноября — на правом берегу или за Волгой. Чуйков назвал точное место КП. Пфеффер произнес сквозь зубы:

— Сожалею, что мы не верили своей разведке...

Пленных отправили в штаб фронта. Сопровождать их выпало старшему лейтенанту Семикову. Генералы проявили при посадке в машины большую озабоченность тем, как бы не пропали их чемоданы.

Комсомолец Михаил Портер был награжден орденом Ленина. Командарм присвоил ему звание младшего лейтенанта. Парень был из Керчи. В год Сталинградской победы ему исполнялось двадцать лет. А повоевать уже успел и под Одессой, и в Крыму.

В центральной части города, к югу от Мамаева кургана и армейского КП, стало тихо. Автоматные очереди или разрывы гранат, доносившиеся из отдельных кварталов или оврагов, в счет не шли. Это приводились в чувство, а если не помогало — истреблялись обнаруженные при прочесывании местности последние фашисты, не сложившие еще оружия.

Но северная группа противника, значительно более крупная, чем южная, и удерживавшая гораздо большую территорию, продолжала упорствовать. Дать ей приказ о капитуляции Паулюс отказался. О том, что сам он и вся южная группа сдались, командованию северной было сообщено по радио и прочими доступными средствами. Из многих точек переднего края вещали об этом наши «рупористы» (журнал боевых действий напоминает: в течение 31 января — 87 передач на противника, в том числе два выступления пленных). Допускаю — не все немцы были в состоянии сразу поверить тому, что они слышали. Так или иначе, в заводском районе не прекращались упорные бои.

Насколько трудно давалось нам тут продвижение вперед, можно видеть из плана боевых действий армии на 31 января. Вот какие ограниченные задачи приходилось ставить основным соединениям:

— дивизия Горишного с приданными батальонами 92-й стрелковой бригады, используя цех № 32 как исходную позицию, выходит в центральную часть завода «Баррикады» и на улицу Прибалтийскую;

— дивизия Соколова с одним полком 13-й гвардейской, атакуя противника в юго-западной части «Баррикад», соединяется правым флангом с частями Горишного и тем самым завершает окружение узла сопротивления на Стальной улице — хлебозавода;

— дивизии Родимцева и Гурьева, действуя совместно, выходят на Центральную улицу...

Даже на крупномасштабном плане города такое продвижение выглядит незначительным. И могу добавить, что не все намеченное удалось за день выполнить. Гвардейцы Гурьева смогли, например, пробиться на Центральную улицу лишь на следующие сутки.

Дабы ускорить разгром несдающегося врага и избежать лишних потерь с нашей стороны, командование фронта подготовило на утро 1 февраля огневой налет особой мощности — настоящую огненную бурю.

По общему фронтовому плану действовала и артиллерия нашей армии. Но две армии, охватывавшие северный котел с других направлений, особенно 65-я армия Батова, располагали гораздо большей ударной силой. Как засвидетельствовал в своих воспоминаниях маршал артиллерии В. И. Казаков, на 6-километровом участке к западу от заводского района было сосредоточено более 170 стволов на километр — по тем временам плотность просто небывалая.

Могучий удар артиллерии и «катюш» подкрепили бомбардировщики и штурмовики 16-й воздушной армии. «Ну, теперь уж все!» — слышал я и по телефону с наших НП, и от товарищей по штабу, выходивших осмотреться на выступ береговой террасы.

Концентрация огня действительно была из ряда вон выходящей. К северу от «Красного Октября», в направлении «Баррикад» и Тракторного, все клокотало от несчетных разрывов. И в последующие часы командование северной группы противника, по-видимому, начало терять контроль над своими войсками. Вопрос о капитуляции отдельные части решали самостоятельно. На некоторых участках немцы выкинули белые простыни сразу после 15-минутного огневого налета.

Но об этом мы узнали потом. Перед фронтом нашей армии ничего такого пока не происходило. В плен сдавались, однако, еще не гуртом: за весь день — 116 человек. Так что говорить «теперь уже все» оказалось рано. Армии в целом 1 февраля удалось отвоевать лишь чуть-чуть больше пространства, чем накануне. Правда, уже меньшей кровью. Наши потери — 42 убитых, 105 раненых — были наименьшими за много дней.

Решение командарма на 2 февраля гласило: «Продолжать наступление, выполняя прежнюю задачу...»

Из центра города (там делать больше было нечего) к «Баррикадам» перебрасывалась дивизия Батюка. Утром ей предстояло атаковать противника в направлении Арабатской и Трамвайной улиц, слева от дивизии Соколова. У Соколова к исходу дня оставалось немногим больше четырехсот штыков, но вечером подоспело из-за Волги пополнение. Хоть и невеликое числом, оно очень обрадовало комдива: возвращались в строй — быть может, к последнему сталинградскому бою — «старые щорсовцы», ветераны 45-й стрелковой, раненные в ноябре — декабре.

Стали поступать и крупные подкрепления. Командование фронта подчинило нам 298-ю стрелковую дивизию и 51-ю гвардейскую из состава 21-й армии. От других соседей были переданы на усиление 62-й армии танковая бригада и гвардейский танковый полк.

В последнее время мы практически не имели танков. Сам ввод их в бой в заводском районе, изобиловавшем всякого рода препятствиями и особенно минами, был делом непростым. Помогли прибывшие подразделения инженерно-минной бригады фронтового подчинения. Они обшарили буквально каждый квадратный метр между исходными позициями танков в районе Химической улицы и неприятельским передним краем. Выделялись и минеры для сопровождения машин в бою. Подготовка, законченная в ночь на 2 февраля, обеспечивала поддержку пехоты танками на участках, которые мы считали завтра решающими.

Прибывали также новые истребительно-противотанковые и просто противотанковые артполки, освободившиеся после ликвидации южного котла. Командарм смог придать по полку и Батюку и Соколову. Танков у немцев уже почти не было, во всяком случае — двигающихся, и эта добавочная артиллерийская сила предназначалась

прежде всего для сокрушения прямой наводкой вражеских укреплений.

Скажу, впрочем, сразу — не все, чем разбогатела наша армия, успело вступить в действие. Это относится и к новым стрелковым частям, и к артиллерии. «Готовность на указанных огневых позициях к 15.00 2 февраля», — значится в боевом распоряжении командующего артиллерией командиру артполка, прибывшего одним из последних. Назначить более ранний срок Пожарский не мог — не управились бы. А в 15.00 ни для этого артполка, ни для других уже не было целей.

Утром 2 февраля я проводил Василия Ивановича Чуйкова и Кузьму Акимовича Гурова на передовой наблюдательный пункт, развернутый в полуразбитом здании главной конторы «Красного Октября». Начальнику штаба, как водится, полагалось оставаться на армейском КП. Но при той стремительности, с какой начали развертываться события, которые все равно ниоткуда не охватить взглядом, моя позиция рядом с основным узлом связи была, пожалуй, не худшей.

Если сутки или даже полсуток назад трудно было предсказать, сколько еще продержится северная группа 6-й немецкой армии, то в утренние часы 2 февраля стало ясно: сегодня все должно кончиться. Вчерашний могучий удар всей артиллерии фронта, помимо своего непосредственного, так сказать, физического воздействия на врага, очевидно, основательно деморализовал окруженных гитлеровцев. За ночь как бы сработал некий заряд замедленного действия, и утром опытные командиры поняли по общему поведению противника — такого сопротивления, как до сих пор, уже не будет.

Быть может, быстрее других почувствовал это Батюк. Сам он потом говорил, что просто не мог сдержать рвавшихся вперед людей. Во всяком случае 284-я дивизия пошла в атаку на полчаса раньше, чем было назначено. Своей артиллерии опасаться не приходилось: артподготовка предусматривалась только по видимым целям, прямой наводкой, и все это было у комдива в руках.

Первые час-полтора немцы местами еще вели довольно сильный огонь. Но подниматься в контратаки уже не пытались. И долго выдерживать наш натиск не смогли

больше нигде. Части Батюка почти без задержек дошли на своем участке до западного края заводской территории «Баррикад». Вскоре после полудня выполнила поставленную ей задачу дивизия Соколова. Уверенно продвигались вперед разбитые на мелкие боевые группы дивизии Горишного, Родимцева, Людникова...

Рушилась вся неприятельская оборона. Выбитые из хлебозавода, из укрепленного здания школы, из опорных пунктов в цехах, в бане рабочего поселка, гитлеровцы стали отходить на север и северо-запад.

Это представлялось абсурдным: отходить им было некуда. Навстречу нам наступали две другие армии, о чем не мог не знать любой немецкий солдат. И все-таки нашим подразделениям сдавались где десятки, где сотни, а тысячи устремлялись в противоположные углы сжимавшегося котла. Из сорока с лишним тысяч солдат и офицеров северной группы, сложивших оружие за два последних дня, нашей армии сдалось немногим больше тысячи.

Из дивизий потоком шли донесения о пройденных промежуточных рубежах, об окружении приметных, служивших ориентирами зданий, о сдаче или уничтожении их гарнизонов, о захваченных трофеях... И все чаще кто-нибудь — тут уж не справляясь со своими чувствами — восторженно кричал в трубку полевого телефона, что в таком-то месте — за «Баррикадами», в рабочих поселках, на территории Тракторного — такой-то наш батальон встретился с такой-то частью 65-й или 66-й армии. Что там творилось, какое было ликование, я мог представить уже по тому, как звучали эти доклады.

К середине дня фронта в Сталинграде уже больше не существовало.

С армейского НП позвонил Гуров:

— Николай Иванович, а не хватит тебе там сидеть? Перебирайся-ка к нам. Командующий ждет!

На наблюдательном пункте я застал Пожарского, Вайнруба, Ткаченко, чуть ли не всех комдивов. Все поздравляли друг друга. И уже отдавались распоряжения о первоочередных работах по разминированию, об организации в городе комендантской службы, об учете трофеев, о том, куда вести пленных...

Здесь же я составил и подписал вместе с Чуйковым и Гуровым боевое донесение № 32 командующему Дон-

ским фронтом. Оно начиналось так: «Войска 62-й армии к 14.00 2 февраля 1943 г. полностью выполнили свою боевую задачу...»

Несколько часов спустя московское радио передало специальное сообщение Совинформбюро о том, что войска Донского фронта закончили ликвидацию немецко-фашистских войск, окруженных в районе Сталинграда.

Минуло еще двое суток, и в центре города, на площади Павших борцов, собрался многолюдный митинг.

Там, где недавно все перекрывалось многослойным огнем, где человеку немыслимо было остаться живым, простояв на открытом месте полминуты, алели под солнцем яркого морозного дня флаги и транспаранты, гремели оркестры. С развернутыми знаменами выходили на площадь соединения 62-й армии и другие войска Донского фронта.

Появились и люди в гражданской одежде. И не так уж мало! Прибыли жители самого южного из городских районов — Кировского. Там, в полосе обороны 64-й армии, оставались на своих местах райком партии и райисполком, не переставали работать некоторые предприятия, а теперь начинались занятия в одной школе. Железнодорожники, восстановив на скорую руку несколько километров пути, привели на товарную станцию первый состав. Порядочно сталинградцев успело за эти два дня вернуться из-за Волги. Люди шли по льду, таща саночки с нехитрым скарбом и с непременной почти у каждого железной печуркой — обогревать подвал, где придется жить. На правом берегу находились уже не только городские руководители, но и директора главных заводов.

Предгорисполкома Д. М. Пигалев — с обветренным лицом, в перетянутом ремнем солдатском полушубке и шапке-ушанке, похожий на поднявшегося из траншеи бойца — предоставил первое слово нашему командарму.

Василий Иванович говорит взволнованно, горячо:

— Мы получили приказ Родины отстоять Сталинград во что бы то ни стало, мы знали, что за Волгой для нас земли нет... И участь, постигшая фашистов в Сталинграде, постигнет всех гитлеровцев, посягнувших на советскую землю!

Выступают командарм 64-й М. С. Шумилов, командир 13-й гвардейской дивизии А. И. Родимцев, известный уже всей стране, первый секретарь Сталинградского обкома партии А. С. Чуянов...

Со мною рядом стоит начальник штаба 64-й армии Иван Андреевич Ласкин — наконец-то встретились! Первый раз вижу его в генеральской форме. И вообще впервые после Севастополя...

Еще никто из нас не мог полностью представить масштабы и результаты одержанной у Волги победы, представить в полной мере, чем явится для нашей Родины, для всего человечества переломный сталинградский рубеж Великой Отечественной войны — такое постигается не сразу. Но что война теперь пойдет — и уже пошла! — по-иному, было ясно всем.

Как только в Сталинграде смолкли последние выстрелы, мы сразу оказались в глубоком тылу. Линия основного фронта — того, который, пока существовал внутренний фронт окружения, именовался внешним, — удалилась от Волги уже на сотни километров. Красная Армия вытесняла фашистских захватчиков и с Кавказа.

Воцарившаяся тишина казалась противоестественной, нереальной, даже мешала спать. К ней надо было привыкать заново.

Конечно, тишина наступила для нас ненадолго. Впереди ждали новые бои и битвы. Но армии полагалось передохнуть, лучше вооружиться, принять большое пополнение, научить его тому, что знали и умели ветераны. Требовалось и осмыслить, трезво оценить собственный сталинградский опыт.

Штаб армии перевели за Волгу, на Ахтубу. Мы не мыслили попасть туда как отступающие, однако теперь никто не был против того, чтобы перебраться на время из блиндажей и землянок в нормальное человеческое жилье. Признаюсь — долго не мог наглядеться на простенький, совершенно невредимый домик с заснеженной крышей и уютно дымящейся трубой, с отсветами вечерней зари в оконцах.

Наши дивизии разместились в нескольких селах. Одна за другой они получали новые наименования. 138-я Краснознаменная стрелковая дивизия И. И. Людникова стала 70-й гвардейской, 45-я стрелковая В. П. Соколова — 74-й гвардейской, 95-я В. А. Горишного — 75-й гвардейской, 284-я Н. Ф. Батюка — 79-й гвардейской... Шесть дивизий и три бригады, сражавшиеся за Сталинград в со-

ставе 62-й армии, удостоились ордена Красного Знамени. Многие наши товарищи были повышены в званиях, все командиры дивизий произведены в генералы. Вручались боевые награды.

Приезжали представители управлений Наркомата обороны и Генштаба. Пришлось засесть за всякие отчеты. На правом берегу, в Сталинграде, я почти не бывал. А там развернулись — естественно, при участии наших войск — нелегкие работы, с которых начиналось возвращение города к мирной жизни: очищали улицы от обломков рухнувших зданий и разбитой техники, искали и обезвреживали мины, убирали трупы... (Пришлось захоронить 140 тысяч убитых неприятельских солдат и офицеров — вот в какую огромную могилу загнал Гитлер свое воинство, двинув его к Волге.)

Военным комендантом Сталинграда по-прежнему был майор Владимир Харитонович Демченко, и многое в организации этих работ легло на его плечи.

В армии — доукомплектование ее шло быстро — набирала темпы боевая подготовка. На исходе февраля в снежной степи под Сталинградом и над волжскими откосами вновь раздавались звуки боев, только теперь — учебных.

Пора наставала горячая, но мне все же разрешили съездить к семье. Увидеть жену, дочь и сыновей было несказанным счастьем. Ведь сколько месяцев, когда потерялся их след, никак не мог узнать — живы ли.

В апреле 62-я армия, выдвинутая уже на рубеж Северского Донца, была преобразована в 8-ю гвардейскую. И в сорок третьем году, и в сорок четвертом гвардейцы-сталинградцы действовали на направлениях главных стратегических ударов. Теперь уже — наших. А завершили войну, штурмуя Берлин.

Пройти от стен Сталинграда до стен Берлина—завидная на войне доля. Однако лично моя судьба сложилась иначе. Еще до того, как разгорелись летние сражения, я был вызван в Москву. Принял меня первый заместитель начальника Генерального штаба генерал армии Алексей Иннокентьевич Антонов. По тому, как повел он беседу, нетрудно было догадаться — собираются назначить с повышением. Но чего я не ожидал, так это того, что мне не просто объявят, что назначаюсь туда-то, как обычно делалось еще недавно, а спросят, какую должность я

предпочел бы: командующего армией или начальника штаба фронта. Причем с ответом Антонов не торопил, советовал подумать. За всем этим тоже чувствовалось, что настало иное время — иначе пошла война.

Долго раздумывать я все-таки не стал. Быть начальником штаба фронта, что и говорить, лестно. Генералов, занимавших такие посты, можно было перечесть по пальцам. Но я решил, что смогу принести больше пользы, оставшись в армейском звене. Против перевода со штабной работы на командную я не возражал.

В тот же день меня пригласили к А. И. Антонову еще раз.

— Верховный Главнокомандующий дал согласие на назначение вас командующим армией, — сообщил он. — Поздравляю!

Я был назначен в 21-ю армию, передававшуюся из резерва Ставки Западному фронту, а вскоре переведен в 5-ю. Она участвовала в освобождении Смоленщины, Белоруссии, Литвы, сражалась в Восточной Пруссии. После разгрома фашистской Германии мне, уже в звании генерал-полковника, довелось снова попасть в те края, где без малого четверть века назад я начинал свою службу девятнадцатилетним комбатом: наша 5-я армия перебрасывалась на Дальний Восток. Внеся свой вклад в победу над японскими милитаристами, она закончила боевые действия на полях Маньчжурии.

КУРГАН ВЕЧНОЙ СЛАВЫ

В октябре 1967 года, ровно через двадцать пять лет после тяжелых октябрьских дней сорок второго, когда защитникам Сталинграда было труднее всего выстоять, на земле, обильно политой их кровью, происходило большое торжество. При участии руководителей Коммунистической партии и Советского государства, в присутствии многих ветеранов гремевших здесь боев на Мамаевом кургане был открыт величественный мемориальный ансамбль в честь Сталинградской победы, в память ее героев.

Время давно уже определило место этой победы среди великих свершений всемирной истории. Сталинград стал олицетворением неодолимой силы советского народа и его армии, бессмертным символом непобедимости нашей социалистической Отчизны.

Все это успело прочно войти в сознание людей, в наши представления о прошлом и настоящем. И все равно я был охвачен глубоким волнением, когда слушал (к сожалению, издалека, по радио, ибо служебные обязанности главкома Ракетных войск не позволили мне быть в тот день в Волгограде) митинг на Мамаевом кургане, речь, произнесенную там Леонидом Ильичом Брежневым.

«Победа под Сталинградом, — говорил он, — была не просто победой, она была историческим подвигом. А подлинная мера всякого подвига может быть справедливо оценена лишь тогда, когда мы до конца представим себе — среди каких трудностей, в какой обстановке он был совершен».

Гитлеровская Германия бросила в Сталинградское сражение больше половины всех своих танковых и без малого две пятых всех пехотных частей, действовавших на

восточном фронте. Против наших войск, когда они начали контрнаступление, был сосредоточен миллион вражеских солдат...

Мне особенно запомнились слова о том, что подготавливало нашу победу у Волги и без чего ее не могло быть:

«...Для того, чтобы все это свершилось, армии, сражавшиеся в Сталинграде, должны были выдержать, вынести на себе неимоверную тяжесть многомесячных оборонительных боев за каждую пядь земли».

О боях, действительно неимоверно тяжелых, которые велись под Сталинградом и в самом городе со святой верой в нашу победу, когда до нее было еще далеко, мне прежде всего и хотелось рассказать в своих записках. И часто мучила мысль, что показываю лишь частицы изумительного массового подвига, свидетелем которого довелось быть, а охватить его весь — не в моих силах.

И снова подумалось об этом, когда весной 1970 года увидел Мамаев курган, преображенный монументальными сооружениями мемориала, увенчанный исполинской фигурой Родины-матери с мечом, поднятым под самые облака.

Сверкающий в небе меч над курганом я увидел еще с борта самолета, заходившего на посадку. Мы прилетели с моим адъютантом Николаем Афанасьевичем Домочкиным. Военный комендант города, обеспечивший нас машиной, дал слово никому обо мне не докладывать. Я мог провести в Волгограде считанные часы и хотел навестить памятные по грозной године места, никого не отрывая от дел. Памятные, но уже с трудом узнаваемые... Город весь преобразился. Разросшийся центр слился воедино с заводскими поселками — они застроились такими же многоэтажными домами. Широко раскинулись новые бульвары, почти исчезли знаменитые овраги. Исчезли и последние руины. «Дом Павлова» — обыкновенный жилой дом, чистенький, аккуратный. Только старый особнячок над Волгой, где помещался КП Людникова, так и стоит с проломами в стенах, с повисшим пролетом лестницы, обнесенный, как боевая реликвия, оградой. А в центре оставили искореженную снарядами и бомбами краснокирпичную громаду паровой мельницы — наш опорный пункт на левом фланге обороны и незаменимый передовой НП, где дневал и ночевал Родимцев.

На улицах, ведущих к набережным, там и сям видны строгие квадратные башенки с миниатюрными изображениями танков наверху. Цепью этих башенок обозначено, где проходил по городу наш передний край в самое трудное время, когда плацдарм 62-й армии сжался до последнего предела. И от многих башенок дойдешь до Волги гораздо раньше, чем отмеришь тысячу шагов...

Вспомнилось, как сразу после окончания боев в городе я пролетал тут на связном самолетике в Бекетовку, в штаб соседей. С птичьего полета сталинградские руины выглядели еще более жутко. И я, глядя на них как бы со стороны, невольно спрашивал себя: можно ли поверить, что под бешеным огнем, сокрушавшим камни, живые люди месяцами держались на этой узенькой полоске волжского берега? Какие же это должны были быть люди?

Тому, как выстояли защитники Сталинграда, посвящена вся эта книга. А на вопрос, какие люди могли тут выстоять, есть исчерпывающий, мне кажется, ответ, который я всегда давал и даю самому себе.

Даже тогда, когда мы подолгу не получали крупных пополнений и наши дивизии и полки особенно редели от потерь, в армии было много коммунистов. Да, их часто первыми сражали пули и осколки, потому что они первыми поднимались навстречу врагу, и все равно их не убывало: на смену павшим появлялись новые. В октябре — ноябре, в эти самые тяжелые, все решившие месяцы, в Сталинграде было вручено без малого пять тысяч партийных билетов. Коммунисты — бойцы и командиры — были не только носителями, но и творцами того высокого духа мужества и отваги, который господствовал в армии.

Вот где ключ к пониманию того, как сталинградцы выстояли. И как, выстояв, смогли без передышки, не дожидаясь подкреплений, наступать.

...На проспекте Ленина, у подножия Мамаева кургана, выходим из машины. Отсюда начинается широкая — сама как проспект — некрутая лестница. Она ведет к далекой еще вершине, куда поднимались, бывало, по извилистому оврагу, по соединенным с ним траншеям. И на всем протяжении лестницы — люди. Поодиночке и группами, старые и молодые, многие с букетами первых апрельских цветов, идут они медленно и безмолвно вверх по каменным ступеням.

Сняв фуражки, идем и мы с Домочкиным в общем людском потоке. И с каждым шагом память оживляет, выхватывает из прошлого то одно, то другое. Выхватывает большое и совсем незначительное, трагическое и светлое: памяти не прикажешь.

Где-то вон там, в стороне от нынешнего парадного входа на курган, находился блиндаж армейского КП, памятный началом боев на ближних подступах к городу и первой встречей с прибывшим из-за Волги Василием Ивановичем Чуйковым. А, должно быть, в той вот лощинке ниже по склону, покрытой, как и тогда, густым кустарником, мой заботливый ординарец Володя Ковтун собирал дикие груши, чтобы угостить меня сваренным на костре «фруктовым супом»...

Пытаюсь отыскать глазами по всплывающим в памяти приметам места наших наблюдательных пунктов. Они были на «плечах» кургана, боковых его выступах, оставшихся такими же, как прежде. Но вот на самой вершине, за которую, сменяя друг друга, упорно дрались и гвардейцы Родимцева, и бойцы из дивизий Ермолкина и Горишного, и дольше всех — сибиряки Батюка, все так изменилось, что не сразу угадаешь, где были характерные «верблюжьи горбы». Вершина выровнена и стала заметно выше.

Каменная лестница прерывается аллеей пирамидальных тополей. Проходим площадку, где огромные скульптуры запечатлели людей-великанов (а сталинградцы и были по сути своей великанами!) в мгновения напряженнейшей, смертельной борьбы. Затем нас обступают стены-руины, словно поднявшиеся на курган со сталинградских улиц, какими они были в разгар боев. Это не безжизненные, не опустевшие руины — из камня повсюду выступают человеческие фигуры и лица. Высеченные рядом слова звучат как их голоса.

«Я — из 62-й» — и этим уже все сказано.

«Граната вперед, а ты за ней!» — это из памятки бойцам штурмовых групп, которую все знали наизусть.

«Из всех оправдывающих причин будет признаваться уважительной только одна — смерть» — это из резолюции комсомольского собрания перед боем.

«За Волгой для нас земли нет!» — крылатые слова, выразившие предельно ясно общую решимость выстоять...

Из невидимых, где-то скрытых динамиков слышатся

боевые команды, лаконичные донесения, фразы из сводок Совинформбюро. Их перекрывают пулеметные очереди, гул орудийных залпов.

Мне кажется, что я слышу и песню. Ее нет на включенной сейчас пленке, но, пробужденная нахлынувшими воспоминаниями, она зазвучала в ушах сама собою:

Тучи над Волгой клубятся, бой от зари до зари,
Все мы теперь сталинградцы, все мы теперь волгари...

Неизвестно кем сложенная, она стала в Сталинграде любимой солдатской песней, и знали ее, наверное, все.

Ближе к вершине врос в землю Мамаева кургана суровый, похожий очертаниями на гигантский блиндаж Зал воинской славы. В центре его — трепетный факел Вечного огня, замершие бойцы почетного караула. А на стенах сверху донизу — имена павших в великой битве. Многие тысячи имен. Но и стены такого зала, конечно, не вместили всех.

Тихо льется скорбная музыка. К горлу, как ни крепись, подступает давящий комок. Старая женщина в темном платке становится на колени. Кому пришла она поклониться — мужу, сыну?.. И у многих-многих из тех, кто проходит здесь нескончаемой чередой, сейчас на устах дорогие имена близких.

Еще выше — святая святых кургана-памятника, братские могилы. Это над ними, охраняя их покой, стоит с мечом Родина-мать. Вдоль дорожки, опоясывающей новую, насыпную вершину кургана, выступают из свежей травы плиты с именами прославленных сталинградских героев.

Герой Советского Союза гвардии рядовой Петр Алексеевич Гончаров.

Сталевар завода «Красный Октябрь» Ольга Кузьминична Ковалева.

Герой Советского Союза гвардии генерал-майор Виктор Григорьевич Жолудев.

Герой Советского Союза гвардии генерал-лейтенант Степан Савельевич Гурьев.

Герой Советского Союза генерал-майор Леонтий Николаевич Гуртьев.

Генерал-майор Николай Филиппович Батюк...

Не все они покоятся здесь. Гуртьев пал при освобождении Орла, Гурьев — в бывшей Восточной Пруссии, а

ныне — Калининградской области, где его именем назван город. Но все они — сталинградцы и заслужили право на то, чтобы вечно сияли их имена на вершине кургана, который в дни, когда у Волги решалась судьба страны, кто-то назвал главной высотой России.

Война убивает людей по-разному. Гуртьева сразил осколок снаряда. Так же, в бою, погиб на Украине Камынин — будучи уже не заместителем начальника штаба армии, а командиром прославившейся в Сталинграде 39-й гвардейской дивизии, которую принял от Гурьева, ставшего командиром корпуса. А Батюк, остававшийся невредимым, когда сам водил солдат в контратаки, скоропостижно умер на своем посту. И вслед за ним, в том же сорок третьем году, — незабвенный Кузьма Акимович Гуров. Вскоре после войны безвременно скончался Николай Митрофанович Пожарский... Но и бесстрашный комдив, и член Военного совета, навсегда ставший для меня образцом большевистского комиссара, и главный наш артиллерист были смертельно ранены еще в Сталинграде, сделав здесь то, что превысило меру отпущенных человеку сил.

Долго стоял я на зеленеющей вешней травой вершине Мамаева кургана, вспоминая дорогих боевых товарищей — и мертвых, и живых. И заново радовался в душе за тех, кому посчастливилось дойти от Волги до Берлина или других победных рубежей. За нашего командарма Василия Ивановича Чуйкова, за доблестных сталинградских комдивов Людникова, Родимцева, Смехотворова, за лихого танкиста Вайнруба, за снайпера Зайцева, метко бившего фашистов и на немецкой земле, за самоотверженных моих помощников в армейском штабе Калякина, Велькина, Мережко... И еще за многих-многих, с кем познакомил читателей этой книги и о ком рассказать не смог.

Вспомнил и Александра Семикова, смелого и удачливого офицера связи, в которого как-то сразу очень поверил при первом знакомстве в Карповке и которого столько раз посылал, что называется, и в огонь и в воду, твердо зная — пока жив, не подведет.

Расставаясь в сорок третьем году с 8-й гвардейской армией, я попросил командарма Чуйкова послать капитана Семикова в Академию имени М. В. Фрунзе, на ускоренный курс, куда открывался тогда набор. Оттуда он вернулся в свою армию, подступавшую уже к границам

Германии, принял полк и отличился в боях у Одера. Полковник Александр Иванович Семиков закончил войну Героем Советского Союза. К этому надо добавить, что полк его — 227-й гвардейский — входил в 79-ю гвардейскую дивизию, бывшую 284-ю стрелковую, — дивизию покойного Батюка.

Я не в состоянии познакомить читателя с тем, как сложились после Сталинграда судьбы всех героев моих воспоминаний: для этого потребовалась бы новая книга. Но дальнейшая военная судьба рядового штабного офицера Семикова, его командирский рост характерны для многих, воевавших в Сталинграде. Ведь переломный сталинградский рубеж Великой Отечественной войны примечателен и тем, что выстоявшие на нем люди уже очень много знали о том, как добывается победа, и крепче, чем когда-либо прежде, верили: завоевать ее — нам под силу.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Об авторе и его книге	3
КП в Карповке	6
Между Доном и Волгой	28
Высота 102	63
Полем боя становится город	107
Сталинград отстоим!	137
Бастионы заводского района	177
Еще раз — кто кого?	202
Если выстоим теперь...	231
Последние рубежи	261
Праздник на нашей улице	293
Хоть на шаг, но вперед!	313
Развязка	340
Курган вечной славы	373

Крылов Н. И.

К85 Сталинградский рубеж. — 2-е изд.— М.: Воениздат, 1984. — 380 с., 6 л. ил. — (Военные мемуары).

В пер.: 1 р. 50 к.

Выдающийся советский военачальник Маршал Советского Союза Н. И. Крылов многие годы работал над циклом мемуаров о беспримерной обороне трех городов-героев — Одессы, Севастополя, Сталинграда. Будучи активнейшим участником исторических сражений под стенами этих городов, он считал своим долгом о них рассказать.

Эта книга завершает задуманный автором цикл. Она переносит нас в огненный Сталинград, в великую битву у Волги, где генерал-майор Крылов был начальником штаба легендарной 62-й армии.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

К $\frac{1304010000\text{-}029}{068(02)\text{-}84}$ 59-84

ББК63.3(2)722
9(С)27

Николай Иванович Крылов

СТАЛИНГРАДСКИЙ РУБЕЖ

Редактор *Л. М. Пантелеева*
Художественный редактор *В. В. Васильев*
Художник *В. А. Белкин*
Технический редактор *Н. Я. Богданова*
Корректор *Т. В. Жильцова*

ИБ № 2411

Сдано в набор 14.01.83. Подписано в печать 04.05.83.
Г-62681. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обыкн. нов.
Печать высокая. Печ. л. 12. Усл. печ. л. 20,16. + 2 вкл. — 3/8 печ. л. —
0,63 усл. печ. л. Усл. кр.-отт. 20,79. Уч.-изд. л. 21,27. Изд. № 3/9399.
Тираж 200000 экз. Зак. 245. Цена 1 р. 60 к.
(2-й завод 100001—200000 экз.)
Воениздат,
103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

В ВОЕННОМ ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ВЫШЛИ МЕМУАРЫ:

В. А. Андреев. Моря и годы.
Г. У. Дольников. Летит стальная эскадрилья.
Ф. М. Зинченко. Герои штурма рейхстага.
И. С. Калядин. За каждую пядь земли.
В. Д. Лавриненков. Возвращение в небо.
Ю. В. Ладинский. Военная вахта.
К. А. Мерецков. На службе народу.
Е. А. Мухина. Восемь сантиметров.
И. П. Рослый. Последний привал — в Берлине.
А. А. Тимофеева-Егорова. Держись, сестренка!
А. Ф. Хренов. Мосты к победе.
Н. М. Харламов. Трудная миссия.
Б. М. Шапошников. Воспоминания. Военно-научные труды.
В. И. Чуйков. Миссия в Китае.

ГОТОВЯТСЯ К ВЫПУСКУ ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ:

А. М. Андреев. От первого мгновенья до последнего.
И. Х. Баграмян. Великого народа сыновья.
А. М. Василевский. Дело всей жизни.
С. Н. Гречко. Решения принимаются на земле.
В. В. Григорьев. И корабли штурмовали Берлин.
В. С. Ефремов. Эскадрильи летят за горизонт.
Е. Ф. Ивановский. Атаку начинали танкисты.
В. В. Микоша. Рядом с солдатом.
П. А. Ротмистров. Стальная гвардия.
Сборник воспоминаний «На земле, в небесах и на море».
Н. Д. Салтыков. Докладываю в Генеральный штаб.
Х. Л. Харазия. Дорогами мужества.